ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1957

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

ЛЕНИН В. И. **Об единстве партии.** Выступления на X съезде РКП(б). М. Госполитиздат. 1957. 78 стр. 100 000 экз. 90 коп.

В. И. Ленин об единстве партии. М. Госполитиздат. 1957. 451 стр. 100 000 экз. 7 руб.

АЛЕКСЕЕВ Г. Д. **Страницы прошлого.** (По рассказам старых большевиков г. Верхнего Уфалея). Челябинск. Кн. изд-во. 1957. 40 стр. 1 000 экз. 40 коп. О борьбе большевистской организации и рабочих Верхнего Уфалея во время революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции.

ВАСИЛЕНКО К. С. **Распространение марксизма в России.** Группа «Освобождение труда». Первые марксистские кружки. (Из курса лекций по истории КПСС). М. Изд-во Моск. ун-та. 1957. 42 стр. 5 000 экз. 1 р. 40 к.

В годы гражданской войны. Иваново-вознесенские большевики в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов и материалов. Сост. М. Д. Абрамов и др. (Предисловие Ф. Г. Паначина). Иваново. Кн. изд-во. 1957. 251 стр. 5 000 экз. 3 р. 55 к.

За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губ. (март 1917 — июнь 1918 гг.). Красноярск. Кн. изд-во. 1957. 332 стр. 5 000 экз. 5 р. 80 к.

ЗЛОБИН В. И. **XVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.** (Из курса лекций по истории КПСС). М. Изд-во Моск. ун-та. 1957. 43 стр. 17 000 экз. 1 р. 40 к.

СЛУЦКИЙ А. Б. **Третий съезд КП(б)У.** Киев. Госполитиздат УССР. 1957. 92 стр. (Съезды и конференции КП Украины). 20 000 экз. 1 р. 15 к. На украинском языке.

БАБИЙ Б. М. **В. И. Ленин и строительство Украинского Советского государства.** Киев. Изд-во Акад. наук УССР. 1957. 71 стр. 20 000 экз. 85 коп. На украинском языке.

БЕЛИКОВА Л. **Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Приморье (1917—1918 гг.).** Владивосток. Примор. кн. изд-во. 1957. 152 стр. 5 000 экз. 3 р. 40 к.

ГОНЧАРОВ Н. В. **Фрунзе в нашем крае.** Владимир. Кн. изд-во. 1957. 131 стр. 3 000 экз. 2 руб. О деятельности М. В. Фрунзе в годы борьбы за победу и упрочение Советской власти во Владимирской губернии (1917—1918).

МАСЛОВ И. И. **Борьба КПСС против антиленинских группировок, за построение социализма в СССР (1925—1927 гг.).** Лекция. М. «Знание». 1957. 48 стр. 115 000 экз. 60 коп.

РУДЕВИЦ А. **Крах меньшевизма в Латвии (1903—1944).** Рига. Латгосиздат. 1957. 143 стр. 5 000 экз. 1 р. 40 к. На латышском языке.

МАТЮШКИН Н. И. **Интернационализм — наше знамя.** М. «Московский рабочий». 1957. 156 стр. 22 000 экз. 1 р. 90 к.

АНДЕРСОН А. и ЗНОТЫНЬ Я. **Революция 1905—1907 годов в Талсинском крае.** Рига. Латгосиздат. 1957. 66 стр. 3 000 экз. 60 коп. На латышском языке.

ГОНЧАРОВА А. и ХАМЦОВ А. **Стены и башни Кремля.** М. «Московский рабочий». 1957. 67 стр. 25 000 экз. 1 р. 50 к.

ШУЛЬПИН П. **Под знаменем Октября.** Борьба за Советскую власть в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии. Горький. Кн. изд-во. 1957. 159 стр. 5 000 экз. 2 р. 90 к.

ЩЕРБАКОВ Д. А. **Калужанин-двинец Е. Н. Сапунов.** Калуга. «Знамя». 1957. 36 стр. 3 000 экз. 50 коп.

Этих дней не смолкнет слава... Воспоминания участников партизанского движения в Красноярском крае. Красноярск. Кн. изд-во. 1957. 108 стр. 15 000 экз. 1 р. 10 к.

КОГАН Л. **Октябрьская революция и развитие творческой инициативы масс.** Свердловск. Кн. изд-во. 1957. 93 стр. 4 000 экз. 1 р. 15 к.

БАЕВСКИЙ Д. А. **Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны.** М. Изд-во Акад. наук СССР. 1957. 447 стр. 4 000 экз. 15 руб.

Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917—1920 гг.). Документы и материалы. (Сост. Е. А. Кияницкая и Е. П. Кричина.) Орджоникидзе. Сев.-Осет. кн. изд-во. 1957. 357 стр. 1 000 экз. 6 руб.

ДРАУДИНЬ Т. **Безземельные (крестьяне) Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917 году.** Под ред. К. Страздиня. Рига. Изд-во Акад. наук Латв. ССР. 1957. 171 стр. 1 500 экз. 7 р. 60 к. На латышском языке.

ДЫКОВ И. **Хроника событий в Бессарабии. (Март 1917 г.— янв. 1918 г.)** Под ред. Н. А. Мохова. Кишинев. Госиздат Молдавии. 1957. 136 стр. 3 000 экз. 1 р. 30 к.

ЕФРЕМЦЕВ Г. **Победа Советов в Коломне.** М. «Моск. рабочий». 1957. 150 стр. 7 000 экз. 1 р. 70 к.

КУДИНОВ С. И. **Этого не забудешь.** Воспоминания. Ростов н/Д. Кн. изд-во. 1957. 103 стр. 3 000 экз. 2 руб.

НИКИТИН Н. и СКОРОХОДОВ М. **В огне трех революций.** Архангельск. Кн. изд-во. 1957. 28 стр. 5 000 экз. 30 коп.

ПЕРВАК Н. **Октябрьские дни в Донбассе.** (Рабочие Донбасса в борьбе за становление Советской власти на Украине.) Сталино. Обл. изд-во. 1957. 59 стр. 5 000 экз. 60 коп. На украинском языке.

СТЕПАНОВ И. В. **Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина (1670—1671 гг.).** М. Госполитиздат. 1957. 80 стр. 50 000 экз. 1 р. 10 к.

ДЖИДЖИЕШВИЛИ М. **Борьба за Советскую власть в Аджарии (1917—1921 гг.).** Батуми. Госиздат Аджарск. АССР. 1957. 167 стр. 2 000 экз. 5 руб. На грузинском языке.

ДОВАТУР А. **Повествовательный и научный стиль Геродота.** Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1957. 201 стр. 2 300 экз. 8 р. 90 к.

КУКЛЕВ П. Е. и ЗЫКИН В. Г. **Октябрьская революция в Коми крае.** Сыктывкар. Коми кн. изд-во. 1957. 116 стр. 2 000 экз. 3 р. 80 к.

МАТВЕЕВ-БОДРЫЙ Н. Н. **Михаил Сергеевич Мандриков.** Воспоминания о председателе первого Ревкома Чукотки. (Предисл. С. Маркова.) Магадан. Кн. изд-во. 1957. 72 стр. 2 000 экз. 75 коп.

1917 год в Латвии. Воспоминания участников революции. (Сборник.) Рига. Латгосиздат. 1957. 371 стр. 5 000 экз. 6 р. 20 к. На латышском языке.

Штурм Зимнего. Воспоминания. (Предисл. И. Кремлева.) М. «Молодая гвардия». 1957. 55 стр. 100 000 экз. 45 коп.

Развитие тактики русской армии. XVIII в.— начало XX в. М. Воениздат. 1957. 331 стр. 12 р. 30 к.

ТЮЛЬПАНОВ С. И. **Ленинская теория империализма и современный капитализм.** Л. 1957. 56 стр. 13 300 экз. 1 р. 5 к.

Всеобщая история

ТАРЛЕ Е. В. **Жерминаль и прериаль.** 3-е изд. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1957. 358 стр. 20 000 экз. 6 р. 80 к.

ТИМОФЕЕВ Т. **Негры США в борьбе за свободу.** Негритянское движение в Соединенных Штатах Америки после второй мировой войны. М. Госполитиздат. 1957. 180 стр. 20 000 экз. 2 р. 20 к.

ШИРОЯН С. **Великий арабский поэт и мыслитель Абу-ль-Аля аль Маари.** (К 900-летию со дня смерти.) М. «Знание». 1957. 32 стр. 92 500 экз. 60 коп.

МАРТЫНОВ А. А. **Славная Народно-освободительная армия Китая.** М. Воениздат. 1957. 158 стр 3 р. 75 к.

ТАГИЕВА Ш. и БАГИРОВ Ю. **Влияние Октябрьской революции на национально-освободительное движение в Иране и в Турции.** Баку. Азернешр. 1957. 63 стр. 2 000 экз. 75 коп. На азербайджанском языке.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1957 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Д. И. Гразкин — Революционная работа в XII армии накануне Октября (1916—1917 гг.) 3

З. А. Аминев (Уфа) — Борьба за установление Советской власти в Башкирии 17

Академик А. И. Тюменев (Ленинград) — Передний Восток и античность (страны речных культур (Двуречье и Египет) в эллинистическую и римскую эпохи) 37

Я. И. Линков — Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права 57

М. Ф. Лебович (Львов) — Борьба внутренней и иностранной контрреволюции против венгерского народа в 1919 году 71

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. Лейббранд (ГДР) — К дискуссии о характере Ноябрьской революции 91

А. Шрайнер (ГДР) — О некоторых вопросах Ноябрьской революции 1918—1919 годов в Германии 97

СООБЩЕНИЯ

П. В. Волобуев и **В. З. Дробижев** — Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР . . 107

А. В. Конокотин (Иваново) — Борьба крестьян за самоуправление и коммуну на севере Франции в XII—XIV веках 123

ИСТОРИОГРАФИЯ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

А. Е. Кунина — Так называемый «Дневник Миллера» как исторический источник 140

З. Н. Маслова, Г. А. Нерсесов, А. М. Сахаров — О журнале «Преподавание истории в школе» 152

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Г. П. Башарин (Якутск) — В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.) 159

В. К. Габуния — Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти 165

Всеобщая история

А. Я. Манусевич — Юлиан Ленский. О народном фронте в Польше . 170

В. Ф. Васильев — Д-р Маунг Маунг. Бирма в семье наций 176

К. Л. Майданик — Д. Кэтел. Коммунизм и испанская гражданская война 182

В. А. Жебокрицкий (Киев) — Болгарский патриарх Кирилл. Сопротивление против Берлинского договора. Кресненское восстание 192

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма) 195

Хроникальные заметки 212

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Г. Альтман (Польша) — К вопросу о состоянии изучения новейшей истории Польши (1917—1944) 214

Действительный член АН Венгрии Э. Молнар — Историки Венгрии к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . 220

Хроникальные заметки 221

СТАТЬИ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА В XII АРМИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ (1916—1917 гг.)

(ВОСПОМИНАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ)

Д. И. Гразкин

Наша партия являлась единственной политической партией, решительно осудившей первую мировую войну и вскрывшей ее империалистический характер. Мы, большевики, не только на словах были против империалистической войны, но и на деле выступали против нее — в тылу или на фронте, — в зависимости от того, куда забрасывала нас судьба.

В армии я оказался случайно. Летом 1915 г. меня во время облавы на дезертиров арестовали в Ревеле, где я тогда нелегально проживал под фамилией Мылов. По дороге к коменданту города мне удалось бежать. В Петрограде я вскоре попал под усиленную слежку и уехал в родную деревню. В деревне меня и призвали в армию. Я очутился на Северном фронте в 436-м Новоладожском полку 109-й пехотной дивизии 43-го армейского корпуса XII армии.

Прежде всего я подумал о том, что надо начать политическую пропаганду среди солдат. Меня, естественно, интересовал вопрос: есть здесь еще социал-демократы? Если есть, то как их найти? Ведь вокруг себя я видел сплошь вчерашних крестьян, в политическом отношении весьма отсталых, покорных офицерам. Эх, думалось мне, листовку бы выпустить! Но для этого требовалась организация, пусть самая немногочисленная.

Однажды в середине лета нас, вновь прибывших, вызвали в канцелярию полка для уточнения документов и выдачи личного номера. Когда мы всей гурьбой ввалились в канцелярию, один из писарей сказал:

— Ну, вы, серая скотинка, не все сразу, по одному входите!

Когда подошла моя очередь, я, обращаясь к писарю, нарочито подчеркнуто сказал:

— Серая скотинка Гразкин прибыл в ваше распоряжение.

Писарь вздрогнул, в упор уставился на меня, а затем с легкой иронией произнес:

— Извиняюсь, защитник отечества!

Я в тон ему добавил:

—...веры, царя и престола!

Старший писарь, заметив, что мы о чем-то говорим, сердито прикрикнул:

— Васильев, что ты там с ним торгуешься?

— Да вот недотепа попал,— ответил Васильев...— Фамилию свою толком назвать не может.— И как-то лукаво и в то же время доверительно подмигнул мне.

Случайный разговор с писарем не выходил у меня из головы. Я хотел во что бы то ни стало еще раз встретиться с Васильевым. Но как? Вскоре нашу роту повели в баню. Она была расположена недалеко от штаба полка. Я сказал отделенному, что мне надо забежать в канцелярию, так как там, кажется, неправильно записали мое место рождения. Он разре-

шил. К счастью, старшего писаря в канцелярии не было. Васильев, увидев меня, показал глазами на дверь. Мы отошли с ним в сторонку за какой-то сарай, и он мне с ходу задал вопрос: «Политик?» Я молчал. Тогда он добавил: «Я социал-демократ». «А здесь есть еще социал-демократы?» — спросил я. Он с недоверием посмотрел на меня: «А тебе зачем?». «Я тоже социал-демократ». Васильев подчеркнуто сказал: «Я социал-демократ — большевик». С большой радостью я подал ему руку и, крепко пожав ее, воскликнул: «Ну, что же, будем знакомы, товарищ!». И каждый из нас коротко рассказал о себе.

Через некоторое время я направился в канцелярию полка по вызову Васильева, которого встретил в небольшом лесочке около дороги. Вместе с ним был бледный, сухощавый прапорщик Сиверс, работавший до мобилизации в Петрограде конторщиком на заводе медицинских инструментов. Из разговора выяснилось, что с партией он не был связан, но с политической литературой до некоторой степени знаком. Будучи революционно настроенным, Сиверс согласился с нами, что среди солдат необходима политическая работа. Мы обменялись мнениями и решили наладить выпуск листовок. Бумагу мог достать Васильев. А вот каким образом печатать листовки? Это была игра с огнем. Но Васильев взялся за дело. Политическую информацию мы уговорились добывать из буржуазных газет и официальных военных сводок, обрабатывая ее, конечно, с большевистских позиций. Писать листовки нужно было от руки, печатными буквами, чтобы автора нельзя было узнать по почерку. Так была организована большевистская партийная группа в составе Васильева, Сиверса и Гразкина. Надо полагать, что, помимо нее, в XII армии существовали и другие группы большевиков. Уже много позднее, после революции, мне в руки попал интересный документ от 9 сентября 1916 г.[1], в котором командующий армией сообщал командующему фронтом о раскрытии двух организаций, ставивших целью распространять противоправительственную и антимилитаристскую пропаганду в войсках.

В декабре 1916 г. командование наметило наступление на Митавском направлении. Стояли сильные морозы. Когда русские части пошли в наступление, немцы их расстреливали прицельным огнем. Немало солдат погибло от пуль, еще больше замерзло, много было раненых и обмороженных.

В то время из-за вторичного приступа цинги я попал в дивизионный лазарет в Кемери. Вскоре он оказался переполненным ранеными и особенно обмороженными. Бездарность и преступность царского генералитета, не жалевшего солдатских жизней, породили среди этих людей настроения недовольства. Пьяные оргии офицеров в соседнем госпитале еще больше усиливали такие настроения.

Я старался на наглядных примерах разъяснить солдатам гибельность политики господствующих классов и царизма. Особенно ко мне прислушивались три солдата. Один был из 433-го Новгородского полка, поляк, до войны пепеэсовец (фамилию не помню). Второй — солдат Слинько из 434-го Череповецкого полка — жадно впитывал все, что я говорил (в октябрьские дни 1917 г. он от нас отошел). Третий был из 435-го Ямбургского полка (к сожалению, фамилию его тоже забыл). Честный, искренний парень, он живо воспринимал мою агитацию. В 1919 г. я его встретил уже председателем сельскохозяйственной коммуны близ Старой Руссы. С этими тремя солдатами я ходил в их полки, там они меня знакомили с другими солдатами, недовольными войной. Таким путем мне удалось создать очень маленькие большевистские группы: из двух человек в Новгородском полку, по три человека — в Череповецком и Ямбургском.

Начиная с лета и до конца 1916 года мы в полку выпустили три короткие листовки информационного характера. Сочиняли их втроем — Ва-

[1] Все даты даются по старому стилю.

сильев, Сиверс, я, переписывал их от руки солдат команды связи Иванов. Затем Васильев размножал их на гектографе в канцелярии полка. Листовки обычно кончались призывом: «Долой царя! Долой войну! Да здравствует Учредительное собрание!».

В октябре 1916 г. я, случайно оказавшись в Риге, связался с тамошними большевиками, в частности с тов. Петерсоном. В середине января 1917 г. я снова был в Риге (меня вызвали туда через одного солдата). Там на конспиративной квартире я с помощью тов. Петерсона встретился с тов. Янбергом (впоследствии зам. председателя Рижского комитета партии). Он обрисовал положение в Петербурге, рассказал о нарастающем революционном движении пролетариата. Надо, говорил Янберг, разъяснять массам антинародную сущность политики господствующих классов и звать их революционным путем свергнуть царя, взять власть и землю, покончить с войной.

После моего возвращения из Риги мы созвали собрание партийной группы полка. Присутствовало — и это уже было много — восемь человек: Васильев, Сиверс, Гразкин, Иванов, Рогозин, Кириллов, Новожилов, фамилию восьмого забыл (в советское время встречал только троих — Сиверса, Васильева, Кириллова). Мы решили выпустить листовку. Содержание ее сводилось приблизительно к следующему: правительства навязали народам кровавую бойню в грабительских целях, она ведет Россию к гибели. Господствующие классы мечутся в поисках выхода. У народа же один выход — свергнуть царя, взять власть и землю в свои руки и кончить войну.

Несколько групп (по два — три человека) революционно настроенных солдат были к этому времени созданы теми товарищами, среди которых я вел политическую агитацию в дивизионном лазарете. Сиверсу как офицеру, мне в качестве его вестового удавалось беспрепятственно проникать в роты, встречаться и разговаривать с нужными нам людьми. Результаты активизации нашей работы не замедлили сказаться. В архивах сохранилось письмо командующего Северным фронтом генерала Рузского, который 29 января 1917 г. писал командующему XII армией Радко-Дмитриеву: «...во многих частях XII армии, к сожалению, идет довольно широкая подпольная работа по внедрению в войсках нежелательных взглядов на войну» [2].

События нарастали стремительно. Наша группа была уже связана с Ригой, и мы стали чаще получать оттуда сведения о революционных событиях в Петрограде в январе — феврале 1917 года. Эту информацию мы немедленно передавали в полковые группы, а те — солдатам. Многих из них охватило революционное возбуждение, и они стремились к активным действиям. Такое настроение солдат не могло укрыться от ока военного начальства. В донесении разведывательного отделения штаба армии от 19 февраля 1917 г. говорилось: «В 434 пехотном Череповецком полку солдаты открыто выражают недовольство затянувшейся войной, угрожая с оружием в руках примкнуть к восстанию. Аналогичное настроение солдат по агентурным сведениям наблюдается и в 436 пехотном Новоладожском полку» [3].

Ночью 28 февраля из Питера приехал Сиверс и сообщил, что в Питере революция, город охвачен всеобщей забастовкой, войска присоединяются к рабочим, идут выборы Петербургского Совета. Он привез с собой манифест ЦК партии.

Легко представить себе наше ликование. Еле дождались утра 1 марта. Собрали партийную группу полка, информировали ее о положении в столице и через час организовали полковой митинг — первый революционный митинг. Мы взволнованно рассказывали солдатам о революцион-

---

[2] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2424, оп. 1, д. 432, л. 829.

[3] Там же, ф. 2152, оп. 3, д. 564, л. 980.

ных событиях в Петербурге и о манифесте ЦК партии. На митинге было решено во всех ротах создать революционные комитеты и революционный комитет полка. После митинга Сиверс, Васильев и я поехали по другим полкам, созывали там совещания и проводили решения о создании ротных и полковых революционных комитетов. Вечером по телеграфу пришел приказ № 1 Петроградского Совета об образовании солдатских комитетов. Мы тотчас же созвали дивизионное партийное собрание, на котором подробно обсудили, какие меры надо нам осуществить. Собрание избрало меня председателем дивизионного комитета большевиков. Второго марта мы провели выборы солдатских комитетов во всех частях 109-й пехотной дивизии. Я стал председателем и полкового и дивизионного комитетов солдатских депутатов, но систематически работать в них не приходилось, так как я разъезжал по фронту и выступал на митингах в разных частях.

Девятого марта меньшевики и эсеры, договорившись с командованием, но скрывая это от большевиков, скоропалительно собрали в Рижском театре совещание представителей штабных и тыловых частей армии и объявили его всеармейским совещанием. На нем же был сформирован и Исполнительный комитет солдатских депутатов XII армии (Искосол). О совещании мы узнали случайно. Я поспешил туда и выступил с решительным протестом против жульнической узурпации оборонцев. От имени дивизии я заявил, что мы самозванного Искосола не признаем и будем бороться за создание подлинно всеармейской организации, выбранной демократическим путем.

Мы, большевики, понимали, насколько важно разъяснить солдатам не только, как им организовываться, но и, главное, для чего организовываться. В этих целях на общем собрании Новоладожского полка была по нашему предложению 14 марта 1917 г. принята «Основная программа». Пункты 4—12-й этой программы были взяты из программы-минимум РСДРП, остальные пункты были подсказаны текущим моментом. Например, пункт 13-й гласил: «Считаем Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в настоящее время защитником народных интересов, будем поддерживать его всеми имеющимися средствами» [4]. Сейчас этот пункт может вызвать недоумение. Совет был в руках социал-соглашателей, а большевистски настроенный полк принимает решение его поддерживать. На самом же деле мы этим решением поддерживали не соглашательское руководство Совета, а Советы как органы революционной власти. Мы полагали, что надо всей массой нажимать на Советы, толкать их к революционным действиям, к взятию всей полноты власти.

Реакционное командование было готово ежесекундно всадить нож в спину революции, а потому пункт 3-й программы требовал «контроля над операционной частью штабов солдатскими исполнительными комитетами». Было в нашей программе и следующее требование: «Теперь же приступить к мирным переговорам между всеми воюющими странами».

Однако не все пункты программы были четкими и большевистски выдержанными. Например, формулировка 14-го пункта: «считаем нужным и необходимым контроль Совета рабочих и солдатских депутатов над Временным правительством с целью доведения революции до конца» — отражала оппортунистическую позицию Каменева. В первоначальном варианте проекта программы этого пункта не было. Вместо этой формулировки мы, как помнится, писали, что считаем необходимым — с целью доведения революции до конца — создание правительства, выбранного Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, подчиненного и подконтрольного Советам в лице Всероссийского Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, батрацких и крестьянских депутатов. Но в момент обсуждения проекта на митинге полка из Петрограда приехал Васильев. В Питере он встречался со Шляпниковым и Каменевым.

---

[4] «Окопная правда», № 1, 30 апреля 1917 года.

Последний-то и навязал ему мысль «об активной обороне» и «контроле Советов над Временным правительством», и Васильев внес эти формулировки в проект программы. Вначале мы с Сиверсом возражали, но он сказал нам, что это точка зрения Бюро ЦК; мы растерялись и уже больше не настаивали на своем.

Тем не менее благодаря ряду своих революционных требований программа получила громадную популярность. Впоследствии к ней присоединилась 21-я воинская часть. 21 марта программа была опубликована в «Правде», а 22 и 23 марта дважды в «Известиях» Петроградского Совета. Противоречивость некоторых пунктов программы ввела в заблуждение оборонцев из Искосола. Они вначале не увидели ее революционной сущности, но потом спохватились и послали своему председателю, находившемуся в то время в Петрограде, телеграмму, в которой говорилось: «...необходимо путем заявлений от редакции «Известий» лишить программу дивизии авторитетности. С дивизией много хлопот»[5].

Действительно, 109-я пехотная дивизия, особенно Новоладожский полк, как большевистски настроенные, занимали особое положение в армии. Влияние нашей славной дивизии на другие части армии ополчило против нас армейский синедрион. В нем были довольно крупные силы: члены ЦК меньшевиков Дюбуа и Кучин, член ЦК эсеров Лихач, много интеллигенции. У нас же интеллигенции почти не было. Васильев и я были рабочими, Сиверс — конторщик; мы с Васильевым, в прошлом подпольщики, имели кое-какой опыт массовой политической работы, Сиверс же начал партийную работу на фронте в 1916 году. Шел с нами Хаустов, но он был эсером-максималистом. Нам явно не хватало пропагандистов, агитаторов и организаторов, а взять их было негде. Мы знали, какую огромную роль сыграла в организации рабочих масс «Правда» 1912—1914 гг., и не удивительно, что с первых же дней революции страстно мечтали о своей большевистской газете в армии. Но создание газеты требовало средств, и не малых. Где их взять, к кому обратиться за помощью? К солдатам, решили мы.

Нам помог корпусной митинг, организованный командованием и искосольцами в Торенсберге с целью обработки солдат в оборонческом духе. Организаторы митинга постарались заполнить зал кинотеатра представителями штабных и тыловых частей корпуса. Для нашей дивизии не оказалось места даже вблизи кинотеатра. Из ведущей группы большевиков в тот день был в армии только я: Сиверс уехал в Питер, а Васильев — в Псков в надежде добыть деньги и бумагу для газеты. В начале митинга пришлось очень туго. Солдаты штабных частей, подогретые оборонцами, держались по отношению ко мне весьма недружелюбно. Но фронтовики меня активно поддерживали. Организаторы митинга предложили оборонческую резолюцию. Я к каждому пункту вносил большевистские поправки. Если мои поправки отвергались, то фронтовики кричали: «Неправильно! Переголосовать!» Некоторые пункты, особенно пункт о войне, переголосовывались раз по пять. Внесенная мною поправка о принятии немедленных мер к заключению мира, хотя бы и через голову буржуазных правительств, взбудоражила собравшихся. Раздавались громкие возгласы: «Правильно солдат говорит! Кончать войну! Долой!». Оборонцы и командование почувствовали себя неважно; не закончив обсуждение всей резолюции, они начали покидать собрание. Резолюция была принята с явно неприемлемыми для них поправками и не была опубликована Искосолом. Офицерские «Известия» напечатали... не резолюцию, а ее проект. Этот подлог еще сильнее толкал нас, большевиков, к созданию газеты. О ее необходимости я горячо говорил солдатам, окружившим меня после митинга. Фронтовики возмущенно говорили: «Что же это такое, товарищи! Золотопогонники опять верх берут, а солдаты, как бараны, сами на себя

---

[5] ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 4, л. 150.

петлю надевают!» Послышались голоса: «Надо разъяснять солдатам правду. Митинги чаще устраивать». Кто-то крикнул: «Всю армию за один день не объедешь. Вот если бы наша солдатская газета была, тогда бы все это можно было напечатать». Тут, перебивая друг друга, многие заговорили о газете, и в этом удивительно ярко сказалось, как революция и завоеванные ею демократические свободы пробуждали сознание солдатской массы. Вчерашняя «серая скотинка» сегодня хотела газеты, которая просвещала бы солдатские массы, говорила правду, указывала правильный путь борьбы.

Это импровизированное собрание и постановило пойти по ротам собирать деньги на газету. Солдаты сами стали искать деньги для издания газеты. Выяснилось, что в полковых суммах имеются неизрасходованные так называемые порционные деньги, полагающиеся выбывшим из частей солдатам. Таких денег собралось что-то около семи тысяч рублей. Полковой комитет решил потребовать раздать эти деньги солдатам на руки, солдат же — просить отдать их на газету. Пришлось преодолеть немало трудностей и препятствий, прежде чем мы смогли добыть деньги и организовать издание газеты. Назвали мы ее «Окопная правда». Первый номер газеты вышел 30 апреля 1917 г. как орган Исполкома Новоладожского полка.

Это, быть может, первый случай в мировой печати, когда сама масса являлась организатором и издателем газеты. Больше того, сами солдаты ее набирали, печатали, редактировали, распространяли, и большинство статей и вообще материалов в «Окопной правде» было написано самими солдатами. «Правда» писала по этому поводу: «На фронте начала выходить «Окопная правда», орган инициативной группы солдат-демократов. Новая газета издается и обслуживается товарищами солдатами, и особенно приятно отметить, что по всем вопросам текущего момента (война, братание, коалиционное министерство) «Окопная правда» заняла ту позицию, на которой стоит «Правда» [6].

Для руководства газетой полковой комитет выделил редакционную коллегию в составе эсера-максималиста Хаустова, большевиков — Сиверса, Васильева и меня. Следует подчеркнуть, что Хаустов активно помогал нам наладить выпуск газеты. Но когда она стала выходить, он внес много путаницы в ее работу. По его вине первые два номера вышли с двумя лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «В борьбе обретешь ты право свое» [7].

С 1916 г. царское правительство стало брать в армию также «политически неблагонадежных» и политических ссыльных. С выходом «Окопной правды» такие товарищи стали заходить в редакцию. Беспартийные солдаты тоже потянулись к большевикам. Это позволило нам в начале мая образовать инициативную группу социал-демократов. В бюро группы вошли Васильев, Сиверс, я и другие.

Организационно большевики XII армии должны были входить в русскую секцию Рижской социал-демократической организации. На первых порах секция находилась в руках меньшевиков, с чем мы не хотели и не могли примириться. 4 мая 1917 г. мы, основательно подготовившись, пошли на собрание секции. К этому времени Рижский комитет социал-демократов стал твердо на большевистские позиции. Он поставил на собрании секции доклад об Апрельской большевистской конференции. Большинство собравшихся голосовало за резолюцию, составленную в духе Апрельской конференции РСДРП(б). Тогда меньшевики вышли из секции, что очень способствовало активизации нашей работы в армии. С 17 мая «Окопная правда» (в тот день вышел седьмой номер газеты) стала орга-

---

[6] «Правда», № 59, 17 мая 1917 года.

[7] Об этом я подробно писал в брошюре «Окопная правда» (см. стр. 7—12).

ном военной организации при русской секции Рижского комитета Социал-демократии Латышского края.

Неотложная задача, ставшая перед нами в тот момент, заключалась в необходимости создать партийные организации во всех воинских частях. С этой целью мы рассылали наших товарищей по всему Северному фронту, а в «Окопной правде» напечатали материал о том, как строить партийные организации.

При создании большевистских партийных организаций в полках не обходилось без курьезов. Однажды я поехал в 80-й Сибирский полк. Захожу в землянку полкового комитета. Там шло какое-то собрание. Спрашиваю:

— Здесь есть кто-нибудь из большевиков?

Один солдат громко ответил:

— Да здесь все большевики!

А в землянке было человек до тридцати. Президиум подтвердил, что действительно все большевики. Тогда я разъяснил, что сочувствовать большевикам — еще не значит быть членом большевистской партии. Состоять в партии может только тот, кто признает ее программу и исполняет ее устав. Мне ответили: «Давайте вашу программу и устав. Мы все запишемся». Договорились, что собравшиеся сейчас же выберут инициативную группу, которая и начнет запись в партию по ротам, а потом соберет записавшихся и выберет партийный полковой комитет. Но и после этого нашлись такие товарищи, которые мне возразили: «Да ведь мы полковой комитет и есть». Пришлось опять разъяснять, что полковой комитет солдатских депутатов — это одно, а партийный полковой комитет — это другое.

Этот пример показывает, какими наивными были представления многих большевистски настроенных солдат о партийной организации. В лице «Окопной правды» мы получили исключительной силы средство политического просвещения и организации солдат фронта. Мы действовали более уверенно и целеустремленно, потому что уже руководствовались Апрельскими тезисами В. И. Ленина и решениями Апрельской конференции нашей партии.

Одной из важнейших сторон нашей деятельности являлось разоблачение буржуазного Временного правительства и его пособников — социал-оборонцев. Еще 22 апреля на митинге Новоладожского полка в Торнсберге после нашего выступления была принята резолюция, осуждавшая как Временное правительство, так и социал-оборонцев [8].

Эта резолюция вызвала ярость меньшевиков и эсеров. В «Известиях» Петроградского Совета (№ 51) была напечатана статья, мечущая против нас громы и молнии.

Буржуазия и командование стремились всеми способами забрать армию в свои руки и повести ее за собой, прикрываясь такими высокими словами, как «долг перед Родиной», «разумная целесообразность», «присяга» и т. п. Они усиленно навязывали солдатам мысль, что приказы командования не подлежат ни толкованию, ни обсуждению, что армия «должна быть в политике великой молчальницей» (выражение, принадлежавшее командующему 44-й дивизией).

Большевики самым активным образом боролись против подобных реакционных поползновений. Мы проводили в частях митинги, собрания, на которых подчеркивали примечание, сделанное новоладожцами при приеме присяги: «В случае нарушения правительством народных интересов, полк имеет право не исполнять присяги». Что касается лозунгов «долга перед Родиной» и «разумная целесообразность», мы говорили: богачи понимают под этим частное обогащение и власть над народом. Мы же, солдаты, под долгом перед Родиной и разумной целесообразностью пони-

---

[8] См. «Окопная правда», № 2, 3 мая 1917 года.

маем, что власть должна быть у рабочих, солдат и крестьян. В таком духе были напечатаны две статьи в «Окопной правде».

К концу мая силы нашей военной партийной организации значительно выросли. Мы уже имели в полках и дивизиях сравнительно крепкие большевистские группы. В целом по XII армии насчитывалось свыше тысячи членов партии[9]. Бюро военной организации могло вести работу в частях через руководителей полковых и дивизионных организаций.

Стремясь повернуть события вспять, реакционное командование пыталось использовать доверчивость солдат для захвата солдатских организаций в руки офицеров и оборонцев. Созданные на фронте офицерские организации занимались активным сколачиванием реакционных сил в армии и вели борьбу с большевиками, не стесняясь в выборе средств. Так, 24 мая в «Известиях» офицерского комитета армии (Искомоф) сообщалось, что «Окопная правда» — шпионская газета, что Хаустов якобы получил от немцев во время братания 10 тыс. рублей. Когда солдаты узнали об этой клевете, они с возмущением говорили: «Мы отдали деньги на газету за недополученный хлеб и сахар, а они врут нагло, что деньги получены от немцев».

27 мая на митинге Симбирского полка была принята следующая резолюция: «Прочитав и разобрав статью в «Известиях совета офицерских депутатов» с явно погромным характером против газеты «Окопная правда»... считаем нужным заявить, что мы всегда встанем в защиту нашей газеты «Окопная правда» против всех насилий, откуда бы они ни исходили» (за резолюцию голосовало 700 человек, против 1) [10]. Клевета на «Окопную правду» лишь обострила отношения между солдатами и офицерами. Под нажимом массовых выступлений солдат, грозивших вылиться в открытую расправу над офицерами, командование и оборонцы изменили тактику. Так, командир 541-го полка, признавая, что в настроении солдатской массы слишком глубоко укоренились принципы большевизма, уведомлял начальника 136-й дивизии о том, что «в полку на днях начнет действовать соединенный (офицерский и солдатский) полковой комитет; эта организация внесет доверие солдат к офицерам и тогда явится возможность влиять офицерам на солдат» [11].

Сначала командованию и оборонцам удалось от этого слияния кое-что выиграть. Однако во многих частях мы сумели привлечь на сторону солдат прогрессивную часть офицерства. Как сообщал начальник 18-й Сибирской дивизии командиру корпуса, «в 70-м полку полковой комитет отказался от своих полномочий, избран новый — направление в духе ленинских идей» [12]. После этого мы перешли к атаке на Искосол и на все оборонческие комитеты, дав большевистской группе указание добиваться всеми силами переизбрания солдатских комитетов и удаления из них реакционного офицерства и оборонцев. «Окопная правда» призывала: «Товарищи! Вся сила теперь на нашей стороне, отнеситесь сознательно к выборам в солдатские комитеты, выбирайте туда только настоящих защитников народных интересов, которых не могла бы обмануть буржуазия, оставьте у себя право постоянного переизбрания членов солдатского комитета,— этим вы создадите народную армию» [13].

В результате настойчивой агитации мы добились резкого поворота солдатских масс в нашу сторону. 28 мая командующий армией доносил командующему Северным фронтом: «Влияние солдатских комитетов (оборонческих.— *Д. Г.*) в смысле оздоровления и вообще авторитета их в

[9] К сожалению, списки армейских большевиков не сохранились. В июльские дни мы сами уничтожили списки личного состава. Последующие списки погибли во время предательской сдачи Риги. Списки венленского и валкского периода погибли, очевидно, во время ярославского мятежа.

[10] «Окопная правда», № 13, 31 мая 1917 года.

[11] ЦГВИА, ф. 2286, оп. 1, д. 285, л. 66.

[12] Там же, д. 286, л. 28.

[13] «Окопная правда», № 1, 30 апреля 1917 года.

пехотных частях слабеет, и были случаи переизбрания комитетов, причем в новые попали ленинцы»[14].

Выступая против реакционного командования, мы вели борьбу и против социал-шовинистов. Их газеты «Дело трудового народа», «Красное знамя», «Рижский фронт» сначала робко заявляли, что «активная оборона есть активное наступление», а вскоре прямо предлагали армии наступать. Бюро военной организации, «Окопная правда» разъясняли солдатам, что новый состав Временного правительства продолжает ту же захватническую политику, что и прежнее правительство. В резолюциях собраний полков, рот, команд говорилось, что солдаты не пойдут в наступление. Тогда в социал-шовинистических газетах появился ряд статей с угрозами по нашему адресу. Но «Окопная правда» предупредила: «Социал-патриоты угрожают нам решительными революционными общественными мерами. О каких общественных мерах думают бывшие социалисты? Осторожней, господа, не переоцениваете ли вы ваши фактические силы?»[15].

На выручку армейским соглашателям, «чтобы вдохнуть в широкую массу революционную энергию и крепкий революционный дух», как писало меньшевистское «Красное знамя», пожаловал сам Керенский. Однако многие полки отказались идти встречать его. В некоторых частях военного министра встретили гробовым молчанием или, наоборот, резкими протестами. В одном из сибирских полков какой-то солдат обратился к Керенскому со словами: «Правительство должно скорее заключить мир». Он пытался пояснить свою мысль, но Керенский прервал его, сказав командиру полка: «Господин полковник, завтра отдайте в приказе, что этот солдат изъемлется из рядов русской армии. Он может идти домой, но все узнают, что он трус»[16]. Сделав этот театральный жест, военный министр укатил в Питер. Приезд Керенского мало что изменил в настроении солдатской массы. Тогда социал-соглашатели и реакционное командование перешли к репрессиям и провокациям. Пытаясь ликвидировать очаг большевизма в XII армии, они, не выдавая обмундирования, недоукомплектовывая полки, не пополняя их вооружением и боеприпасами, издали приказ о переводе 109-й дивизии на передовую линию. Расчет их был таков: солдаты в этом случае могут отказаться пойти на передовую линию, а это даст возможность обвинить дивизию в измене, в анархизме, заявить, что большевики разложили дивизию, и под этим предлогом расформировать ее, а большевиков изъять.

Эта провокация наделала нам немало хлопот. Солдаты были сильно возбуждены и не хотели идти на позицию. Чтобы уберечь безоружную дивизию и большевистскую организацию от разгрома, мы, пользуясь своим авторитетом, уговорили солдат пойти на передовую. Одновременно мы добились от командования обеспечения дивизии необходимым обмундированием, вооружением и подкреплениями.

Командование и искосольцы заполнили Ригу частями, находившимися под влиянием социал-соглашателей. В городе нельзя было показаться в форме солдат Новоладожского и других революционных полков. «Окопную правду» вырывали у газетчиков и рвали на глазах у солдат. Но ничто не могло остановить большевизации воинских частей. Так, командир 37-го армейского корпуса докладывал командованию: «Дивизия, отведенная в резерв в район Риги, подверглась усиленной обработке большевиков из Новоладожского полка и «Окопной правды». С прибытием дивизии на побережье Рижского залива физиономия определилась ясно. Комитеты почти сплошь большевистские»[17].

Потерпев неудачу, Искосол и командование решили обезглавить ди-

---

[14] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 27, л. 21.
[15] «Окопная правда», № 6, 14 мая 1917 года.
[16] «Солдатская правда», № 33, 28 мая 1917 года.
[17] «Красный архив». Т. 58, 1933, стр. 97.

визию. Они арестовали Хаустова, считая его главой организации и редактором «Окопной правды». Арест Хаустова вызвал возмущение не только в армии, но и в Петрограде. Во время демонстрации 18 июня наряду с другими большевистскими лозунгами были и лозунги протеста против ареста Хаустова. Работавшая во второй половине июня Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) также приняла специальную резолюцию протеста против ареста Хаустова.

По примеру петербургских социал-соглашателей искосольцы решили организовать в Риге армейскую демонстрацию под лозунгами доверия к Временному правительству и одобрения политики наступления. Однако бюро военной организации большевиков также стало деятельно готовиться к этой демонстрации. Узнав о нашей подготовке и понимая, что большинство солдат пойдет под нашими лозунгами, искосольцы решили отказаться от проведения демонстрации. Представители Искосола разъехались по армейским частям, чтобы отговорить солдат от участия в демонстрации. Но демонстрация состоялась, и прошла она под большевистскими лозунгами: «Долой десять министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». Те воинские части, которые стояли на передовых и не могли участвовать в демонстрации, устраивали собрания. Их резолюции с поддержкой большевистских требований потом печатались в «Окопной правде». Демонстрация и резолюции большинства воинских частей ясно показали, что солдатские массы в основном идут за большевиками.

После Петроградской конференции военных организаций большевиков (примерно 20 июня) мы созвали в Риге свою конференцию. Присутствовало около 400 делегатов. В это время Керенский издал приказ о наступлении на фронте. Поэтому мы приняли ряд мер на случай попытки реакционеров разгромить армейских большевиков.

Создали два комитета военной организации: легальный, председателем которого был избран я, и подпольный, председателем которого был избран Римша. Известные в армии большевики перейти на нелегальное положение не могли. По этим же мотивам мне поручили ставить подпись ответственного редактора под газетой «Окопная правда». До этого я, будучи ответственным редактором, подписи под газетой не ставил. Такую же перестройку мы провели и в крупных военных организациях отдельных частей армии.

Хотя в редакции «Окопной правды» все осталось по-прежнему, мы предрешили (на случай невозможности легальной работы) организацию подпольной типографии. Мы старались внушить членам партии и солдатам мысль, что революция неизбежно должна победить. Тот факт, что наиболее известные армии большевики оставались на руководящих постах, укреплял уверенность всей организации в нашей победе.

В июльские дни положение в армии создалось весьма тревожное. Ежедневно ждали какой-нибудь провокации. В целях укрепления своих сил большевики в противовес оборонческому Искосолу приступили к организационному усилению левого блока, который накануне Октября объединял свыше 30 революционно настроенных полков. На совещании полковых комитетов был выработан ряд мероприятий на случай, если бы реакция решилась на ликвидацию военной организации большевиков или расформирование большевистских полков (мы имели достоверные сведения о подобных намерениях командования). Между полками устанавливалась живая связь для организации быстрого отпора провокационным попыткам командования и Искосола. Было опубликовано следующее заявление: «От имени семнадцати полков... предлагаем Исполнительному комитету (XII.— *Д. Г.*) армии не предпринимать никаких резких шагов, несмотря на телеграмму Керенского против интернационалистских и большевистских течений в армии, что может вызвать эксцессы, которые особенно опасны ввиду близости неприятеля. Все последствия от насилий над

отдельными личностями и частями, могущие вызвать кровавые столкновения, падают на вашу ответственность... Председатель Гразкин. Секретарь Трейман»[18].

Несмотря на это предупреждение, командование и Искосол попытались расформировать один из сибирских полков. Однако части, посланные на расформирование, были окружены частями левого блока и возвращены к месту своего расположения. После этого командующий XII армией Радько-Дмитриев докладывал командующему фронтом: «Все мои усилия поддержать авторитет власти, к сожалению, разбились об упорство масс... Ни убеждения, ни самое широкое содействие общественным организациям (Искосолу.— *Д. Г.*) не могли наладить сколько-нибудь правильные отношения между начальниками и подчиненными. Исчерпав все усилия... я чувствую себя не в силах справиться с возложенной на меня ответственной задачей»[19]. Командующий фронтом Клембовский, в свою очередь, сообщал Верховному главнокомандующему Брусилову: «Считаю себя обязанным доложить вам, что положение в XII армии внушает мне серьезные опасения... У командующего армией нет достаточно надежных частей, на которые он мог бы опереться для вооруженного воздействия на непокорных»[20].

Социал-соглашатели из Искосола своей поддержкой политики буржуазии и реакционного командования дискредитировали себя в глазах солдат. Представителям Искосола и комиссару Временного правительства по армии не давали говорить на митингах и прогоняли со свистом.

Из всей XII армии надежными, с точки зрения командования, частями считались 17-я кавалерийская дивизия, 5-й броневой дивизион, 23-й Донской казачий полк и небольшие отряды: женская рота национальной обороны, Пластунская рота смерти, Революционный ударный батальон и Омский ударный батальон. При таком положении контрреволюция и ее пособники не решались на открытую схватку с революционными силами. Они избрали путь «секретных арестов», вроде ареста Сиверса, которого выманили в Псков якобы для получения награды. При помощи махинаций им удалось изъять из армии Глезера, Сабецкого, Жука, Ивана Виша, поручика Пономарева и других. Были и открытые аресты. Керенский требовал решительной расправы с большевиками. 12 июля было издано постановление Временного правительства, в котором говорилось о строгих наказаниях за призывы к неповиновению распоряжениям военных властей, неисполнение воинского долга... Керенский в своем приказе по армии от 15 июля 1917 г. на основе этого постановления Временного правительства приказал закрыть «Правду», «Окопную правду» и «Солдатскую правду» с одновременным привлечением редакторов к судебной ответственности[21].

Как только в армии узнали об этом постановлении, в редакцию стали поступать массовые протесты солдат. Так, солдаты Сестрорецкого полка писали: «Глубоко возмущены приказом о запрещении распространения наших газет «Правды», «Окопной правды», «Солдатской правды». Солдаты протестуют против политики Временного правительства и телеграммы военного министра Керенского от 7 июля с. г., посягающего на свободу слова и печати»[22].

Однако поздно вечером 21 июля квартал, где помещались редакция и типография «Окопной правды», был оцеплен войсками и казачьими патрулями. Сильный отряд казаков занял редакцию и подверг ее разгрому.

Но репрессии не могли запугать большевиков-ленинцев. 23 июля мы вместо закрытой «Окопной правды» стали издавать «Окопный набат».

---

[18] «Окопная правда», № 29, 12 июня 1917 года.
[19] ЦГВИА, ф. 2152, оп. 3, д. 564, л. 992.
[20] Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1237, л. 2526.
[21] Там же, ф. 94, оп. 1, д. 12, л. 272.
[22] «Окопная правда», № 31, 16 июля 1917 года.

Выход этой газеты вызвал переполох среди командования и его пособников. Командующий Северным фронтом Клембовский запрашивал комиссара фронта Станкевича, находившегося в то время в XII армии: «Судя по «Вечернему времени» от 24 июля, издание «Окопной правды» продолжается. Настоятельно прошу выяснить, верно ли это, и, в утвердительном случае, принять решительные меры для прекращения ее» [23].

Ставка Верховного главнокомандующего писала начальнику штаба Северного фронта: «Главковерх приказал доложить, возбуждается ли вопрос о закрытии «Окопного набата», если он является повторением «Окопной правды» [24]. Военный министр 7 августа телеграммой приказал прекратить издание на фронте всех газет большевистского направления, а «неповинующихся привести к порядку всеми мерами» [25].

Телеграмма вызвала настолько сильное возбуждение солдат, что назревали самочинные выступления. С большими усилиями удалось сдержать солдат от необдуманного шага. Искосол и командование все же не решились тут же закрыть «Окопный набат». Но, понимая свое бессилие, контрреволюция пошла на злодейский замысел: сдать Ригу, поставить под разгром всю XII армию и тем самым открыть немцам свободный путь на Петроград. Задумав это, командование, несмотря на наши протесты, сознательно ослабило укрепления на левом берегу Западной Двины, а на правом поставило небоеспособную 186-ю дивизию. Надо полагать, что немцы обо всем этом знали, потому что они 19 августа перешли в наступление именно в этом месте и за какой-либо час снесли все примитивные укрепления дивизии. Большевистское руководящее ядро дивизии почти все погибло. Немцы переправились через Двину и начали отрезать Ригу и армию. На выручку подошли латышские полки. С развернутыми знаменами они пошли в контратаку. Немцы были вынуждены замедлить наступление.

Цель командования и социал-предателей — поставить армию под удар, а затем обвинить большевиков в ее дезорганизации— чувствовалась во всем. 20 августа в 6-м Сибирском корпусе за активную поддержку большевиков было арестовано 72 солдата; 109-я пехотная дивизия и другие части были рассредоточены и не представляли целых боевых единиц. Несмотря на эту дезорганизацию, именно большевистски настроенные части сдержали натиск немцев и спасли армию. Даже председатель Искосола меньшевик Кучин телеграфировал ЦИК: «По свидетельству членов комитетов и офицеров стойкость такая, какой не было никогда» [26].

После сдачи Риги военная организация большевиков обосновалась в г. Вендене. Мы сразу же принялись за восстановление связи между партийными организациями. Уже 17 сентября мы смогли созвать армейскую конференцию большевиков, на которой обсуждались общеполитические и организационные вопросы, в том числе о возобновлении «Окопного набата».

По указанию ЦК РСДРП(б) и лично Я. М. Свердлова один из членов ЦК С.-д. Латвии передал нам 3 800 рублей. У нас также сохранилось 120 пудов бумаги, пожертвованной ранее рабочими писчебумажной фабрики Ревеля «Окопной правде». Кроме того, по указанию ЦК мы получили имущество газеты «Отклики правды» (орган Венденского комитета партии). 1 000 рублей нам передал ЦК партии. Несколько сот рублей собрали петроградские рабочие. «Окопный набат» с 12 октября стал снова звать солдат к революции. Для помощи и укрепления редакции ЦК партии в первых числах октября направил к нам тов. Нахимсона. С этого времени газета редактировалась Нахимсоном, Васильевым и мной.

После разгрома корниловщины массы твердо встали на сторону

---

[23] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 113, л. 156.
[24] Там же, л. 158.
[25] Там же, ф. 2279, оп. 1, д. 469, л. 508.
[26] «Солдатское слово», № 134, 24 августа 1917 года.

большевиков. Партия взяла решительный курс на пролетарскую революцию. Перед большевиками XII армии, охранявшей подступы к сердцу революции — Петрограду, стояли сложные задачи: сделать эти подступы неприступными как для немцев, так и для внутренней контрреволюции и одновременно готовить солдатские массы к пролетарской революции. На I конференции большевистских военных организаций Северного фронта, состоявшейся 15 октября, а затем на многочисленных митингах и собраниях эти задачи детально обсуждались. В этом же духе вел работу и «Окопный набат».

Получив сведения о замысле контрреволюции сменить Петроградский гарнизон, мы повели активную пропаганду в войсках против этого замысла. «Окопный набат» писал: «Генерал Черемисов (новый командующий фронтом.— *Д. Г.)* созывает к себе в Псков представителей полковых комитетов Петроградского гарнизона, чтобы убедить их в необходимости вывода войск из Петрограда для обеспечения подступов к Петрограду... Не проведет генерал Черемисов! Петроград будет защищен не только от немцев, а и от корниловщины, калединовщины или даже черемисовщины — все равно» [27].

Как свидетельствуют документы, наши усилия не были бесплодными. Так, командир 2-го Сибирского корпуса докладывал 17 октября военному министру: «Необходимо иметь мужество смотреть опасности в глаза и называть вещи своими именами: пригодность армии к продолжению войны находится в смертельной опасности». Комиссар корпуса сделал приписку: «Всецело присоединяюсь к этому последнему воплю отчаяния» [28]. По сводке штаба фронта, в XII армии значилось безусловно «надежных» частей — 4, вызывающих сомнение — 44 и безусловно «ненадежных» — 18 [29]. За большевистский список № 5 на выборах в Учредительное собрание по XII армии голосовало 53,5%.

Ведя подготовку к свержению Временного правительства, мы организовали революционный комитет армии, в который входили: ЦК Социал-демократии Латвии, Исполнительный комитет латышских стрелковых полков («Исколастрел»), левый блок и военная организация РСДРП большевиков XII армии. Хотя мы и ждали решительных действий с минуты на минуту, но точно о начале восстания в Петрограде все же не узнали, так как командование установило контроль на всех почтово-телеграфных конторах, стараясь скрыть от солдат события в Петрограде. Только вечером 25 октября солдат-телеграфист, сняв копию с телеграммы Временного правительства о взятии большевиками власти, принес ее в редакцию «Латышского стрелка». 26 октября «Окопный набат» вышел с экстренным добавлением, в котором было опубликовано за подписью бюро военных организаций РСДРП(б) XII армии обращение к солдатам.

Искосольцы и командование, чтобы дезориентировать солдат, разослали телеграммы по всем воинским частям и солдатским комитетам, в которых Октябрьская революция изображалась как попытка захвата власти «кучкой» большевиков без поддержки солдат и рабочих. Искосольцы приняли самое активное участие в попытке послать войска на помощь Керенскому [30].

26 октября командующий XII армией Юзефович получил от Духонина приказ — выделить отряд для совместных действий с 3-м конным корпусом Краснова. В тот же день была получена телеграмма от главковерха об отправке в Петроград 5-го броневого дивизиона. 27 октября было дано распоряжение доставить экстренным поездом в Псков «надежные» пехотные части из XII армии [31].

---

[27] «Окопный набат», № 9, 21 октября 1917 года.
[28] ЦГВИА, ф. 2279, оп. 1, д. 607, л. 42.
[29] Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 37, лл. 668—671.
[30] См. «Красный архив». Т. 4, стр. 152—153.
[31] Там же, стр. 163, 166, 177.

Мы призвали солдат быть едиными и решительными в борьбе с заклятыми врагами народа. Ни одна часть XII армии не была отправлена против революционного Петрограда. Более того, чтобы успокоить армию, командующий вынужден был издать специальный приказ: «Заявляю, что из вверенной мне армии ни одной части ни в Петроград, ни в Петроградский район отправлено не было» [32].

Желая выяснить обстановку в Петрограде и наладить более тесный контакт с ЦК партии, мы послали в Петроград делегацию, которой поручили сообщить ревкому, «что армия идет с Петроградским Советом» [33]. И действительно, для активной борьбы за Советскую власть, против контрреволюции Духонина и других XII армия выделила 12 пехотных полков, 7 или 8 артиллерийских дивизионов. Кроме того, для укрепления положения в Петроград была отправлена латышская часть. Во время вторичного наступления немцев на Петроград в конце ноября части XII армии совместно с петроградскими рабочими преградили немцам путь и задержали их на дальних подступах к городу.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде события развивались так, что Искосол перестал уже играть какую-либо роль. Фактическое руководство армией перешло в руки Военно-революционного комитета. Части армии находились в мобилизационной готовности на случай, если бы социал-предателям удалось снять с фронта какую-либо часть и открыть путь немцам.

27 октября мы вошли в Венден, где находился Военно-революционный комитет, 29 — в Вольмар и Стакельн, а 5 ноября — в Валк, где разместились ставка армии и Искосол. Такая очередность операций вызывалась крайней осторожностью, чтобы не развязать гражданской войны на самом фронте, защищавшем подступ к Петрограду.

Искосольцы, узнав о наших передвижениях, выпустили воззвание, в котором призывали армию соблюдать нейтралитет в происходящих в стране и Петрограде событиях. Они требовали, чтобы революционная власть в пределах армии принадлежала только Исполнительному комитету, «а власть в стране до созыва Учредительного собрания была бы передана однородному социалистическому министерству» [34].

После сформирования корпусного комитета и договоренности с командиром корпуса о том, что комендантскую службу при корпусе будут вести новоладожцы, я поехал в Валк, уже занятый латышским Тукумским полком. Этот полк и наш батальон заняли ставку и помещения Искосола. Правда, искосоловцы попытались еще раз дезориентировать солдат. Они разослали телеграммы о том, что «Военно-революционный комитет в Пскове распадается... Большевистские полки сдаются... Петроградский Военно-революционный комитет в панике» [35]. Но эта телеграмма уже была гласом вопиющего в пустыне.

С занятием Валка руководство XII армией перешло в руки большевиков. Комиссаром армии назначили Нахимсона, который на чрезвычайном съезде армии был избран председателем Искосола. Я же сразу после занятия Валка поехал в Юрьев помочь Римше задержать части, каким-то образом проскочившие к Юрьеву. Нам это удалось сделать. Затем я поехал в Псков. Там уже образовался ревком. Обменявшись взаимной информацией с товарищами из ревкома, я возвратился в Валк и затем срочно выехал в Петроград на чрезвычайный крестьянский съезд, который должен был открыться 10 ноября. После съезда я уже в армию не возвращался, а остался работать председателем фракции большевиков и вторым секретарем Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов.

---

[32] ЦГВИА, ф. 2289, оп. 1, д. 550, л. 341.
[33] «Бюллетень ЦК РСДРП(б)», № 4, 1 ноября 1917 года.
[34] ЦГВИА, ф. 2486, оп. 1, д. 8, л. 1213.
[35] Там же, ф. 2152, оп. 2, д. 1271, л. 694.

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В БАШКИРИИ

З. А. Аминев

В социально-экономическом и культурном отношении Башкирия была одной из отсталых окраин царской России. Башкиры не имели своей государственности. Бо́льшая часть современной Башкирской АССР входила в состав Уфимской губернии; юго-восточная Башкирия по прежнему административному делению находилась в пределах Оренбургской губернии. Трудящиеся массы Башкирии находились под тяжелым гнетом самодержавия, помещиков и буржуазии. Национально-колониальная политика царизма усугубляла тяжелое экономическое положение и политическое бесправие трудящихся.

Башкирия была типичной колонией царской России. Русские помещики, купцы и чиновники беззастенчиво экспроприировали земли коренного населения, превратили край в рынок сбыта и источник сырья для фабрикантов и заводчиков России. Царизм свирепо душил национальную башкирскую культуру, проводил насильственную русификацию. Развитие капитализма привело к появлению в Башкирии наряду с русской и местной национальной буржуазии, усилило расслоение башкирской деревни. Лучшие земли в Башкирии принадлежали помещикам и зажиточному казачеству. В 1913 г. лишь по одной Уфимской губернии из 10 847 тыс. десятин полезной земли в руках помещиков, казны, уделов, монастырей и церквей находилось 3 610 тыс. десятин. 56,8% крестьянских дворов испытывали острую нужду в земле, 16,7% крестьянских хозяйств были безлошадными[1]. Крестьяне страдали не только от гнета помещиков, но и от засилия кулаков. Все это обострило классовые противоречия между трудовыми массами башкирского народа, с одной стороны, и помещиками, буржуазией, кулацко-байской верхушкой — с другой.

Несмотря на общую отсталость Башкирии в промышленном развитии, на Южном Урале находился ряд крупных горнометаллургических заводов и других промышленных предприятий с большим количеством рабочих. В 1913 г. в Уфимской губернии на 3 казенных железоделательных заводах (Златоустовском, Кусинском и Саткинском) было занято 12 227 рабочих[2]; на 11 частных горных заводах (Аша-Балашовском, Усть-Катавском, Юрюзанском и др.) — 20 тыс. рабочих; на остальных же 2 674 предприятиях — 16 033 рабочих (в среднем по 6 человек на предприятие)[3]. В Оренбургской губернии на 9 частных горных заводах (Белорецком, Тирлянском, Зигазинском, Авзяно-Петровском и др.) и на 4 угольных копях насчитывалось до 12 тыс. рабочих, а на остальных 98 предприятиях — 4 744 (в среднем по 5 человек на предприятие)[4].

Башкиры в своем развитии не прошли стадию промышленного ка-

---

[1] См. «Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Перепись 1912—1913 гг.». Ч. II. Уфа. 1914. стр. 188—199, 492—495, 816—819, 1016—1019, 1344—1347, 1766—1771.

[2] «Пройденный путь». Уфа. 1927, стр. 15.

[3] Там же, стр. 10—11.

[4] Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М. 1952, стр. 27.

питализма. Кадровый промышленный пролетариат дореволюционной Башкирии состоял преимущественно из русских. Башкиры были заняты главным образом в лесной промышленности, на золотых приисках и на вспомогательной работе в горной промышленности. Русские рабочие оказали огромное влияние на развитие классового сознания башкирских трудящихся. Еще в начале XX в. их усилиями была создана в Уфе марксистская социал-демократическая организация, которая крепла из года в год, охватывала своим воздействием все более широкие слои трудящихся Башкирии. Близость южноуральских заводов со значительным количеством организованного пролетариата также имела огромное значение в подготовке и проведении социалистической революции в Башкирии. Уральский пролетариат, связанный узами дружбы с трудящимися башкирами, оказывал на них революционизирующее влияние, помогал в борьбе за освобождение от национального и социального гнета. Сами рабочие южноуральских заводов так же, как и все трудящиеся Башкирии, страдали от экономического угнетения и политического бесправия. В годы первой мировой войны положение трудящихся Башкирии еще более ухудшилось, что вызвало нарастание стихийного возмущения масс. Большевики Башкирии стремились превратить это возмущение в организованную борьбу за свержение власти помещиков и буржуазии.

★

История подготовки и победы социалистической революции в Башкирии до сих пор изучена недостаточно. Изданная по этой теме литература[5], хотя и имеет известное положительное значение, все же не дает достаточно полного освещения специфических особенностей подготовки и проведения социалистической революции в Башкирии, не уделяет должного внимания показу деятельности народных масс и руководящей роли Коммунистической партии. В данной статье на основе изучения имеющихся архивных документов и материалов периодической печати того времени делается попытка дополнить освещение истории борьбы трудящихся масс Башкирии под руководством Коммунистической партии за победу социалистической революции, раскрыть некоторые особенности этой борьбы.

В первых числах марта 1917 г. рабочие и крестьяне Башкирии с радостью встретили весть о победе Февральской буржуазно-демократической революции в Петрограде. Но плодами победы этой революции в Башкирии, как и в центре, воспользовалась буржуазия, которая захватила власть в свои руки. 2 марта на экстренном закрытом заседании Уфимской городской думы сформировался Комитет общественных организаций — местный орган Временного правительства. В уездах и волостях также создавались комитеты общественных организаций. Крупный помещик, председатель земской управы, П. Ф. Коропочинский был назначен комиссаром Временного правительства в Уфимской губернии. В Оренбургской губернии комиссаром Временного правительства стал землевладелец Н. А. Холодковский.

Одновременно в городах и заводских центрах, в уездах и некоторых волостях Уфимской и Оренбургской губерний по опыту первой русской революции и при большой активности трудящихся создавались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 2 марта 1917 г. организовался Совет рабочих депутатов в Златоусте. Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов начал функционировать с 5 марта[6]. В марте —

---

[5] Г. Гужвенко. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа. 1941; Ф. А. Александров. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. Уфа. 1951; Р. М. Раимов. Указ. соч.

[6] Центральный государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР), ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 7; ф. 2, оп. 1, д. 32, лл. 114—115.

апреле Советы рабочих депутатов возникли в Белорецке, Тирляне, Белебее, Каноникольском, Миньяре и других местах [7].

В Миньярском, Усть-Катавском, Симском и некоторых других заводских центрах руководство Советами сразу же оказалось в руках большевиков, что имело огромное значение для всего Южного Урала, а также для Башкирии. Однако в ряде Советов, например, в Уфимском, Белорецком, преобладали эсеры и меньшевики. Это объяснялось теми же обстоятельствами, что и во всей стране. Революция пробудила к самостоятельной политической жизни миллионные массы мелкой буржуазии, которые слабо разбирались в политике. Мелкобуржуазная волна, как указывал В. И. Ленин, захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, заразила широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику [8]. Волна мелкобуржуазной стихии вынесла на поверхность эсеров и меньшевиков. В годы войны часть кадровых рабочих была мобилизована в армию, а на предприятия пришло много мелких хозяйчиков, зажиточных крестьян, укрывавшихся от мобилизации. Один из старых рабочих Уфимских железнодорожных мастерских, член Железнодорожного комитета РСДРП большевик С. И. Мертвищев, в своих воспоминаниях отмечает, что в мастерские во время войны «налезло много деревенских кулаков и лавочников» [9]. Этим элементам чужда была пролетарская идеология. К тому же значительная часть рабочих заводов Башкирии имела свое хозяйство и пользовалась покосами от заводов. В Уфе, где крупных заводов было мало, значительную часть населения составляли чиновники губернских учреждений, служащие торгово-промысловых заведений, ремесленники и кустари. Среди них эсеро-меньшевистские элементы пользовались значительным влиянием.

Таким образом, после победы Февральской революции в Башкирии, как и во всей стране, сложилось двоевластие: наряду с органами революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян в лице Советов рабочих и солдатских депутатов существовали органы диктатуры буржуазии и помещиков. Захват власти буржуазией был облегчен предательством интересов рабочего класса и крестьянской бедноты со стороны соглашательских партий эсеров и меньшевиков. В Башкирии это обстоятельство усугублялось серьезными ошибками, допущенными влиятельными большевистскими лидерами Уфимской партийной организации Н. П. Брюхановым, А. И. Свидерским и другими, занимавшими примиренческую позицию по отношению к меньшевикам [10]. К тому же в годы реакции и империалистической войны большевистские организации Башкирии сильно пострадали от преследований царизма. Некоторые из активных деятелей революции 1905—1907 гг. погибли в результате жестоких репрессий царских палачей. Многие ее активные участники томились в тюрьмах и ссылках или, скрываясь от преследований царизма, вынуждены были эмигрировать за границу, что привело к ослаблению большевистских организаций в Башкирии. Большевистские группы, сохранившиеся на Тирлянском, Симском и некоторых других заводах, большой активности не проявляли. В Уфе и ряде других городов существовали объединенные с меньшевиками организации. 2 марта 1917 г. собрание уфимских социал-демократов образовало Уфимский комитет РСДРП из восьми большевиков и пяти меньшевиков. Председателем объединенного комитета был избран меньшевик И. А. Ахтямов, казначеем — большевик А. Д. Цюрупа. 21 марта общее собрание группы социал-демократов пополнило состав комитета двумя большевиками: А. А. Юрьевым и

---

[7] Газета «Заря», № 1 и № 18, 2 и 26 апреля 1917 г.; газета «Вперед», № 12 и № 21, 7 и 18 апреля 1917 года.

[8] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 41.

[9] Партархив Башкирского областного комитета КПСС, ф. 1832, оп. 2, д. 101, л. 2

[10] «Пройденный путь», стр. 47—48.

В. П. Арцыбушевым. 31 марта ответственным секретарем Уфимского комитета был избран большевик А. А. Юрьев. Развертывая открытую политическую деятельность, Уфимский комитет РСДРП с 19 марта начал издавать свой печатный орган — газету «Вперед» [11].

В марте — апреле большевистские социал-демократические группы и организации образовались в Миньяре, Усть-Катаве, Белорецке, Симе, Аша-Балашове и на некоторых заводах. Социал-демократическая организация на Белорецком заводе была создана 7 апреля под руководством старого большевика П. В. Точисского. Белорецкий комитет в первые же дни своего существования издал «Листок», где в популярной форме излагалась программа партии [12].

Существование в течение продолжительного времени объединенной с меньшевиками организации нанесло огромный ущерб работе уфимских большевиков. На Уральской областной конференции большевиков, проходившей 15—16 апреля 1917 г. в Екатеринбурге, Я. М. Свердлов подверг резкой критике существование объединенных организаций в Уфе и ряде других городов Урала [13]. В то время, когда большинство заводских партийных организаций твердо стояло на большевистских позициях, Уфимская социал-демократическая организация продолжала оставаться объединенной. Одновременно с посылкой делегата на VII Апрельскую партийную конференцию большевиков она направила делегата и на меньшевистскую конференцию. 17 мая 1917 г. общее собрание Уфимской организации, заслушав доклад делегата Апрельской конференции Н. П. Брюханова, не смогло сразу же определить свое отношение к решениям конференции. Собрание ограничилось постановлением: «Доклад принять к сведению». Прения по докладу были отложены до следующего заседания, на котором предполагалось заслушать доклад Ахтямова, делегированного на конференцию меньшевиков [14].

Социал-демократические организации Миньяра, Усть-Катава, Аша-Балашова, Симского завода и некоторые другие, стоявшие на большевистских позициях, сразу же единодушно присоединились к решениям Апрельской конференции большевиков. 13 мая собрание Усть-Катавской группы социал-демократов, заслушав доклад И. Г. Правдина о поездке в Петроград для участия в большевистской партийной конференции, единогласно постановило присоединиться к резолюциям, принятым Апрельской конференцией [15].

Неустойчивая, оппортунистическая позиция Уфимского комитета РСДРП подверглась резкой критике со стороны большевиков-рабочих уральских заводов. Делегат Аша-Балашовской организации, выступая на II губернской партийной конференции с критикой недостатков комитета и его печатного органа, указывал, что газета «Вперед» «не может помочь воспитанию рабочих в духе истинного революционного марксизма» и что Аша-Балашовская организация постановила не поддерживать орган комитета «до тех пор, пока не будет заметна на нем определенная физиономия большевистского органа» [16]. Оппортунистическая линия руководителей Уфимского объединенного комитета подвергалась критике также со стороны старых подпольщиков Л. И. Бойковой, А. П. Кучкина, П. А. Вавилова, Г. М. Маринина и других, требовавших разрыва с меньшевиками. Против существования объединенной организации решительно выступила и железнодорожная организация, которую возглавляли большевики П. И. Зенцов и Т. С. Кривов [17].

[11] «Вперед», № 1 и № 4, 19 и 23 марта; № 11, 2 апреля 1917 года.

[12] «Вперед», № 31, 30 апреля 1917 года.

[13] Г. Рычкова. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск. 1947, стр. 13.

[14] «Вперед», № 18 и № 31, 14 и 30 апреля; № 46, 20 мая 1917 года.

[15] «Вперед», № 45, 19 мая 1917 года.

[16] «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)». Уфа. 1933, стр. 12—13.

[17] «Вперед», № 17, 13 апреля 1917 года.

Ознакомление с Апрельскими тезисами Ленина и решениями Всероссийской Апрельской конференции большевиков, а также критика заводских рабочих-большевиков и влияние вернувшихся из ссылки активных деятелей большевистской партии — все это привело к тому, что руководители Уфимской организации постепенно стали освобождаться от примиренческих настроений и более определенно становиться на ленинские позиции, проводить в жизнь большевистскую революционную политику [18].

Заметным сдвигом в направлении размежевания с меньшевиками явилась I Уфимская губернская конференция РСДРП, проходившая 25—27 мая 1917 года. На конференции присутствовало 22 делегата, представлявших 3 058 членов девяти партийных организаций: Уфимской, Бирской, Благовещенской, Аша-Балашовской, Миньярской, Усть-Катавской, Юрюзанской, Симской и Златоустовской [19]. Абсолютное большинство делегатов твердо стояло на большевистских позициях. Доклады с мест показали, что все организации на местах «представляют из себя организации большевистские, включающие в свои ряды отдельных меньшевиков» [20].

Решения конференции по всем важнейшим вопросам (о войне, о коалиционном правительстве, о работе среди крестьянства, о Советах рабочих и солдатских депутатов и о профессиональных союзах) в основном исходили из постановлений Апрельской конференции большевистской партии. В резолюции об отношении к коалиционному правительству подчеркивалась недопустимость компромисса между интересами буржуазии и рабочего класса, необходимость передачи всей полноты власти Советам рабочих и солдатских депутатов. Конференция высказалась за немедленную и полную конфискацию помещичьих, церковных и монастырских земель и за немедленный переход их в руки Советов крестьянских депутатов или других революционно-демократических органов. В резолюции «О Советах рабочих и солдатских депутатов» подчеркивалось, что партия пролетариата должна вести борьбу за укрепление власти Советов, а внутри Советов — против попыток соглашательства с буржуазией, организованно отстаивать «торжество пролетарской линии, поддерживая всеми мерами развитие и углубление революции на местах» [21]. Попытки Ахтямова, Стрежнева и других меньшевиков протащить по этим вопросам свои резолюции потерпели полную неудачу [22].

После I губернской партийной конференции в Уфимской объединенной социал-демократической организации продолжалась острая борьба между большевиками и меньшевиками. Об этом свидетельствует сохранившаяся черновая запись протокола заседания Уфимской организации, состоявшегося 1 июня 1917 года. Как видно из этого протокола, споры между большевиками и меньшевиками происходили по всем важнейшим и принципиальным вопросам развития революции. Большевики подвергли резкой критике вступление социалистов в коалиционное правительство. Большевик Т. С. Кривов, решительно осуждая И. А. Ахтямова и других, предлагавших поддержать Временное правительство, говорил: «Никакого соглашения с буржуазией быть не может. Наша задача — не идти в хвосте буржуазии. Мы должны сейчас углублять революцию» [23].

Большевики Башкирии значительно усилили работу по привлечению масс на свою сторону и высвобождению их из-под влияния эсеро-меньшевистских соглашателей. Заводские партийные организации одобрили

---

[18] «Пройденный путь», стр. 46—47.

[19] См. «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)», стр. 1.

[20] «Вперед», № 52, 28 мая 1917 года.

[21] См. «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)», стр. 2—10.

[22] «Вперед», № 52, 28 мая 1917 года.

[23] Партархив Башкирского областного комитета КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 1-а, лл. 1—6.

решения I губернской партийной конференции [24]. Заметно активизировалась деятельность Стерлитамакской группы РСДРП, которая настойчиво боролась за осуществление большевистских лозунгов. В статье «Какое правительство нужно рабочим, крестьянам и солдатам» орган Стерлитамакского комитета газета «Рабочий и солдат» призывала к созданию народного правительства, способного ликвидировать войну и дать землю крестьянам. Указывая, что Совет рабочих и солдатских депутатов может выполнить эту задачу, газета писала: «Вот почему мы и хотим, чтобы в каждой деревне был устроен Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [25]. Во время выборов в Уфимскую городскую думу в результате огромной работы, проведенной большевиками среди рабочих и всех трудящихся города, Уфимская социал-демократическая организация и блокировавшиеся с ней группы одержали серьезную победу: они получили 71 место из 102, председателем думы был избран большевик А. Д. Цюрупа [26].

Партийные организации Башкирии усилили руководство профессиональными союзами и борьбой рабочих за улучшение своего экономического положения.

Продолжение Временным правительством империалистической войны и политики защиты интересов буржуазии и помещиков, рост дороговизны, безработицы, умышленное сокращение производства предпринимателями — все это ухудшало положение рабочих. В ответ на наступление предпринимателей рабочие под руководством большевиков повели борьбу за установление восьмичасового рабочего дня, за повышение заработной платы. На заводе Гутмана, предприятиях лесопромышленника Иванова, лесопильном заводе общества Комаровских железорудных месторождений, в токарной мастерской Романова, а также на Усть-Катавском, Миньярском и других южноуральских горных заводах рабочие явочным порядком установили восьмичасовой рабочий день [27].

В целях предотвращения сокращения производства предпринимателями Усть-Катавский, Аша-Балашовский, Миньярский и некоторые другие Советы по инициативе большевиков ввели рабочий контроль. Большое значение в борьбе за установление рабочего контроля на заводах Южного Урала имело расширенное совещание Уфимской губернской продовольственной управы, обсудившее вопрос о введении контроля на металлургических заводах. Работу Уфимской продовольственной управы возглавляли А. Д. Цюрупа, А. М. Дудник и другие большевики. В совещании приняли участие представители Аша-Балашовского, Симского, Миньярского, Усть-Катавского, Кусинского, Златоустовского заводов. Совещание решило произвести учет всех наличных запасов железа и стали на металлургических заводах и признало необходимым: установить контроль над заказами, распределением и отпуском продукции; выяснить возможность использования производительности заводов в связи с состоянием транспорта; организовать на местах контрольные комитеты [28]. 30 мая 1917 г. при Симском Совете рабочих депутатов был организован комитет по учету и контролю металлургического производства, который состоял из семи человек. Комитет контролировал приобретение и расходование материалов для производства сельскохозяйственных машин и орудий и их распределение, следил за правильной организацией труда. Контрольная комиссия по наблюдению за заводоуправлением при Миньярском заводе в составе 5 человек была создана еще 9 апреля. С организацией окружной комиссии при Совете рабочих депутатов функ-

---

[24] «Вперед», № 61, 8 июня 1917 года.
[25] Газета «Рабочий и солдат», № 5, 3 июня 1917 года.
[26] «Известия» Уфимского губернского комиссара, № 54, 12 ноября 1917 года.
[27] «Вперед», № 18 и № 19, 14 и 15 апреля; № 53, 30 мая 1917 г.; газета «Уральская жизнь», № 75, 9 апреля 1917 года.
[28] «Вперед», № 48 и № 53, 24 и 30 мая 1917 года.

ция наблюдения за заводоуправлением перешла к этой комиссии [29]. В августе была создана контрольная комиссия при Усть-Катавском заводе. Ее состав был утвержден на общем собрании рабочих [30]. Установление рабочего контроля на южноуральских заводах свидетельствовало о росте влияния большевиков, о начале осуществления большевистских лозунгов, выдвинутых В. И. Лениным в Апрельских тезисах.

Одной из особенностей борьбы за социалистическую революцию в Башкирии было то, что она проходила в обстановке сильного сопротивления буржуазно-националистической контрреволюции. Башкирские буржуазные националисты, как и националисты других окраин царской России, спекулировали на национальных чувствах башкирского народа, угнетавшегося русской буржуазией и помещиками, демагогически использовали в контрреволюционных целях великодержавную, шовинистическую политику царизма и стремление башкирского народа к национальной свободе. Выступая на словах за национальное освобождение Башкирии, они на деле предавали кровные интересы трудящихся Башкирии.

Февральская буржуазно-демократическая революция вызвала подъем освободительного движения в национальных районах. Национальная буржуазия, выдавая свои узкоклассовые интересы за общенародные, пыталась взять в свои руки руководство этим движением, стремилась утвердить монопольное право на эксплуатацию рабочих и крестьян «своей» нации. Башкирская и татарская буржуазия в первые дни Февральской революции выступила с лозунгами «общенациональной» борьбы. С этой целью был создан ряд буржуазно-националистических организаций. В начале марта 1917 г. в Уфе был образован «Комитет распространения идеи гражданственности среди мусульман». Этот комитет проповедовал буржуазно-националистическую идею «единства тюркско-татарских народов», идею классового мира среди мусульман. Стремясь помешать росту классового самосознания трудящихся, комитет призывал к поддержке Временного правительства, если оно предоставит мусульманам культурно-национальную автономию [31]. 14—17 апреля 1917 г. состоялся I Уфимский мусульманский съезд. Это был съезд татаро-башкирской буржуазии, мулл, кулаков и буржуазно-националистической интеллигенции, который высказался за культурно-национальную автономию и создал «Мусульманское национальное шуро» (Совет). Съезд обратился к губернскому комиссару Временного правительства с просьбой о подавлении крестьянского движения и тем самым наиболее ярко показал свою антинародную сущность [32]. С образованием «Мусульманского национального шуро» деятельность «Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман» прекратилась.

На I Московском съезде мусульман России, происходившем в мае 1917 г., татарская буржуазия выступила с предложением предоставить народам России культурно-национальную автономию при сохранении существующей централизованной власти Временного правительства. Башкирская, Азербайджанская и некоторые другие делегации, выражавшие интересы сравнительно молодой, еще не окрепшей национальной буржуазии, требовали буржуазно-федеративного устройства государства. Разногласия между татарской и башкирской буржуазией привели к тому, что представители последней покинули съезд. В июне 1917 г. в Оренбурге башкирские националисты, возглавляемые ярым буржуазным националистом, злейшим врагом советского народа Ахмед-Заки Валидовым, создали «Бюро союза башкирского народа» (отсюда башкирское буржуазно-националистическое движение получило название «валидовщины»).

---

[29] ЦГА БАССР, ф. 76, оп. 1, д. 254, лл. 27, 35—36.
[30] «Вперед», № 125, 25 августа 1917 года.
[31] Газета «Ирек» («Свобода»), № 6, 20 апреля 1917 года.
[32] Р. М. Раимов. Указ. соч., стр. 80.

Башкирские буржуазные националисты, пользуясь отсталостью и темнотой трудящихся масс, затуманивали их сознание националистической демагогией, боролись против объединения трудящихся башкир с трудящимися других национальностей. Прикрываясь лозунгами защиты интересов башкирского народа, они стремились к захвату власти. Созванный «валидовцами» в Оренбурге 19 июля 1917 г. I Башкирский съезд состоял из торговцев, промышленников, мулл, баев и буржуазной интеллигенции. Такой состав съезда обеспечивался своеобразным денежным обложением делегатов, которые не только несли сами все дорожные расходы, но и обязаны были вносить еще 50 руб. в пользу организации [33]. На съезде была представлена всего лишь $^1/_{10}$ башкирских волостей, и тем не менее съезд провозгласил себя верховным представительным органом всего башкирского народа [34]. Решения съезда носили ярко выраженный антинародный характер. Делегаты высказались за сосредоточение всей полноты власти в руках буржуазного Временного правительства и создание в Башкирии буржуазной автономии. Был выдвинут контрреволюционный лозунг «Башкирия для башкир».

25—29 августа 1917 г. II Башкирский съезд, проходивший в Уфе, подтвердил лозунг создания территориальной автономии и образовал постоянный центр «Башкирское центральное шуро» [35]. Местом его пребывания был Оренбург.

Большевики Башкирии проводили значительную работу среди башкирского и татарского населения, добивались высвобождения трудящихся башкир и татар из-под влияния буржуазных националистов. Определяя содержание агитационной работы при выборах в Учредительное собрание, I Уфимская губернская партийная конференция большевиков и интернационалистов в своих решениях записала: «...при агитации среди мусульманского населения губернии необходимо использовать противоречие интересов между малоземельной башкирской и мусульманской беднотой, с одной стороны, и многоземельными башкирами и татарской буржуазией — с другой. Надо вырывать мусульманские низы из-под влияния националистической буржуазии, доказывать им, что доверие к собственной буржуазии укрепляет их экономическое закабаление под покровом обманчивых фраз об общих интересах всех мусульман; надо разъяснить, что лишь объединение мусульманской бедноты с рабочими и крестьянской беднотой всей России приведет к улучшению их невыносимо тяжелого положения» [36].

Передовые представители трудящихся башкир и татар, вступая в ряды большевистской партии, активно участвовали в революционной борьбе. По инициативе большевика Б. Я. Нуриманова была организована татаро-башкирская группа социал-демократов, которая вела агитацию среди рабочих, а также среди солдат — татар и башкир — Уфимского гарнизона, разъясняла им программу и платформу большевиков. Члены группы разоблачали буржуазных националистов и лжесоциалистов — татарских эсеров, защитников интересов национальной буржуазии [37]. С 4 августа 1917 г. группа выпускала свою газету «Алга» («Вперед») на татарском языке.

Расстрел июльской демонстрации в Петрограде и преследования большевистской партии со стороны Временного правительства вызвали волну глубокого возмущения и протеста среди рабочих и крестьян Башкирии. Заводские партийные организации решительно заклеймили предательство эсеров и меньшевиков. Общее собрание Симской организации РСДРП, осуждая соглашателей, входивших в состав коалиционного пра-

[33] Там же, стр. 82.
[34] Там же.
[35] Партархив Башкирского областного комитета КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 1-а, л. 2.
[36] «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)», стр. 19.
[37] Партархив Башкирского областного комитета КПСС, ф. 1832, оп. 1, д. 108, л. 1.

вительства, постановило «выразить свое полное недоверие Временному правительству и объявить смертельную борьбу контрреволюции, которая свила себе теплое гнездо в так называемом «социалистическом» правительстве и которая вместе с «социалистическими» министрами душит нашу революцию» [38].

На фабриках и заводах Башкирии проходили митинги и собрания, на которых с докладами о событиях в Петрограде выступали большевики. Многолюдные митинги и собрания состоялись в Миньяре, Усть-Катаве, Аша-Балашове, Симе, Богоявленске, в Уфимских железнодорожных мастерских и депо. Всюду принимались решения, осуждавшие контрреволюционные действия Временного правительства и предательское поведение эсеров и меньшевиков.

В то время, когда рабочие Башкирии под руководством большевиков решительно выступали против контрреволюционных действий Временного правительства, Уфимский, Белорецкий и некоторые другие эсеро-меньшевистские Советы одобряли действия Временного правительства, обещали ему всяческую поддержку. Резолюции меньшевистско-эсеровских Советов ни в коей мере не отражали настроения широких масс рабочих, крестьян и солдат. Взоры трудящихся Башкирии обращались все более в сторону большевиков.

Об усилении влияния большевиков на массы свидетельствовала II Уфимская губернская конференция объединенной организации РСДРП, проходившая 21—22 июля 1917 года. В докладах с мест представителей Усть-Катавской, Симской, Миньярской, Аша-Балашовской организаций, объединявших наибольшее число членов партии, подчеркивался рост авторитета большевиков в массах. Так, выступивший на съезде представитель Симской организации отмечал: «Социал-демократия имеет огромное влияние в Симском заводе. Весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов и исполнительного комитета состоит из социал-демократов за исключением только двух членов Совета с.-р., которым места в Совете были уступлены лишь после усиленных просьб. Меньшевики встречают у рабочих резкий отпор. Был один меньшевик и тот вынужден был уйти» [39]. В докладе о деятельности Усть-Катавской организации указывалось, что большевики выдержали борьбу с эсерами и в настоящее время занимают настолько прочное положение, что эсерам «эта борьба оказалась не по силам и они постепенно сдают одну позицию за другой... Окружные деревни находятся под сильным влиянием с.-д., которые ведут среди крестьянства агитационную работу. Организация носит определенно большевистский характер» [40].

Обстановка, сложившаяся после июльских событий, потребовала от большевиков применения новой тактики борьбы. Эту тактику выработал VI съезд партии, проходивший в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 года. На съезде от Уральской партийной организации присутствовало 22 делегата, в том числе А. И. Свидерский (Уфа), П. В. Гузаков (Миньяр), Е. А. Правдина (Усть-Катав), Е. А. Преображенский (Златоуст) [41]. VI съезд нацелил партию на подготовку вооруженного восстания. Большевики Башкирии развернули широкую работу по осуществлению решений съезда. Делегаты выступали с докладами в ряде организаций, в частности П. В. Гузаков выступил на общих собраниях Миньярской и Аша-Балашовской организаций, А. И. Свидерский — в Уфимской организации. Большевики Башкирии, вооружившись решениями VI съезда партии, начали проводить более решительную и принципиальную линию по всем важнейшим вопросам развития революции.

---

[38] «Вперед», № 119, 18 августа 1917 года.

[39] «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)», стр. 12.

[40] Там же, стр. 11—12.

[41] См. «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)». М. 1934, стр. 263.

Меньшевики, потеряв всякую надежду оказать какое-либо влияние на деятельность Уфимской объединенной организации, были вынуждены заявить о своем выходе из нее и образовали самостоятельную Уфимскую группу меньшевиков[42]. Это вопреки надеждам меньшевиков не ослабило большевистскую организацию, а, наоборот, укрепило ее, облегчило борьбу за сплочение трудящихся масс вокруг лозунгов большевистской партии.

Большевики Башкирии провели значительную работу по дальнейшему усилению своего влияния на широкие массы трудящихся, по высвобождению их из-под влияния соглашательских партий и башкирских буржуазных националистов. Активную деятельность развернули башкирские большевики среди крестьянства. Организуя и сплачивая трудящихся деревни, они опирались на рабочих южноуральских заводов и заводские партийные организации, которые твердо стояли на ленинских позициях и имели немалый авторитет среди крестьян окрестных сел. Корреспондент газеты «Вперед» в августе 1917 г. отмечал: «Усть-Катавский завод, как и большинство заводов Уфимской губернии, находится всецело под идейным влиянием с.-д. большевиков, которое распространяется на прилежащие поселки». Далее он писал, что местный Совет крестьянских депутатов порвал с эсерами и «изъявил желание работать вместе с Советом рабочих депутатов, состоявшим исключительно из с.-д. большевиков. Не входя формально в ряды партии революционного пролетариата, члены Совета крестьянских депутатов как в своей практической деятельности, так и в выносимых резолюциях стоят также на точке зрения большевизма». В этой же корреспонденции указывалось, что под влиянием большевистской агитации крестьяне произвели организованный захват земель князя Белосельского-Белозерского: «Отсутствие эксцессов всецело является заслугой рабочей организации, которая сумела ввести в организованное русло стихийную тягу крестьян к земле»[43].

Большую практическую помощь большевикам Башкирии оказал Центральный Комитет партии. Представитель ЦК А. В. Шотман неоднократно выступал на собраниях большевиков Башкирии и южноуральских заводов с докладами и сообщениями о политических событиях в Петрограде. Выступая на общем собрании Усть-Катавской организации, он подробно рассказал о том, какую огромную роль сыграл ЦК партии большевиков, возглавляя борьбу рабочих Петрограда против заговора генерала Корнилова, и призвал теснее сплотиться вокруг ЦК, «чутко прислушиваться к лозунгам, провозглашаемым центральным органом»[44].

В период борьбы с корниловщиной рабочие и солдаты Башкирии по призыву большевиков организованно поднялись на борьбу с контрреволюционным заговором. На митингах и собраниях, проходивших в Уфе и на заводах Южного Урала, трудящиеся заявляли решительный протест против Московского государственного совещания, созванного Временным правительством с целью мобилизации сил реакции для осуществления контрреволюционного заговора. Рабочие Симского завода в резолюции, принятой на митинге, состоявшемся 21 августа 1917 г., заявили: «Считая государственное совещание контрреволюционным выступлением буржуазии, мы энергично протестуем против подобного совещания»[45]. Под руководством большевиков были мобилизованы революционные силы для разгрома возможных выступлений контрреволюции. Боевые дружины и революционно настроенные воинские части взяли под свой контроль почту, телеграф, железнодорожную станцию, речной вокзал и другие важнейшие объекты в городе. Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов образовал при начальнике гарнизона революционный штаб для борьбы с

[42] Газета «Уральский рабочий», № 5, 15 сентября 1917 года.
[43] «Вперед», № 108, 4 августа 1917 года.
[44] «Вперед», № 143, 19 сентября 1917 года.
[45] «Вперед», № 128, 29 августа 1917 года.

контрреволюцией. Комиссарами Совета в штаб были назначены большевики А. К. Евлампиев и А. И. Свидерский [46]. 3 сентября объединенное заседание Уфимского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов приняло решение о создании рабочей милиции. Комиссарами рабочей милиции были назначены большевики Т. С. Кривов и П. И. Зенцов [47].

По призыву II Уральского областного съезда Советов рабочие Усть-Катавского, Аша-Балашовского и ряда других заводов ответили на контрреволюционный заговор генерала Корнилова однодневной политической забастовкой протеста. На митингах и собраниях рабочих принимались резолюции, решительно осуждавшие действия контрреволюционных заговорщиков, выдвигались требования о прекращении преследования большевиков, об аресте контрреволюционных заговорщиков. В резолюции, принятой на многолюдном собрании устькатавских рабочих, говорилось: «Путь репрессий против рабочих и солдат, на который вступило и идет правительство, не есть путь спасения революции,— это путь к победе контрреволюции. А потому мы протестуем против арестов с.-д. большевиков и идейных вождей большевизма, требуем их освобождения, протестуем против закрытия рабочих интернационалистических газет,... против разгрома рабочих, солдатских и крестьянских организаций,... требуем немедленного ареста всех контрреволюционеров во главе с генералом Корниловым...» [48].

Митинги и собрания протеста против корниловского заговора происходили также в воинских частях Уфимского и других гарнизонов. 10 сентября на собрании солдат 3-го и 4-го пулеметных запасных, 90-го, 91-го и 141-го пехотных запасных полков Уфимского гарнизона был высказан гневный протест против корниловщины. В резолюции, принятой на собрании, солдаты, выражая недоверие Временному правительству, требовали «передачи всей власти в руки Совета рабочих и крестьянских депутатов» [49].

Трудящееся крестьянство Башкирии также решительно осудило контрреволюционное выступление генерала Корнилова. 3 сентября общее собрание Богородского волостного продовольственного комитета Уфимского уезда приняло резолюцию, выражавшую протест против контрреволюционного заговора Корнилова, и потребовало передачи «всей полноты государственной власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [50]. Миньярский, Симский, Усть-Катавский, Аша-Балашовский и некоторые другие Советы, где большевики и раньше занимали руководящее положение, усилили борьбу с контрреволюцией. В Уфимском Совете в период борьбы с корниловщиной возросло влияние большевиков. 7 октября председателем Совета вместо эсера В. Ф. Гиневского был избран большевик А. И. Свидерский [51].

В соответствии с установкой Центрального Комитета партии большевики Башкирии вели борьбу за переход всей полноты власти в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. 1 сентября собрание граждан Софроновской пристани Уфы, заслушав речь большевика А. М. Чеверева, приняло резолюцию, в которой отмечалось, что соглашательская политика эсеро-меньшевистского большинства Совета является гибельной для революции, что буржуазия показала свою неспособность преодолеть хозяйственную разруху. Собрание признало «необходимым передачу всей полноты власти в руки пролетариата и беднейших слоев крестьян-

---

[46] «Известия» Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов, № 19, 7 сентября 1917 года.
[47] Там же.
[48] Газета «Борьба», № 15, 12 сентября 1917 года.
[49] «Вперед», № 147, 23 сентября 1917 года.
[50] ЦГА БАССР, ф. 212, оп. 1, д. 17, л. 7.
[51] «Вперед», № 163, 12 октября 1917 года.

ства через Советы р. с. и крестьянских депутатов и организацию рабочего контроля над производством и распределением»[52].

Губернское совещание представителей Советов, открывшееся в Уфе 1 сентября 1917 г., подведя итоги борьбы с корниловщиной, большинством голосов высказалось за немедленную передачу власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов[53].

Рост влияния большевиков на массы нашел свое выражение и в результатах выборов в волостные земства. Так, на Симском, Усть-Катавском, Богоявленском заводах большевики при выборах в волостные земства одержали победу в борьбе против мелкобуржуазных соглашателей. На Усть-Катавском заводе все 27, а на Симском заводе все 17 гласных были избраны по списку местной большевистской организации[54]. На Богоявленском заводе также прошел список кандидатов, предложенных Советом рабочих депутатов[55].

Летом и осенью 1917 г. в Башкирии наблюдался подъем рабочего и крестьянского движения. Забастовка башкирских и татарских рабочих типографии «Турмыш», начавшаяся 5 сентября как экономическая, с требованием повышения заработной платы, вскоре превратилась во всеобщую политическую забастовку печатников и закончилась победой. Требования рабочих были удовлетворены[56]. Ярким свидетельством роста политической активности и организованности рабочего класса явилась забастовка деревообделочников, охватившая рабочих всех лесопильных заводов и фанерной фабрики Уфы. В ней участвовало 800 человек русских, башкир и рабочих других национальностей. Забастовка проходила под руководством профсоюза деревообделочников и стачечного комитета[57]. Большевистская газета «Вперед» призывала всех рабочих Уфы поддержать бастующих деревообделочников, «прийти на помощь своим товарищам для поддержки духа бастующих». Рабочие горячо откликнулись на этот призыв. В фонд бастующих деревообделочников стали поступать средства от рабочих и служащих различных предприятий и учреждений[58].

В период подготовки к вооруженному восстанию большевики Башкирии завоевали на свою сторону крестьянскую бедноту и солдатские массы, укрепили союз рабочих и трудящихся крестьян. Крестьянство Башкирии, не желая больше ждать, когда Учредительное собрание соберется и разрешит земельный вопрос, начало захватывать помещичьи земли и вырубать леса. Значительная часть Уфимской и Оренбургской губерний была охвачена аграрным движением. По далеко не полным данным, в 1917 г. в Башкирии насчитывалось 275 крестьянских выступлений[59]. Большевики упорно и настойчиво разъясняли крестьянам необходимость разрешения земельного вопроса путем полной ликвидации помещичьего землевладения в результате социалистической революции. В распространении большевистских лозунгов среди крестьян значительную роль играли солдаты и матросы, вернувшиеся с фронта. Как сообщалось из Бирского уезда, житель деревни Николо-Березовки матрос Н. В. Машканцев, вернувшись из Кронштадта к себе на родину, начал агитировать крестьян за захват помещичьих земель. В селе Красный холм, Чераульской волости, он произнес речь, призывая крестьян к захвату помещичьих земель. Среди жителей починка Чувареза, Черкасской волости, Уфимского уезда, агитацию за захват помещичьих земель проводили солдат Степан Огарков и матрос Федор Зевитин[60]. Среди крестьян деревень Ново-Егорьевки

[52] «Вперед», № 138, 12 сентября 1917 года.
[53] ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 24, л. 25.
[54] «Уральский рабочий», № 9 и № 19, 7 и 18 октября 1917 года.
[55] «Вперед», № 152, 29 сентября 1917 года.
[56] Газета «Рабочий путь», № 20, 26 сентября 1917 года.
[57] ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 3, л. 105.
[58] «Вперед», № 164 и № 174, 13 и 25 октября 1917 года.
[59] Р. М. Раимов. Указ. соч., стр. 91.
[60] «Крестьянское движение в 1917 г.». М.-Л. 1927, стр. 314; ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 1, л. 20.

и Карагайки, Стерлитамакского уезда, агитационную и организаторскую работу проводил солдат-большевик Сандеев [61].

Крестьяне Башкирии приступили к разрешению земельного вопроса революционным путем. Так, Шилькибашский волостной земельный комитет Мензелинского уезда, возглавляемый приехавшим из Петрограда солдатом-большевиком Н. И. Беспаловым, начал распределять между безземельными и малоземельными крестьянами земли богатых отрубников [62]. Аналогичные факты имели место и в других уездах и волостях. В Булгаковской волости, Уфимского уезда, еще с весны 1917 г. волостная земская управа взяла под свой контроль имения крупных помещиков Кугушева, Раяль, Ляхова, Стахеева, Фока. Помещикам было запрещено до 20 мая пахать землю. Управа постановила отобрать у них землю, оставив лишь наделы не больше, чем у крестьян [63]. Согласно постановлению Андреевского волостного земельного комитета, был произведен раздел земли крупного помещика Постникова между крестьянами ближайших деревень. Верхоторский волостной земельный комитет, Стерлитамакского уезда, постановил взять в свое распоряжение 2 800 десятин земли, принадлежавшей помещице Пашковой, и распределить эту землю между нуждающимися крестьянами [64].

Революционное движение охватило не только русских крестьян, но и башкир, татар, чувашей, марийцев, населявших Башкирию. Проповедь «классового мира», проводимая башкирскими и татарскими националистами, не имела успеха среди крестьянской бедноты. Захват помещичьих земель принимал все более широкий размах. Крестьяне на своих сходах выносили решения об организованном захвате и засеве помещичьих земель. Крестьяне-башкиры деревни Бейкеевой, Янышевской волости, Уфимского уезда, на своем сходе постановили отобрать у местного землевладельца башкира Юсупа Галеева 150 десятин земли. Крестьяне деревни Тузлукушево, Имангликулевской волости, и деревни Новые Каргалы, Богадинской волости, Белебеевского уезда, рубили леса, принадлежавшие помещикам Мамлееву и Терегулову. Крестьяне-башкиры деревни Нижне-Саитово, Янышевской волости, Уфимского уезда, потребовали от волостного земельного комитета отобрать земли у землевладельца Юнуса Мустафина и его арендатора Хариса Ишмаева и передать их в пользу безземельных солдаток [65].

Крестьянским движением были охвачены и некоторые уезды Оренбургской губернии. В окрестностях Преображенского завода башкиры самовольно рубили лес, принадлежавший владельцу Залаирской дачи, и «намеревались разгромить лесную стражу» [66]. Жители Авзяно-Петровского и Тирлянского заводов, Верхне-Уральского уезда, оказывали сопротивление заготовке лесных материалов для заводов на дачах заводоуправлений, а башкиры Катайской волости, того же уезда, не допустили местную администрацию к нарезке лесосек, арендованных заводоуправлением [67]. Каноникольский земельный комитет, Орского уезда, указывая на хищническое хозяйничанье акционерного общества «Орлес», постановил отобрать лесную дачу размером более 100 тыс. десятин [68]. Крестьяне села Александровки производили захват лугов, принадлежавших Белорецким заводам [69].

Широкий размах крестьянского движения в Уфимской и Оренбург-

---

[61] Чкаловский областной архив, ф. 442, оп. 1, д. 5, лл. 88, 91.
[62] ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 1, лл. 47—48.
[63] «Вперед», № 47, 21 мая 1917 года.
[64] ЦГА БАССР, ф. 187, оп. 1, д. 7, лл. 188, 197.
[65] Там же, ф. 216, оп. 1, д. 25, лл. 12, 14, 20; ф. 42, оп. 1, д. 2, лл. 77, 94; ф. 218, оп. 1, д. 25, лл. 12, 14, 20.
[66] Партархив Чкаловского обкома КПСС, ф. 266, оп. 1, д. 27, л. 16.
[67] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 406, оп. 2, д. 210, лл. 21—22.
[68] «Крестьянское движение в 1917 г.», стр. 104.
[69] Партархив Башкирского областного комитета КПСС, ф. 1832, оп. 2, д. 27, л. 6.

ской губерниях сильно беспокоил местные органы Временного правительства. По просьбе землевладельцев губернские власти направляли воинские части на подавление крестьянского движения. Командиру 86-й Донской казачьей сотни было предписано для ликвидации крестьянского волнения командировать взвод казаков в г. Мензелинск «для направления оттуда по пунктам по указанию местного уездного комиссара». Одновременно взвод казаков был послан в пределы Уфимского уезда [70]. Воинские части направлялись и в другие уезды.

По мере нарастания революционных событий участились случаи сопротивления крестьян карателям. Крестьяне деревни Н. Абдулово, Ерсубайкинской волости, Мензелинского уезда, по согласованию с волостным земельным комитетом постановили отказаться от сдачи в аренду мельницы арендатору Макарову. Когда присланная по требованию Макарова воинская часть взяла под свою охрану мельницу, крестьяне силой заставили солдат удалиться. «Приказ карательной команде не удался,— телеграфировал Макаров,— деморализованная команда ушла под напором захватчиков» [71].

В октябре 1917 г. крестьяне деревни Янгизкаиново, Стерлитамакского уезда, оказали вооруженное сопротивление при разборе дела о самовольной рубке леса в даче землевладельца Пашкова. При этом был убит организатор самовольной рубки крестьянин Фаткуллин.

Рост влияния большевистской партии среди трудящихся Башкирии был наглядно продемонстрирован на I губернской партийной конференции большевиков и интернационалистов, происходившей в Уфе 4—5 октября 1917 года. На конференции присутствовал 31 делегат от 3 тыс. членов партии. Доклады с мест показали, что большевистские организации выросли и окрепли, усилилось их влияние на рабочих и крестьян.

Особой резолюцией «О содержании нашей агитации при выборах в Учредительное собрание» конференция определила задачи агитационной работы среди трудящихся и указала на необходимость перенесения центра тяжести агитации «в пролетарские массы и в среду малоземельных слоев крестьянства» [72].

Исходя из решений VI съезда партии и указаний В. И. Ленина, конференция тщательно обсудила вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. В докладах с мест отмечалось, что при Усть-Катавском, Симском, Богоявленском и Златоустовском заводах созданы отряды Красной Гвардии, которые вооружены за счет реквизиции оружия у полиции, заводской охраны и частных лиц. Серьезное внимание было уделено вопросу организации работы среди башкирского и татарского населения. Конференция обязала партийные организации бороться за разоблачение буржуазных националистов, организацию башкирской и татарской бедноты на совместную борьбу с рабочими и крестьянами всей России против общих врагов — буржуазии и помещиков [73].

Большое значение в борьбе с буржуазными националистами имел созванный по инициативе Уральского областного и Уфимского губернского комитетов партии съезд татарских и башкирских социал-демократов (большевиков) Южного Урала, происходивший в Уфе 15—18 октября 1917 года. На съезде была создана татарская социал-демократическая партия. Как видно из принятой съездом программы, эта организация ставила своей целью распространение идей социализма на родном языке, «беря за основу учение К. Маркса, держась тактики большевизма» [74]. Несмотря на то, что организаторы съезда ошибочно назвали свою органи-

---

[70] ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 1, лл. 5, 120.
[71] Там же, лл. 147, 149.
[72] «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)», стр. 15—17, 19.
[73] Там же, стр. 19.
[74] «Вперед», № 183, 4 ноября 1917 года.

зацию особой партией внутри РСДРП(б), фактически никакой особой татарской социал-демократической партии не было. Эта организация по сути дела являлась национальной секцией башкирских и татарских социал-демократов, входивших в местные комитеты РСДРП(б). Решения съезда башкирских и татарских социал-демократов (большевиков) Южного Урала и практическая деятельность местных татаро-башкирских секций, а также решения I губернской партийной конференции большевиков сыграли значительную роль в мобилизации трудящихся масс башкир и татар вокруг лозунгов большевистской партии, в высвобождении их из-под влияния буржуазных националистов и эсеро-меньшевистских соглашателей, в организации трудящихся на борьбу за установление Советской власти.

Претворяя в жизнь решения VI съезда партии, большевики Башкирии развернули энергичную работу по подготовке к вооруженному восстанию. 8 октября 1917 г. в Уфе состоялась внушительная манифестация, в которой участвовало более 10 тыс. рабочих и солдат Уфимского гарнизона. Манифестация прошла под большевистскими лозунгами «Долой войну!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует социализм!» [75]. 9 октября Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов, где уже преобладали большевики, принял наказ делегатам, избранным на II Всероссийский съезд Советов. В наказе подчеркивалось, что, избирая делегатов на съезд, Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов высказывается за переход власти в руки революционных органов и заявляет:

«1) Необходим безотлагательный созыв съезда Советов для создания революционной власти; 2) совещание 12 сентября не может заменить созыва указанного съезда; 3) в случае отказа ЦИК на созыв съезда съезд должен быть созван областными Советами...» [76]. Аналогичные постановления были приняты некоторыми Советами южноуральских заводов. Миньярский Совет рабочих депутатов, разоблачая попытку подменить созыв Всероссийского съезда Советов так называемым Всероссийским демократическим совещанием, указывал, что это противоречит интересам демократии и является соглашательством с буржуазией. Учитывая возможность отказа эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета от созыва Всероссийского съезда Советов, Миньярский Совет считал необходимым, чтобы Урал в лице областного Совета взял на себя инициативу созыва съезда [77].

Большевики Башкирии сочетали подготовку ко II Всероссийскому съезду Советов с мобилизацией сил для осуществления вооруженного восстания. На заводах и в мастерских проводилась напряженная работа по мобилизации и вооружению масс. Были приняты меры по укреплению и организации боевых дружин.

Создание боевых дружин в Башкирии началось еще с мая 1917 г., когда Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов на заседании 22 мая заслушал сообщение о готовящемся погроме винных складов и постановил: «Поручить Зенцову и Кривову сформировать на завтрашний день рабочие дружины» [78]. В Уфе были созданы две дружины — городская и железнодорожная. В июне — сентябре боевые дружины и отряды Красной Гвардии сформировались на Миньярском, Симском, Усть-Катавском, Богоявленском и ряде других заводов [79]. В течение октября количество дружинников значительно возросло на этих и других заводах. Боевые дружины создавались также в некоторых уездных и волостных центрах Башкирии: в Бирске, Белебее, на Благовещенском заводе и т. д. [80]. Большевики уделяли серьезное внимание военному обучению дружинни-

[75] «Вперед», № 161, 10 октября 1917 года.
[76] «Уральский рабочий», № 6, 17 октября 1917 года.
[77] ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 23, лл. 250—252.
[78] Там же, д. 32, л. 24.
[79] «Башкирская организация ВКП(б) в ее съездах и конференциях (1917—1922)». стр. 15—17.
[80] Ф. А. Александров. Указ. соч., стр. 126.

ков В Уфе были созданы две военно-инструкторские школы. В первой из них обучались члены боевых дружин городских предприятий, а во второй — дружинники из Уфимских железнодорожных мастерских. Такие же школы создавались на заводах Южного Урала. В организации боевых дружин активное участие принимали видные деятели Уфимской большевистской организации А. М. Чеверев, Э. С. Кадомцев, И. С. Кадомцев, Г. В. Андреев и другие.

В октябрьские дни рабочие дружины и отряды Красной Гвардии отдельных заводов были объединены в боевые отряды народного вооружения (БОНВ), которые создавались по опыту боевых дружин в революции 1905—1907 годов. В Башкирии и на Южном Урале БОНВ составляли основную боевую силу пролетарской революции и выполняли ту же роль, какую выполняли отряды Красной Гвардии. Они создавались при партийных комитетах и имели четкую централизованную форму управления [81]. БОНВ сыграли огромную роль в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Башкирии и на Южном Урале. В июне — июле 1918 г. они влились в части Красной Армии.

Накануне Октябрьского вооруженного восстания большевики Башкирии особенно широко развернули агитационную и организационную работу среди солдат Уфимского, Белебеевского, Стерлитамакского гарнизонов. Практически этой работой руководили культурно-просветительная комиссия, созданная при Уфимском комитете РСДРП, военная социал-демократическая организация и военная секция Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов. Идя навстречу пожеланиям солдатских масс, военная секция Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов постановила организовать при каждой роте местного гарнизона отряды («легионы свободы») для охраны города от провокационных попыток вызвать погромы. Решение военной секции Совета нашло горячий отклик среди солдат. Только за один день, 21 октября, в военную секцию Совета от 12 рот были присланы списки лиц, изъявивших желание вступить в «легионы свободы». Накануне Октябрьского вооруженного восстания в них записалось 2 тыс. человек. Начальствующий состав «легионов свободы» был выборным и комплектовался из передовых офицеров и солдат [82].

В предоктябрьские дни особенно сильно укрепилась связь между башкирскими рабочими, крестьянами и солдатами гарнизонов. Солдаты нередко посещали собрания рабочих, выступали против вооруженного подавления движения крестьян. Так, на многолюдном митинге рабочих, солдат и крестьян, состоявшемся 17 октября в Стерлитамаке, с большим вниманием был заслушан доклад члена Уфимского Совета Э. С. Кадомцева. Газета «Вперед» об этом писала: «Кадомцев объяснил собравшимся те цели, к которым стремятся большевики, и никогда зал народного дома не слышал таких оглушительных аплодисментов, какими стерлитамакская демократия приветствовала выступление уфимского товарища. Этот успех ясно показал, что трудовой люд, крестьяне, рабочие и солдаты в нашем городе — все на стороне большевиков, на них надеются, только от них ждут защиты своих интересов: земли и воли, хлеба и мира» [83]. Полковой комитет 152-го пехотного запасного полка, осуждая действия белебеевского уездного комиссара Алексеева, направленные против крестьянских волнений в деревнях Старо-Тураево и Старо-Шахово, просил Белебеевский Совет «принять самые экстренные меры к устранению комиссара и его помощника». Комитет обещал Совету «полную поддержку законному проведению в жизнь этого устранения» [84].

К октябрю 1917 г. большинство рабочих, солдат и крестьян Башкирии было завоевано большевиками на свою сторону. Революционная мо-

[81] «Известия» Уфимского губернского Совета народных комиссаров, № 120, 20 июня 1918 года.

[82] «Вперед», № 174, 25 октября 1917 года.

[83] Там же.

[84] ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 17, л. 88.

билизация сил была в основном завершена. Трудящиеся массы уверенно шли за большевиками и считали большевистскую партию единственной партией, защищающей интересы рабочих и крестьян. В резолюции, принятой 19 октября на собрании граждан Юрюзанского завода, говорилось: «Заслушав доклады и программы политических партий, признали наиболее соответствующей народным интересам партию социал-демократов — большевиков и постановили считать ее своим политическим руководителем» [85].

Рабочие, солдаты и крестьянская беднота Башкирии были готовы по призыву большевистской партии вступить в решительную борьбу за свержение буржуазного Временного правительства, за установление Советской власти.

Центральный Комитет партии, подготовляя вооруженное восстание против Временного правительства, не ограничивался определением задач столичных партийных организаций Петрограда и Москвы. Учитывая специфические особенности отдельных районов, ЦК поставил перед каждой крупной организацией партии конкретные задачи. Перед Уральской партийной организацией, в состав которой входили Уфимская и Оренбургская организации, была поставлена задача — наряду с оказанием своевременной помощи Питеру боевыми отрядами в случае разгрома восстания в Петрограде и Москве взять в свои руки инициативу; кроме того, на уральских большевиков возлагалась задача обеспечить доставку продовольствия в центр страны. Уфимской партийной организации поручалось приготовить несколько эшелонов с хлебом для отправки в Петроград и Москву на следующий день после вооруженного восстания [86]. Выполняя указание Центрального Комитета партии, большевики Уфимской губернии серьезное внимание уделяли подготовке хлебных эшелонов для отправки в центр. А. Д. Цюрупа, возглавлявший Уфимскую продовольственную управу, совместно с другими большевиками и сочувствующими им сотрудниками управы подготовил имеющийся на складах хлеб к отправке в центр. Одновременно была усилена заготовка хлеба, что дало возможность впоследствии успешно выполнить эту поставленную ЦК партии задачу.

Чтобы предотвратить возможные выступления контрреволюционных элементов и их попытки вынудить пролетариат к преждевременному выступлению, Уфимский комитет РСДРП(б) опубликовал 20 октября воззвание, в котором призывал рабочих и солдат к спокойствию и организованности. С таким же призывом к гражданам обратился Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов [87].

В целях укрепления руководства борьбой рабочих и крестьян накануне решительных действий 22 октября были проведены перевыборы Уфимского комитета РСДРП. В новый состав комитета вошли: Н. П. Брюханов, Э. С. Кадомцев, А. Д. Цюрупа, И. М. Беляков, А. П. Кучкин, П. З. Кузнецов, А. А. Юрьев, Ф. Я. Першин, А. К. Евлампиев, А. И. Свидерский и другие [88].

Большевики Башкирии с напряженным вниманием следили за развертыванием событий в Петрограде и Москве. Они ждали сигнала Центрального Комитета партии, чтобы поднять массы на борьбу за свержение органов Временного правительства, за установление власти Советов. Объявление Керенским открытого похода против большевиков и всего революционного народа вызвало резкий протест у рабочих и солдат Башкирии. В резолюции, принятой на собрании солдат Уфимского гарнизона 25 октября 1917 г., говорилось, что солдаты до последней капли крови

---

[85] «Вперед», № 175, 26 октября 1917 года.
[86] «История гражданской войны». Т. II. М. 1947, стр. 94.
[87] «Вперед», № 170, 20 октября 1917 года.
[88] «Вперед», № 174, 25 октября 1917 года.

будут защищать завоевания революции и не дадут буржуазии и лжесоциалистам разрушить организации революционного народа [89].

Решающие события произошли 26 октября, когда была получена весть о победе вооруженного восстания в Петрограде. В тот же день состоялось заседание Уфимского комитета большевиков, принявшее решение создать при Уфимском Совете Военно-революционный комитет [90].

Одновременно было выпущено воззвание, в котором разъяснялось значение совершившейся социалистической революции, трудящиеся призывались дать решительный отпор возможным вылазкам контрреволюции. В воззвании говорилось: «Солдаты и рабочие! В братском союзе покажите, что не керенские задавят революцию, а революция сломит и сметет с земли попытки буржуазной контрреволюции» [91].

Уфимский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов сразу же решил взять власть в свои руки. Как только была получена телеграмма Военно-революционного комитета Петроградского Совета, исполнительный комитет созвал заседание Президиума Совета и принял меры для концентрации боевых сил [92]. В тот же день под председательством А. И. Свидерского состоялось объединенное заседание исполнительного комитета Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов. А. И. Свидерский огласил телеграмму Петроградского Военно-революционного комитета о низвержении правительства Керенского и переходе власти в руки Советов. На заседании разгорелась борьба большевиков с эсерами и меньшевиками. Эсер И. З. Штейнберг и меньшевик И. А. Ахтямов выступили против взятия власти Советами. При этом И. А. Ахтямов заявил, что, «считая переворот несчастьем для революции, они (т. е. меньшевики.— *З. А.)* не будут принимать участия в работе новой революционной власти» [93]. Соглашателей поддержали различного рода неустойчивые элементы (троцкист Эльцин и другие), и все же им не удалось навязать объединенному заседанию своей воли. Была принята большевистская резолюция, приветствовавшая переход власти в Петрограде к Советам. Заседание постановило немедленно приступить на местах к организации власти на революционно-демократических началах, всячески содействовать дальнейшему углублению и развитию победы, одержанной петроградским пролетариатом. Кроме того, было принято постановление о создании революционного комитета из представителей исполнительных комитетов Совета рабочих и солдатских депутатов, губернского Совета крестьянских депутатов, президиумов мусульманского военного Совета, почтово-телеграфных служащих и местного железнодорожного комитета. В Губернский революционный комитет вошли пять большевиков (А. И. Свидерский, Н. П. Брюханов, А. Д. Цюрупа, А. А. Юрьев, А. К. Евлампиев) и два левых эсера (И. З. Штейнберг, А. И. Брилиантов) [94].

Губернский ревком немедленно приступил к практической деятельности. 28 октября он обратился с воззванием к населению, в котором сообщал о свержении Временного правительства, о переходе в Уфе и губернии всей власти в руки рабочих и крестьян в лице Губернского революционного комитета. В воззвании говорилось, что ревком считает своей ближайшей задачей удовлетворение неотложных государственных нужд, подавление всяких попыток использовать создавшийся переходный момент для контрреволюционных целей, направленных против демократии. Революционный комитет призвал все население спокойно выполнять текущую работу и объединяться вокруг органов революционной демокра-

---

[89] «Вперед», № 179, 31 октября 1917 года.
[90] «Вперед», № 178, 29 октября 1917 года.
[91] «Вперед», № 176, 27 октября 1917 года.
[92] ЦГА БАССР, ф. 42, оп. 1, д. 32, л. 12.
[93] Там же, л. 128.
[94] Там же.

тии. «Только при дружном объединении всей демократии вокруг созданных органов революционной власти,— говорилось в воззвании,— возможно скорейшее окончание войны на основе демократического мира, правильное разрешение земельного вопроса в интересах трудового крестьянства, борьба с хозяйственной разрухой и противодействие возможным попыткам врагов народа ниспровергнуть новую революционную демократическую власть» [95].

Трудящиеся Башкирии с огромным энтузиазмом приветствовали свержение Временного правительства и переход власти в руки Советов. В резолюции собрания рабочих Усть-Катавского завода, принятой 28 октября, говорилось: «Рабочие и служащие Усть-Катавского завода приветствуют рабочих и солдат Петрограда за их героический подвиг и считают своим долгом всеми силами поддерживать революционный комитет». Рабочие Симского завода, приветствуя петроградских рабочих и революционный гарнизон, заявили: «Шлем вам свой привет и всегда готовы выступить на защиту вас. Да здравствует социалистическое министерство, вышедшее из недр Советов...» Аналогичные резолюции были приняты на собраниях рабочих Юрюзанского, Аша-Балашовского и других заводов [96]. Солдаты Уфимского гарнизона, приветствуя победу революции, выражали готовность встать на защиту новой революционной власти от посягательств контрреволюции [97]. Общее собрание Уфимского мусульманского военного Совета, состоявшееся 29 октября 1917 г. под председательством Шагита Худайбердина, единогласно приняло решение, приветствовавшее переход власти к Советам. В резолюции собрания говорилось: «Вся власть должна находиться в руках Советов», поэтому «Уфимский мусульманский военный Совет присоединяется к постановлению Всероссийского съезда Советов о взятии власти в руки Советов и заявляет о своей готовности защищать Советскую власть» [98]. 20 ноября крестьяне Киебаковской волости, Бирского уезда, приняли решение: «Приветствовать выступление в Октябрьские дни петроградских товарищей, настаивать на передаче всей власти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, признавая власть эту единственно могущей вывести нашу Родину из тяжелого положения» [99]. Аналогичные решения были приняты Богородским земельным комитетом Уфимского уезда, Александро-Карамалинским волостным земельным комитетом Мензелинского уезда и другими.

Установление Советской власти в Башкирии произошло сравнительно быстро. 27 октября Советы взяли власть в свои руки в Усть-Катаве, Богоявленске, Миньяре, Симе и ряде других местностей, где еще до победы Октябрьского вооруженного восстания они были, по сути дела, хозяевами положения. В Стерлитамаке власть полностью перешла к Советам 28 октября.

С 26 октября по 3 ноября 1917 г. на большей части территории Башкирии мирным путем была установлена Советская власть. Однако в отдельных местностях юго-восточной Башкирии установление Советской власти в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств встретило упорное противодействие со стороны контрреволюционных сил и затянулось до конца января 1918 года. Это объясняется рядом причин. В западной Башкирии на заводах Уфимской губернии имелась значительная армия рабочих, среди которых сильно было влияние большевиков. Большевистские организации Богоявленского, Усть-Катавского и ряда других заводов провели немалую работу среди крестьянства окрестных сел. Крестьянство Уфимской губернии, как русские, так башкиры и татары, шире

[95] «Вперед», № 177, 28 октября 1917 года.
[96] «Вперед», № 182 и № 191, 3 и 14 ноября 1917 года.
[97] «Вперед» № 179, 31 октября 1917 года.
[98] ЦГА БАССР, ф. 465, д. 2, л. 123.
[99] «Вперед», № 215, 15 декабря 1917 года.

было охвачено аграрным движением, оно активно поддерживало борьбу рабочих и солдат за установление Советской власти. В юго-восточной Башкирии промышленного пролетариата было меньше; заводы Белорецкого округа, Таналыково-Баймакского района, являлись как бы островками в этом аграрном районе. К тому же на Белорецком заводе среди рабочих активно орудовали эсеры, а большевистская организация была малочисленной. Буржуазные националисты, используя отсталость башкирского населения и сохранившиеся патриархально-феодальные формы землепользования (волостные общины), всяческими путями подбивали башкир на то, чтобы обеспечить осуществление своих буржуазно-националистических программ. В юго-восточной Башкирии контрреволюция получила мощную опору в лице реакционно настроенного оренбургского казачества. Оренбург — центр казачьего войска — превратился в один из очагов контрреволюции, куда стекались реакционные элементы, в том числе и башкирские буржуазные националисты-валидовцы. В конце октября 1917 г. казачий атаман Дутов с помощью меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов захватил власть в Оренбурге и стал громить Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Башкирское центральное шуро», вступив в тесную связь с Дутовым, под маской создания Башкирской автономной республики также повело борьбу против Советов. 11 ноября 1917 г. оно официально заявило о своем отказе признать власть Советов. Башкирские буржуазные националисты пытались опорочить значение исторических декретов Советского государства и заявляли, что декрет о земле является якобы покушением на земли башкир, что его осуществление приведет к хаосу и бесчинствам в Башкирии. Объявив о своем вступлении в контрреволюционный «Юго-восточный союз свободных наций», созданный Дутовым, «Башкирское центральное шуро» призвало башкир к выступлениям против Советов [100]. В декабре 1917 г. Всебашкирский курултай, созванный валидовцами, отверг декреты Советской власти, объявил автономию восточной (Оренбургской) части Башкирии, избрал «предпарламент» для окончательной выработки законов «Башкортостана» и образования своего правительства [101].

Несмотря на упорное сопротивление эсеро-меньшевистских соглашателей и буржуазных националистов, в промышленных центрах восточной Башкирии уже в первых числах ноября 1917 г. была установлена Советская власть.

Трудящиеся Башкирии создавали революционные боевые отряды для борьбы с Дутовым и буржуазно-националистической контрреволюцией. Белорецкий, орский, троицкий, баймакский, уфимский (под командованием Чеверева), мусульманский (татаро-башкирский) отряды Красной Гвардии при поддержке казанских, самарских, екатеринбургских рабочих и прибывшего из Петрограда «Северного летучего отряда» революционных матросов и солдат после ряда кровопролитных боев разбили главные силы Дутова. Отряды Красной Гвардии выступали под общим командованием старого большевика П. А. Кобозева, назначенного чрезвычайным комиссаром Оренбургско-Тургайской области. Большую помощь красногвардейцам оказали рабочие Оренбурга. В момент упорных боев с дутовцами, вечером 30 января 1918 г., подпольный большевистский комитет Оренбурга поднял в городе восстание. Вооруженный отряд рабочих во главе с большевиками занял железнодорожную станцию, что внесло панику в ряды дутовцев. Не выдержав натиска наступавших красногвардейских отрядов и восставших в тылу рабочих, дутовцы бежали. Утром 31 января 1918 г. в Оренбург вошли главные силы Красной Гвардии.

Героическая борьба рабочих и трудящихся крестьян закончилась установлением Советской власти на всей территории Башкирии.

---

[100] Партархив Башкирского областного комитета КПСС, ф. 1832, оп. 2, д. 56, лл. 1, 2—4, 5—7.

[101] Там же, д. 42, лл. 1—2; д. 50, л. 1.

ПЕРЕДНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНОСТЬ (СТРАНЫ РЕЧНЫХ КУЛЬТУР (ДВУРЕЧЬЕ И ЕГИПЕТ) В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ И РИМСКУЮ ЭПОХИ) *

Академик *А. И. Тюменев*

Согласно распространенной концепции, рассматривающей древневосточные общества как общества «раннерабовладельческие», а области античной культуры — как области с более развитой системой рабовладения, эллинистическая эпоха определяется как время распространения в странах древнего Востока более «развитых» рабовладельческих отношений и как этап, способствовавший переходу этих стран на высшую ступень рабовладения [1]. Остановимся на этом вопросе специально и посмотрим, в какой мере и насколько глубоко проникли античные формы рабовладения в экономическую жизнь древневосточных культурных стран — области Двуречья и Египта.

Прежде всего сомнительно, чтобы античное рабство, которое в самом эллинском мире находилось в состоянии полного разложения и представляло способ производства, уже обреченный и сходивший на нет [2], могло сыграть прогрессивную роль в развитии стран древнего Востока. Если в жизни отсталых стран Передней Азии эллинское влияние и античные формы рабства могли иметь известное прогрессивное значение [3], то

---

* Начало статьи см. «Вопросы истории», 1957, № 6.

[1] Более последовательно такая точка зрения была развита в книге А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л. 1950, стр. 336 и сл., ср. стр. 16, 31. Происходившая в июне 1953 г. дискуссия о проблеме эллинизма (см. отчет об этой дискуссии в журнале «Советская археология», т. XXII, 1955, стр. 99—124) показала, что многие советские историки идут еще дальше и склонны распространять этот термин на всю всемирную историю. Эллинизм рассматривается этими историками уже не только как этап в истории Переднего Востока, но и более того, они считают эллинизм «наиболее типичным периодом или этапом всемирной истории, который характеризуется как время наивысшего распространения развитых рабовладельческих отношений» (там же, стр. 117). Бесспорно, рабовладельческая формация проходила у всех народов стадии как начального, так и наиболее полного развития, однако из этого вовсе не следует, что соответствующие периоды в жизни отдельных народов должны были протекать в одних и тех же формах и в одно и то же время.

[2] В III—II вв. до н. э. Греция переживала состояние растущего экономического упадка, о чем свидетельствуют такие факты, как сокращение числа занятых в промышленности рабов и быстрый рост процента доморощенных рабов (см. W. Westermann. The slave system of greek and roman antiquity. Philadelphia. 1955, p. 31—34, 137—138; J. Day. An economic history of Athens under roman domination. New York. 1942, pp. 24, 46—47). Еще сильнее общие симптомы упадка сказывались в римскую эпоху (см. О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова. М. 1954, стр. 62 и сл.).

[3] Не следует преувеличивать влияния античности и для восточных областей Малой Азии. Н. В. Пигулевская, более осторожно подходящая к этому вопросу, приписывает чрезмерную оценку эллинского влияния тому факту, что до сих пор исследователи строили свои выводы почти исключительно на данных западных источников. Обильно привлекая в своей работе также и восточные источники, она дает такую оценку последствий греко-македонского завоевания восточных областей: «Социальное и экономическое развитие областей (Междуречья и Ирана) получило известный толчок, новые факторы оказали известное влияние, но оно не было ни глубоким, ни значительным... Уровень развития производительных сил и техники в основном оставался тот же» (Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л. 1956, стр. 27).

в отношении стран речных культур с более чем двухтысячелетней историей законен вопрос, почему античная форма рабства, которая на конечном этапе своего развития завела в тупик Грецию и Рим и вместе с тем закрыла выход из этого тупика, могла в какой-то степени играть в Египте и Двуречье противоположную роль, подготовляя и облегчая для них наступление более прогрессивной формации [4].

В то же время такая точка зрения не выдерживает проверки фактами. Конечно, некоторое в общем не слишком значительное распространение рабства античного типа осложняло и модифицировало картину общественных отношений в странах древних речных культур, в какой мере, это могут показать только специальные исследования. Однако влияние этого обстоятельства не было ни настолько глубоким, ни настолько значительным, чтобы заметно отразиться на характере их базиса. Необходимо также иметь в виду и то, что и самая форма рабства военнопленных и покупных рабов вовсе не представляла какого-либо нового явления в жизни стран Востока и к началу эллинистической эпохи получила более широкое распространение как в Египте, так и в особенности в области южного Двуречья. Как уже отмечалось, в южном Двуречье частнохозяйственные отношения и вместе с тем частное рабовладение получили больше возможностей для своего развития уже со времени распадения царского хозяйства в период третьей династии Ура. В нововавилонскую и персидскую эпохи рабство было уже здесь значительно развито, но не столько в области сельского хозяйства, в котором преобладающим способом эксплуатации земли была сдача в аренду, сколько главным образом в области ремесленного производства, причем эксплуатация рабского труда имела прежде всего своей целью, как и в античности, получение прибавочной стоимости [5].

Одновременно с этим, как отмечалось выше, налицо были и своеобразные, более мягкие и, следовательно, более прогрессивные переходные формы использования рабского труда в промышленности, поскольку здесь уже преобладала система сдачи рабов в обучение ремеслу и предоставления таким обученным рабам известной самостоятельности. Эллинское влияние в Вавилонии не могло вносить поэтому чего-либо существенно нового и тем более играть ту прогрессивную роль, какая ему обычно приписывается [6]. В отличие от Египта в Вавилонии, и прежде всего в таких центрах, как Вавилон и Урук, кипела оживленная торговая и промышленная деятельность, на почве которой греческие и македонские иммигранты вступали в более тесные и постоянные отношения с местным населением [7]. Несмотря на такое общение с греками, города Вавилонии — Урук, Вавилон, Кута и другие — не переняли черт эллинского полиса, но сохранили свой характер храмовых городов. Подобно полисам эллинского типа, города Вавилонии пользовались, правда, самоуправлением. Но и в этом не было ничего нового. Право самоуправления предоставлялось вавилонским городам и в предшествовавшие ассирийскую и

---

[4] Конечно, и для этих стран влияние античности не прошло бесследно, поскольку, например, в Египте, как увидим, оно ускорило рост частного землевладения. Однако специфический характер их базиса этим влиянием затронут не был (см. ниже).

[5] Утверждение А. Б. Рановича, что при эллинизме на Востоке наблюдался «переход от примитивных форм рабства к рабовладельческой системе, целью которой является производство прибавочной стоимости», в отношении Вавилона во всяком случае лишено основания (А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 158).

[6] Эллинское влияние отразилось не столько на характере эксплуатации, сколько в факте окончательного устранения семейно-родовых отношений и пережитков. Со времени Селевкидов совершенно исчезла распространенная форма договоров об отчуждении имущества с упоминанием гарантий со стороны других членов семьи. Эта форма была заменена иной, более краткой формулой (см., например, E. W. Moore. Neobabylonian business and administrative documents. 1935, №№ 229, 234, 235, 239, 241, 246, 249).

[7] M. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World. I. Oxford. 1941, p. 512—513.

нововавилонскую эпохи. Фактически этим правом пользовались прежде всего храмовое жречество и связанные с храмами зажиточные слои населения. Храмовые хозяйства еще существовали, но они выродились к этому времени в результате продажи и уступки доходных статей храма (бывших административных должностей) в своего рода центр коллектива жречества и более состоятельных слоев населения[8]. Храмовые города окружены были территорией, которую Селевкиды под видом дарения закрепили за ними. Земли эти по характеру их эксплуатации также ничем не напоминали городские земли при эллинских полисах. В их состав входили храмовые, дворцовые и частновладельческие земли[9]. Главную рабочую силу в сельском хозяйстве Передней Азии, входившей в состав империи Селевкидов, составляли не рабы, но прежде всего, как и в Египте, местное население, так называемые laoi basilikoi. Что касается собственно Вавилонии, то прямых данных относительно эксплуатации труда в сельском хозяйстве от времени Селевкидов не сохранилось. Здесь, по всей вероятности, как и в предшествовавшие эпохи, преобладающей была система сдачи земли в аренду мелкими участками. В какой мере применялся для обработки земли труд рабов, за отсутствием данных решить не представляется возможным.

В Египте, где централизованная система государственного хозяйства в форме древневосточной деспотии была более устойчивой, установление власти Птолемеев не только не ослабило этой системы, а, напротив, способствовало ее упрочению и более последовательному и полному проведению. Птолемеи не только усвоили внешние формы восточной деспотии, но в основном и всю хозяйственную систему, причем никогда вмешательство государственной власти во все мелочи хозяйственной жизни не проводилось с такой последовательностью, как именно при Птолемеях.

Чтобы показать это, остановимся на системе государственного хозяйства при Птолемеях. Оросительные работы выполнялись, как и в доэллинистическое время, путем привлечения населения к трудовой повинности, причем труд людей, подлежавших этой повинности, тщательно учитывался, о чем свидетельствуют специальные документы эллинистической эпохи[10]. В принудительном порядке население привлекалось и на другие

---

[8] Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии. «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1952, № 1, стр. 68—83.

[9] Г. Х. Саркисян. О городской земле в селевкидской Вавилонии. «ВДИ», 1953, № 1, стр. 57—73.

[10] Brunet de Presle. Notices et extraits des manuscrits grecs de la bibliothéque impériale (далее P. Par). Paris. 1865—1866, № 66; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. II, № 385; ср. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin (далее BGU). I—IX, Berlin. 1895—1937, III, 1003; Papiri greci e latini (Publicazioni della società Italiana) (далее PSI). I—XII, 1912—1953, № 577; F. Preisigke—F. Bilabel. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten (далее SB). I—V, 1915—1950, № 6797. Участившиеся в римскую эпоху случаи бегства и неявки населения на оросительные работы имели своим последствием запущенность оросительных сооружений уже в I в. н. э. (H. Braunert. Idia. Studien zur Bevölkerungsgeschichte des Ptolemäischen und römischen Ägypten. «Journal of Juristic papyrology», 1955—1956, IX—X, стр. 268). В проведении работ по орошению области Файюма (δωρεα Аполлония) были заняты «царские земледельцы». См. M. Rostovtzeff. A large estate in Egypt in the third century B. C. Madison. 1922, p. 59—60). В отдельных случаях в этих работах принимали участие также и военнопленные, или, быть может, точнее, заключенные (desmotai) (там же, стр. 162—163); C. Préaux. L'économie royale des Lagides. Bruxelles. 1939, p. 53 и сл. характеристике работ по орошению посвящена специальная глава в книге M. Schnebel. Die Landwirtschaft im hellenistischen Aegypten. I. 1925, S. 29—83; на русском языке очерк О. О. Крюгера «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте». «Известия ГАИМК». Вып. 108. М.-Л. 1935, стр. 20—33. Более сложные работы по проведению новых каналов и насыпей нередко производились по подряду и выполнялись при помощи наемного труда (М. М. Хвостов. Общественные работы в эллинистическом Египте. «Сборник статей в честь В. П. Бузескула». Харьков. 1914, стр. 430 и сл.).

работы: прежде всего на жатву[11], затем на посадку деревьев[12], на изготовление кирпича[13], на строительство[14]. На оросительные работы население Египта привлекалось и позднее, в римскую эпоху. От римского времени сохранилось большое число квитанций на остраках — черепках— о выполнении этих работ[15].

Принцип верховной собственности государства на землю проводился при Птолемеях с не меньшею, если не с большею последовательностью, чем в фараоновском Египте. Все земли в принципе признавались государственными, причем большая часть их объявлялась «царской землей» (ge basilike) и обрабатывалась «царскими земледельцами» (georgoi basilikoi), составлявшими массу непосредственных производителей. В то же время и остальные земли, в том числе не только земли клерухов — военных поселенцев,— но и находившиеся в частном владении и пользовании (в частности, дарственные земли (doreai), раздававшиеся представителям высшей администрации) и даже храмовые земли рассматривались как «земли в отпуску», как «отпущенные земли» (ge en aphesei)[16]. В число «царских земель» входили все лучшие орошаемые земли (ge en arete); среди «отпущенных», напротив, встречались неорошаемые и малоплодородные[17].

«Царские земли» обрабатывались «царскими земледельцами» под постоянным наблюдением и контролем органов центральной власти. Но далеко не все «отпущенные земли» были избавлены от вмешательства государственной власти. Такому контролю подчинены были, например, даже дарственные земли. Еще более властно царская администрация вмешивалась в управление храмовыми землями. Во многих случаях сдача храмовых земель земледельцам производилась представителями царской администрации. Но и тогда, когда храмовой администрации предоставлялась известная самостоятельность, она все же должна была действовать под надзором царских чиновников и несла ответственность за исправное поступление причитавшейся государству доли урожая[18]. Вот почему непосредственные производители, работавшие как на «царских», так и на «отпущенных землях», обозначались прежде всего как «царские земледельцы»[19].

---

[11] C. Préaux. Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon. Bruxelles. 1947, p. 54.

[12] M. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World. I, p. 299.

[13] C. Préaux. Указ. соч., стр. 54.

[14] C. C. Edgar. Zenon papyri (Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musee du Caire) № 59294; A. Świderek. La société indigène en Egypte au III siécle avant notre ére. d'aprés les archives de Zenon. «Journal of juristic papyrology», 1955—1956, VII—VIII, p. 234.

[15] U. Wilcken. Griechische ostraca. Leipzig und Berlin. 1899. Большое число таких квитанций-остраков приводится Вилькеном в его названной выше хрестоматии; см. также R. Taubenschlag. The law of greco-roman Egypt in the light of the papyri. Warsaw. 1955, p. 619, прим. 44.

[16] См., например, B. P. Grenfell, A. S. Hunt, I. G. Smyly. The Tebtunis papyri (далее P. Tebt), 1907—1938, I—III, 5, стк. 110 и сл.: ten idiokteton kai ten hieran kai ten kleruchiken kai ten allen en aphesei. Ср. тот же папирус, стк. 36 и сл., 89 и сл., 200 и сл.; также P. Tebt., 63, стк. 2; 27, стк. 55, где «царская земля» противопоставляется «отпущенной земле». В относящихся к более раннему времени папирусах, например, в P. Tebt., 705, стк. 6 (209 г. до н. э.) ge en dorea указывается отдельно от ge en aphesei (см. M. Rostovtzeff The social and economic history... I, p. 276, прим. 87; т. III, стр. 1381. I. Hermann. Zum Begriff ge en aphesei. «Chronique d'Egypte», 1955, XXX, p. 96. Автор последней статьи, исходя из указанного факта, безуспешно пытается обосновать предположение, что термин «ge en aphesei» имел прежде всего фискальное значение и служил для обозначения земель, облагавшихся налогом.

[17] U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 273—274.

[18] Вопрос об отношениях между царской администрацией и храмовыми хозяйствами исследуется в специальной монографии W. Otto. Priester und Tempel im hellenistischen Aegyptus. I—II. Leipzig. 1904—1908; ср. M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. Leipzig. 1910, S. 77.

[19] Не только система сборов, но также и организация земледельческого хозяйства и заведывавшая ею администрация, начиная с высшей должности диойкета в

Если термин «georgoi basilikoi» распространительно иногда применялся и в отношении лиц, не являвшихся непосредственными производителями, включая греков и македонян, то это обстоятельство не меняет основного значения самого термина, относившегося прежде всего к массе земледельческого населения — laoi [20]. Такие более крупные съемщики не обрабатывали получаемые ими участки самостоятельно, а пересдавали их мелким египетским земледельцам [21].

Хотя отношения между земледельцами и царской администрацией и оформлялись договорами индивидуальными или коллективными, заключавшимися от имени группы земледельцев через их представителей (presbyteroi, dekadarchoi) или через деревенских старост (komarchoi) [22], однако эти договоры не были свободными, и съемщики ни в какой мере не являлись самостоятельными свободными арендаторами. Земледельцы обычно получали от государства или от сдатчика семена для посева, средства производства, рабочий скот, иногда даже жилища [23]. Участки, сдававшиеся отдельным земледельцам, как правило, были невелики и не превышали 15—20 арур [24]. В течение всего времени производства сельскохозяйственных работ, начиная с определения и распределения посевных культур, производившихся государственными органами, и кончая представлением всего собранного урожая для выделения доли государства, все работы находились под постоянным наблюдением целой армии чиновников — номархов, топархов, комархов и специальных должностных лиц — экономов, антиграфеев, с диойкетом во главе [25], контролировавших получение царской доли. Доля урожая, взимавшаяся государством, была очень велика и, не считая других налогов и возврата семенной ссуды, обычно достигала 30—40%: с урожая в 10—12 артаб с аруры государство взимало в среднем 4 артабы [26]. Размер взимавшейся доли урожая, естественно, изменялся в зависимости от качества почвы [27].

птолемеевском Египте, находит себе почти полную аналогию с данными опубликованного недавно папируса Вильбура и, следовательно, восходит еще ко времени фараоновского Египта. Эту интересную параллель между содержанием папируса Вильбура и порядками птолемеевского Египта проводит Хейхельхейм (F. Heihelheim. Recent discoveries in ancient economic history. The Wilbour papyrus. «Historia», 1953, II, стр. 129—130). Главное отличие организации Египта при Птолемеях он видит в ее большой рационализации, причем, как и подобает настоящему буржуазному историку, он расценивает это различие как различие между «полуфеодальным планированием земледелия» в папирусе Вильбура и «рационализированной и капиталистической птолемеевской системой» (там же, стр. 134).

[20] См. M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 63; А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 108.

[21] Пересдача крупными арендаторами царских земель мелкими участками, как мы видели по данным папируса Вильбура, была широко распространена еще в конце XIX династии и с тех пор удержалась до Птолемеев. По вполне понятным причинам такие сделки не фиксировались в специальных документах, и потому относительно практики пересдачи имеются лишь случайные упоминания (см. The Flinders Petrie papyri (далее P. Petrie), I—III. 1891—1905, III, 95; ср. P. Tebt. I, 42; M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 52).

[22] M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 213—214; его же. A large estate, p. 76 и сл.; A. Świderek. Указ. соч., стр. 234.

[23] C. Préaux. Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon, p. 50 и сл.; A. Świderek. Указ. соч., стр. 234.

[24] A. Świderek. Там же, со ссылкой на W. L. Westermann. A lease from estate of Apollonios. «Memoirs of the american Academy in Rome», VI.

[25] Взаимоотношения царской администрации со съемщиками определялись специальным постановлением (см. B. P. Grenfell. Revenue laws of Ptolemy Philadelphus (далее Rev. laws), стб. 41—48 (1896); ср. хозяйственные распоряжения Зенона (PSI, №№ 429 и 430; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 71). Земледельцы, работавшие в жалованных поместьях (doreai), также не были свободны от контроля царских чиновников (M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 78).

[26] А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 195, 196. Земледельцы, пришедшие с жалобой на злоупотребления чиновников, однако, не возражали против установленной договором нормы в одну треть урожая, см. PSI, № 502; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 78, ср. стр. 76.

[27] В одном случае в dorea диойкета Аполлония с 1 аруры земли уплачивалось 7½ артаб из 10—12, получавшихся с аруры, то есть от 66 до 75% урожая.

Греческие и македонские клерухи нередко сдавали свои участки египетским земледельцам. Уход за виноградниками и садовыми насаждениями поручался или съемщикам или наемным садоводам, обычно грекам, как более опытным специалистам [28].

Таким же способом в общем было организовано и животноводство. Стада овец и коз, принадлежавшие грекам, передавались пастухам из местного населения на условиях предоставления им определенного числа голов или на условиях найма [29]. Пастухи находились в не менее тяжелом положении, чем земледельческое население. Об этом свидетельствуют их постоянные жалобы на представителей администрации, а также случаи бегства и заключения в тюрьму [30].

Египетских земледельцев, поставленных в столь стеснительные условия, нельзя рассматривать ни как «свободных съемщиков» (freie Pächter) [31], ни как крепостных крестьян, поскольку последние пользовались известной хозяйственной самостоятельностью. В их положении можно видеть скорее переходную стадию: эллинистическая и в особенности римская эпохи в истории Египта были временем постепенного перехода к отношениям крепостнического типа, с одной стороны, постепенного падения авторитета государственной власти и вместе с тем развития частновладельческих элементов в землевладении за счет государственного землевладения — с другой. К развитию феодально-крепостнических отношений вело, таким образом, не проникновение в Египет форм античного рабства, а эволюция, происходившая в положении непосредственных производителей («царских земледельцев»), работавших на царских и частновладельческих землях.

Уже при Птолемеях, согласно условиям договора (cheirographia) и присяге, приносимой съемщиком (horkos basilikos), последний на все время производства сельскохозяйственных работ до сдачи урожая обязывался не покидать места своего жительства и места работы и, в частности, не искать убежища в храме [32]. Если при первых Птолемеях «царские земледельцы» еще пользовались известной свободой передвижения [33], то впоследствии, начиная со второй половины II в. до н. э., в связи с ухудшением экономического и политического положения Египта эта свобода подверглась некоторым ограничениям. Вместе с тем впервые, повидимому, начал применяться термин «idia», первоначально в значении места работы [34]. Дальнейшее стеснение свободы передвижения относится уже ко времени римского господства.

Тяжелое положение, в котором находилось земледельческое население Египта, вызывало растущий протест с его стороны, вылившийся с конца III в. в ряд волнений и открытых восстаний, носивших не столько этнический, как полагают буржуазные исследователи, сколько классовый характер. Именно греки прежде всего образовали господствующий не только политически, но и экономически класс, и из них же вербовались представители царской администрации. Уже при первых Птолемеях вра-

---

W. L. Westermann — E. S. Hasenöhrl. I. Zenon Papyri, I, 1934 (далее P. col. Zen.), № 54; C. Préaux. Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon, p. 49.

[28] A. Świderek. Указ. соч., стр. 236, 247—248; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 95—99.

[29] A. Świderek. Указ. соч., стр. 237—240; ср. ее же. La société grecque en Egypte au III siècle avant notre ère. «Journal of juristic papyrology», 1955—1956, IX—X, p. 378 и сл. В качестве пастухов нередко упоминаются арабы, поселившиеся в Египте, ср. M. Rostovtzeff. A large estate, p. 113 и сл., 179—180.

[30] A. Świderek. La société indigène, p. 238—239.

[31] M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 75.

[32] См. тексты демотический и греческий хейрографий птолемеевского времени. M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 213—214; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, S. 275.

[33] M. Rostovtzeff. The social and economic history... I, p. 279; А. Б. Ранович. Указ соч., стр. 198—200.

[34] См. декрет Эвергета II от 118 г. до н. э. (P. Tebt. I, 5, стк. 219).

ждебное отношение к представителям администрации — грекам проявлялось в постоянных столкновениях и жалобах [35]. Чрезвычайно показательно, что в то время как в античном мире во II в. до н. э. прокатилась волна рабских восстаний, в Египте тот же век ознаменовался непрерывными восстаниями эксплуатируемых масс земледельческого населения.

В области добывающей и обрабатывающей промышленности все наиболее доходные статьи (в первую очередь изготовление растительных масел) составляли монополию государства. Весь урожай масличных растений с земель всех категорий по определенным расценкам поступал на государственные склады [36]. Правила, регулировавшие порядок осуществления государственной монополии на изготовление масла и сдачу государственных мастерских откупщикам, изложены в папирусе о доходах [37]. Характерно положение работников, занятых в этих мастерских: хотя они и получали плату по определенным расценкам, в остальном условия их жизни напоминали положение работников шумерских царских мастерских времени третьей династии Ура [38]. Набирались они из среды населения номов, и закреплялись за мастерской, и не имели права покинуть не только ее, но и пределы данного нома [39]. В случае ухода они подвергались аресту и насильственному возврату. За укрывательство их полагался очень высокий штраф (3 тыс. драхм за голову). Вместе с прочим инвентарем мастерской они передавались откупщикам, могли переводиться из одной мастерской в другую, обязывались вырабатывать определенную норму, причем трудились под постоянным надзором и в присутствии откупщика мастерской и государственного контролера [40].

В области ткацкой (прежде всего льноткацкой) промышленности монополизировано было не самое производство, а торговля тканями. Проведение монополизации самого производства затруднялось рассеянностью его по всей стране между мелкими крестьянскими хозяйствами [41]. Это не исключало, однако, существования царских и в особенности храмовых льноткацких мастерских, изделия которых точно так же, как и изделия частных производителей, поступали в распоряжение государства в порядке принудительной скупки [42]. И в проведении этой монополии Птолемеи исходили также из дальнейшего развития порядков, существовавших в фараоновском Египте [43]. Так же был организован и сбыт кожи. Существовал специальный принадлежавший царю склад кож [44]. Предмет царской монополии составляли добыча соли, обработка папируса и ряд других отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности [45]. Была

---

[35] См. A. Świderek. La société indigéne, p. 261 и сл. Причины и характер обострения классовой борьбы освещены в статье Н. Н. Пикус. Из практики применения epibole по письмам Герода. «Eos», XLVIII (1956), стр. 226 и сл.

[36] Значительный материал по этому вопросу собран в статье А. И. Павловской «Формы землевладения и организации земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э.». «ВДИ», 1953, № 1, стр. 47 и сл.

[37] B. P. Grenfell and F. P. Mahaffy. Revenue laws (далее Rev. laws), p. 38—58.

[38] Там же, стб. 44, стк. 8—10, стб. 46, стк. 20.

[39] Там же, стб. 44, стк. 8—10.

[40] Там же, стб. 46, стк. 13—14.

[41] Факт существования небольших ткацких мастерских, обслуживаемых работницами-ткачихами, не играл сколько-нибудь значительной роли в хозяйственной жизни страны.

[42] Rev. laws, стб. 87, стк. 107. Ср. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 245 и сл.; М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Казань. 1914, стр. 101 и сл., ср. стр. 116.

[43] М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте, стр. 115.

[44] P. Petrie, II, 32, 5; ср. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 260.

[45] Перечень других монополизированных государством продуктов и изделий см. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 249 и сл.; новейшие данные см. C. Préaux. L'économie royale des Lagides, p. 430 и сл.; R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 666 и сл.

монополизирована и сдавалась на откуп деятельность банков трапезитов[46]. Наконец, и внешняя торговля сосредоточивалась преимущественно в руках государства, причем и в отношении ее нередко осуществлялся принцип государственной монополии. Так, например, предмет последней составляла продажа привозившихся с Востока пряностей и благовоний[47].

Принцип монополизации был известен в греческих городах-государствах, однако применялся он отдельными городами редко и то лишь в случае особой финансовой нужды, и притом в отношении только отдельных доходных статей, чаще всего рыбной ловли, иногда банковского дела (в Византии); следует заметить, что монополизация нигде и никогда не касалась производства тех или иных изделий[48]. Хотя в странах древнего Востока в доэллинистическую эпоху принцип монополизации как таковой, по-видимому, столь последовательно, как в птолемеевском Египте, не проводился,— права государства осуществлялись на практике, но не были оформлены в качестве специальной монополии[49]. Однако даже если принцип монополизации и введен был в Египте Птолемеями, то в столь широких размерах и с такой последовательностью он мог применяться и проводиться только в условиях восточной деспотии.

Таковы были общая картина и основные черты экономики Египта в эллинистическую эпоху, воспроизводившие в основном систему хозяйственной организации, существовавшей здесь в предшествовавшие эпохи. Внеся в эту систему элементы рационализации, Птолемеи проводили ее с еще большей последовательностью, чем это делалось до них.

Посмотрим теперь, в какой мере получили развитие в эллинистическом Египте античные формы рабовладения и какое влияние оказали они на хозяйственное развитие страны.

С иммиграцией греков и македонян число рабов, конечно, возросло: распространение рабства имело, однако, место прежде всего в самой эллинской среде; при этом рабы, принадлежавшие грекам, заняты были не столько производительной деятельностью, сколько домашним хозяйством[50]. Рабочую силу, занятую в частновладельческом, так же как в государственном хозяйстве, составляло, как показано было выше, прежде всего местное земледельческое население[51].

В жалованных крупных поместьях, равно как и на наделах клерухов, рабский труд, по крайней мере при обработке полей, применялся редко[52]. К нему обращались при исключительных обстоятельствах, например, в случае ухода с поля под защиту храма обычных работников —

---

[46] Rev. laws., стб. 73—78.

[47] Свод данных см. М. М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань. 1907.

[48] Аристотель. Политика, 1, 4, 6. Примеры применения принципа государственной монополизации почти исключительно второстепенными греческими городами см. G. Busolt. Griechische Staatskunde. I, München. 1920, S. 607—608.

[49] Высказывалось, впрочем, предположение, что в отношении проведения монополий Птолемеи следовали практике, существовавшей до них.См. M. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, III, стр. 1388, прим. 104; A. Andreades. De l'origine des monopoles ptolémaiques. Mélanges Maspero. II. 1934—1937, p. 289 и сл.

[50] Даже в таком эллинистическом центре, как Александрия! См., например, W. Schubart. Reallexikon für Antike und Christentum. T. 1 под словом«Alexandreia», стр. 278.

[51] Показательно, что Швидерек в специальной статье, посвященной вопросу об источниках дохода и обогащения греков в Египте, приводит исключительно данные о сдаче земель, виноградников, скота съемщикам из среды прежде всего египетских земледельцев, но совершенно не упоминает о непосредственной эксплуатации всех этих доходных статей с помощью рабского труда (см. A. Šviderek. La société grecque; ср. также ее статью «La société indigène»).

[52] Свод данных об эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве с указанием литературы см. R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 78, прим. 49. В подтверждение «очень большого числа рабов в одном хозяйстве» А. Б. Ранович приводит несколько единичных примеров использования труда рабов в сельском хозяйстве (от 10 до 30 рабов на хозяйство) (А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 204). Данные

«царских земледельцев»,— для очистки полей от зарослей и сорняков (см. сноску 52). Рабский труд в редких случаях применялся также на работах по орошению района Файюма наряду с трудом основной массы царских земледельцев [53].

Известны факты существования небольших ткацких мастерских, обслуживаемых трудом рабынь и частью, может быть, рабов, как ткацкая мастерская Аполлония в Мемфисе [54]. Термины «paidaria» и «paidiskai», обозначавшие обычно (хотя не всегда) рабов и рабынь, нередко распространялись и на людей, занятых в ткацкой промышленности [55]. Однако применение рабского труда в ткацком деле было относительно редким и во всяком случае нетипичным для экономики птолемеевского Египта явлением. Преобладающей формой являлись домашнее ткачество в крестьянском хозяйстве или мелкие единоличные мастерские [56].

Таким образом, мы видим, что даже в собственно эллинской среде применение рабского труда античного типа не получило широкого распространения. Тем меньше оно могло оказать какое-либо влияние на общую экономику страны [57].

заимствованы им у Ростовцева, однако без ссылки на какую-либо определенную работу. Сведения эти почерпнуты Ростовцевым из одного документа с записью расходов поместья Аполлония (P. Lond. inv. (обозначение инвентарных номеров Лондонского собрания папирусов), 2312; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 177—178). Лица, использовавшие в этом случае труд рабов, были, однако, не крупными собственниками, ведущими самостоятельное хозяйство, но съемщиками более значительных участков в поместье Аполлония, причем в лице рабов они получали дополнительную рабочую силу. Следует заметить далее, что и эти рабы использовались для выполнения не основных работ по обработке земли, а лишь побочных, по очистке полей от зарослей и сорняков. Показательна статья Н. Н. Пикуса «Переломный момент в истории эллинистического Египта» («ВДИ», 1951, № 1, стр. 53—64). Содержание статьи составляет обзор восстаний, вспыхнувших в Египте в III в. до н. э. в результате жестокой эксплуатации и тяжелого положения основного земледельческого населения. Однако во введении к статье говорится о развитии в птолемеевском Египте античных форм рабства (стр. 54—55), хотя такое утверждение не только не связано с дальнейшим содержанием статьи, но, по существу, противоречит ему. Академик В. В. Струве («Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма». «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 189—190), исходя из одностороннего понимания содержания известного письма Герода по поводу изданного перед этим в 164 г. указа (цитированного им по парижскому папирусу 63, в настоящее время обычно цитируют по UPZ, 110), подчеркивает особенно факт обеднения и разорения земледельческого населения. Отсюда автор делает вывод, что «лишь имущая часть их (то есть «лаой».— *А. Т.)* получала для обработки участки царской и прочей земли», которые и обрабатывала с помощью рабов (стр. 190). Подобное утверждение находится в прямом противоречии с фактом широкого распространения практики пересдачи крупными арендаторами полученных ими участков мелким, неимущим съемщикам (hypomisthosis), о которой акад. В. В. Струве совершенно не упоминает. Самое предположение, что только имущие слои населения получали участки царской земли в обработку, опровергается как обычным фактом передачи съемщикам вместе с участком рабочего скота, орудий производства, семян, так и содержанием того же письма Герода. Составление письма и было вызвано именно неудачей попытки распространения принудительной аренды царских земель на более состоятельные слои населения. Таким образом, оно не только не свидетельствует о распространении в птолемеевском Египте рабовладения, но говорит о совершенно обратной тенденции, отличавшей птолемеевский Египет, например, от современной ему Италии: если обеднение и разорение земледельческого населения имело место в обоих случаях, то в Италии оно было вызвано распространением крупных рабовладельческих хозяйств, вытеснявших мелких земледельцев из производства; в Египте же разорение земледельческого населения обусловливалось именно прямой эксплуатацией этого населения.

[53] См. выше, сноску 10.

[54] M. Rostovtzeff. A large estate, p. 115 и сл.; Н. Н. Пикус. Paidiskai шерстоткацкой мастерской Аполлония в Мемфисе. «ВДИ», 1952, № 1, стр. 84 и сл.

[55] M. Rostovtzeff. A large estate, p. 177.

[56] См. H. Thierfelder. Zur socialen Lage der Weber im ptolemäisch-römischen Ägypten. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», V (1957), Heft I, S. 121—123 Иногда в небольших хозяйствах нанимались за денежную или натуральную плату ткачихи (М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте, стр. 57 и сл., 85 и сл.), но были ли эти ткачихи рабынями или наемными работницами, неизвестно. Скорее можно предполагать последнее.

[57] Характерно, что сами греки, жившие в Египте, настолько освоились с существовавшими здесь до них порядками, что в отношении по крайней мере туземного

Говоря о возможностях распространения в птолемеевском Египте рабства античного типа, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что существенным препятствием для такого проникновения служила монополизация торговли различными промышленными изделиями в руках государства. Ведь именно производство для сбыта на рынке и составляло отличительную черту античного рабства.

Характернейшим для эллинистической эпохи моментом было широкое развитие международной торговли, причем именно Египту в этой торговле принадлежало одно из первых, если не первое место. Александрия являлась одним из крупнейших торговых центров того времени. Производство царских мастерских, равно как и монополизация других отраслей производства, рассчитано было в значительной мере на внешний рынок. Хотя это обстоятельство и имело своим последствием развитие товарного производства, тем не менее на формах эксплуатации оно, как мы видели, не отразилось.

Итак, в своей хозяйственной политике Птолемеи в общем сохранили и частью даже развили порядки, существовавшие до них. Что касается собственно эллинских влияний, то, насколько можно судить по имеющемуся у нас материалу, они затрагивали в Египте лишь поверхностную сторону экономической и общественной жизни страны, не проникая вглубь и не оказывая заметного действия на устои хозяйственной жизни, в частности на характер рабовладения. Эллинское влияние не изменило характера экономического базиса. Напротив, экономическая политика Птолемеев, сохраняя и даже развивая далее замечавшиеся ранее тенденции экономического развития Египта, способствовала более быстрому их развитию и созреванию заключавшихся в них противоречий. Эллинское влияние, несмотря на сохранение принципа верховной собственности царской власти на всю территорию страны, сказалось в некотором ускорении развития частновладельческих элементов[58]. В то же время более организованно и последовательно проводимая система эксплуатации населения способствовала скорейшему выявлению общественных противоречий, что привело к ожесточенной классовой борьбе, подрывавшей самые основы существовавшего здесь в течение тысячелетий экономического и государственного строя. Наибольшего развития и завершения эти новые тенденции достигли уже в римскую эпоху, однако начало их восходит еще к эллинистическому времени.

Столь же неглубоко было эллинское влияние и в области надстроечных явлений. Государственное управление сохранило форму восточной деспотии; Птолемеи объявили себя наследниками власти фараонов и во многом сохранили обычаи, существовавшие при египетском дворе. В деле управления принцип строгой централизации проводился с не меньшею, если не с большею последовательностью. Система греческого полиса, хотя бы в форме подчиненного центральной власти самоуправляющегося

населения не проводили грани между рабами и свободными наемными работниками, обозначая тех и других одними и теми же терминами «soma», «pais», «paidarion», «paidiske». См., например, указатель к четвертому тому издания P. Cairo. Zen. 1931; C. Préaux. L'économie royale des Lagides, p. 303 и сл.; M. Rostovzeff. The economic and social history of the hellenistic World. III, p. 1393, прим. 119; R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 66—68; Fr. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden mit Einschluss der griechischen Inschriften, Aufschriften, Ostraka, Mumienschilder hgg. von E. Kiesling. Heidelberg. 1925..., s.v.v.

[58] См. В. В. Струве. Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте. «Журнал Министерства народного просвещения», январь 1915 г., январь, июль — август 1917 г.; M. Rostovtzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 60 и сл.; его же. The social and economic history of the hellenistic World. II, p. 733, III, p. 1499, прим. 51; ср. I, стр. 290; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, S. 284 и сл. Птолемеи не только не препятствовали а, напротив, в целях эмфитевса поощряли распространение частного землевладения, см. M. Rostovtzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 61; его же. The social and economic history. I, p. 177; А. И. Павловская. Указ. соч., стр. 43 и сл.

органа, как это было в царстве Селевкидов, не привилась ни в эллинистическом, ни в римском Египте. Практика насаждения полисов греческого типа, получившая широкое распространение в областях Малой Азии, в птолемеевском Египте совершенно не применялась. Даже из трех существовавших в Египте греческих городов правом самоуправления по типу греческих полисов, как известно, пользовались только два — Навкратис и Птолемаида. Александрия в качестве царской резиденции, имевшая к тому же крайне пестрое и смешанное население, самоуправлением не пользовалась. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что только в Навкратисе и в Птолемаиде греческое население в наибольшей чистоте сохранило свой характер; уже в Александрии наблюдалась необычайная пестрота населения по его этническому составу. В остальных местностях страны происходил процесс слияния и смешения греков и египтян, притом в общем, по-видимому, не в пользу греков, так что скорее можно говорить об египтизации эллинов, чем об эллинизации египтян [59].

Для идеологии эллинистической эпохи характерен синкретизм — слияние восточной и эллинской культур с преобладанием, однако, также элементов не эллинской, а восточной культуры. Греческая литература переживала в это время период упадка. С падением города-государства иссяк тот живительный источник, из которого она черпала свою силу. Хотя Александрия и стала центром греческой литературы эллинистической эпохи, хотя в ее богатых библиотеках собраны и сохранялись классические произведения времени расцвета эллинского полиса, ничто уже не могло остановить начавшегося упадка литературы. Литература эллинистической эпохи носила подражательный характер, она утратила свойственную литературе классического периода глубину, отдавая предпочтение изощренности внешней формы. В то же время и ее распространение ограничивалось пределами собственно эллинской среды, притом узкого круга читателей, не оказывая, таким образом, влияния на туземное население. С упадком литературного творчества тем большее значение приобрела экзегетика — толкование произведений классической литературы и составление комментариев (схолий) к ней.

Философия также лишилась свободомыслия, характерного для философии классического периода, и, напротив, все более проникалась религиозными элементами, сближавшими ее с идеологией Востока. Учение Эпикура, продолжавшее материалистические тенденции греческой философии и сложившееся еще в последней четверти IV столетия, должно рассматриваться как заключительный этап развития классической философии. И не случайно, что в эллинистическую эпоху оно не пользовалось ни большим распространением, ни влиянием. Характерная для этой эпохи стоическая школа, напротив, все более уклонялась от решения собственно философских вопросов в сторону этических проблем и вместе с тем в сторону религиозного истолкования явлений, доходя при этом до принятия грубейших суеверий. Место широких философских систем заняла наука, не стремившаяся, однако, ни к каким обобщающим выводам и ограничивавшая свою задачу разработкой тех зачатков практических зна-

---

[59] См. U. Wilcken. Hellenen und Barbaren. «Neue Jahrbücher für klassische Altertum», 1906, S. 467; ср. его же. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 23; H. I. Bell. Egypt from Alexander the Great to the arab conquest. Oxford. 1948, S. 41, ср. S. 38. Интересно, что на папирологическом конгрессе в Женеве в 1952 г., специально занимавшемся вопросом об оригинальности культуры Египта в условиях греко-римского мира, было установлено, что Египет и в этой области сохранил свою оригинальность и проявил большую сопротивляемость в отношении греко-римских влияний; см. «Museum helveticum», 1953, X, ср. «Die Akten des VIII internat. Kongresses für Papyrologie». Wien. 1955, 1956, S. 89 и сл. Вопрос о египетском влиянии на эллинистическую культуру рассматривается в специальной статье C. Préaux. Les égyptiens dans la civilisation hellenistique d'Egypte, «Chronique d'Egypte», 1935, XVII, p. 148—160.

ний, какие возникли в странах древнего Востока,— геометрии, механики, астрономии, медицины. Но и эта единственная положительная сторона взаимопроникновения эллинской и восточной культур не оказала большого влияния на развитие восточной идеологии.

Рост и распространение религиозных тенденций и настроений особенно явственно и определенно сказывались в психологии широких масс. Именно начиная с эллинистической эпохи проникали в греческую, а затем и в римскую среду и получали там все большее распространение различные восточные религиозные учения, культы и суеверия.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что, поскольку в эллинистическую эпоху имело место взаимное влияние и взаимопроникновение двух различных рабовладельческих систем и двух различных культур, уже в это время более значительную роль играли скорее восточные, нежели эллинские влияния.

И в эпоху Римской империи влияние античных форм рабовладения так же мало отражалось на судьбе и развитии стран речных культур, как и в эллинистическую эпоху. Что касается области южного Двуречья, то после падения царства Селевкидов Вавилония вскоре вошла в состав Парфянского царства, оказавшись вне зоны западных влияний [60].

В Египте рабский труд античного типа и в римскую эпоху не получил широкого распространения [61]. Несколько шире, чем в области сельского хозяйства, рабский труд применялся в ремесленной промышленности. Однако и в этой области число рабов продолжало оставаться незначительным [62].

Развитие экономики Египта и во времена римского господства продолжало совершаться по тем же двум основным линиям, которые наметились еще при Птолемеях: с одной стороны, шло дальнейшее разложение системы государственного хозяйства и рост значения частновладельческого хозяйства; с другой, происходило прикрепление населения к месту жительства. Принцип верховной собственности государства на всю обрабатываемую территорию, так последовательно проводившийся еще в птолемеевскую эпоху, теперь проявлялся все менее определенно. Практика наделения клерами военных поселенцев совершенно прекратилась.

[60] Об общественных отношениях в области южного Двуречья в парфянскую эпоху можно судить на основании несколько односторонних данных вавилонской Гемары о жизни еврейского населения области. Здесь процесс феодализации совершался различными путями. Поскольку к этому времени получила распространение непосредственная обработка земли в крупных поместьях трудом рабов, изменился способ их эксплуатации: их прикрепляли к отдельным участкам. С другой стороны, имело место широкое распространение закабаления общинников в результате их задолженности. Наконец, феодализация происходила также путем закрепощения мелких арендаторов. Аренда, как мы знаем, представляла традиционный и распространенный способ эксплуатации земли еще во времена первой вавилонской династии (См. Ю. А. Солодухо. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э. «Ученые записки» Института востоковедения. Т. XIV. М. 1956, стр. 31—90; его же. Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии II—V вв н. э. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 9. Л. 1941, стр. 49—62; его же. Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв. н. э. «ВДИ», 1947, № 2, стр. 40—51). Автор ошибочно относит начало практики сдачи земли в аренду мелкими участками к первым векам нашей эры.

[61] Еще во II в. н. э., то есть полтысячелетия спустя после завоевания Египта Александром Македонским, рабовладение античного типа не пустило здесь глубоких корней, и число рабов оставалось незначительным. Если в Пергаме во II в. н. э. рабы обоего пола составляли не менее одной трети всего населения, то одновременно в Египте во всех случаях, когда имеются сравнительные данные о численности населения, и в частности рабов, процент последних не превышает 6—7, уменьшаясь в отдельных случаях до $1^1/_2$. W. Westermann. The slave system of greek and roman antiquity, p. 87, 120.

[62] Там же, стр. 150 и сл.

После римского завоевания земли большого числа клерухов были конфискованы; раздача новых клеров более не производилась; те же участки, которые сохранились от птолемеевского времени, постепенно превратились в полную частную собственность с правом наследования, раздела и пр.

«Царские земли» (ge basilike) на непосредственно орошаемой территории сохранились в качестве государственных земель. Но рядом с ними появилась общественная земля (ge demosia), происхождение которой, впрочем, не совсем ясно. В римскую эпоху наблюдался постепенный и все убыстрявшийся рост частного землевладения, первоначальное ядро которого составили земли, оставшиеся после массовой конфискации наделов клерухов при Августе за их прежними владельцами, но уже на правах полной и безусловной собственности. Дальнейшее расширение частной земельной собственности шло за счет государственных земель; часть государственных земель, менее пригодных к обработке, распродавалась в частную собственность (ge idioktetos, ge eonemene) или сдавалась в аренду на условиях эмфитевса, в период же общего кризиса империи передавалась в частные руки в качестве epibole. Если при Птолемеях на все земли, находившиеся в частном пользовании и владении, сохранялось верховное право собственности, то теперь право государства сохранилось лишь на земли, сданные в эмфитевс.

В I в. н. э. была сделана попытка образования на государственных землях крупных поместий (usiai), принадлежавших императору и членам его семьи, виднейшим сенаторам, императорским любимцам. Если эта практика не пережила времени Нерона, то впоследствии, с ростом и стабилизацией крупных земельных владений, термин «usia» стал применяться ко всем крупным частным владениям, обозначавшимся также «ge usiake» [63].

С устранением царской власти Птолемеев вышел из употребления и термин «georgoi basilikoi» («царские земледельцы»). Он был заменен другим термином — «georgoi demosioi» [64]. С развитием собственности появился новый специальный термин для обозначения земледельцев, занятых в крупных поместьях,— «georgoi usiakoi» [65]. Самая система эксплуатации частных владений в основном не изменилась и так же, как прежде, на царских землях сводилась к сдаче отдельных участков мелким съемщикам (misthotai). При этом более крупные съемщики по-прежнему обрабатывали снятые ими земли не рабским трудом, а путем пересдачи их мелким съемщикам — (hypomisthotai) [66]. Не всегда, впрочем, последние получали свои участки от более крупных съемщиков, а нередко и непосредственно от государства; в таком случае misthotai выступали, по-видимому, в качестве ответственных лиц [67]. Если в отдельных случаях применялся также и труд рабов, то он имел лишь второстепенное значение.

Одновременно с развитием частного землевладения в римском Египте происходил процесс постепенного закрепощения населения путем при-

---

[63] Значение и судьба отдельных форм землевладения в эпоху римского господства обстоятельно прослежены в книге Ростовцева о колонате, стр. 89 и сл. См. также U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 287f. Данные о росте частного землевладения см. H. I. Bell. Указ. соч., стр. 73—74.

[64] См. R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 8—9, изд. 2-е (1955 г.), стр. 566.

[65] F. G. Kenyon. Greek papyri in the British Museum. «Catalogue with texts», II (1898), стр. 30, стк. 53, 65 и сл.; ср. там же, стк. 60: grammateus georgon usiakon; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, S. 279.

[66] Относительно практики пересдачи участков в римскую эпоху имеются несколько более определенные, но все же случайные (по тем же причинам, как и в эллинистическую эпоху) сведения. См. B. P. Grenfell, A. S. Hunt. The Oxyrinchos papyri (далее P. Oxy), I—XXII (1898—1954), II, 368 (43—44 г.); G. Vitelli, D. Comparetti. Papiri Fiorentini (далее: P. Fior.), I—III (1906—1915), 1, 18 (147—148 г.); BGU, II, 512, 19 и III, 1047, IV, 5, 17 (оба документа II в. н. э.); C. Wessely. Corpus papyrorum Raineri (далее CPR). Wien. 1895. I, 243, 8 и сл. 244, 5 (оба III в. н. э.).

[67] См. BGU, 1047, стб. IV, стк. 8 сл.

крепления его к месту жительства. С подчинением эллинистического Египта Риму усилилась тяжесть эксплуатации, лежавшая на его населении. В результате возросшего гнета уже к середине I в. н. э. значительно увеличилось число случаев бегства земледельческого населения. Например, в области Филадельфии в бегах числилось до 10% населения, что не могло не отразиться на хозяйственной жизни страны [68]. Ответной мерой государственной власти было окончательное прикрепление земледельческого населения к месту жительства и работы. В 154 г. н. э. эдиктом префекта Семпрония Либералиса предписывалось всем беглым под страхом привлечения к суду префекта и наказания вернуться в свои idia [69]. Хотя непосредственным поводом к изданию эдикта и послужили какие-то внутренние волнения, однако он имеет в виду и людей, бежавших от выполнения непосильного труда [70]. В дальнейшем в качестве меры пресечения вводился арест членов семьи беглеца.

В византийскую эпоху, начиная с IV в. н. э., в связи с общим кризисом империи, ложившимся особенно тяжелым бремени на Египет, начался окончательный распад государственного хозяйства и наблюдался рост частных владений за счет государственных земель. Если вначале процесс перехода государственных земель в руки частных владельцев протекал свободно, то в дальнейшем он проводился в значительной мере в принудительном порядке в качестве ἐπίβολη с возложением ответственности за обработку полей и несение с них всех государственных податей и повинностей [71]. При таком переходе государственных земель к новым владельцам передавались вместе с землею и обрабатывавшие ее georgoi demosioi и georgoi usiakoi [72]. Характерно, что такая передача сопровождалась новым подтверждением прикрепления земледельцев к месту жительства (idia) [73]. Если в западных провинциях империи формирование колонатных отношений, предшествовавших здесь развитию крепостнических отношений, носило характер затяжного кризиса, продолжавшегося в течение многих столетий, то в странах Ближнего Востока такой переход к крепостническим отношениям совершился почти непосредственно.

В результате роста частновладельческой собственности и в особенности после введения системы epibole к началу византийской эпохи государственное землевладение в Египте почти совершенно растворилось в массе частных владений [74]. Окончательной феодализации препятствовал только гнет со стороны Римского государства, с особой тяжестью ложившийся именно на Египет как на главную житницу империи. Тяжесть эта одинаково давала себя чувствовать как низшему, производящему населению, так и землевладельческим верхам, поскольку последние несли ответственность за поступление налогов и выполнение повинностей. Уже в последние десятилетия V и в VI в. длительный процесс вызревания феодально-крепостнических отношений в рамках рабовладельческого Египта подходил, таким образом, к концу. В отличие от античных стран, где новый земледельческий класс — ядро будущего крепостного населения — еще

[68] H. I. Bell. The economic crisis in Egypt under Nero. «Journal of roman studies» XXVIII (1938), p. 1 и сл.; H. Braunert. Указ. соч., стр. 268 и сл.; H. Henne. Dokuments et travaux sur l'anachôresis. «Die Akten des VIII internationalen Kongresses der Papyrologie». Wien. 1955; Wien. 1956, S. 62.

[69] BGU, 378; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, II, № 19.

[70] H. Braunert. Указ. соч., стр. 227 и сл.

[71] Попытки ввести epibole, то есть принудительное распределение земель между богатыми и состоятельными людьми, предпринимались еще в птолемеевскую эпоху, но тогда они не имели успеха. См. UPZ, 110; Н. Н. Пикус. Из практики применения epibole, стр. 226 и сл.; M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 58; его же. The social and economic history, II, p. 717 и сл.

[72] U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 318 и сл.

[73] Там же, стр. 324 и сл

[74] См. H. I. Bell. Egypt from Alexander the Great to the arab Conquest, p. 79—80; его же. An epoch in the agrarian history of Egypt. «Recueil Champolion», 1922, p. 261—271.

должен был постепенно складываться из самых разнородных элементов, в Египте, где главным объектом эксплуатации с древнейших времен и до птолемеевской эпохи служило основное земледельческое население страны, изменялись лишь формы эксплуатации. В эпоху Древнего Царства работники царского хозяйства, как и хозяйств представителей придворной знати, эксплуатировались непосредственно в самом хозяйстве и находились на положении рабов. Ко времени Нового Царства положение непосредственных производителей в царском и храмовых хозяйствах значительно смягчилось. В большинстве своем это были сидевшие на земле и уплачивавшие часть урожая, хотя и часто отрываемые по произволу власти на различные сельскохозяйственные и другие работы земледельцы. «Царские земледельцы» птолемеевской эпохи — это, по-видимому, люди, самостоятельно ведшие хозяйство. Хотя их отношения с государственной властью и строились на договорных началах, свобода их деятельности, не говоря о получении семенной ссуды от государства, была до крайности стеснена постоянным вмешательством и контролем государственных чиновников. Только с распадом царского хозяйства и с превращением земледельцев из «царских» в «поместные» (usiakoi), с их окончательным прикреплением к месту жительства открылись более широкие перспективы для развития феодально-крепостнических отношений [75]. В книге Джонсона и Уэста о византийском Египте делается попытка представить положение в Египте VI в. в смягченном виде и изобразить происходивший там в это время социальный процесс как эмансипацию крепостных («сервов») и превращение начиная с IV в. бывших арендаторов государственных и царских земель в собственников [76]. В действительности, как признают и сами авторы книги, этот процесс, сопровождавшийся отдачей этих новоявленных «собственников» под патронат крупных землевладельцев, был не чем иным, как переходом мелких земледельцев из-под зависимости от государственной власти в зависимость от крупных частных владельцев, то есть процессом возникновения феодально-крепостнических отношений в чистом виде [77].

---

[75] H. I. Bell. Egypt from Alexander the Great to the arab Conquest, p. 96—97.

[76] A. Ch. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt. Princeton. 1947.

[77] В советской научной литературе имеется несколько статей, специально посвященных вопросу феодализации общественных отношений в восточных (византийских) провинциях: М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории восточной Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник». М.-Л. 1945, стр. 12—95; Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 4, стр. 66—77. В обеих статьях вопрос о феодализации общественных отношений в Византийской империи трактуется, однако, суммарно, без учета конкретных условий, существовавших в отдельных провинциях и областях. Так, в статье Левченко сведения относительно Египта приводятся наравне и вперемежку с данными, относящимися к Армении, Каппадокии, Сирии, несмотря на глубокие различия в экономике этих областей. То же следует заметить и относительно статьи Н. В. Пигулевской. Хотя ее статья и начинается с признания, что целью углубленного исследования является характеристика особенностей исторического развития в отдельных странах и государствах, своеобразие это констатируется, однако, лишь в отношении различия западной и восточной половин империи, сводится прежде всего к «уцелевшим остаткам торговли» в восточной половине империи (стр. 69). В то же время специфические черты в характере общественных отношений различных областей Византийской империи игнорируются так же, как и в статье М. В. Левченко. Более содержательны статьи тех же авторов, посвященные процессу феодализации в отдельных областях восточной империи. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв. (по документам византийского Египта). «Проблема истории докапиталистических обществ», 1935, № 1—2, стр. 75—110; Н. В. Пигулевская. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. «Вопросы истории». 1953, № 3, стр. 50—62, где рассматривается процесс феодализации в Иране и у арабов. Однако и в этих статьях авторы не отрешились вполне от игнорирования местных особенностей. В этом отношении характерно самое название статьи М. В. Левченко. В статье Н. В. Пигулевской на одну доску ставится зависимое положение египетских земледельцев, имеющее многотысячелетнюю историю и едва лишь нарождавшиеся (с I в. н. э.) колонатные отношения западной империи (стр. 53).

Средством закабаления служила сдача крупными землевладельцами небольших земельных участков, часто с выдачей посевного зерна, которое должно было быть возвращено вместе с уплатой арендного взноса [78]. С течением времени условия сдачи земельного участка становились для съемщика все более обременительными. Так, сроки аренды, устанавливавшиеся первоначально (во II—III вв. н. э.) по соглашению (обычно краткие, часто годичные), в дальнейшем, с византийской эпохи, ставились в зависимость от воли сдатчика [79]. Размеры обязательных взносов с течением времени также возрастали: с 3—4 артаб с аруры, что составляло около трети урожая во второй половине II в. н. э., до 5—6 артаб в III в. и до половины урожая начиная с IV в. нашей эры [80]. В текстах позднейших документов византийского времени предусматривались специальные меры против небрежной обработки снятого участка земли съемщиком [81].

Характерную черту, отличавшую Египет, как и другие страны Ближнего Востока, от западных провинций империи, составлял факт сохранения земледельческих общин [82]. Вот почему взаимоотношения крупного владельца с зависимыми от него земледельцами не всегда устанавливались с отдельными крестьянами, но нередко с целыми зависимыми от него сельскими коллективами [83].

Преобладающей системой эксплуатации во владениях крупных магнатов типа Апиона было получение ренты — оброка; барщина совершенно не применялась. Незначительная часть земель обрабатывалась непосредственно трудом рабов и наемных рабочих [84].

Соответственно изменялось в то же время и положение самих крупных владельцев, которые присваивали себе не только большую часть земель, но и ряд государственных прав. В Оксиринхе от конца V и до VII столетия сохранился архив одной из таких землевладельческих семей, образовавшей настоящую династию и насчитывавшей за указанный период шесть следующих один за другим властителей [85]. Все они, начиная с родоначальника Апиона, жившего в конце V столетия, носили почетные титулы консулов и патрициев, обладали обширными территориями не толь-

---

[78] Много таких договорных документов о сдаче земельных участков приводится в издании папирусов Райнера. C. P. Rain. №№ 31, 34—38, 40, 42, 43, 45—47. Нередко в качестве сдатчика фигурирует одно и то же лицо (№№ 45 и 46). Там же перепечатаны изданные Ревиллу демотические тексты договоров, относящиеся еще к эллинистическому времени (стр. 172—175). Немало аналогичных документов помещено в P. Oxy, № 957 и сл. и рассеяно по другим изданиям. Большое число документов об аренде земли содержит также вышедшее в самое последнее время издание папирусов из собрания Михелидиса в Каире — Papyri Michaelidae, ed. by D. S. Crauford, Aberdeen. 1955, №№ 13, 14, 19, 22, 23, 24, 42b. 43, 46, 47, 48, 54, 59, 60. Издание это известно мне только по статье I. Hermann. Bemerkungen zu den misthosis-Urkunden der papyri Michaelidae. «Chronique d'Egypte», XXXII (1957), Janvier, p. 121—129.

[79] R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 362; J. Hermann. Указ. соч., стр. 125 (под. № 42b).

[80] C. Vessely. Corpus papyrorum Raineri. I. Wien. 1895, S. 154.

[81] Michaelidae, №№ 46, 59 (приводится у J. Hermann'a. Указ. соч., стр. 127, 128).

[82] Относительно птолемеевского времени см., например, P. Petrie. III, 19, ср. 20: koinon ton basilikon (georgon). В римское время такое обозначение исчезло и сменилось указанием на собрание деревенских общин (to koinon tes komes, to koinon ton apo komes, to koinon ton georgon). CPR, 41, I, 26—27; P. Gen (J. Nicole. Les papyrus de Genève, I. 1896—1906). 63, II, 6 и 64,9; P. Thead (P. Jouguet. Papyrus de Theadelphie, 1911), 17, 2; P. Oxy, 999; P. Lond. 113, 10—11 и др.; иногда общины сами сдавали общинные земельные участки (CPR, 41).

[83] См., например, CPR, 33 (запись поступлений сборов с georgoi demosioi) и относящийся к значительно более позднему времени (VI в.) документ (P. Oxy, 1896), регулирующий взаимоотношения крупнейшего землевладельца в Египте того времени Флавия Апиона, одного из представителей известной династии Апионов (см. ниже), с крестьянами находившейся в зависимости от него общины.

[84] М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 72—73.

[85] Документы, относящиеся к этому архиву, помещены в XVI томе собрания Оксиринхских папирусов.

ко в Оксиринхском номе, но и в других соседних с ним номах. Подобно другим таким же местным владельцам, они располагали собственными военными отрядами, составленными из наемных солдат (букелляриев), имели свою юрисдикцию и тюрьмы, почту и почтовые учреждения, содержали общественные бани и лечебные учреждения, свои банки и расчетные конторы, обладали собственной флотилией речных судов, окружали себя целой толпой чиновников, секретарей и сборщиков налогов; причитавшиеся с их территории сборы они вносили не в местные казначейства, а непосредственно в Александрию [86]. Управление во владениях этих представителей египетской знати строилось по аналогии с центральным управлением империи.

Все эти черты и особенно наличие элементов государственной власти сближают египетских владельцев с средневековыми феодалами. Здесь не существовало, однако, типичной для западноевропейского феодализма системы сеньоральной иерархии с обязательством военной службы вассала по отношению к сеньору. С другой стороны, владения египетской знати не представляли, как у средневековых феодалов, сплошной территории. Случалось даже, что владельцу принадлежала лишь часть деревни, остальная часть признавалась «свободной», то есть находилась в не меньшей, если не в большей зависимости уже от государственной власти [87].

Арабское завоевание, освободившее Египет от гнета императорской власти, лишь завершило в стране образование феодально-крепостнического строя. Завершению процесса феодализации в Египте после арабского завоевания способствовало то обстоятельство, что общественная жизнь самих арабов в отличие от западных варваров в известной мере уже феодализировалась. «Зарождавшиеся феодальные отношения, которые несли арабы и которые они нашли на завоеванных ими территориях, развились при них» [88].

---

[86] См. H. I. Bell. Egypt from Alexander the Great to the arab conquest, p. 121—123, и специальную монографию E. R. Hardy. Large estates of Byzantine Egypt. New York. 1931; М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв., стр. 84, 86—87; его же. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 75.

[87] H. I. Bell. Egypt from Alexander the Great to the arab conquest, p. 120 и сл.

[88] Н. В. Пигулевская. Проблема распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке, стр. 62. Для сравнения можно указать на пример Ирана, который относительно мало был затронут влиянием античных форм рабовладения и в то же время в значительной степени сохранил строй земледельческой общины. Здесь уже в III—V вв. совершался непосредственный переход к феодализму. При этом наряду с сажанием на землю рабов гораздо большее значение имело «наступление на общину» и тенденция к закабалению земледельческого населения, жившего еще в условиях земледельческой общины (Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 297). Одновременно широкое распространение получило условное землевладение с освобождением крупных жалованных земель от уплаты хараджа и с введением таким образом иммунитета крупных владений (Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием, стр. 80 и сл.; ее же. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 212 и сл.). Процесс феодализации протекал в Иране в столь острых формах, что уже в V—VI вв. вызвал маздакистское движение, являвшееся по своему характеру и идеологии предшественником антифеодальных движений средневековой Европы (Н. В. Пигулевская. Маздакистское движение. «Известия» Академии наук СССР. Отделение истории и философии. 1944, № 4, стр. 171—181; ее же. Идея равенства в учении маздакитов. «Сборник к семидесятилетию академика В. П. Волгина». М. 1955, стр. 97—101; ее же. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 279 и сл.). Еще более показательным представляется факт возникновения около того же времени ремесленных городов, приближавшихся к типу средневековых западноевропейских. Н. В. Пигулевская. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 72 и сл.; ср. ее же. Иран в III веке нашей эры и возникновение городов. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. 1956, № 295, стр. 110—120, 122; ее же. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 219 и сл.). К тому же времени складывается типичное для феодальной формации деление общества на три сословия — жречество, воины и земледельческое сословие, охватывавшее, подобно третьему сословию в За-

В иных условиях происходил процесс феодализации в западных провинциях империи. Здесь перерождение экономического базиса носило, как сказано, характер затяжного и крайне сложного процесса, протекавшего в форме сокращения непосредственной эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве, испомещения рабов на земле, сдачи небольших земельных участков съемщикам-колонам и последующего закабаления этих первоначально полусвободных съемщиков, отдачи мелких земельных собственников, стремившихся уйти от тяжелого гнета империи, под покровительство крупных землевладельцев и, наконец, путем поселения варваров на пустовавших землях [89]. В Италии еще в VI в. колонатные отношения далеко не сложились в единообразную систему, и в стране сохранялись различные формы и виды зависимости сельского населения. При этом и рабство не было совсем изжито. Рабский труд применялся не только в форме закрепления за рабами земельных участков, но нередко и в форме непосредственной эксплуатации на сельских работах [90].

Процесс феодализации, начавшийся почти с момента возникновения империи на Западе [91], не был закончен и ко времени ее падения и был прерван германским завоеванием. «Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой», в результате чего «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин... Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации» [92]. Этот процесс закабаления свободного франкского крестьянина также занял не менее четырех столетий.

Выше уже отмечалось, что античное рабство заводило всю общественную жизнь в тупик, из которого не открывалось выхода, поскольку с кризисом и с исчезновением мелкого земледельческого хозяйства для перехода к высшей, феодально-крепостнической формации отсутствовала сколько-нибудь устойчивая основа. Поэтому, как показано было выше,

---

падной Европе, как земледельческое, так и торговое и ремесленное население городов (Н. В. Пигулевская. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье, стр. 76 и сл.), иногда, впрочем, выделявшееся в особое сословие (Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 272 и сл.).

[89] Эти различные общественные элементы, из которых постепенно складывалось ядро будущего крепостного населения, отмечаются в статье Е. Э. Липшиц Проблема падения рабовладельческого строя («ВДИ», 1955, № 4, стр. 68—71). Следует заметить, однако, что автор, разделяя в этом отношении точку зрения Е. М. Штаерман, принимает зачатки крепостнических отношений за уже сложившийся и ставший «ведущим» общественный строй.

[90] См. З. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI в. «ВДИ», 1955, № 3, стр. 85—116.

[91] В последние годы на страницах «Вестника древней истории» проводилась оживленная дискуссия по вопросу о процессе феодализации, происходившем в Римской империи. Были помещены статьи: Е. М. Штаерман (1953, № 2), А. П. Каждана (1953, № 3), А. Р. Корсунского (1954, № 2), С И. Ковалева (1954, № 4), М. Я. Сюзюмова (1955, № 1), редакционная статья (1956, № 1); см. также А. Р. Корсунский. О колонах в Восточно-римской империи. «Византийский временник», IX (1956 г.) и статьи более специального характера: А. Г. Гемп. О трибутариях и инквилинах. «ВДИ», 1954, № 4; Г. Г. Дилигенский. К вопросу об аграрных патрициниях в поздней Римской империи, «ВДИ», 1955, № 1. Не вдаваясь в оценку итогов этой дискуссии, можно отметить, что поскольку участники дискуссии подходили к проблеме с различных точек зрения, используя соответствующий материал, дискуссия во всяком случае показала, насколько затяжной, сложный, противоречивый характер носил процесс разложения античного рабовладения и вызревания новых экономических и общественных отношений — процесс, так и оставшийся незавершенным и прерванный варварским завоеванием. Характерно, однако, то, что, как ни расходятся в решении проблемы участвовавшие в дискуссии авторы, даже те из них, которые стояли на противоположных точках зрения, как, например, Е. М. Штаерман («ВДИ», 1953, № 2, стр. 73) и А. П. Каждан («ВДИ», 1953, № 3, стр. 100—101), одинаково считали необходимым отметить, что процесс развития новых общественных отношений происходил гораздо проще и непосредственнее в восточных провинциях, в частности прежде всего в Египте, где он облегчался зависимым положением населения.

[92] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 127—128, 131.

античное рабство и не могло облегчить переход к феодальной формации в странах Востока. В этом отношении, напротив, характерно, что лишившаяся опоры в результате упадка и разложения античной рабовладельческой системы хозяйства и тщетно бившаяся в тисках кризиса империя с установлением домината усвоила многие черты и приемы управления, свойственные восточным монархиям [93].

Закабаление государством всей массы населения с прикреплением к месту жительства, возросший гнет государственных налогов (по преимуществу натуральных) и повинностей с возложением ответственности за поступление поземельных сборов на крупных землевладельцев, а за исправное поступление налогов и за выполнение повинностей городским населением — на куриалов и декурионов, принудительное вхождение ремесленников в ремесленные коллегии и закрепление их в этих коллегиях, наконец, устройство императорских мастерских, основанных частью на рабском, частью на принудительном труде,— все это черты, напоминающие восточные порядки и ранее совершенно чуждые античности.

Не менее характерным представляется тот факт, что и в области идеологии в процессе взаимодействия западных и восточных культур окончательно взяли верх элементы восточной идеологии. Первые века империи были, как известно, временем религиозного синкретизма и борьбы на территории империи различных восточных религиозных систем. Борьба завершилась торжеством христианства, вобравшего в себя элементы различных религиозных систем Востока, а также наиболее реакционных философских систем Греции. Христианство не только получило широкое распространение в массах, но и было в конце концов признано государственной религией, поскольку в нем наиболее последовательно проводилось учение о божественном происхождении императорской власти и необходимости подчинения властям предержащим. Победа христианства не была случайной и представляла вполне закономерное явление, поскольку с распространением зависимого положения на все население империи и в бывшем античном мире появилась необходимость наряду с непосредственным физическим и материальным принуждением также и в принуждении духовном, идеологическом. Точно так же закономерен был факт сохранения господства христианской религии и после установления феодально-крепостнического строя на все время существования феодализма. Безраздельное господство христианства в течение более чем тысячелетнего периода было обусловлено теми же причинами, что и господство религиозной идеологии в странах древнего Востока, поскольку за все время существования феодально-крепостнической формации непосредственным объектом эксплуатации служила зависимая масса населения, и поэтому не менее настоятельно чувствовалась необходимость в дополнение к непосредственному принуждению также и в принуждении идеологическом, роль которого и выполняла христианская церковь.

Сопоставление характеристики базиса и надстроечных явлений Египта и Двуречья, с одной стороны, и стран античной культуры, с другой, с наглядностью, по нашему мнению, показывает, что в истории древневос-

---

[93] Участники упомянутой выше дискуссии по-разному расценивали значение и роль империи в процессе «феодализации»: одни, как Е. М. Штаерман, видели в правлении Константина «оформление победы нового экономически господствующего класса крупных землевладельцев», другие (А. П. Каждан и др.),— напротив, проявление рабовладельческой реакции. Однако ни один из авторов, принимавших участие в дискуссии, не обратил внимания на тот показательный факт, что доминат Константина и его преемников, представлявший организацию государственной власти переходного периода, когда античное рабовладение переживало кризис и все более развивался процесс закрепощения и роста эксплуатации первоначально свободных колонов, усвоил определенные черты восточного деспотизма как в своей экономической политике, так и в способах управления и даже во внешних формах придворного ритуала.

точных и античных рабовладельческих обществ мы имеем не две последовательные стадии развития рабовладения (как предполагается господствующей в советской науке концепцией), а два отличных один от другого типа рабовладельческих обществ. Особый характер базиса, именно факт самой широкой эксплуатации наряду с собственно рабским трудом также труда местного населения, обусловил собою не только иной характер надстроечных явлений (деспотический характер государства в качестве политической надстройки, господство религиозных учений в области идеологии), но и совершенно иной, отличный от античности путь развития. Если система рабства в чистом виде, существовавшая в античных странах, заводила всю их экономическую и общественную жизнь в тупик, из которого приходилось искать выхода различными путями, то на Востоке, в странах речных культур развитие происходило в направлении постепенного смягчения форм эксплуатации — от эксплуатации, ничем не отличавшейся от настоящего рабства, к более мягким формам передачи отдельных земельных участков зависимым съемщикам. Эта эволюция наблюдалась и в Двуречье и в Египте.

В эллинистическую и римскую эпохи продолжается, притом ускоренными темпами, процесс становления новых, феодально-крепостнических отношений.

Область Двуречья уже в доэллинистическую эпоху зашла на этом пути дальше Египта. В Египте же нарождение новых отношений выражалось, с одной стороны, в росте частного землевладения за счет государственного (процесс, принявший особо интенсивные формы в римскую эпоху) и вместе с тем в повышении авторитета крупных владельцев за счет государственной власти; с другой стороны — в убыстряющемся процессе прикрепления к земле и закрепощения зависимого земледельческого населения.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ В РОССИИ В ЭПОХУ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Я. И. Линков

В эпоху падения крепостного права сложилась первая в истории русского освободительного движения партия революционной демократии — тайное общество «Земля и воля». В процессе ее создания и деятельности происходила интенсивная разработка революционной идеологии, главным образом в трудах Чернышевского, Добролюбова, Герцена и Огарева.

Объективно эта идеология выражала задачу, стоявшую в ту эпоху перед Россией,— уничтожение революционным путем феодально-крепостнического строя со всеми его экономическими и политическими институтами, то есть осуществления буржуазно-демократической революции.

Важнейшей стороной этой идеологии явилась разработка программно-тактических и организационных принципов революционной партии (создаваемой в форме тайного общества), проходившая в неразрывной связи с развитием общей социально-политической концепции ее авторов. Эта концепция обусловливалась крупнейшими событиями классовой борьбы и отражала разногласия, имевшиеся в рядах революционной демократии. Исходным положением теории революционной партии являлся вопрос о крестьянской революции, то есть вопрос о путях решения основных социально-политических проблем, от которых зависели исторические судьбы России.

Необходимо отметить, что вопрос о разработке программно-тактических и организационных принципов революционной партии в России в период отмены крепостного права до сих пор лишь частично затрагивался в советской исторической литературе и ни в одном труде как проблема, взятая в целом, специально не рассматривался. Это весьма существенный пробел в изучении русской революционной мысли. Между тем исследование этой проблемы имеет большое научное значение, так как именно в организации революционной партии В. И. Ленин усматривал одно из коренных отличий русских революционеров от русских либералов, которые «никогда не сорганизовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия...» [1].

Следует напомнить, что В. И. Ленин применял определения «революционная партия», «революционная организация», «организация революционеров» как понятия равнозначные [2]. Правомерна ли эта терминология по отношению к рассматриваемой нами эпохе? Думается, что правомерна. К. Маркс и Ф. Энгельс многократно применяли определение «революционная партия» по отношению к России 60-х годов, называя при этом Н. Г. Чернышевского главой этой партии [3]. В. И. Ленин в статье «Насущный вопрос» (1899 г.) писал о старых русских революционных партиях, имея в виду разночинско-демократический период русского рево-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 248.
[2] См. В. И. Ленин. Т. 5, стр. 322, 323, 421, 422, 442, 443 и др.
[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 2-я, стр. 639, 641—643.

люционного движения [4]. В другой статье, «Гонители земства и Аннибалы либерализма», В. И. Ленин, говоря о натиске «революционной партии», писал: «Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что́ можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог еще определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения» [5].

Деятели самой «Земли и воли» 60-х годов по отношению к ней применяли в одинаковом смысле четыре термина: «тайное общество» [6], «союз», «революционная организация», «революционная партия».

Все это, вместе взятое, обусловливает терминологию нашей статьи, не претендующей на исчерпывающее рассмотрение поставленной в ней большой и сложной проблемы.

Поражение России в Крымской войне углубило кризис феодально-крепостнической системы и обострило социальные противоречия. В 1859—1861 годах в стране сложилась революционная ситуация. Нараставшая волна крестьянского движения свидетельствовала о новом подъеме освободительного движения в стране. Возникла реальная перспектива крестьянской революции. В этой связи вопрос о создании всероссийской революционной организации встал перед революционными демократами как злободневная и насущная задача, требовавшая конкретного практического решения.

Созданию революционной партии предшествовала длительная разработка ее программно-тактических и организационных принципов. Нельзя было стремиться к революции, не думая о том, какие силы будут в ней участвовать и кто должен руководить ею.

Теория революционной партии разрабатывалась на протяжении многих лет в обоих русских революционных центрах, сложившихся в эпоху падения крепостного права: зарубежном (редакция «Колокола» — Герцен и Огарев) и петербургском (журнал «Современник» — Чернышевский и Добролюбов). Эта разработка прошла примерно два этапа: первый охватывает время с конца 1850 до середины 1861 г., когда подготовлялось создание общества «Земля и воля»; второй включает период с середины 1861 по 1864 г., когда эта организация уже существовала и действовала.

Во второй половине 50-х годов XIX в. Чернышевский и Добролюбов на страницах «Современника», мастерски используя эзоповский язык, настойчиво пропагандировали идею народной революции, необходимость ее подготовки и сплочения для этого революционных сил.

Их теория революции не как стихийного, а исторически закономерного и организованного действия народных масс, естественно, требовала создания тайного революционного общества. Эта мысль отражена во многих статьях «Современника», написанных Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Статьи Чернышевского «Кавеньяк», «Национальная бестактность», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Русский человек на rendez-vous», «Июльская монархия»,

---

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 201.

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 26.

[6] «Тайное» в смысле нелегальное, подпольное, конспиративное. В. И. Ленин в работе «Что делать?» применяет это определение при характеристике революционной организации, называя ее «тайной» и даже «строго тайной»; см. там же, стр. 444, 445.

«Не начало ли перемены?», его политические обзоры в «Современнике», содержащие огромный, еще не исследованный до конца материал, а также статьи Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины», «Что такое «обломовщина»?», «Когда же придет настоящий день?», «Народное дело», рецензия на «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и др. дают представление о взглядах великих революционных демократов на этот вопрос.

В своих статьях Чернышевский и Добролюбов, основываясь на глубоком анализе опыта революционного движения в Западной Европе и классовой борьбы в России, стремились наметить революционный путь освобождения родины. При внимательном чтении этих статей раскрывается картина необычайно убедительной и настойчивой пропаганды одной и той же идеи — революционного ниспровержения самодержавного строя и необходимости сплочения и организации революционных сил.

Чернышевский и Добролюбов не представляли себе революционеров, действовавших в одиночку. В их понимании это люди партии, люди революционного коллектива, идущего к единой цели политического освобождения России.

Революционное общество, или партия,— это, по их убеждению, энергичная, хорошо организованная и решительная сила, кровно связанная с народом, преданная ему и выражающая и отстаивающая его интересы. Она отчетливо сознает свои задачи, смело идет вперед, не падая духом при неудачах, и ясно понимает, кто народу друг и кто враг. Глубоко чуждая унынию и апатии, бесхарактерности и половинчатости, эта партия не поддается никаким обманным маневрам врага, не терпит фразерства и авантюризма, быстро реагирует на изменения политической обстановки. Это вожак борющихся за свое освобождение народных масс, руководитель народного вооруженного восстания.

В прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанной, очевидно, в начале 1861 г., Чернышевский изложил свой план всероссийской крестьянской революции. По этому плану движущими силами революции являлись крестьяне России, затем армия, восстающая под руководством перешедших на сторону народа революционных офицеров. Во главе вооруженного восстания должна стоять организующая его сила. В воззвании она прямо не названа, но подразумевалось, что она будет состоять из наиболее революционной части разночинно-демократической интеллигенции, объединенной в тайное общество (революционную партию).

Эта организация должна была, во-первых, вести пропаганду вооруженного восстания в широких массах крестьянства и, во-вторых, обучать крестьян с помощью солдат необходимым основам военного дела. Прокламация призывала не выступать прежде времени, а ждать сигнала, который должен последовать от находящегося где-то в центре страны (очевидно, в Петербурге) руководства тайного революционного общества, имеющего на местах своих агентов. До момента восстания подготовку следовало вести тайно, в обстановке сугубой конспирации, чтобы не выдать себя врагу [7].

Прокламация «Барским крестьянам...» так и не увидела света, но Чернышевский в феврале 1861 г. опубликовал в «Современнике» статью «Предисловие к нынешним австрийским делам», в которой, изложив эзоповским языком идею крестьянской революции, задачу подготовки вооруженного восстания, его тактику и вытекавшую из всего этого необходимость организации революционных сил [8], сформулировал, таким образом, исходные идейные основы революционной партии.

---

[7] См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XVI. М. 1953, стр. 953.

[8] См. мои статьи: «Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и воля» («Вопросы истории», 1954, № 3); «О политической программе Н. Г. Чернышевского в период революционной ситуации 1859—1861 гг.» («Вопросы истории», 1955, № 5).

Тем самым Н. Г. Чернышевский ответил на наиболее острый вопрос своего времени. Указывая на необходимость организации тайного революционного общества, он впоследствии создал в романах «Что делать?», «Пролог», «Алферьев» яркие образы несгибаемых, закаленных революционеров, как бы подчеркивая, что партию должны возглавлять именно такие революционеры, какими были, например, Рахметов («Что делать?») или Левицкий («Пролог»). «Мало их,— писал Н. Г. Чернышевский,— но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало: но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» [9].

★

Сопоставляя политическую программу и определение задач революционного общества, сформулированных Чернышевским в канун отмены крепостного права (январь — февраль 1861 г.), с программой, сформулированной в то же время Герценом и Огаревым, мы видим, что Чернышевский сделал по сравнению с ними громадный шаг вперед.

Н. П. Огарев при участии А. И. Герцена составил в 1857 г. «Записку о тайном обществе» [10], а в 1859 или в 1860 г. им написан документ, известный под названием «Идеалы» [11]. В этих конспиративных документах разрабатывался вопрос о создании тайного общества и о его социально-политической программе.

Герцен, как указывал В. И. Ленин, был тогда демократом, революционером, социалистом. Эту характеристику правомерно распространить и на Огарева: и тот и другой были выразителями и горячими защитниками крестьянских интересов. Но поскольку в эти годы (1857—1860) Герцен и Огарев еще не отрешились от либеральных иллюзий, от своих надежд на Александра II [12], они ни в конспиративных документах, ни в статьях, опубликованных в «Колоколе» или в других изданиях Вольной русской типографии (включая и статью «На новый 1861 год»), не выдвигали лозунга подготовки вооруженного восстания и проведения крестьянской революции, и поэтому вопрос о партии как руководителе народной революции ими тогда еще не разрабатывался [13].

---

[9] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XI, стр. 210.

[10] «Литературное наследство». Т. 39—40. М. 1941, стр. 393—398.

[11] «Литературное наследство». Т. 61. М. 1953, стр. 494—500.

[12] «Характерной чертой нашего «Колокола» были некоторые надежды на правительство»,— писал Н. П. Огарев в статье «Памяти Герцена» в 1870 году (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. Госполитиздат. 1952, стр. 799).

[13] В связи с этим следует отметить, что конспиративный документ «Цель русского движения», где говорится о неизбежности вооруженного восстания, был датирован его публикатором М. В. Нечкиной предположительно 1860 годом. Единственным аргументом такой датировки является наличие в документе формулировки о том, что «всеобщее новое устройство в России» состоит прежде всего «в немедленном уничтожении всякого крепостного права». Этот аргумент не может быть признан убедительным. Во-первых, вся русская революционная демократия, включая Герцена и Огарева, была единодушна в своем мнении, что реформа 19 февраля не дала крестьянам полного освобождения, и во многих широко известных документах выдвигала требование (по-разному его формулируя) о действительном и немедленном уничтожении всякого крепостного права. Следовательно, фраза «о новом устройстве» могла быть употреблена и в документе, изданном уже после объявления реформы. Кроме того, в «Цели русского движения» формулируется лозунг созыва Земского собора, который до весны 1862 г. не встречается ни в одном документе русской революционной демократии, в том числе ни у Герцена, ни у Огарева. Это несомненная примета времени, говорящая против датировки данного документа 1860 годом. Факт идентичности идейного содержания и духа «Цели русского движения» с документом «Заграничные общества» (1862 г.) делает предположение о возможности такого большого разрыва во времени их написания более чем сомнительным.

На протяжении первой половины 1861 г. в России бурно нарастала революционная ситуация: прозвучали выстрелы в Кандеевке и Бездне, по всей стране прокатились волны крестьянского протеста против крепостнического характера реформы 19 февраля, подхваченного революционной демократией.

Это существенно повлияло на политическую программу Герцена и Огарева. Теперь они тоже взяли курс на крестьянскую революцию. Она встала перед ними как практическая задача лишь после реформы, когда они, убедившись, что царь обманул крестьян, потеряли веру в возможность мирного решения вопроса о земле и воле. Создание всероссийской революционной организации стало для них делом первостепенной важности. Именно в это время они опубликовали на страницах «Колокола» программные революционные документы «Разбор нового крепостного права», «Что нужно народу?» и др.

Таким образом, во второй половине 1861 г. в России и в заграничном центре развернулась интенсивная работа по формированию революционной партии — тайного общества, известного впоследствии под названием «Земля и воля».

В 107-м листе «Колокола» была опубликована статья «Ответ «Великоруссу»», посвященная одной задаче: обосновать необходимость создания тайного революционного общества для объединения революционных сил России.

В «Ответе» говорилось, что в России все более накопляются элементы, враждебные самодержавию, но они не представляют для него опасности, пока между ними нет связи и единства. Отсюда основная задача дня, без решения которой невозможно освобождение России,— соединение этих революционных элементов. В «Ответе» подчеркивалось, что для страны, находящейся под вековым рабством, нет другого средства сбросить самодержавное иго, кроме создания тайного союза, ибо без такой организации народные массы не поднимутся на борьбу или же, восстав неподготовленными, потерпят поражение от организованного врага. Автор «Ответа» указывал, что добрые пожелания меньшинства, то есть революционно настроенной интеллигенции, при отсутствии организации не имеют значения, в то время как народу недостает именно духа начинания и инициативы. Выход из создавшегося положения, по его убеждению, только один: необходимо меньшинству соединиться с народом, стать в его ряды, открыть ему все преступления самодержавного правительства и внушить правую ненависть[14]. Путь соединения с народом — это путь создания революционного союза людей, имевших общие убеждения и стремления, выступавших против существовавшего в России

Во-вторых, по своему идейному содержанию «Цель русского движения» резко отличается от всего того, что писал Огарев в 1860 г. (особенно в кричащем противоречии с «Целью русского движения» находятся его «Письма к соотечественнику»). В-третьих, если согласиться с М. В. Нечкиной, то остается непонятным, почему Огарев, уверовав в 1860 г. в неизбежность вооруженного восстания и сформулировав конкретно его лозунг — созыв бессословного Земского собора, в течение примерно двух лет, то есть до весны 1862 г., и даже тогда, когда в связи с появлением листков «Великорусса» он выступил с большой программной статьей «Ответ на «Ответ «Великоруссу»», счел почему-то необходимым промолчать о задуманном и давно решенном.

В-четвертых, косвенным, но, на мой взгляд, убедительным доказательством того, что до весны 1862 г. лозунг Земского собора еще не был сформулирован Огаревым, служит тот факт, что в статье «Третья кровь», помещенной в «Колоколе» в ноябре 1861 г., Герцен выражал надежду, что из университетских аудиторий не труднее сделать Земскую думу, чем из залы Jeu de pomme (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Т. XI. Птрг. 1919, стр. 326).

Надо полагать, что если бы у Огарева был к тому времени сформулирован лозунг Земского собора (о чем, конечно, не мог не знать Герцен), то Герцен упомянул бы не Земскую думу, а Земский собор (см. Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. II. Примечания Я. З. Черняка, стр. 563; Ш. Левин. К датировке новых огаревских документов. «Литературное наследство». Т. 63. 1956, стр. 869—877).

[14] См. «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.». Под редакцией Б. Базилевского. Париж. 1905, стр. 36.

социального строя, «идущих к одной цели, действующих как один человек». Единство цели и действий — главная отличительная особенность революционного общества. Оно, по определению «Ответа», формирует борцов, соединяет силы, подготовляет движение. В нем должны объединиться решительные люди, могущие стать во главе революционного движения. В «Ответе» ставился также вопрос о создании кадров революционеров («извлекать из короны (то есть из государственной службы.— *Я. Л.*) способных людей, давая им другие средства существования») и выдвигалась задача обеспечения такой структуры тайного общества, которая способствовала бы сохранению конспирации («устроиться так, чтобы открытие одного или нескольких центров не подвергало опасности всех») [15]. Цель, к которой должен стремиться революционный союз,— «полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей». Хотя в «Ответе» и не были написаны слова «демократическая республика», но, поскольку в нем отвергалась даже конституционная монархия, можно предположить, что именно демократическая республика была политическим идеалом ее автора. В «Ответе» нет слов «восстание», «революция», но все содержание этого документа настолько пронизано призывом к борьбе, что не остается, по нашему мнению, никакого сомнения в том, что его автор не признает иного пути к достижению сформулированной им цели политического освобождения России, кроме революции с участием в ней широких народных масс. В «Ответе «Великоруссу»» народные массы считались основной силой, на которую должен опереться революционный союз. «Ответ» ориентировал русскую революционную демократию на подготовку всенародного восстания к весне 1863 г.: «С ребяческим доверием ждет обманутый народ через два года полной воли и найдет — новое крепостное право. В этот промежуток меньшинство должно сделать дело», то есть подготовить революционный переворот.

«Ответ «Великоруссу»» — один из важнейших документов русского революционного подполья 60-х годов. Но его значение не ограничено рамками только этого десятилетия, так как впервые в истории русского революционного движения вопрос о создании революционной партии был поставлен с такой четкостью и целеустремленностью. Впервые само понятие революционного общества, или партии, было высоко поднято в сознании деятелей русского освободительного движения. Этот документ содержал своеобразный кодекс поведения революционеров в различной обстановке, где бы ни пришлось им очутиться, включая III отделение, тюремную камеру или места ссылки. Будучи объективно направлен против анархических вспышек, против понимания революции как стихийного, неорганизованного выступления народных масс, «Ответ «Великоруссу»» являлся в то же время решительным ударом по либеральным иллюзиям. По своему содержанию он тесно связан с другими важными документами революционно-демократического движения эпохи и прежде всего с воззванием «Барским крестьянам...». В обоих документах прокламируются создание централизованной революционной организации и план подготовки вооруженного восстания, предусматривающий пропагандистскую деятельность среди крестьян и солдат, сближение солдат с народом. Но в них нет призыва к немедленному восстанию, а только выдвинут лозунг его планомерной подготовки.

Взгляды Герцена и Огарева в отношении перспектив русского революционного движения и создания революционной партии получили к осени 1861 г. дальнейшее развитие в статьях «Заводите типографии», «Ответ на «Ответ «Великоруссу»», «Исполин просыпается» и «Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX века».

---

[15] Там же, стр. 37.

Центральное место среди них принадлежит «Ответу на «Ответ «Великоруссу»», написанному Огаревым.

Огарев, так же как и автор «Ответа «Великоруссу»», видел главную задачу момента в том, чтобы собрать революционное меньшинство, то есть организовать его в тайное общество.

Задача создания революционной организации рассматривалась и решалась Огаревым на основе опыта русского революционного движения в предшествовавшие десятилетия. Он считал стремление к самобытности областей исторической особенностью России, «естественным складом, лежащим в условиях жизни». Исходя из этого, он строил план создания и развития революционной организации как системы тайных обществ, возникающих по областям.

Огарев подвергал вдумчивому анализу попытки создания тайной революционной организации в 1830—1840-х годах и видел неудачу общества Петрашевского и его друзей в том, что у них «теория не примыкала к факту, слово не примыкало к делу, тайное общество не примыкало к народу». Он выдвигал важнейшую задачу связи революционной теории и ее пропаганды с работой в народных массах, формулируя один из ведущих принципов деятельности создаваемой «Земли и воли»: «Только сделавшись народным, политическое общество может существовать, переходя от слова к делу, работая во имя преобразования в действительности, а не в теории». Огарев был полон веры, что революционные деятели выйдут из различных социальных слоев народа: «Наши сильные личности впереди. Где они — в мундирах с эполетами, или на школьных скамьях, или в самой среде крестьянства? Кто их знает? Вероятно, и тут и там и ищут друг друга» [16].

Надо полагать, что в отношении социального состава тайного общества Огарев считал желательным, чтобы наряду с офицерством и студенчеством в него входили также крестьяне.

Важнейшая цель тайного общества — освобождение России — должна была быть реализована, по мысли Огарева, путем революционного переворота, в котором главная роль наряду с войсками принадлежала бы вооруженному восстанию самих крестьян, всего народа. Отсюда вытекала необходимость развертывания среди широких масс революционной агитации и пропаганды, проводимых так, чтобы народ правильно их понимал и под их влиянием постепенно освобождался от царистских иллюзий.

Вместе с тем Огарев в письме члену ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцову сформулировал важнейшее положение: «Без организации — пропаганда бессильна» [17]. Огарев считал весьма важным, чтобы члены тайного общества при общности задач выполняли различные функции: «Разветвлялись бы на мыслящих и действующих, пишущих и проповедующих, военных и ходоков» [18].

Огарев предлагал использовать легальные возможности развертывания революционной деятельности, рекомендуя, в частности, проникновение членов общества в государственный аппарат и прежде всего в армию.

Как одна из важнейших задач освободительного движения выдвигалось устройство по областям типографий с целью развития революционной нелегальной печати, имеющей своим основным назначением обращение не к «образованному числу», а к народным массам.

В «Ответе на «Ответ Великоруссу»» налицо было переплетение идей установления демократического строя с идеей социалистического развития на основе народного землевладения и общинных форм самоуправления.

---

[16] Предисловие к [сборнику «Русская потаенная литература XIX века»]. Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. I, стр. 421—422, 423.

[17] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Т. XVI, стр. 91.

[18] Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. I, стр. 652.

Огарев указывал, что революционное дело обязывает к непрестанной и неутомимой деятельности, не знающей ни устали, ни увлечений,— «требуется сила всегда спокойная и обдуманная, бесстрашная и непрерывная». Он призывал русских революционеров «двигать друг друга на деятельность, держать вечно высокий уровень настроения и вместе охранять друг друга, не растрачивать ни единой силы даром, не сделать ни одного шага, который бы удалял от цели» [19].

Опубликование на страницах «Колокола» «Ответа «Великоруссу»» и «Ответа на «Ответ Великоруссу»» имело очень большое значение для подготовки тайного общества «Земля и воля». Были подвергнуты открытому обсуждению принципы и формы строительства революционной партии и выявлено отношение к ней внутрирусского и заграничного центров. Факт опубликования редакцией «Колокола» этих статей весьма красноречиво и неопровержимо свидетельствовал о том, что Герцен и Огарев были твердо убеждены в необходимости создания тайного общества, объединяющего в своих рядах все активные элементы русского революционного движения под знаменем низвержения самодержавия и политического освобождения России.

Герцен и Огарев в ответ на конституционные проекты либерально-дворянского течения провозгласили лозунг созыва бессословного Земского собора (Учредительного собрания), который впоследствии стал основным политическим лозунгом русской революционной партии «Земля и воля». При этом они придали конкретную форму лозунгу созыва Учредительного собрания, выдвинутому в 1861 г. «Великоруссом».

В «Письмах к Баксту», написанных в мае 1862 г. Огаревым и распространявшихся в России в литографированном виде осенью того же года, лозунг созыва Земского собора получил теоретическое обоснование [20].

Этот лозунг был полностью раскрыт в статье Огарева «Что надо делать народу?» [21], обращенной непосредственно к народным массам. Его дальнейшее обоснование Огарев дал в статье «Конституция и Земский собор». Таким образом, в разработке и популяризации этого центрального политического лозунга революционной партии основная роль принадлежала Н. П. Огареву.

Принципы тайного революционного общества разрабатывались и формулировались не только на страницах «Колокола» и подпольных изданий, но и в той конспиративной переписке, которую Герцен и Огарев вели на протяжении 1861—1863 годов с руководителями и активными деятелями тайного общества «Земля и воля».

В письме, написанном между 20 июля и 3 августа 1861 г. и адресованном, по всей вероятности, Н. Н. Обручеву, Огарев наряду с рассмотрением вопроса о структуре тайного общества высказывался за выработку программы, не только связанной с задачей непосредственного ниспровержения самодержавия и феодально-крепостнического строя, но и с дальнейшим утверждением и развитием новых социальных начал после победы революции. «Мне кажется,— писал он,— что кроме отрицания... надо развивать положительную сторону в проектах о будущем устройстве» [22].

В конспиративном документе Огарева — Герцена, известном под

---

[19] Там же, стр. 537.

[20] См. «Огарев — В. И. Баксту и другим организаторам гейдельбергской читальни». Публикация Я. З. Черняка. «Литературное наследство». Т. 63, стр. 107.

[21] См. «Общее вече» № 2, 22 августа 1862 года.

[22] Цит. по М. Лемке. Политические процессы в России в 1860-х годах по архивным документам. М.-П. 1923, стр. 188.

названием «Заграничные общества», вопрос о структуре и деятельности тайного революционного общества рассматривался и решался в неразрывной связи с его основной целью — политическим переворотом,— объективным содержанием которого была крестьянская революция.

В «Заграничных обществах» проектировалась определенная структура «Земли и воли». Агенты, направленные из Петербурга, должны были возглавить 16 окружных организаций. Этих стойких революционеров, людей талантливых и умеющих «распоряжаться второстепенными деятелями», Огарев и Герцен считали руководящим ядром тайного общества («центральные члены», «центральные люди периферии»).

Огарев провозглашал в категорической форме следующий принцип: «Единое централизованное общество невозможно, возможно только общество федеративное». Этот тезис был подсказан ошибочно понятым опытом русского революционного движения 60-х годов и более раннего периода, когда, по мнению Огарева, «в разных местностях образовались кружки; это совершенно противоположно карбонаризму, который рос из центра и от этого составлял единое, централизованное общество. У нас даже 14 декабря разделилось на Север и Юг — не потому, что они не вовсе сходились в тенденциях,— они на чем-нибудь да помирились бы,— но просто по географической пространности, на которой уже образовавшиеся отдельные кружки могут сойтись, но где рост из одного центра несбыточен» [23]. Огарев при этом исходил из того понимания общинного социализма, который был присущ ему и Герцену. Россия социалистическая представлялась им федеративным союзом областей в противоположность централизованной Российской империи.

В письме на имя Н. Серно-Соловьевича от 8 (20) июня 1862 г. Огарев связывает успех деятельности революционной партии с широким развертыванием ее работы не в Петербурге, а в провинциях. «Опять прихожу к моей теме,— говорилось в письме,— шепчу и кричу ее вам в уши, чтоб она неотступно вас преследовала: живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому что все, что он ни сделает, будет иметь результат только тот же — отместку провинций. Уясняйте цели — провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской земли».

Эти слова были не чем иным, как изложением лозунга «В народ!» Но при этом в письме отразилась характерная для редакторов «Колокола» недооценка роли Петербурга как столичного центра страны — прямое следствие их областнической теории («Я вообще в петербургской суете не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего и нет места для коренного движения и преобразования») [24].

Из недооценки и даже отрицания роли столицы вырастал у Огарева и соответствующий план вооруженного восстания, идущего не от центра к периферии, а наоборот. Таким образом, принципы построения революционной партии у Огарева и у Чернышевского логически вытекали из их планов вооруженного восстания. У Чернышевского принципу централизованного революционного восстания соответствовал принцип централизованной революционной партии. У Огарева принципу революции, осуществляемой от периферии к центру, соответствовал федеральный принцип построения революционной партии.

Весной 1863 г. в статье «Надгробное слово» (посвященной светлой памяти Андрея Потебни, выдающегося деятеля революционного движения той эпохи, руководителя организации «Земля и воля» в Польше — «Комитета русских офицеров») Огарев попытался, подведя некоторые

---

[23] «Литературное наследство». Т. 61, стр. 502.
[24] Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. II, стр. 463.

итоги участия «Земли и воли» в польском восстании, наметить вместе с тем очередные задачи революционного общества и сформулировать его принципиальные основы.

Статья была обращена к членам «Земли и воли» и к тому слою офицерства, который близко стоял к ней. Отметив, что элементы революционного движения, рассеянные по России, «медленно скопляются в тучу», Огарев ставил вопрос о тех основных социальных силах, из которых должно складываться в дальнейшем общество «Земля и воля»: «Обстоятельства с каждым днем уясняются и что вам уже теперь видно — где людей искать нечего и, следовательно, где людей искать надо» [25].

Сделав краткий обзор пути, пройденного Россией в борьбе за политическую свободу, указав на вклад, внесенный в эту борьбу дворянской интеллигенцией, и отметив, что «дело декабристов и дело общества Петрашевского имели свое огромное значение, свое неистребимое влияние» [26], Огарев в свете фактов последнего времени приходил к выводу, что дворянская интеллигенция исчерпала до конца свою революционность не только в поколении «отцов», но и в поколении «детей».

В этом сказался новый подход Огарева к оценке революционных возможностей дворянской интеллигенции.

«Надгробное слово» указывало на новую, ведущую социальную силу в революционном движении — на образованную молодежь (разночинцев), которая «вырвалась к жизни и взяла инициативу в литературе из духовных семинарий, из-под гнета духовных академий, из бездомного чиновничества и удрученного мещанства». На эту молодежь должна ориентироваться «Земля и воля». Она «должна собрать себя в общество; она должна умножить, вырастить это общество в силу, пополняя свои ряды из так называемого низшего слоя солдатами, здоровыми мужиками». Огарев призывал к тому, чтобы в революционном обществе разночинная интеллигенция соединялась с самыми глубокими толщами русской народной массы и работала не только с ними, но и через них. «Вот где вам людей искать»,— писал Огарев, ссылаясь при этом на деятельность студентов Медико-хирургической академии П. Беневоленского, В. Хохрякова и К. Крапивина, развернувших революционно-пропагандистскую деятельность среди рабочих через воскресные школы на окраинах Петербурга [27]. «Недавний приговор сената, осудивший, по одному делу пропаганды, двух медицинских студентов вместе с троими крестьянами, доказывает, что пора этого союза пришла» [28].

Решающее значение для успеха революционной борьбы Огарев придавал ясному формулированию ее цели, близкой и понятной широким народным массам. «Без определенной цели нельзя ни ясно понимать, ни ясно проповедовать, ни собрать людей на одно дело». Политическое освобождение России и получение земли крестьянством могли быть достигнуты, по убеждению Огарева, путем реализации лозунга созыва Земского собора, который рассматривался Огаревым как лозунг вооруженного восстания.

Огарев особое значение для успеха революционной борьбы придавал теоретической деятельности: «Спешите разрабатывать то, что нужнее; спешите работать, чтобы понимание не отставало позади от движения, но стройно росло вместе» [29]. Большой интерес вызывают строки «Надгробного слова», в которых Огарев формулирует законы революционной борьбы: «Жить в постоянном труде приготовления строя на борьбу, никогда не теряя времени и никогда не хватая очертя голову,

---

[25] Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. I, стр. 652.
[26] Там же, стр. 653.
[27] См. «Рабочее движение в России в XIX веке». Сборник документов и материалов. Т. II, ч. 1-я. Госполитиздат. 1950, стр. 589.
[28] Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. I, стр. 655.
[29] Там же.

никогда не уставая, не унывая при неудаче, не зазнаваясь и не останавливаясь при успехе,— это задача тяжелая; а теперь это ваша задача, друзья юноши»[30].

«Надгробное слово» — это призыв к живому, практическому революционному делу, направленный против революционного фразерства и пустой риторики, которые составляли в то время серьезную опасность для еще не окрепнувшей революционной партии.

В «Надгробном слове» был указан круг задач «Земли и воли»: 1) правильное районирование областных организаций «Земли и воли» — «ясное географическое распределение своих центров, совпадающих с местными условиями жизни»; 2) выбор руководителей областных организаций общества, «как можно более сознательных, при совершенном устранении всякой игры мелких самолюбиц и завистей»; 3) устная и печатная проповедь Земского собора и тех вопросов, которые на нем должны быть решены; 4) пополнение общества «людьми из народа».

Тот факт, что большая часть задач, сформулированных Огаревым, касалась организационной деятельности тайного общества, очень характерен. Он показывает, что к весне 1863 г. еще не все организационные вопросы «Земли и воли» были выяснены. Но эта организация уже сформировалась и проявила себя в действии как революционная организация всероссийского масштаба.

Таким образом, мы рассмотрели основные документы, в которых были разработаны некоторые важнейшие вопросы организации революционной партии. Они были затем отражены в документах, вышедших из-под пера активных деятелей «Земли и воли» в 1863 и последующих годах. Наибольший интерес представляют такие издания, как «Свобода» №№ 1 и 2, которую Н. Утин[31] назвал «непосредственным органом» «Земли и воли»[32], прокламация «Офицерам всех войск от общества «Земля и воля», письма активного землевольца Ивана Кельсиева[33] и большая статья Н. Утина «Пропаганда и организация», представляющая собою не что иное, как историю «Земли и воли», изложенную в общих чертах.

Эти материалы в совокупности дают достаточно полное представление о программе, тактике и идеологии «Земли и воли».

Необходимо отметить, что сами землевольцы считали свое общество именно революционной партией. В статье «Пропаганда и организация» Н. Утин неоднократно употребляет это слово применительно к «Земле и воле»[34]. И. Кельсиев писал в сентябре 1863 г.: «В России только одна живая и хоть что-нибудь делающая партия — это наша»[35].

Своей первой задачей «Земля и воля» считала борьбу за ликвидацию тогдашних порядков. Она призывала «к разрушению императорского самодержавия и к торжеству народных интересов, которое должно выразиться прежде всего в созвании Народного собрания из выборных представителей свободного народа. Собрание это само определит новый общественный строй нашего свободного отечества и последним моментом деятельности общества «Земля и воля» будет гарантия свободных выборов в Народное собрание и ограждение собрания от всяких насильственных влияний и от притязаний имущественных и сословных привилегий»[36]. Таким образом, члены «Земли и воли» рассматривали свою

---

[30] Там же, стр. 651.

[31] Н. Утин был сначала членом Петербургского комитета, а затем членом Центрального комитета «Земли и воли».

[32] См. «Литературное наследство». Т. 62, стр. 654.

[33] И. Кельсиева не следует смешивать с его братом — Василием Кельсиевым.

[34] См. «Народное дело» (Женева), №№ 2 и 3, октябрь 1868 г., стр. 28, 31, 35 и др.

[35] «Литературное наследство». Т. 62, стр. 232.

[36] «Свобода» № 1. «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», стр. 92.

организацию как руководящий орган вооруженного восстания. Тактика этого восстания была сформулирована (вполне в духе документа «Заграничные общества») в прокламации «Офицерам всех войск от общества «Земля и воля»», написанной Н. П. Огаревым совместно с А. А. Слепцовым и А. А. Потебней в начале 1863 года. В ней говорилось: «Дружно со всех окраин двинемтесь внутрь России, подымая народ на созвание бессословного Земского Собора. Только он может осуществить право народа на землю и волю, областное и союзное самоуправление. Романовы никогда не созовут его... Настоящий Земский Собор наш надо себе завоевать» [37].

«Земля и воля» выдвигала идею социалистического развития России после ее освобождения, имея в виду общинный социализм. Она считала своей целью «подготовление Революции в России на коренных социалистических началах», ибо «всеобщий, всем доступный и обеспеченный труд возможен только при совершенном изменении всех условий богатства и производства в смысле социалистической организации» [38].

«Земля и воля» видела в народе решающую силу революционного переворота. «Успех движения немыслим без массы»,— писал Иван Кельсиев [39].

Революционная пропаганда в народных массах рассматривалась землевольцами как условие, от которого зависит конечный успех всего дела. «Задача заключается в уменье отыскать доступ в народ для нашей пропаганды — для того, чтобы проникнуться взаимным общим пониманием и объединить с ним наши революционные воззрения для совокупного требования осуществления их» [40].

Необходимость создания тайного революционного общества обусловливалась в глазах деятелей «Земли и воли» прежде всего задачей развертывания революционной пропаганды в народе. «Наша пропаганда должна быть направлена на формирование стойких и умелых проводников революционного промысла в народ, на образование потребной для народного дела сплоченной организации из всех находящихся под руками и в разброс революционных элементов» [41].

В одном из писем к Герцену (в сентябре 1863 г.) Иван Кельсиев отразил эту сторону землевольческих взглядов: «Для нас идея и пропаганда ее нечто вроде профессии» [42].

«Земля и воля» представляла собой «стройную, крепко сплоченную и широко разветвленную организацию пропагандистов, ввиду способствования для позднейшего образования другой широкой Народной организации вооруженных борцов» [43].

Революционная партия в понимании землевольцев должна была представлять собою «тайную организацию, основанную на предварительном тайном сплочении в один помысел и в одно обобщенное стремление всех разбросанных революционных элементов» [44], с единой структурой и общей дисциплиной [45].

---

[37] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», стр. 93.

[38] «Пропаганда и организация». «Народное дело» (Женева) №№ 2 и 3, октябрь 1868 г., стр. 35, 46.

[39] «Литературное наследство». Т. 62, стр. 232.

[40] «Пропаганда и организация». «Народное дело» (Женева) №№ 2 и 3, октябрь 1868 г., стр. 27.

[41] Там же.

[42] «Литературное наследство». Т. 62, стр. 232.

[43] «Пропаганда и организация». «Народное дело» (Женева) №№ 2 и 3, октябрь 1868 г., стр. 34.

[44] Там же, стр. 44.

[45] «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», стр. 93.

★

В эпоху падения крепостного права в ходе острой классовой борьбы происходило интенсивное развитие революционной идеологии. Революционные деятели стремились найти идейно-теоретическое обоснование насущных национальных задач русского освободительного движения. В ходе разработки этой идеологии обнаружились серьезные идейно-политические разногласия в рядах русской революционной демократии. Их исходной теоретической основой было различное понимание Чернышевским, с одной стороны, и Герценом и Огаревым, с другой, самой теории общинного социализма, выразителями которой они являлись. Н. Г. Чернышевский резко критиковал свойственную А. И. Герцену и Н. П. Огареву веру в самобытное историческое развитие России. Не разделял он также присущего Герцену и Огареву «областничества», заключавшегося в утверждении, что местные (областные) интересы должны иметь решающее значение в ходе революционной борьбы и в будущем устройстве новой России, которая после крушения феодально-крепостнической системы представлялась им как федерация областей.

Эта сторона взглядов Герцена и Огарева явилась своеобразным преломлением в их теории идеологии патриархального крестьянства, его локальной ограниченности, его тяготения к своей околице. Отсюда идет серьезный принципиальный порок их организационно-тактических взглядов — недооценка роли центра и федералистский принцип построения революционной организации. Петербург рассматривался ими всего лишь как один из 16 пунктов, наравне, например, с Курском или Смоленском. Это сказалось и на их плане восстания, в котором также явно недооценивалась роль восстания в самой столице [46].

Возможно, план «повсюдного» восстания, разработанный Огаревым и Герценом и предусматривавший движение восставших от периферии к центру, в какой-то мере был подсказан историческим опытом крестьянских войн в России. Все они, как известно, начинались на окраинах и уже оттуда устремлялись к центру страны [47].

Иные взгляды были у Чернышевского. Он решающее значение придавал вооруженному восстанию в столице и намечал план крестьянской революции, согласно которому периферия равнялась бы на центр, на столицу. Этим обусловливался и его принцип централистского построения революционной организации.

Что же касается понимания основных черт революционной партии, общего для обоих центров русского революционного движения, то их можно свести к следующим положениям. Ее социально-политическая сущность как партии крестьянской революции нашла свое определенное выражение в лозунге «Земля и воля». Ее основная цель — борьба за политическое освобождение России от самодержавного деспотизма и полная ликвидация крепостнического землевладения.

Главным политическим лозунгом революционной партии, заключавшим в себе задачу вооруженного восстания, был созыв бессословного Земского собора. В дальнейшем выдвигалась задача развития общества на социалистических началах [48].

Революционная организация рассматривалась как руководящая сила вооруженного восстания.

---

[46] См. «Литературное наследство». Т. 61, стр. 510.

[47] Следует отметить, что с течением времени, к началу 1864 г. и еще в большей мере к концу данного десятилетия, под воздействием горького опыта русского революционного движения Н. П. Огарев стал сторонником централизма в построении революционной партии, что нашло отражение, в частности, в его статье «Сплотимтесь дружно!» (Н. П. Огарев. Указ. соч. Т. 1, стр. 800—803).

[48] На самом деле это были всего лишь утопические мечтания, субъективно-социалистические стремления, выражавшие революционность буржуазно-крестьянской демократии в России.

Один из основных ее программных принципов — освобождение Польши. Отсюда лозунг русско-польского революционного союза.

По своему составу партия должна была быть всесословной, в нее могли входить: интеллигенция (особенно студенты и офицеры), крестьяне, городские рабочие, представители купечества, не только мужчины, но и женщины. Именно в это время в русское революционное движение вступают женщины. Ядро партии должны были составить профессиональные революционеры из наиболее самоотверженных и подготовленных людей (именно в эту эпоху в России появились первые профессиональные революционеры). Партия должна была строиться по принципу строгой конспирации как гарантии от разгрома, как формы самообороны от царизма, его жандармско-полицейских органов.

Огромное значение придавалось широкой агитационно-пропагандистской деятельности в различных социальных слоях русского общества (печатная пропаганда с помощью нелегальных типографий, расположенных в различных пунктах России, должна была стать ее основой). Главная задача пропаганды — подготовка масс (прежде всего крестьянства и солдат) к участию в вооруженном восстании против царизма. В связи с этим особое внимание должно было быть уделено развенчанию идеологии наивного монархизма крестьянства.

Одна из важнейших задач деятельности партии — широкое революционное просветительство. При этом имелись в виду три его конкретные формы: а) воскресные школы, б) печатание и распространение научно-популярных книг для народа, в) чтение странствующими учителями научно-популярных лекций для народных масс.

В своей совокупности программно-тактические и организационные принципы, положенные в основу революционной организации, представляли серьезный шаг вперед в развитии русского революционного движения по сравнению с его предшествовавшим периодом и знаменовали собою его новый этап, то есть переход от дворянской революционности к революционности разночинско-демократической.

Деятели «Земли и воли» стремились в той или иной степени реализовать все эти принципы и методы революционной работы, но по ряду причин, требующих особого рассмотрения, это им во многом не удалось. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что в ходе формирования «Земли и воли» 60-х годов в ней утвердился федералистский принцип построения. В 1864 г. «Земля и воля» свернула свою деятельность, так и не превратившись в крепкую организацию революционеров, которая могла бы противостоять полицейско-жандармскому террору царизма.

К «Земле и воле», на наш взгляд, вполне применимо определение В. И. Ленина, относящееся к революционному народничеству 1870 годов. «Ошибка же их,— писал он,— была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» [49].

Общество «Земля и воля» 60-х годов было партией интеллигентской по своему составу, крестьянской по социальной сущности, революционно-демократической по объективной исторической значимости. Это была первая в России партия народнического типа. Ее социально-политические устремления соответствовали ленинскому определению революционного народничества, отличавшегося сочетанием боевого демократизма с социалистическими мечтами и требованием радикального решения аграрного вопроса.

В. И. Ленин высоко ценил положительный, организационно-конспиративный опыт героической борьбы русских революционеров предшествующих поколений и призывал к его использованию.

---

[49] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 443.

БОРЬБА ВНУТРЕННЕЙ И ИНОСТРАННОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ПРОТИВ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА в 1919 году

М. Ф. Лебович

История контрреволюционного переворота и разгула кровавого террора в Венгрии в 1919 г. не получила достаточного освещения в советской историографии. Брошюра Б. С. Утевского «Классовая юстиция Венгрии», в которой разоблачена комедия суда венгерской белогвардейщины над активными защитниками Венгерской Советской республики, вскрывает лишь незначительную долю кровавых злодеяний контрреволюции. Обстоятельное исследование, посвященное истории Венгерской Советской республики в 1919 г. и контрреволюционного террора, написал Деже Немеш [1]. Эта работа является ценным вкладом в марксистско-ленинскую историографию рассматриваемого вопроса.

В данной статье сделана попытка разоблачить последовавший за свержением Венгерской Советской республики жестокий террор буржуазно-помещичьей контрреволюции против рабочего класса, сельской бедноты и прежде всего коммунистов. Статья также ставит задачу показать беспощадность, с которой буржуазия и помещики, опираясь на контрреволюционные банды, наступали на жизненный уровень трудящихся, ликвидировали экономические и социальные завоевания Советской власти. Кроме того, автор ставил перед собой цель рассказать о международном протесте рабочих против контрреволюционного хортистского террора.

Материалом для статьи послужили документы Государственного архива Закарпатской области (ГАЗО), Мукачевского филиала ГАЗО, Центрального государственного архива Красной Армии в Москве, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также периодические издания и имеющаяся на венгерском языке литература по данной теме.

Наиболее важным источником явился сборник документов «Приход к власти и кровавый режим контрреволюции в Венгрии 1919—1921 годов», вышедший в 1956 г. в Будапеште [2]. В этом сборнике содержится 267 документов и материалов из Венгерского государственного архива, Архива Института истории Социалистической рабочей партии Венгрии, Военно-исторического архива, а также материалы из ряда местных архивов. В сборник включены также документы и материалы, ранее опубликованные в других изданиях. Сборник охватывает период с первого дня деятельности «профсоюзного» правительства Пейдля до падения правительства Телеки, то есть с 1 августа 1919 г. по 8 апреля 1921 года.

---

[1] Д. Немеш. К истории кровавой контрреволюции в Венгрии в 1919—1921 гг. Budapestini, 1954 (на русском языке). Эта же работа (Nemes D. A vérengző ellenforradalom történetéhez 1919—1921) с дополнениями и изменениями опубликована в качестве введения к сборнику документов: «Az ellenforradalom hatalomrajutása és rémuralma Magyarországon 1919—1921». Budapest. 1956.

[2] «Az ellenforradalom hatalomrajutása és rémuralma Magyarországon 1919—1921». Budapest. 1956 (в дальнейшем — EHRM).

★

Венгерская Советская республика, созданная 21 марта 1919 г., была результатом многовековой борьбы трудящихся Венгрии за свое национальное и социальное освобождение.

Советская республика в Венгрии родилась под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, которая дала могучий толчок революционному творчеству венгерских трудящихся.

Создание Венгерской Советской республики было восторженно встречено трудящимися города и деревни. Политика Советского правительства отвечала жизненным интересам венгерского народа. Венгерская Советская республика с первого же дня своего существования начала проводить социалистические преобразования с целью ликвидации капиталистических производственных отношений и решительного подъема жизненного уровня трудящихся масс.

Советская власть в Венгрии осуществила национализацию, обобществление крупных промышленных, транспортных предприятий, рудников, банков и кредитных учреждений. Путем конфискации всех поместий размером свыше ста хольдов было ликвидировано господство крупных помещиков. Конфискованная земля передавалась кооперативам, состоявшим из сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян.

Советская власть коренным образом улучшила социальное положение рабочего класса: был введен 8-часовой рабочий день, расширено социальное страхование, рабочие получили право на ежегодный отпуск с сохранением заработной платы. Квартиры богачей были конфискованы и предоставлены семьям рабочих.

Большие изменения были произведены в политической жизни народа. Трудящимся города и деревни была обеспечена свобода слова, печати, союзов, собраний. Все венгерские граждане без различия пола старше 18-летнего возраста, живущие полезным для общества трудом, получили право избирать и быть избранными.

Возникновение в центре Европы Венгерской Советской республики вызвало тревогу у правителей Антанты. Империалисты Запада немедленно приступили к организации интервенции и через три недели начали ее проводить руками своих вассалов — боярской Румынии и буржуазной Чехословакии. Для борьбы против Советской власти были привлечены силы внутренней контрреволюции.

При поддержке французских оккупационных войск в городе Араде 5 мая 1919 г. было создано контрреволюционное «правительство» во главе с графом Дьюла Карольи. В дальнейшем свою деятельность это «правительство» перенесло в г. Сегед. «Правительство» состояло из ярых монархистов. Военный министр — адмирал Хорти — был тесно связан с венской белой эмиграцией, группировавшейся вокруг пресловутого «Венского комитета». Последний под прямым покровительством «социалистического» правительства Австрии во главе с Карлом Реннером и Отто Бауэром вел энергичную деятельность по уничтожению Венгерской Советской республики. «Венский комитет» находился в контакте с представителями антантовских миссий и римского папы [3], а также с главой американского шпионского центра в Вене Кулиджем и эмигрировавшим из Советской Венгрии вожаком социал-демократической партии Эрне Гарами [4]. От «Венского комитета» и сегедского контрреволюционного «правительства» шли нити к организаторам контрреволюционных заговоров и мятежей внутри Советской Венгрии. Первую скрипку в проведении подрывной работы внутри страны играли правые лидеры социал-

---

[3] См. Kelemen Béla. Adatok a szegedi ellenforradalom és a szegedi Kormány történetéhez. Szeged. 1923, 397, I.

[4] Garami Ernö. Forrongó Magyarország. Вена. 1922, стр. 152—153, 156, 160.

демократии, занимавшие ответственные посты в государственном аппарате, партии и профсоюзах и действовавшие в качестве «пятой колонны».

Благодаря объединенным усилиям антантовских интервентов, буржуазно-помещичьей контрреволюции и социал-демократических предателей, пробравшихся в правительство, Венгерская Советская республика пала после 133 дней героической борьбы.

Среди причин, приведших к поражению Венгерской Советской республики, прежде всего надо назвать значительное превосходство контрреволюционных вооруженных сил. Но поражению в немалой мере содействовали и другие факторы, прежде всего внутренняя слабость Венгерской Советской республики. Не имея возможности более подробно останавливаться в данной статье на этом вопросе, хотелось бы отметить три, на наш взгляд, наиболее серьезные ошибки Венгерской Советской республики. Позиции Советской власти в Венгрии были сильно подорваны предательским поведением бывших социал-демократических вождей, вошедших после объединения коммунистической и социал-демократической партий в состав Советского правительства. Эти «социалисты» на словах объявляли себя революционерами, а на деле сопротивлялись осуществлению диктатуры пролетариата, колебались, малодушничали, нередко прямо саботируя пролетарскую революцию и предавая ее. В. И. Ленин отмечал, что измена «социалистов» была одной из главных причин гибели Венгерской Советской республики [5].

Другой важнейшей внутренней причиной гибели Советской власти в Венгрии была недостаточная сознательность и дисциплинированность рабочего класса. На эти недостатки венгерского рабочего класса указывал В. И. Ленин в речи на Всероссийском съезде рабочих стеклофарфорового производства 29 апреля 1920 года. Он говорил тогда: «Мы знаем, что только сознательность рабочих, их объединенность, полная сплоченность профсоюзов являются такой силой, которая давала блестящие победы нашей Красной Армии, армии, которая была лучшим проводником сознательности в ряды крестьян, научив их выкидывать из своих рядов шкурников, чтобы удержать власть в руках рабочих. Нам нужны и сейчас эта сознательность, объединенность и полная сплоченность профсоюзов в войне с Польшей и в деле восстановления промышленности. Сейчас требуется продолжение и усиление той дисциплины, которая нам нужна во всех производствах. Сознательные рабочие знают, что если бы вы, рабочие, не проявили этой дисциплины до сих пор, то нас могла бы ожидать участь Венгрии» [6].

Поражение Венгерской Советской республики было обусловлено во многом ошибками в области аграрной политики. Конфисковав крупные земельные владения, Советская власть передала их товариществам, не наделив мелких крестьян земельными участками. В итоге широкие массы крестьянства, не получив земли от Советской власти, не поддержали ее. Отмечая эту ошибку, В. И. Ленин писал: «В Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодальное хозяйство. Всегда найдутся и должны найтись такие части крупных земельных владений, из которых можно кое-что дать мелким крестьянам,— пожалуй, не в собственность, а в аренду, чтобы мелкому парцелльному крестьянину досталось что-нибудь от конфискованного владения. Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между тем, что было прежде, и советской диктатурой. Если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться» [7].

Позднее, в 1921 г., В. И. Ленин прямо указывал: «В Венгрии крестьяне не помогли венгерским рабочим и попали под власть помещиков» [8].

[5] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 329.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 101.
[7] Там же, стр. 224—225.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 90.

Ошибочная политика Венгерского советского правительства по аграрному вопросу помешала установлению прочного союза пролетариата с крестьянством, отсутствие которого явилось одной из коренных причин поражения Венгерской Советской республики.

Указанные выше факторы не только привели к поражению Советской республики в Венгрии, но и определили в известной мере сравнительную легкость победы контрреволюции и широкий размах белого террора в стране.

В связи с гибелью Венгерской Советской республики было опубликовано обращение нового правительства «К венгерскому народу», в котором говорилось: «Антантовские власти обратились к нам с ультиматумом. Они требуют, чтобы правительство, стоящее на принципах советской системы, было заменено другим правительством. Эту замену они ставят как условие для начала мирных переговоров». В обращении говорилось, что дальнейшее упорное сопротивление властям Антанты в данный момент, по мнению правительства Венгерской Советской республики, вело бы лишь к бесполезному кровопролитию, и потому оно сложило свои полномочия. Временное управление в государстве приняло на себя по поручению Центрального рабочего совета новое правительство, состоящее, как подчеркивалось в обращении, из «руководителей дисциплинированных и вооруженных венгерских профсоюзов».

Характерно то, что правые социалисты и профбюрократы даже в этом обращении не сказали рабочим прямо, что речь идет не о замене одного революционного правительства другим, а о восстановлении капиталистической власти[9]. Таким образом, эти агенты венгерской буржуазии и мирового империализма, обманывая на каждом шагу народные массы, подготовляли почву для завершения контрреволюционного переворота.

Состав «профсоюзного правительства» был следующим: премьер-министр Пейдль, руководитель профсоюза печатников, бывший министр труда правительства Карольи, не принимавший участия в органах диктатуры пролетариата; министр юстиции Гарами; министр просвещения Гарбаи, бывший председатель венгерского Совнаркома; министр иностранных дел Агоштон, бывший заместитель народного комиссара иностранных дел; министр военных дел Гаубрих, бывший народный комиссар военных дел, один из организаторов контрреволюционного мятежа 24 июня 1919 г. в Будапеште; министр внутренних дел Пейер, старый полицейский агент и организатор кровавого подавления движения углекопов в Шальготаряне в начале января 1919 года. В состав «профсоюзного правительства» вошли и другие правые социалисты с аналогичными «заслугами» в деле измены рабочему классу.

Заверения правых социалистов в том, что новое правительство обеспечит сохранение завоеваний революции и не допустит белого террора, оказались обманом.

«Профсоюзное правительство» Пейдля немедленно приступило к разоружению красноармейцев, Красной милиции, к ликвидации революционных трибуналов, к восстановлению в прежних правах старой полиции, суда, жандармерии и других органов насилия буржуазного государственного аппарата. 2 августа правительство Пейдля издало декрет об освобождении контрреволюционеров, арестованных во время Советской власти. В то же время министр внутренних дел К. Пейер разослал строго секретную телеграмму в комитатские управы, в которой предписывалось произвести аресты коммунистов[10]. Тем самым был дан первый сигнал к расправе над верными защитниками интересов венгерского трудового народа. На другой день после прихода к власти «профсоюзного

[9] Газета «Népszava» («Голос народа») — центральный орган социал-демократической партии Венгрии, 2 августа 1919 года.

[10] EHRM. 110, 111. I.

правительства», 2 августа, вблизи австрийской границы был арестован и зверски убит выдающийся деятель Венгерской Советской республики Тибор Самуэли.

Желая выслужиться перед венгерской буржуазией и помещиками и завоевать доверие западных империалистических держав, «профсоюзное правительство» не ограничилось разоружением пролетариата и восстановлением органов насилия буржуазии. Оно поспешило провести ряд мероприятий по ликвидации социалистических преобразований: был отменен декрет Советского правительства об обобществлении средств производства, ликвидированы важнейшие завоевания венгерского пролетариата, сняты красные флаги с правительственных и общественных зданий и т. д.

Реставрируя капиталистический строй, правительство Пейдля в декрете от 6 августа объявляло: «Право частной собственности восстанавливается на все те промышленные и торговые предприятия, которые до 21 марта 1919 г. являлись частной собственностью и были с того времени объявлены общественной собственностью». Одновременно отменялись какой-либо контроль над деятельностью капиталистов, регулирование цен на товары и другие мероприятия Советского правительства, направленные на обуздание спекулянтов, на защиту интересов трудящихся. «Профсоюзное правительство» возвратило домовладельцам национализированные во время Советской республики жилые дома и аннулировало постановление Советского правительства о снижении квартирной платы [11]. На основе распоряжения от 4 августа началось выселение пролетарских семей из квартир капиталистов и помещиков, предоставленных Советской властью рабочим, ютившимся до провозглашения Советской республики в непригодных для жилья помещениях или вовсе не имевшим квартир [12]. Владельцы крупных жилых домов получили снова возможность взвинчивать квартирную плату, отнимать, как до социалистической революции, $^1/_3$ и больше месячного заработка у рабочих за жалкое помещение.

Наступление на жизненный уровень трудящихся началось и по другой линии. В период Советской республики заработная плата низкооплачиваемой категории рабочих и служащих была значительно повышена. Советская власть большую заботу проявляла об учителях [13]. Правительство Пейдля 5 августа постановило снизить заработную плату государственных служащих до уровня зарплаты, существовавшего до 21 марта 1919 года [14]. «Профсоюзное правительство» не успело провести в жизнь это постановление и разработать аналогичные постановления по отношению к рабочим, как не успело оно издать подготовленный декрет о возвращении бывшим владельцам помещичье-церковной земли, национализированной Советской властью. Но и без того каждый шаг правительства Пейдля за несколько дней его пребывания у власти был изменой делу рабочего класса и других трудящихся слоев страны, делу социализма.

В разоружении пролетариата и реставрации капитализма правительство Пейдля тесно сотрудничало с вошедшими 3 августа в Будапешт румынскими войсками.

Одновременно правительство Пейдля вело переговоры с представителями различных буржуазных кругов о создании коалиционного правительства. Пейдль вел переговоры с приехавшим в Будапешт вождем «партии мелких хозяев» Иштваном Надьатади-Сабо. За этими переговорами должны были последовать переговоры с представителями других партий [15]. Однако к тому времени западные державы нашли, что дальней-

---

[11] Там же, стр. 111—113.

[12] В период Советской республики в одном только Будапеште было переселено из трущоб предместья в светлые, уютные квартиры буржуазии не менее 100 тысяч человек. См. «A Magyar Tanácsköztársaság a dolgozó népért». Budapest. 1956, 5. l.

[13] См. «A Forradalmi kormányzótanács és Népbiztoságok rendeletei». III. k. Budapest. 1919, 21—23. l.

[14] EHRM, 112—113. l.

[15] «Népszava», 6 августа 1919 года.

шее пребывание у власти «чисто социал-демократического» правительства является излишним. Организаторы интервенции считали, что это правительство, несмотря на его готовность принять любые меры для ликвидации всех завоеваний трудящихся в период существования Советской республики, не сможет полностью обеспечить расправу над передовыми борцами за социализм. Пейдлю и его министру иностранных дел дали это понять прибывшие 5 августа в Будапешт представители западных держав в лице итальянского герцога Боргезе и английского генерала Гортона. Удаления «социалистического» правительства особенно добивались венгерская буржуазия, помещики и кулачество. Среди различных претендентов на власть и стоявших за их спиной империалистических держав происходила острая борьба. Агенты той или другой капиталистической державы старались сформировать такое правительство, которое служило бы в большей мере интересам монополистического капитала данной страны. Однако соперничество друг с другом великих держав, а также венгерских контрреволюционных группировок не помешало им быть едиными в вопросе «о беспощадном искоренении большевизма».

6 августа кучка венгерских контрреволюционных офицеров, сторонников фабриканта Фридриха, бывшего статс-секретаря в правительстве Карольи, разогнала при покровительстве румынских войск «профсоюзное правительство».

После переворота эрцгерцог Иосиф Габсбург объявил себя «регентом» и поручил Иштвану Фридриху образовать временное правительство [16]. Таким образом, при содействии западных империалистических держав и предателей — лидеров социал-демократии, маскировавшихся фальшивыми лозунгами о свободе, демократии и гуманизме, в Венгрии установился режим зверского контрреволюционного террора.

Правительство Фридриха за 4 месяца своего пребывания у власти неоднократно реорганизовывалось под натиском соперничавших держав Антанты и боровшихся между собой различных групп венгерской буржуазии, помещиков и кулачества. Правительство Фридриха, выражая интересы имущих классов, прежде всего довершило начатую «профсоюзным правительством» ликвидацию завоеваний рабочего класса и сельской бедноты. Первым своим постановлением, опубликованным 7 августа, оно объявило: «Все декреты, изданные Советским правительством, на основе которых землевладения были превращены в общественную собственность, отменяются» [17]. Тем самым восстанавливалась феодальная собственность на землю. Сотни тысяч батраков и сельской бедноты превращались в нищих, бесправных париев, какими они были до установления Советской власти.

Как только румынские войска оккупировали столицу, начались карательные экспедиции контрреволюционеров.

Страшные злодеяния, совершавшиеся офицерскими бандами Хорти над коммунистами и лицами, сочувствовавшими Советской власти, известны лишь в незначительной части. Однако и выявленное показывает, что венгерскому трудовому народу, действовавшему исключительно гуманно во время существования Советской власти по отношению к своим классовым врагам — буржуазии и помещикам, пришлось перенести невероятные надругательства, средневековые пытки и массовое истребление со стороны обезумевших контрреволюционных банд Хорти. В одном из протоколов, составленном на основе опроса очевидцев, приводятся факты вопиющих зверств офицерской карательной банды Пронаи. В протоколе, в частности, говорится о том, что в первых числах августа 1919 г. в село Марцали вошел карательный отряд Пронаи. В его рядах оказались сыновья местного графа, помещиков и управляющих имениями. Карательная банда приступила к расправе над арестованными коммунистами и

[16] EHRM, 119. I.
[17] Там же, стр. 120.

местными деятелями Советской власти. В присутствии родственников арестованных избивали, калечили, разбивали им головы дубинками, скальпировали, многих повесили на деревьях во дворе тюрьмы, других увезли для казни в ближайшие леса. Почти все 200 человек погибли в невероятных мучениях. Установить социальный состав жертв контрреволюционного террора полностью не удается, так как большинство убитых не было опознано. В данном случае была установлена личность лишь 19 человек. Среди них было 11 представителей индустриального пролетариата, трое сельскохозяйственных рабочих, два учителя, один служитель католического культа, один служащий и один продавец. По религиозным взглядам 14 были католиками, 2— лютеранами и 2— иудейского вероисповедания [18]. Уже эти цифры показывают, что хортистские бандиты убивали подряд всех, кто был заподозрен в сотрудничестве с Советской властью. Ненависть контрреволюции к трудящимся с особенной силой проявилась в том, что карательные отряды не ограничивались злодейской расправой над заключенными, но избивали и грабили трудовое население независимо от того, сотрудничало оно с Советской властью или нет. Подобные расправы над коммунистами офицерские банды устраивали в комитетах Фехер, Тольна, Веспрем и других [19].

В Шиофоке, где дислоцировалось «главное командование» Хорти, карательные отряды уничтожали активных деятелей Советской власти планомерно, небольшими группами. В ночь с 26 на 27 августа в окрестный лес были увезены 42 заключенных. Здесь бандиты стали избивать своих жертв дубинками с оловянными наконечниками, резать и колоть их штыками. Четырех человек, которые на коленях умоляли белобандитов не подвергать их подобной смерти, по приказанию командира карательного отряда «помиловали»: при всеобщем ликовании бандитов они были тут же повешены.

В конце августа хортисты увезли из тюрьмы Шиофока 16 арестованных. 1 сентября 12 из них были казнены, в том числе Золтан Самуэли, один из активных деятелей Советской Венгрии, участник движения интернационалистов в защиту Советской России, брат Тибора Самуэли. Так день за днем контрреволюционные банды увозили и казнили коммунистов и подозреваемых в сочувствии к коммунизму. Из Шиофока, по неполным данным, за два месяца белобандиты увезли и казнили более двухсот арестованных [20]. Контрреволюционное офицерство, отребье бывшего офицерского корпуса австро-венгерской монархии, воспитанное еще со школьной скамьи в духе великодержавного шовинизма, презрения и ненависти к венгерскому рабочему классу, оказавшись без дела после распада монархии, нашло выход своим животным инстинктам в бесконечных кутежах, завершаемых пытками и убийствами вывезенных ими из тюрем коммунистов.

Офицерские банды барона Пронаи, Гейяша, графа Шальма, Остенбурга и других вытаскивали из госпиталей раненых красноармейцев и учиняли над ними средневековые пытки [21]. Деятелям Советской власти белобандиты выкалывали глаза, зарывали их живыми в землю, скальпировали, на глазах мужей и отцов насиловали женщин и девушек, четвертовали, расстреливали родителей на глазах детей, подростков — на глазах родителей, жен — перед мужьями — все мыслимые и немыслимые злодеяния получили широкое применение у венгерских инквизиторов при прямой поддержке «цивилизованных» западных держав [22]. Места Хаймашкер, Орговань, Шиофок, Кечкемет и другие стали братскими могила-

---

[18] Там же, стр. 152—154.
[19] Там же, стр. 154—155.
[20] «Népszava», 4 октября 1919 года.
[21] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 28361, оп. 3, д. 400.
[22] См. EHRM, 161, 162, 163. I.

ми венгерских, русских, украинских, словацких, румынских и других борцов за Советскую Венгрию, замученных венгерскими белобандитами.

Однако масштабы белого террора не удовлетворяли обер-палача венгерских трудящихся Миклоша Хорти. В своем распоряжении от 28 августа окружным военным властям и комитатским правительственным комиссарам он требовал «твердой рукой немедленно приступить к подавлению до сих пор действующих коммунистических центров», к аресту оставшихся на свободе «подстрекателей» — участников коммунистического режима. Хорти предупреждал: «Если власти или отдельные личности, занимающие руководящие посты, и впредь трусливо проявят мягкотелость, то они будут мною или через правительственных комиссаров немедленно уволены» [23].

12 сентября Хорти в обращении к премьер-министру потребовал объявить военное положение в стране и издать чрезвычайные декреты против коммунистов, чтобы «большевизм не мог больше поднять голову». Хорти требовал не считаться ни с какими правовыми нормами, выносить ускоренными темпами приговоры коммунистам [24]. «Насколько необходимы подобные строгие меры с точки зрения устрашающего примера,— писал Хорти,— мне излишне доказывать». По приказу Хорти был пересмотрен состав судей, чтобы устранить тех, кто проявлял «мягкотелость» по отношению к коммунистам. Аресты коммунистов приобрели такие размеры, что правительство Фридриха испытывало серьезные затруднения с размещением арестованных.

Когда тюрьмы были до отказа переполнены коммунистами и сочувствующими коммунизму трудящимися, в стране были созданы концентрационные лагеря. В этих лагерях в Будапеште, Чепеле, Хаймашкере, Сольноке, Дебрецене и многих других, превращенных контрреволюционерами в камеры пыток и смерти, десятки тысяч рабочих, крестьян и интеллигентов подвергались невероятным страданиям — голоду, гнусным издевательствам, пыткам, людей без суда истязали и убивали [25].

Один из узников концентрационного лагеря Хаймашкер в своих воспоминаниях рисует жуткую картину издевательств хортистов над заключенными концлагерей. Он рассказывает, что заключенных уже по дороге из тюрьмы в лагерь морили голодом, жестоко избивали все, начиная от офицера караула до последнего надзирателя. Многих арестованных расстреляли. Многие были повешены. Пригнав заключенных в Хаймашкер, тюремщики сразу же дали понять заключенным, что их удел — медленная и мучительная смерть. От начальника лагеря и жандармов до служащих и членов их семей все твердили заключенным: «Все вы до единого будете уничтожены!», «Все вы здесь сдохнете, мы вам покажем!» [26]. В апреле 1920 г. в концентрационном лагере Хаймашкер были заключены приблизительно 2 200 мужчин и 200 женщин. Среди них фабрично-заводские рабочие составляли 32%, рабочие кустарной промышленности и кустари — 21%, сельскохозяйственные рабочие и крестьяне — 26%, продавцы магазинов — 11%, 10% составляли служащие и интеллигенция [27].

Тягостная жизнь заключенных представляла собой длинную цепь тяжелой, каторжной работы, голодного существования, холода, розог, карцера, жестких нар, страданий от насекомых и болезней. Венгерский прогрессивный публицист Андор Габор писал, что «самые страшные уголки царской Сибири были лишь безобидными курортами по сравнению с Хаймашкером» [28].

---

[23] EHRM, 155—156. 1.
[24] Там же, стр. 157—158.
[25] Д. Немеш. Указ. соч., стр. 48.
[26] «Hajmásker». Книга безыменного интернированного, с предисловием Андора Габора. Вена. 1920.
[27] Там же, стр. 66.
[28] Там же, стр. 7.

Состав узников Хаймашкера непрерывно обновлялся. На место расстрелянных в ближайшем лесу или погибших от болезней доставлялись новые заключенные. Офицеры[29] лично «принимали» и избивали вновь прибывших. Такой же кровавый режим был установлен и в других концентрационных лагерях.

Венгерская контрреволюция истребила самым зверским образом 5 тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов за их участие в венгерской революции, бросила в тюрьмы и концентрационные лагеря 40 тысяч защитников Советской власти. Около 70 тысяч человек спаслись от фашистов бегством за границу[30]. Таков общий итог режима белого, контрреволюционного террора, установленного при помощи и непосредственном участии англо-французских и американских империалистов.

Много страданий доставили трудящимся Закарпатья бесчинства со стороны чешских, румынских и польских оккупантов. Буржуазия этих стран, стремясь обосноваться на украинской земле, боролась за власть. Но в вопросе о преследовании активистов Советской власти между оккупантами существовало полное единодушие. Войска буржуазной Румынии, вступив на территорию Закарпатья, избивали и расстреливали революционных рабочих[31]. При эвакуации из Закарпатья они угоняли с собой в Румынию венгерских революционеров, чтобы продолжить пытки над ними[32]. Хортистские бандиты распространяли в Закарпатье листовки, призывая своих единомышленников убивать тех венгров, которые выступают за бойкот хортистской Венгрии[33]. После вступления чешских войск в Мукачево здесь были восстановлены венгерские законы, действовавшие в период габсбургской монархии[34]. На их основании проводилась расправа над защитниками Венгерской Советской республики. Чиновники восстановленных органов буржуазного государственного аппарата помогали хортистским агентам из Венгрии в их «охоте» за коммунистами на территории Закарпатья. 27 октября 1919 г. они передали в руки хортистов 9 революционных рабочих — чешских подданных, которых до этого мучили в тюрьме, но по общей амнистии должны были освободить[35]. Жестоко расправлялась с трудящимися украинцами, проявлявшими сочувствие к Советской России и Советской Венгрии, на Лемковщине и польская шляхта[36].

В контрреволюционном перевороте и в проведении кровавого похода против рабочего класса, беднейшего крестьянства и передовой интеллигенции активное участие принимали антантовские интервенты и их вассалы. Без поддержки штыков румынских оккупантов правительство Фридриха было бы сметено силой народного возмущения.

Однако долгое пребывание в Венгрии румынских оккупационных войск, которые были проводниками влияния французского империализма, не отвечало интересам Англии и США. Вследствие этого агенты Англии и особенно США активно выступали за создание и укрепление вооруженных сил венгерской контрреволюции, чтобы, опираясь на них, расправиться с активными участниками Советской республики.

Агенты США оказывали всемерную поддержку венгерской контрреволюции в создании органов насилия, играли ведущую роль в формирова-

---

[29] Многие из этих венгерских головорезов после установления в Германии фашистской диктатуры стали служить «инструкторами» при устройстве гитлеровцами концентрационных лагерей — «фабрик смерти».

[30] Mód A. 400 év küzdelem az önnáló Magyarországért. Budapest. 1954, 537. l.

[31] Государственный архив Закарпатской области (ГАЗО) (гор. Берегово), ф. 29, оп. 3, ед. хр. 2, лл. 51—54.

[32] Там же, ед. хр. 194, л. 35.

[33] Там же, ед. хр. 203, лл. 66—67.

[34] Там же, ед. хр. 2, л. 33.

[35] Газета «Kassai Ujság», 9 марта 1920 г.; ГАЗО, ф. 29, оп. 3, ед. хр. 194, л. 21.

[36] Газета «Русская земля» (Ужгород), 2 сентября 1920 г.; ГАЗО, ф. 29, оп. 3. ед. хр. 24, лл. 108—109.

нии венгерской жандармерии. Глава военной миссии Антанты в Будапеште американский генерал Бандхольц по поручению Верховного совета держав Антанты позаботился о том, чтобы румынские оккупационные войска не препятствовали созданию венгерской жандармерии, и фактически был ее вдохновителем. Бандхольц 23 сентября 1919 г. сообщал комиссии по подготовке мира в Париже, что он «назначил полковника Йетс главой комиссии по организации жандармерии» [37]. Межсоюзная военная миссия в специальной резолюции отметила его «превосходную работу в деле руководства венгерской полицией и жандармерией» [38], совершившими сотни убийств трудящихся без суда и следствия.

Важную роль в организации вооруженных сил венгерской контрреволюции играл Хорти. Он проводил рекрутские наборы, привлекая в армию в первую очередь людей, на поддержку которых он мог рассчитывать. Вербовка не распространялась на рабочих. Призванные в армию крестьяне и интеллигенты два раза «просеивались» призывной комиссией. Однако, несмотря на жестокий террор, трудящиеся крестьяне оказывали упорное сопротивление набору в армию.

В своих «мемуарах» Хорти подробно описывает оказанную ему миссией Антанты поддержку в создании армии для вооруженного подавления трудового народа страны [39].

В октябре 1919 г. правительства Антанты решили создать в Венгрии коалиционное правительство, которое «санкционировало» бы и покрывало установление фашистской диктатуры Хорти и его вступление в Будапешт.

Переговоры по этому вопросу организовал английский уполномоченный Д. Клерк. По его инициативе 5 ноября Хорти встретился с представителями партий «демократической оппозиции». В результате этого совещания Хорти подписал подготовленное оппозицией заявление, в котором говорилось, что «армия подчинится правительству, создаваемому при содействии уполномоченного Антанты» [40]. Лидер социал-демократической партии Эрне Гарами рассказывает, что Хорти во время переговоров у Клерка, «как попугай, постоянно повторял одно ужасное слово: вырежу...» [41]. Намеченные Хорти кровавые планы выражены в протоколе словами: «Беспощадно задушить даже зачатки большевизма» [42]. Под этим гнусным протоколом красуется подпись поборника «чистой демократии» — правого социал-демократа Гарами.

16 ноября 1919 г. адмирал Хорти во главе своей армии вступил в Будапешт и занял намеченное для него правительствами стран Антанты место регента. «Коалиционное» правительство было образовано 23 ноября 1919 г. во главе с Карлом Хусаром, который представлял партию христианского национального объединения, выражавшую интересы финансового капитала и крупных помещиков. Для обмана мировой демократической общественности в состав этого правительства были включены два правых социал-демократа, проверенные слуги буржуазии — Карл Пейер и Ференц Миакич.

После вступления Хорти в Будапешт контрреволюционный террор развернулся с новой силой. В дополнение к ранее орудовавшим карательным отрядам Пронаи, Остенбурга, Мадари и Лехара были созданы новые отряды для «наведения порядка» в районе между Дунаем и Тиссой. Новые отряды, руководимые Хейяшем, злодейски расправлялись с трудящимися этих местностей [43].

---

[37] EHRM, 185—186. I.
[38] Там же, стр. 212.
[39] Horthy. Ein Leben für Ungarn. Bonn. 1953, S. 129.
[40] EHRM, 210. I.
[41] Garami Ernö. Указ. соч., стр. 176.
[42] EHRM, 210. I.
[43] Д. Немеш. Указ. соч., стр. 43.

О действиях одного из карательных отрядов писал американский генерал Хольстед, которого нельзя заподозрить в антипатии к контрреволюционному режиму в Венгрии[44]. Он сообщал, что «с тех пор, как войска полковника Лехара вошли за Дунайскую область, там господствует самая страшная военщина. Много невинных под предлогом, что они коммунисты, брошено в тюрьму, где с ними обращаются беспощадно. В предназначенных для присоединения к Австрии районах устраиваются систематические преследования евреев и немцев». Хольстед признавал, что белая гвардия свирепствует невероятно, перечислял много мест, где фашистские солдаты на глазах своих офицеров совершали неслыханные преступления: массовые избиения, убийства, грабежи. В донесении описаны страшные картины расправы фашистов над своими жертвами[45].

Контрреволюционеры маскировали свои кровавые оргии против коммунистов и некоммунистов лозунгом «народного приговора». К проведению своих злодеяний они привлекали сынков буржуазии, помещиков, кулаков, а также авантюристов, воров и другие подонки общества.

Образование правительства Хусара было первым шагом держав Антанты и господствующих классов Венгрии к узаконению режима открытой диктатуры контрреволюции, приданию ему законной окраски. Правительство Хусара, как и многочисленные другие правительства, за 25-летний период фашистской диктатуры Хорти продолжало политику террора и наступления на жизненный уровень трудящихся, начатую после контрреволюционного переворота. При правительстве Хусара хортистские головорезы продолжали бросать коммунистов и некоммунистов в концентрационные лагеря и зверски их истреблять. Это правительство, в котором участвовали правые социал-демократы Пейер и Миакич, казнило в декабре 1919 г. выдающихся деятелей Венгерской Советской республики О. Корвина, Е. Ласло и многих других.

История деятельности контрреволюции и фашистов в Венгрии после подавления Советской власти показывает, что правые социал-демократические лидеры сыграли роль ширмы, прикрывавшей до поры до времени наступление фашистских контрреволюционных сил. Действительно, в январе 1920 г., когда контрреволюционный режим почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы обойтись без помощи правых социал-предателей, Пейер и Миакич из состава коалиционного правительства были вытеснены. В какой-то мере этот шаг был предпринят для того, чтобы сохранить престиж социал-демократической партии в глазах ее рядовых членов. На деле руководство социал-демократической партии продолжало сотрудничество с буржуазно-контрреволюционными партиями в интересах укрепления фашистской диктатуры Хорти.

Между тем правительство все больше убеждалось, что одними методами насилия нельзя вести борьбу с революционными традициями Венгерской Советской республики. Широкое применение получили «идеологические» средства, направленные на возбуждение низменных инстинктов: антисемитизм, шовинизм, расизм.

Буржуазно-помещичья контрреволюция нашла верных сторонников в лице реакционного духовенства. Князья церкви с амвона благословляли кровавые деяния бандитов Хорти. Особенно выделялся секешфехерварский епископ Прохаска — один из вождей венгерских христианских социалистов, предшественник венгерского фашизма и его идеолог. Церковники отмечали установление фашистского режима Хорти специальными богослужениями, банкетами, торжествами[46]. Клерикалам было чему радоваться. Победа контрреволюции возвратила князьям церкви сотни тысяч хольдов земли, на миллионы долларов ценных бумаг и акций воен-

[44] EHRM, 211. l.
[45] Там же.
[46] Balàzs Béla. Klerikàlis reakció a fehér terror idején. «Szàzadok», 1950, № 1—4. 385. l.

ных заводов и банков, дала возможность продолжать паразитическую, развратную жизнь за счет трудового народа. С восторгом приветствовал фашистский террор папа римский. В послании от 14 сентября 1919 г. к главе католического духовенства Венгрии кардиналу Черноху он выразил свою радость по поводу подавления революции в Венгрии и благодарность священникам за их участие в этом кровавом деле [47].

24 сентября командир окружного военного командования генерал Шретер обратился к князьям церкви с предложением привлечь все духовенство к пропаганде идей контрреволюции. Для этой цели рекомендовалось использовать предстоящие религиозные праздники, на которых должны были присутствовать главным образом женщины [48] Цели этой пропаганды более подробно раскрывает правительственный комиссар Палавичини в своем письме от 19 октября к кардиналу Черноху. Он говорит, что правительство намерено широко развернуть популяризацию антибольшевистских, шовинистических устремлений контрреволюционного режима. В пропагандистских мероприятиях должны принимать участие прелаты и священники. Палавичини предложил Черноху дать распоряжение духовенству, чтобы оно «в широком размере принимало участие и всячески содействовало» этим пропагандистским мероприятиям [49]. Обращение Палавичини, одного из крупнейших землевладельцев хортистской Венгрии, было встречено всеобщим одобрением князей церкви. Сомбатхейский епископ граф Микеш в своем ответном письме от 4 ноября заверял, что его священники «по мере своих сил с удовольствием сотрудничают в комитетах пропаганды и он всячески в этом их воодушевляет». «Я целиком разделяю ту позицию,— писал Микеш,— что необходима действенная пропаганда, которая в свою основу положит принципы сохранения (!) нации и христианской морали» [50]. В том же духе отвечали Палавичини другие епископы.

С особенным воодушевлением встретил предложение Палавичини кардинал Чернох. Он выразил готовность всеми способами поддержать «начатое патриотическое движение, призванное воскресить, укрепить и распространить национальное и от него не отделимое христианское мышление и чувство, которое было затуманено интернациональным социалистическим коммунистическим направлением» [51]. Чернох без угрызения совести и стыда готов был выдать за патриотизм и благородство национальную измену венгерских контрреволюционеров, обивавших пороги у правительств держав Антанты с просьбами оккупировать территорию «тысячелетней священной Венгрии». Чернох и его армия в черных рясах во имя «защиты христианства» благословляли с амвона зверские убийства контрреволюционерами рабочих, крестьян, учителей, инвалидов войны, женщин и подростков, католиков, лютеран и людей других вероисповеданий за то, что они работали в органах Советской власти или выражали сочувствие к ней.

Правые лидеры социал-демократии за единичными исключениями покрывали и морально оправдывали зверства фашистских офицерских банд. Они выдвинули лозунг «Виновные должны понести заслуженную кару» и записали его даже в резолюции съезда СДП, происходившего 23 августа 1919 года. Когда контрреволюционеры выносили многочисленные смертные приговоры деятелям Венгерской Советской республики, нарушая элементарнейшие требования даже буржуазного правосудия, «Népszava» писала: «Мы уже неоднократно высказывали наше мнение, что невозможно отказаться от наказания тех, кто в период диктатуры

---

[47] См. Kender Péter. Két Könyv a Vatikán politikájáról. «Társadalmi Szemle», 1951, № 5, 426. l.

[48] EHRM, стр. 173. l.

[49] Там же, стр. 174.

[50] Там же, стр. 174—175.

[51] Там же, стр. 175.

совершил преступление, ...кто провинился перед государством или обществом, тот должен отвечать перед судом»[52].

Венгерские контрреволюционные банды, а также их западные покровители и сообщники, обагрившие руки кровью венгерских революционеров, ловко использовали позицию руководства венгерской социал-демократической партии. Когда всемирно известный французский писатель и общественный деятель Анатоль Франс и другие прогрессивные деятели мира подняли голос протеста против кровавой расправы над защитниками венгерской свободы, группа правых социал-демократов — венгерских ученых, литераторов и журналистов — отправила Анатолю Франсу телеграмму, в которой, между прочим, говорилось: «В Вашей телеграмме в «Арбейтер Цейтунг» Вы протестуете против варварских смертных приговоров, предающих в руки палачей венгерских революционеров и социалистов. Мы можем заверить Вас, что к смертной казни были приговорены не социалисты и революционеры, а преступники и убийцы, с которыми социал-демократическая партия Венгрии не имеет ничего общего»[53].

В. Бем, которого нельзя заподозрить в симпатии к диктатуре пролетариата, вынужден был отметить, что «революционный террор» за 4½ месяца существования Советской республики едва имел три дюжины жертв[54]. И, тем не менее, венгерские правые социалисты и многочисленные миссии Антанты кричали о красном терроре, взывали к гуманизму и милосердию. А когда белобандиты самым зверским образом убивали тысячи рабочих, крестьян, учителей, женщин и подростков, эти «апостолы» гуманизма не нашли слова протеста, более того, они благословляли палачей венгерских коммунаров[55].

В английской палате общин депутат Кенворти 23 марта 1920 г. потребовал, чтобы английский поверенный в Будапеште заявил решительный протест против деятельности правительства, за возникновение которого несут ответственность англичане. На это выступление статс-секретарь по иностранным делам ответил, что в компетенцию английского поверенного в делах не входит вмешательство в ход нормального судебного разбирательства. Когда Кенворти указал, что во время Советской власти будапештские представители союзников выступали против приговоров в целях их смягчения, статс-секретарь заявил: «Приговоренные к смертной казни 14 народных комиссаров не были обыкновенными министрами. Против них ведется процесс по обвинению в мятеже, в распространении аморальных учений и т. п.»[56].

Параллельно с проведением контрреволюционного террора против рабочего класса и сельской бедноты буржуазия и помещики ликвидировали все социально-экономические достижения трудящихся за время Советской республики и повсеместно перешли к наступлению на их жизненный уровень. Был отменен 8-часовой рабочий день, установленный декретом Венгерского Советского правительства[57], и восстановлен рабочий день, существовавший в габсбургской Венгрии. В отдельных отраслях промышленности были введены еще более изнурительные условия труда. Так, например, для шахтеров был установлен 12-часовой рабочий день.

В условиях невероятного произвола и эксплуатации рабочие лучше стали понимать, что́ они потеряли с гибелью Венгерской Советской респуб-

---

[52] «Népszava», 20 ноября 1919 года.

[53] Цит. по К. Биро. Социал-демократическая партия и контрреволюция в Венгрии. М. 1925, стр. 55.

[54] Böhm Vilmos. Két forradalom tüzében. Budapest. 1946, 329. l.

[55] Апологеты империализма даже после 25-летней хортистской фашистской диктатуры и истребления в гитлеровских «фабриках смерти» миллионов людей не переставали распускать демагогические сплетни о так называемом терроре Бела Куна (см. Курт Типпельскирх. История второй мировой войны (перевод с немецкого). М. 1956, стр. 170).

[56] Газета «Pesti Hirlap», 26 марта 1920 года.

[57] «A Forradalmi kormányzótanács és Népbiztosságok rendeletei». II. k., 33. l.

лики. Они помнили об установлении при Советской власти ежегодного отпуска с сохранением зарплаты, о всеобщем обязательном бесплатном социальном страховании, о том, как они и их дети отдыхали на курортах на берегу Балатона и в других прекрасных местах Венгрии. Нищета, бесправие, тюрьмы и концентрационные лагеря, ставшие уделом рабочего человека при контрреволюционном режиме, открыли трудящимся глаза, показали им, как гнусно обманули их правые социалисты, обещавшие народу после отставки Венгерского Советского правительства «чистую демократию» и зажиточную жизнь.

Рабочие массы, вдохновляемые революционными традициями, несмотря на жестокий контрреволюционный террор и предательские действия реформистских лидеров профсоюзов и социал-демократической партии, оказывали в отдельных местах сопротивление наступлению капиталистов. Шахтеры Татабаня, Комло и других районов начали уже в сентябре 1919 г. борьбу против резкого снижения зарплаты и введения 12-часового рабочего дня.

Правительство Фридриха жестоко обрушилось на бастовавших. Жандармы открывали по рабочим огонь. В Татабане пять рабочих были убиты, много шахтеров ранено. Для подавления забастовки Надьмановских шахтеров командование Капошварского военного округа направило пехотную роту с пулеметами, бронепоезд, а также жандармерию [58]. Шахтерские районы были наводнены войсками и жандармами. Правительство проводило и ряд других террористических мер. На шахтах вводилось военное положение. Рабочие насильственно зачислялись в трудовые батальоны. Во всех шахтерских районах создавались военные угольные управления. Этим органам по распоряжению Хорти были посланы особые указания: «Под соответствующим предлогом (нарушение порядка, нарушение спокойствия, угроза общественной безопасности и т. д.) подлежат аресту подстрекающие к забастовке», руководители или опасные личности [59].

Самые жестокие преследования, кровавый террор не могли сломить революционного духа венгерского пролетариата, во главе которого попрежнему шли коммунисты.

После контрреволюционного переворота Венгерская коммунистическая партия ушла в глубокое подполье. Для организации работы были оставлены коммунисты в центре и на местах. Создание нелегальных коммунистических групп проходило с огромными трудностями. Создание центрального подпольного руководства было поручено одному из видных деятелей коммунистического движения в Венгрии, Отто Корвину. Однако уже в первых числах августа он был арестован и 29 декабря 1919 г. казнен [60].

Несмотря на жесточайшие преследования со стороны контрреволюционеров, подпольные организации были созданы. Основной их задачей была организация движения сопротивления фашистскому режиму, укрепление в рядах венгерского пролетариата уверенности в конечном торжестве социалистической революции.

В конце 1919 — начале 1920 г. Коммунистическая партия Венгрии выпустила несколько листовок. В декабре 1919 г. листовка коммунистической партии призывала пролетариат Венгрии продолжать последовательную отважную классовую борьбу [61]. Листовка Венгерской коммунистической партии, распространявшаяся в начале 1920 г. (точная дата выпуска листовки не установлена), призывала к укреплению коммунистической партии. В листовке говорилось: «Во всех частях страны, где рабочие и крестьянская беднота живут крупными коллективами, работа

[58] EHRM, 170. l.
[59] Там же, стр. 232.
[60] «Dokumentumok a magyar párttörténet tanulmányozásához», III. k., 20. l.
[61] Там же, стр. 21.

уже идет. Естественно, в настоящих условиях не может быть речи об открытом развертывании флага, но это не должно отпугивать от работы. Русские десятилетиями работали в подполье...»[62].

Работа коммунистов в подполье содействовала укреплению боевого духа в рядах венгерского рабочего класса. Представление об этом дает донесение «отдела безопасности» командования вооруженных карательных сил от 12 января 1920 года. В нем отмечалось, что на заводе транспортного машиностроения, где имелось около трех тысяч рабочих (из них примерно 35—40% составляли бывшие красноармейцы), настроение рабочих очень боевое. Многие из них склоняются на сторону коммунизма. В донесении говорилось, что многие говорят о том времени, когда они снова будут у власти, некоторые даже указывают на февраль как срок восстановления коммунизма. Рабочие говорили, что если бы они еще раз попробовали, то установили бы коммунизм более основательно[63].

Тяжелые испытания выпали на долю сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты. Советская республика подняла жизненный уровень сельскохозяйственного пролетариата до небывалого в истории Венгрии уровня. В ряде декретов Народного комиссариата земледелия и в коллективных договорах, заключенных между профсоюзом сельскохозяйственных рабочих и Наркомземом, предусматривались, например, выдача натуральной оплаты занятым на уборке рабочим в размере 1/7 доли урожая и ряд других видов натуральной и денежной оплаты[64]. Венгерское Советское правительство поселило сельскохозяйственных рабочих, живших дотоле в нищенских квартирных условиях, в конфискованные у помещиков дома. Сельскохозяйственные рабочие и представители крестьянской бедноты осуществляли через Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов свое политическое руководство в селах, стали подлинными вершителями своей судьбы.

Буржуазно-помещичья контрреволюция с дикой злобой обрушилась на сельскохозяйственных рабочих и крестьянскую бедноту. Бывшие владельцы вернули себе поместья, превращенные при Советской власти в собственность трудового народа. Коллективные договоры были расторгнуты, резко снижен заработок сельскохозяйственных рабочих, который при контрреволюционной диктатуре составлял едва 25—30% по сравнению с заработком во время Советской республики. Натуральная оплата сельскохозяйственных рабочих была сведена к уровню, существовавшему до 1919 года. Наступление на заработную плату сельскохозяйственных рабочих было лишь звеном бесконечной цепи нового порабощения сельского трудового населения венгерскими помещиками.

13 августа правительство Фридриха издало декрет о прекращении выдачи пособия по безработице[65]. Между тем в это время безработица приобрела большие размеры. Только в Будапеште осенью 1919 г., по далеко не полным данным, насчитывалось до 100 тысяч безработных[66]. Безработица имела место во всех промышленных центрах Венгрии.

Воспользовавшись наличием огромной армии безработных и истощением рабочего класса, капиталисты и помещики сразу же повсеместно снизили заработную плату рабочих на 50%[67]. Одновременно по бюджету рабочих ударила денежная инфляция. Покупательная способность денег с августа до конца декабря 1919 г. снизилась до 27,7% прежней стоимости[68].

---

[62] Там же, стр. 23—24.

[63] Там же, стр. 22.

[64] «Vörös Ujság» (центральный орган Коммунистической партии Венгрии с 7 декабря 1918 по 21 марта 1919 г., затем центральный орган Объединенной социалистической партии Венгрии), 2 апреля 1919 г., вечерний выпуск.

[65] EHRM, 128. l.

[66] Jászai Samu. A Magyar Szakszervezetek története. Budapest 1925, 255. l.

[67] «Magyar Gyáripar», 1919, № 11.

[68] См. Д. Немеш. Указ. соч., стр. 36.

В результате средний прожиточный минимум рабочих во время диктатуры пролетариата в Венгрии был на 23,8% выше, чем в период буржуазно-демократической республики, и на 163,8% выше, чем при фашистской диктатуре [69].

Державы Антанты не скупились на обещания относительно снабжения Венгрии всеми необходимыми продуктами, как только «коммунистическое правительство Бела Куна» будет заменено правительством из «умеренных социал-демократов». Все эти обещания оказались обманом. Вместо ожидаемого улучшения снабжения наступили новые лишения для городских трудящихся и пышный расцвет спекуляции продовольствием и другими предметами первой необходимости. 4 января 1920 г., спустя пять месяцев после установления контрреволюционного режима, министерство общественного снабжения разослало сводку, в которой сообщалось о катастрофическом состоянии снабжения, особенно Будапешта. К этому времени дневная норма муки составляла 120 граммов. В сводке указывалось, что «если подвоз остановится хотя на один день, то следующий день нельзя будет выдавать даже половину нормы муки». Картофеля вместо необходимых еженедельно для Будапешта 250 вагонов поступало 10—15 вагонов. Снабжение столицы жиром почти полностью прекратилось. Такое же положение было со снабжением жирами других промышленных центров, железных дорог и шахт. Сахар можно было приобрести лишь на черном рынке, кроме той мизерной доли, которая выдавалась по карточкам. «Снабжение молоком представляет также самую мрачную картину. Город с полуторамиллионным населением получает ежедневно 40—42 тысячи литров молока» [70]. Спекуляция жирами и другими предметами первой необходимости привела к нарастанию возмущения среди населения [71]. Будапештская городская комендатура в сводке от 17 января 1920 г. была вынуждена признать: «День за днем печальные и тревожные события повторяются после закрытия ворот. Мрачная толпа уже с 8 часов вечера собирается у хлебных лавок, чтобы утром в 7—8 часов получить хлеб. В условиях невообразимых с человеческой точки зрения страданий, лишений, в мороз, эти люди ожидают подвоза хлеба. Тысячные толпы людей несколькими рядами растягиваются на три — четыре улицы. Из молчаливой массы вдруг вырываются голоса: «До каких пор будем еще терпеть!», «Пойдем к главнокомандующему!», «Хорошо живется белым офицерам!» [72]. Эти сообщения верных защитников контрреволюционного режима не требуют комментариев. Ухудшение материальных условий жизни, кровавый террор контрреволюционеров создали для рабочего класса и сельской бедноты невыносимые условия существования.

★

Кровавые преступления фашистов в Венгрии вызвали глубокое возмущение всего прогрессивного человечества. Поднялась буря протеста среди трудящихся европейских и многих других стран.

Выступления рабочего класса и коммунистов многих стран в защиту венгерских революционеров представляют собою одно из ярких проявлений пролетарского интернационализма.

В борьбу за прекращение белого террора в Венгрии включился Коммунистический Интернационал. В воззвании от 25 ноября 1919 г. разоблачались зверства, совершавшиеся контрреволюционными офицерскими бандами Хорти над рабочими, крестьянами и передовой интеллигенцией,

---

[69] «Состояние заработной платы в период революции и контрреволюции». Журнал «Uj Március» (теоретический орган Коммунистической партии Венгрии). 1926, № 2, стр. 84—85.

[70] EHRM, 268—269. 1.

[71] Там же, стр. 271—272.

[72] Там же, стр. 270—271.

активными деятелями Венгерской Советской республики. Как в этом, так и в последующих воззваниях Исполком Коммунистического Интернационала призывал международный пролетариат поднять голос протеста против преследования и истребления венгерских революционеров [73].

В авангарде движения за спасение деятелей Советской Венгрии шли трудящиеся Советской России во главе с Коммунистической партией. Ярким проявлением солидарности с венгерскими революционерами явилось решение VII Всероссийского съезда Советов 6 декабря 1919 года. «Ответственность за белый террор в Будапеште,— говорилось в решении,— мы возлагаем на правящие круги Антанты, которые в палаческом правительстве венгерской контрреволюции имеют лишь наемного исполнителя своих указаний. Беспощадная борьба против империализма и его палачей! Да здравствует коммунистическая Венгрия!» [74].

Непрекращавшийся белый террор, применявшийся не только против коммунистов, но и социал-демократов, все более вызывал возмущение рабочего класса всего мира. Движение протеста против хортистской Венгрии, охватившее рабочих, независимо от их политического мировоззрения, становилось все более массовым и действенным.

Сила протеста рабочего класса была настолько велика, что она заставила оппортунистическое руководство Амстердамского интернационала профсоюзов обратиться ко всем народам и правительствам, к Лиге наций с призывом, в котором выдвигалось требование остановить террор в Венгрии. Верховный Совет Антанты ограничился формальным ответом. Хортистское правительство даже и этого не сделало. В дальнейшем реформистские лидеры Амстердамского интернационала профсоюзов старались всеми мерами сорвать проявления пролетарской солидарности. Когда в середине марта 1920 г. международный Союз транспортных рабочих принял решение объявить бойкот хортистской Венгрии, проведение в жизнь этого решения, отражавшего волю и боевой дух международного рабочего класса, всячески саботировалось лидерами Амстердамского интернационала профсоюзов.

В середине июня 1920 г. в обстановке успешного контрнаступления Красной Армии Советской России против войск панской Польши, которая развязала по указке своих западных покровителей третий поход Антанты, пролетариат всего мира, окрыленный героизмом и успехами советских войск, заставил своих руководителей объявить бойкот контрреволюционному режиму Хорти. Амстердамский интернационал профсоюзов вынужден был обратиться 11 июня с призывом к пролетариату всего мира начать бойкот Венгрии. В обращении приводились примеры зверской расправы контрреволюционеров с рабочими, приводились цифры, которые потрясли всех честных людей мира. В призыве говорилось, что рабочие всего мира с 20 июня должны отказаться от всякой работы, которая прямо или косвенно может идти на пользу контрреволюционной Венгрии. «С воскресенья 20 июня ни один поезд не должен перейти венгерскую границу, ни один корабль не может плыть в Венгрию, ни одно письмо, ни одна телеграмма не может быть передана из Венгрии или в Венгрию. Необходимо парализовать все движение. Ни уголь, ни сырье не могут попасть в эту страну». Обращение заканчивалось словами: «Пролетарский бойкот против белого террора!», «Да здравствует интернациональная солидарность!» [75].

Международный бойкот хортистской Венгрии пролетариатом совпал

---

[73] «К рабочим всех стран. Кровавая расправа над венгерскими рабочими». Журнал «Коммунистический Интернационал». 1919, № 7—8; «К пролетариям всех стран. О белом терроре в Венгрии». «Коммунистический Интернационал». 1919, № 9; «Против палачей Венгрии. Пролетариям всех стран». «Коммунистический Интернационал». 1920, № 13.

[74] «VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». Стенографический отчет. Госиздат. 1920, стр. 119—120.

[75] EHRM, 296—297. I.

по времени с грандиозным революционным движением солидарности английского рабочего класса с первым в мире Советским социалистическим государством. Движение проходило под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». Все это поднимало боевое революционное настроение, политическую активность и классовое самосознание международного пролетариата. Этому подъему способствовал провал третьего похода Антанты под ударами Красной Армии.

Международный пролетарский бойкот имел большой отклик в Венгрии. Венгерские оппозиционные партии стали критиковать режим Хорти и выдвигать требования о расширении своего участия в системе фашистской диктатуры. Размах бойкота и требование «Руки прочь от Советской России!» порождали тревогу также среди руководителей Амстердамского профинтерна и II Интернационала, опасавшихся, что в ходе борьбы массы под влиянием коммунистов могли поставить перед собой цели, идущие дальше, чем борьба против белого террора хортистов. Именно поэтому они поспешили скорее покончить с движением бойкота.

В конце июня при посредничестве одного из лидеров II Интернационала, Карла Реннера, тогдашнего государственного канцлера Австрии, в Вене начались переговоры между секретарем реформистского Амстердамского интернационала профсоюзов Фимменом, представителями чехословацких, австрийских и венгерских профсоюзов и послом Венгрии в Вене Густавом Грацом. Фиммен заявил, что «бойкот, осуществленный 28-ю миллионами организованных в профсоюзах рабочих, не прекратится до тех пор, пока рабочим Венгрии не будет гарантирована полная свобода экономического и политического движения и пока не будет прекращен белый террор» [76]. Однако это было лишь красивым жестом, рассчитанным на усыпление бдительности рабочего класса. В то время как в Вене велись переговоры, в Будапеште белый террор не переставал свирепствовать. Готовилась расправа над десятью народными комиссарами [77]. На деле реформистские лидеры Амстердамского интернационала профсоюзов, уступая желаниям правительств Антанты и отказавшись от всех своих требований, 8 августа, после пятидесяти дней бойкота, прекратили его [78].

Борьбу за спасение приговоренных к смерти народных комиссаров и сотен других активных деятелей Советской Венгрии успешно повели Коммунистическая партия и правительство Советской России. В декларации Советского правительства, переданной венгерскому правительству 6 августа 1920 г. по радио, выражался протест против намечавшегося убийства десяти народных комиссаров. Советское правительство заявило, что оно берет под свое непосредственное покровительство народных комиссаров, находившихся в руках «подобия уголовного суда». В то же время оно заявило, что ввиду «опасности, угрожающей многочисленным российским гражданам, пребывающим ныне в Венгрии, российское правительство распорядилось заключить в концентрационные лагеря тысячу венгерских офицеров из числа находящихся еще в России»; десять из этих офицеров-монархистов, принадлежавших к венгерской аристократии или орудовавшей в Венгрии фашистской клике Хорти, были объявлены заложниками. В декларации указывалось, что они «подвергнутся той же участи, какая постигнет народных комиссаров, если кровожадные замыслы венгерского правительства в отношении последних будут осуществлены» [79].

Венгерская группа при ЦК РКП(б) выпускала обращения к проле-

---

[76] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 1, д. 478, л. 9

[77] Там же.

[78] См. Д. Немеш. Указ. соч., стр. 76.

[79] «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.». Сборник документов. Т. 1. М. 1944, стр. 481.

тариату всего мира с призывом развернуть борьбу против белого террора в Венгрии. В то же время группа добивалась освобождения Бела Куна и других народных комиссаров Советской Венгрии, интернированных в концентрационном лагере Штейнгофе австрийским правительством [80].

Благодаря усилиям Российского Советского правительства и Коммунистической партии правительство Австрии было вынуждено освободить бывших венгерских народных комиссаров и других активных деятелей Советской Венгрии.

В середине августа 1920 г. Бела Кун прибыл в Москву. Его горячо приветствовала советская общественность. Редакция «Правды» писала: «Сегодня в Москву приезжает славный вождь венгерской пролетарской революции — тов. Бела Кун. ...Редакция «Правды» приветствует тов. Бела Куна как мужественного, верного, стойкого борца за торжество коммунизма» [81]. В этом же номере «Правды» было помещено приветствие Бела Куну от партийных, советских и профсоюзных организаций Москвы.

12 ноября 1920 г. Советское правительство снова направило венгерскому правительству радиограмму, в которой подтверждало, что судьба венгерских офицеров, перечисленных в радиограмме от 6 августа и принадлежащих к тому классу, который является ответственным за отвратительную комедию суда над лучшими сынами венгерского народа, неразрывно и безоговорочно связана с судьбой народных комиссаров, посаженных на скамью обвиняемых в будапештском процессе [82].

Энергичное выступление Российского Советского правительства в защиту бывших народных комиссаров Советской Венгрии возымело свои результаты. Хортистская клика не посмела привести в исполнение смертные приговоры, вынесенные фашистским судом народным комиссарам. Контрреволюционное правительство Венгрии вынуждено было начать переговоры с Советским правительством об обмене народных комиссаров на венгерских офицеров. Тов. Чичерин от имени Советского правительства 30 декабря направил венгерскому правительству очередную радиограмму, в которой резко отвергались лицемерные упреки правительства Телеки по адресу Советского правительства и клеймилось позором преступное правительство Венгрии, которое «господствует при помощи убийств и погромов, возводит избиения, пытку, бандитизм в политическую систему» [83]. В ноте Советского правительства подчеркивалось, что оно вынуждено прибегнуть к репрессивным мерам действиями правительства Венгрии, которое угрожает убийством членам союзного Советской России венгерского Советского правительства и преследует находившихся еще в Венгрии русских пленных [84].

Советское правительство предложило начать переговоры в Ревеле, для чего выделило своего уполномоченного — М. М. Литвинова. 14 января 1921 г. венгерское правительство выделило своего уполномоченного для ведения переговоров [85]. Венгерское правительство требовало за десять народных комиссаров всех венгерских монархических офицеров, которые во время первой мировой войны попали в плен в Россию, чтобы после этого иметь возможность продолжать «законное» массовое убийство венгерских коммунистов, не опасаясь Советского правительства. Однако Советское правительство потребовало освобождения еще 275 заключенных и возвращения из Венгрии на родину бывших русских военнопленных [86]. Благодаря энергичным действиям Советскому правительству уда-

---

[80] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 35, л. 21.
[81] «Правда», 14 августа 1920 года.
[82] «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.» Т. I, стр. 481—482.
[83] Там же, стр. 482.
[84] Там же.
[85] EHRM, 389. I.
[86] Там же, стр. 390—391. В «Dokumentumok...» (т. III, стр. 50) приводится цифра в 400 человек.

лось вырвать из рук хортистских палачей многих руководящих деятелей Венгерской Советской республики.

Советское правительство и ЦК РКП(б) проявляли исключительную заботу о прибывших в 1921, 1922 и последующих годах в Советский Союз бывших узниках фашистской диктатуры Хорти. При ЦК РКП(б) под председательством Бела Куна была создана комиссия по устройству венгерских коммунистических эмигрантов. Бела Кун обратился к В. И. Ленину с письмом, в котором обрисовал тяжелое состояние вырванных из тюрьмы венгерских коммунистов и просил Владимира Ильича дать указание секретариату ЦИК об оказании им помощи [87]. По указанию В. И. Ленина было сделано все возможное, чтобы обеспечить венгерских эмигрантов всем необходимым. Несмотря на серьезные продовольственные трудности в стране, венгерские эмигранты были окружены трогательной заботой. Бела Кун на заседании Центрального бюро Венгерской секции при ЦК РКП(б) 29 июля 1921 г. сообщил, что 400 венгерских эмигрантов в течение трех месяцев будут пользоваться санаторным лечением [88].

Борьба за спасение венгерских патриотов от хортистского террора и забота о них были одним из ярких проявлений интернациональной пролетарской солидарности со стороны Советского правительства.

История установления фашистской контрреволюционной диктатуры Хорти в 1919 г. имеет большое познавательное значение в наши дни, когда в памяти людей еще свежи октябрьские события 1956 г. в Венгрии. Хотя в данной статье не представляется возможным проводить детальную аналогию между событиями 1919 и 1956 гг., но анализ действий контрреволюционных сил показывает, как много общего в тактике и методах реакции при подавлении власти трудящихся.

Анализ этих событий показывает, что закулисная деятельность западных держав в подготовке и проведении контрреволюционного мятежа против Венгерской Народной Республики весьма напоминает действия государств Антанты против Венгерской Советской республики, что деятельность правительства Имре Надя имеет некоторые общие черты с деятельностью правительства Пейдля, что кровавые злодеяния переброшенных на американских самолетах хортистов повторяли преступления контрреволюционных банд Пронаи, Остенбурга и др. в 1919 году.

Создание буферного демагогического правительства, разгул контрреволюционного террора, физическое истребление коммунистов и всех честных патриотов, ликвидация социалистических завоеваний революции, наступление на жизненный уровень трудящихся — вот основные характерные черты контрреволюции в Венгрии в 1919—1920 годах. В дни контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 г. реакционные силы пытались пустить ход событий по испытанному тридцать семь лет назад пути. Налицо имелось предательское правительство Имре Надя — Лошонци, разгул белого террора против коммунистов и всех честных патриотов, под угрозу были поставлены коренные завоевания народной демократии. Нет никаких сомнений в том, что дальнейшее развитие контрреволюционного мятежа принесло бы венгерскому народу не свободу, демагогически провозглашавшуюся мятежниками в качестве основного лозунга, а повторение венгерской трагедии 1919 г. в еще бо́льших размерах и более страшных формах. Однако в 1956 г. реакции не удалось повторить осень 1919 года. Верные делу социализма широкие массы венгерского народа при поддержке стран социалистического лагеря во главе с Советским Союзом сумели сломить и ликвидировать контрреволюционный мятеж.

---

[87] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 94, л. 4.
[88] Там же, д. 93, л. 60.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Р. Лейббранд

Оценивая характер Ноябрьской революции в Германии, наши пропагандисты и историки долгое время исходили из формулировки «Краткого курса истории ВКП(б)»: «...революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая, а Советы являлись послушным орудием буржуазного парламента...» [1].

Взгляд на Ноябрьскую революцию как революцию буржуазную был принят многими пропагандистами и историками и распространен в учебниках, брошюрах, лекциях и т. д. Но уже в течение нескольких лет ведутся — особенно среди историков и пропагандистов — серьезные дискуссии о характере и движущих силах Ноябрьской революции. Такая дискуссия возникла, например, в Берлине при обсуждении плана учебника по истории немецкого народа, разработанного профессором, доктором Шрайнером. Продолжением этого явились статьи на страницах журнала «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Но они были посвящены главным образом выяснению роли Советов рабочих и солдатских депутатов в Ноябрьской революции, что очень важно, но представляет собой лишь часть вопроса об оценке Ноябрьской революции в Германии. Поэтому следует приветствовать опубликование перевода статей Я. С. Драбкина и В. И. Биллика [2] о характере, движущих силах и особенностях Ноябрьской революции в Германии. Это позволило нам ознакомиться с дискуссией, ведущейся в кругах советских ученых. Работы названных советских историков свидетельствуют об углубленном исследовании проблемы и являются ценными дискуссионными статьями; они содержат разносторонние, интересные соображения по оценке Ноябрьской революции.

Дискуссию о характере Ноябрьской революции провел также (5 октября 1956 г.) Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

В ходе дискуссий и обсуждений, проведенных до сих пор, в том числе и в ходе дискуссии, состоявшейся в Институте марксизма-ленинизма, были высказаны ценные мысли. Однако обнаружилось, что и поныне в оценке Ноябрьской революции имеются различные точки зрения. Настоящая статья не ставит своей задачей дать окончательный ответ на эти вопросы, а ограничивается лишь рассмотрением главной проблемы, то есть вопроса о характере Ноябрьской революции, и является статьей дискуссионной.

Начнем с нескольких кратких замечаний об оценке Ноябрьской революции как «буржуазной революции». По-моему, совершенно справедливо мнение многих товарищей, что Ноябрьскую революцию нельзя характеризовать просто как буржуазную революцию, поскольку при такой оценке не выявляется решающая роль народных масс в этой революции. В своем труде «Государство и революция» Ленин охарактеризовал революцию 1905—1907 годов в России, в противоположность «верхушечным» буржу-

---

* Статья помещена в отделе дискуссий журнала «Einheit» (1957, Heft 1, S. 102—108).— *Ред.*

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 221.

[2] «Die Presse der Sowjetunion», 1956, №№ 95, 96, 107 (см. «Вопросы истории», 1956, №№ 5, 6).

азным революциям, как народную революцию. «...Ибо масса народа,— писал Ленин,— большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого» [3].

Эту характеристику с полным основанием можно отнести также и к Ноябрьской революции в Германии. Поэтому при оценке Ноябрьской революции необходимо, по моему мнению, в первую очередь подчеркнуть, что она была народной революцией.

За последние годы многие историки и пропагандисты, исходя из этой оценки, характеризовали Ноябрьскую революцию как буржуазно-демократическую и тем самым в известном смысле приравняли народную революцию к буржуазно-демократической. По-моему, это неверно и является грубым упрощенчеством. Народной революцией в ленинском понимании была не только буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. в России, но и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года. Следовательно, народные революции по своему характеру могут быть как буржуазно-демократическими, так и пролетарскими. В связи с этим возникает новый вопрос: была ли народная революция в ноябре 1918 г. буржуазно-демократической или пролетарской революцией?

Бесспорно, что в Германии в 1918 г. имелись объективные предпосылки для социалистической революции. Германия была одной из самых развитых в промышленном отношении стран мира. Высокоразвитые производительные силы уже находились в острейшем противоречии с капиталистическими производственными отношениями и делали возможным и необходимым уничтожение капиталистических и установление социалистических производственных отношений. На повестке дня стояла социалистическая революция.

Этой исторической задаче — проведению социалистической революции — не противоречил тот факт, что в Германии имелись также и нерешенные задачи буржуазно-демократической революции. Решить их, устранить полуфеодальные пережитки в условиях, господствовавших тогда в Германии, можно было лишь силами пролетариата через социалистическую революцию. Буржуазно-демократические преобразования, которые нужно было провести в Германии наряду с решением главной исторической задачи, могли быть осуществлены и гарантированы как «побочный продукт социалистической революции»; известно, что и Октябрьская социалистическая революция также разрешила ряд нерешенных проблем буржуазно-демократической революции [4]. Остатки средневековья в Германии так тесно срослись с монополистическим капитализмом, что их полное уничтожение требовало глубокого вторжения в капиталистические производственные отношения. Так, например, в Германии нельзя было экспроприировать поместья юнкеров, не затрагивая одновременно монополистической собственности промышленников и банкиров, породнившихся и сросшихся с юнкерами. Последний шаг буржуазно-демократической революции означал в то же время и первый шаг социалистической революции — в этом и заключалось «соотношение» между буржуазно-демократической и социалистической революцией, «перерастание» первой во вторую.

Преобладающее большинство немецкого рабочего класса хотело в ноябре 1918 г. социалистической революции. Массы, включая даже большую часть мелкой буржуазии, правильно сознавали, что виновниками войны и катастрофы были не только монархия и немецкие милитаристы, но прежде всего представители монополистического капитала — пушеч-

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 388.
[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 32.

ные короли и князья биржи. Большинство рабочего класса добивалось не только революционного свержения монархии и провозглашения республики, но установления социалистической республики; оно требовало социализма, хотя его представления о путях к социализму были и неясны.

Из того факта, что пути к социализму были весьма неясны, и исходит аргументация, не признающая социалистического характера Ноябрьской революции, несмотря на ее историческую задачу, несмотря на стремление немецкого пролетариата к социалистической революции. Так, советский историк Я. С. Драбкин пишет, что, несмотря на объективные предпосылки социалистической революции, из-за субъективной слабости пролетариата, который не был подготовлен к выполнению роли вождя социалистической революции, Ноябрьская революция могла начаться лишь как революция буржуазная [5].

Несомненно, что в этом «субъективном факторе» — в недостаточном сознании и недостаточной организованности рабочего класса — и заключалась роковая слабость Ноябрьской революции в Германии. Отсутствие революционной марксистской боевой партии, недостаточный собственный опыт немецкого пролетариата в революционной борьбе (в узком смысле слова — в борьбе за власть), с одной стороны, сильные реформистские и парламентские иллюзии в рабочем классе — с другой, позволили в конце концов буржуазии с помощью правого руководства социалистической партии Германии удушить социалистическую революцию и помешать завершению самой буржуазно-демократической революции.

Но можно ли из-за этой бесспорной субъективной слабости пролетариата оспаривать социалистический характер Ноябрьской революции? Как, например, обстояло дело с «субъективным фактором» в революции 1848—1849 годов? Можно ли сказать, что сознание и организованность большинства мелкой буржуазии и молодого рабочего класса лучше отвечали исторической задаче, стоявшей в ту пору перед буржуазно-демократической революцией? Мы знаем, как Маркс и Энгельс бичевали тогда не только предательство либеральной буржуазии, но также и половинчатость, колебания и трусость мелкой буржуазии. Однако, несмотря на эти серьезные субъективные слабости, революция 1848—1849 годов была буржуазно-демократической революцией.

Другой весьма часто встречающийся аргумент против определения Ноябрьской революции как социалистической основывается на ее результатах. Поскольку Ноябрьская революция не разрешила социалистических задач, а осуществила лишь некоторые, далеко не все буржуазно-демократические задачи, ее характеризуют как революцию буржуазно-демократическую. Этот тезис мотивировался и мотивируется тем, что революция не затронула основ капиталистического строя, что была изменена лишь форма государственной власти и т. д.,— короче говоря, результатами революции. Это, по моему мнению, также неверно; ведь тот факт, что немецкая революция 1848—1849 годов и русская революция 1905 — 1907 годов не разрешили буржуазно-демократических задач, не мешает в действительности рассматривать их как революции буржуазно-демократические.

Очевидно, вышеприведенные аргументы недостаточны для доказательства того, что Ноябрьская революция была буржуазно-демократической. Некоторые историки ищут поэтому иные критерии для определения характера революции. Так, советский историк В. И. Биллик пишет, что характер революции определяется не ее историческими задачами, не ее результатами, не субъективными стремлениями большинства рабочего класса, но исключительно «содержанием действительной борьбы» [6]. Та-

---

[5] См. Я. С. Драбкин. О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии. «Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 80—81.

[6] См. В. И. Биллик. О своеобразии Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 90.

ким образом, в его аргументации проводится различие между «субъективными стремлениями» и «содержанием действительной борьбы» рабочего класса. Он утверждает, что большинство немецкого рабочего класса не вело действительной борьбы за социализм, а лишь оказало после свержения монархии давление на правительство в целях проведения социализации и осуществления иных требований и боролось против отдельных мероприятий правительства, но ни в коем случае не за слом старого государственного аппарата, не за укрепление Советов как органов власти и не за диктатуру пролетариата.

Такая точка зрения не может не вызвать возражений. Во-первых, январские и мартовские бои в Берлине, массовые забастовки и вооруженную борьбу в Рейнской и Рурской областях, в Средней Германии, Советское правительство в Бремене и Брауншвейге и, наконец, Баварскую Советскую республику нельзя характеризовать «лишь» как «давление на правительство». Нельзя также огульно утверждать, что все эти революционные наступления проводились не большинством рабочего класса, а только прогрессивным авангардом. Большинство в революции определяется не голосованием, оно сплачивается и укрепляется в борьбе, а революционная борьба весной 1919 г., как правило, велась в соответствующей области не только передовым отрядом, но и массами. То, что контрреволюции все же удалось изолировать эти выступления как территориально, так и во времени и разбить революционные массы по частям, объяснялось прежде всего отсутствием или слабостью центрального руководства (Коммунистическая партия Германии была только что создана), что, однако, не дает оснований для отрицания массового характера этих выступлений.

Во-вторых, нельзя также утверждать, что революционные массовые выступления «не были действительной борьбой за социализм», а являлись лишь борьбой буржуазно-демократической. Основными требованиями рабочих в этих выступлениях являлись социализация монополий и права Советов. Нельзя отрицать, что эти требования, особенно требование признания Советов, отражали серьезное непонимание большинством рабочего класса значения Советов как органов пролетарской диктатуры и необходимости слома старого государственного аппарата. Но разве можно делать из этого вывод, что борьба за социализацию и права Советов имела буржуазно-демократическое содержание? Мне думается, что эти требования перерастали рамки буржуазно-демократической революции и приближались к социалистической.

Если ссылкой на то, что в Ноябрьской революции за диктатуру пролетариата боролось не большинство рабочего класса, хотят сказать, что роль Советов и их несовместимость с буржуазной демократией и буржуазным парламентаризмом не были ясны для большинства немецкого рабочего класса,— с этим можно согласиться. Но ведь такое понимание задач большинством пролетариата проявляется не в начале социалистической революции, оно развивается лишь в процессе социалистической революции, является ее кульминационным пунктом, ее победоносным завершением. На I конгрессе Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. Ленин говорил: «В нашей революции мы продвигались вперед не теоретическим путем, а практическим. Например, вопрос об Учредительном собрании мы раньше теоретически не выставляли и не говорили, что не признаем Учредительного собрания. Лишь позднее, когда советские организации распространились по всей стране и завоевали политическую власть, лишь тогда мы решили разогнать Учредительное собрание»[7].

В той же речи Ленин жестоко высмеял «глупость» соединения Национального собрания с системой Советов, охарактеризовав это как теоретическое банкротство вождей Независимой социал-демократической

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 449—450.

партии Германии. В то же время он указал, что это требование свидетельствует об огромных переменах среди отсталых масс пролетариата. «Отсталые массы немецкого пролетариата идут к нам...», то есть к осознанию значения Советов. В сентябре 1919 г. Ленин говорил, что немецкое правительство было вынуждено включить в Веймарскую конституцию статью о Советах рабочих депутатов, ибо германские рабочие требуют власти Советов [8]. Это высказывание Ленина характеризует противоречивый, медленный и мучительный процесс развития борьбы рабочего класса в Ноябрьской революции, основное направление этой борьбы.

Ленин несколько раз называл Ноябрьскую революцию пролетарской, социалистической революцией, хотя в иных случаях он вновь отмечал буржуазно-демократическое содержание Ноябрьской революции. Но даже говоря о Великой Октябрьской социалистической революции, Ленин неоднократно упоминал о буржуазно-демократическом ее содержании. В упомянутой речи на I конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин сказал: «Первый шаг нашего пролетарского правительства заключался в том, что старые требования всего крестьянства... были признаны в законе, изданном нашим правительством... на другой день после революции. В этом заключалась наша сила, поэтому-то нам так легко было завоевать подавляющее большинство. Для деревни наша революция еще продолжала быть буржуазной, и лишь позже, через полгода, мы были вынуждены в рамках государственной организации положить в деревнях начало классовой борьбе... и систематически бороться с деревенской буржуазией» [9].

Никому не придет в голову мысль, что это и другие высказывания Ленина опровергают социалистический характер Октябрьской революции. Из всей совокупности высказываний Ленина ясно вытекает, что он подчеркивал здесь лишь одну фазу, одну определенную сторону, одну часть общего процесса социалистической революции.

Нельзя согласиться и с той точкой зрения, которую, между прочим, проводит в своей работе В. И. Биллик, что Ноябрьская революция на первом этапе (до 10—11 ноября) была пролетарской революцией, а в дальнейшем ходе — буржуазно-демократической, что сообразно с этим большинство рабочего класса на первом этапе боролось за диктатуру пролетариата, а на следующих этапах — лишь за буржуазно-демократические цели. В действительности это означало бы, что в сознании рабочего класса и содержании его борьбы произошло обратное развитие. Это явно противоречит фактам, как и ленинской оценке, приведенной выше.

По моему мнению, тезис о том, что характер революции определяется содержанием действительной борьбы, несостоятелен. Он является лишь одним из вариантов «субъективных предпосылок», так как содержание борьбы рабочего класса (при наличии объективных предпосылок) определяется степенью его сознания и организованностью.

Решающим для общего социально-экономического характера социалистической, как и любой другой, революции, мне кажется, могут быть только ее объективные предпосылки, ее главные движущие силы и их общая целенаправленность. Все другие признаки — степень сознания и организованности пролетариата, его союза с крестьянством, конкретной борьбы и т. д.— определяют национальные и исторические особенности социалистической революции, степень ее зрелости, развития, ее результаты. Они являются своеобразием, различием в рамках общего, свойственного всем социалистическим революциям основного характера. Как же иначе, как не в смысле этого общего характера, можно понимать слова Ленина, что Ноябрьская революция в Германии показала те же основные силы и то же основное направление, что и русская революция [10].

---

[8] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 6.
[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 450—451.
[10] См. там же, стр. 454.

Можно задать вопрос: а не является ли дискуссия о характере Ноябрьской революции в Германии пустым спором из-за слова? Нет, этот спор имеет весьма актуальное значение. Определение Ноябрьской революции просто как буржуазной революции вело бы к принижению этой великой борьбы немецкого пролетариата, к недооценке ее влияния на дальнейшее развитие рабочего класса Германии. Нельзя отрицать, что в прошлые годы у нас имелась такая недооценка, что мы говорили преимущественно об ошибках и слабостях Ноябрьской революции.

Мне думается, что Ноябрьская революция в Германии, судя по ее исторической задаче, по ее основным силам и по целям пролетариата, была социалистической революцией. Она не достигла своей цели, не развернулась во всей полноте, а остановилась на решении некоторых задач буржуазно-демократического характера. Немецкой буржуазии с помощью правых лидеров социал-демократии удалось подавить революцию. Руководству же социал-демократической партии Германии удалось ввести в заблуждение большую часть рабочих и задушить революцию главным образом потому, что немецкий пролетариат не обладал достаточным собственным опытом революционной борьбы за власть и не был руководим крепкой революционной марксистской боевой партией.

Как бы ни было исключительно важно осознание этих субъективных слабостей для уроков революции, оно не должно затемнять того факта, что большинство немецкого пролетариата в Ноябрьской революции вело героическую борьбу за социализм, что десятки тысяч его сыновей и дочерей пожертвовали своей жизнью за социалистическую Германию. Их борьба за социалистическую Германию была продолжена. Немецкий рабочий класс одержал уже в этой борьбе великую победу, создав Германскую Демократическую Республику — первое в истории Германии рабоче-крестьянское государство.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918—1919 годов В ГЕРМАНИИ*

А. Шрайнер

После Великой крестьянской войны первой четверти XVI в. Ноябрьская революция 1918—1919 годов была величайшим революционным событием германской истории до 1945 года.

Детальное исследование, анализ и описание этого великого революционного события историками-марксистами представляет собой необходимость, диктуемую заботой о поддержании революционной традиции. Это нужно прежде всего, чтобы ознакомить нынешнее поколение немецкого и международного рабочего класса с уроками великих революционных боев, а также с уроками поражения Ноябрьской революции, ибо известно, что рабочий класс учится не только на своих победах, но и на своих поражениях.

О Ноябрьской революции имеется обширная литература, как марксистская, так и буржуазная. В ней мы находим общее описание Ноябрьской революции, описание отдельных эпизодов и местных событий, мемуары и т. д. (к сожалению, нет еще марксистской критической библиографии этой литературы). Существующие работы в значительной мере основаны на источниках «из вторых рук». И среди марксистских работ имеется такой способ изложения, который я назвал бы «переписыванием» (Abschriftstellerei). Один списывает у другого. К тому же наше изложение истории еще не свободно от догматизма. Очень часто бывает так: автор исходит из теоретического положения, затем он подыскивает к нему и соответственно группирует подходящие факты, и горе фактам, если они противоречат утверждаемому тезису! Это приводит к тому, например, что в дискуссиях о Ноябрьской революции одно положение противопоставляется другому в самых различных вариантах, причем участники дискуссий обходятся без предварительного тщательного изучения первоисточников.

Это обстоятельство и связанный с ним факт, что в марксистской литературе недостает основанных на скрупулезном исследовании первоисточников монографий о Ноябрьской революции и о других периодах, весьма затрудняют нашу работу по созданию учебника германской истории. Чтобы выйти за рамки бесплодных, в какой-то степени схоластических дискуссий, например, о роли Советов в Германии, я просмотрел за последние два года ряд диссертаций и некоторые научные доклады. В них наряду с другими проблемами разрабатываются вопросы о развитии движения за Советы в Германии до 9 ноября 1918 г., о Советах в период Ноябрьской революции в Берлине, в Хемнице (Карл-Маркс-штадт), в Лейпциге, в Галле, в районе Мансфельда, о борьбе за социализацию в Рурской области. В институте проф. Лео Штерна (Галле) готовится публикация документов по вопросу о Советах. Она является небольшой частью той

---

* Данная статья представляет собой переработанный текст доклада профессора, доктора Альберта Шрайнера (Берлин), прочитанного на заседании группы по изучению истории Германии при Институте истории Академии наук СССР в феврале 1957 года.— *Ред.*

серии отдельных монографических исследований, которые нужно провести, чтобы прийти к точному освещению этого исторического периода.

В рамках одного доклада нельзя, разумеется, разобрать всю тематику Ноябрьской революции. Поэтому после вводных замечаний я хочу поставить только несколько таких вопросов, которым до сих пор уделялось слишком мало внимания или по которым наиболее ожесточенно спорят. С 1952 г. у нас прошли оживленные дискуссии в Музее германской истории, в авторском коллективе по созданию учебника и, кроме того, в историческом журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». В июне 1954 г. мы провели двухдневную дискуссию, преимущественно по вопросам Ноябрьской революции. Своим данным выступлением я надеюсь способствовать оживлению дискуссии и дальнейшим исследованиям.

При рассмотрении вопросов я исхожу из достигнутых до сих пор в ГДР результатов дискуссии о Ноябрьской революции. Я считаю нужным осветить следующие вопросы: вопрос о периодизации Ноябрьской революции; некоторые проблемы периода назревания Ноябрьской революции; объективные предпосылки и субъективные силы Ноябрьской революции; основной вопрос Ноябрьской революции: Советы или Национальное собрание.

Вопрос о периодизации Ноябрьской революции. В ходе нашей дискуссии о периодизации Ноябрьской революции было выдвинуто в числе других предложение считать отправным пунктом 1914 год как начало общего кризиса капитализма. Это предложение вполне обоснованно было отклонено, поскольку развязывание первой мировой войны положило лишь начало общему кризису капитализма, и только с установлением пролетарской диктатуры в России, с созданием первого социалистического государства начинается новая эпоха в мировой истории. Ясно, с чего историк должен начинать изложение новейшей истории. Соответственно этому было бы логично и новейшую историю Германии начинать с 1917 года. Такая точка зрения отстаивается и сейчас некоторыми товарищами. Вопреки такой точке зрения я, как и прежде, отстаиваю свое мнение, что событие мирового значения, каким является Октябрьская социалистическая революция, не может быть определяющим для периодизации истории каждой отдельной страны, ибо закон неравномерности развития отдельных капиталистических стран не теряет силы с победой Октябрьской революции. Переломным моментом в истории Германии является Ноябрьская революция — частное проявление и углубление всеобщего кризиса капитализма. Исходя из этого и следует изучать особенности развития Германии. В тех же случаях, когда речь идет о назревании Ноябрьской революции, нужно особенно основательно показать решающее историческое значение влияния Октябрьской социалистической революции на развитие событий в Германии.

Все сказанное относится к начальному периоду Ноябрьской революции, которая, по нашему мнению (оно совпадает с мнением наших советских друзей), закончилась поражением Баварской советской республики в начале мая 1919 года. У нас распространено еще не опровергнутое представление, что Ноябрьская революция закончилась самоотречением первого Всегерманского съезда Советов 16—21 декабря 1918 года. Я сам первоначально считал, что Ноябрьская революция закончилась созывом Национального собрания и образованием первого коалиционного правительства из социал-демократов и буржуазии в январе 1919 года.

Оба мнения, по существу, приписывают парламентским событиям, якобы отражающим соотношение классовых сил, такое значение, которое они на самом деле не имели в то время, когда еще бушевали тяжелые «внепарламентские» вооруженные бои между революцией и контрреволюцией (с декабря 1918 до марта 1919 года). В своей программной речи на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии в конце

1918 г. Роза Люксембург говорила, что «событиями последних дней (бои в Берлине под рождество 1918 г.— *А. Ш.*) завершилась начальная фаза германской революции, что мы теперь вступаем во вторую, следующую стадию развития...» [1], которая характеризуется борьбой за социализацию. Ленин на II Всероссийском съезде профсоюзов 20 января 1919 г. говорил о «начинающейся немецкой революции» [2], причем он также рассматривал декабрьские и январские бои как бои за социальную революцию. Крупные забастовки и вооруженные бои за социализацию, происходившие в Берлине и в центрах тяжелой индустрии, и провозглашение советских республик в Бремене и в Баварии являются достаточным доказательством того, что часть германских рабочих понимала поставленную перед ними революцией историческую задачу и боролась за ее выполнение с оружием в руках. В этих боях контрреволюция успешно использовала свой союз с лидерами социал-демократии, предававшими рабочий класс. Этот союз обеспечил раскол рабочего класса и привел к разгрому революции поочередно в одной области за другой. Последний тяжелый удар в этот период был нанесен Баварской республике.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: период Ноябрьской революции начинается матросским восстанием в Киле 4 ноября 1918 г. и заканчивается поражением Баварской советской республики в начале мая 1919 года. Первая фаза завершается в конце декабря 1918 г.; более дробную периодизацию мы не считаем необходимой и убедительной.

Некоторые проблемы периода назревания революции. Перейду к одному важному вопросу, который до сих пор еще совершенно неудовлетворительно изучен и освещен нашими марксистскими авторами.

Мирная политика молодого Советского государства, братание немецких и русских солдат на фронте имели, как известно, такое революционизирующее влияние на германские войска на Восточном фронте, что, будучи переброшенными в 1918 г. на Запад, последние оказались непригодными для наступления. Ленин неоднократно приводил ставшее тогда ходячим выражение о «руссификации» германских войск на Востоке. Октябрь повлиял революционизирующим образом на германскую армию [3]. Это влияние было важным фактором, вместе с другими существенно предопределившим военный разгром Германии. Немецкая буржуазная историческая литература, как правило, почти не говорит о его значении для поражения германского империализма в первой мировой войне, в противовес этому всячески подчеркивая влияние на исход войны ввода в действие американских войск. И марксистские немецкие историки, как я уже говорил, придавали до сих пор слишком малое значение этому важному вопросу.

Если бы буржуазная националистическая литература поступала иначе, то рухнули бы две распространяемые ею легенды. Одна рассказывает о том, что германская армия была непобедимой на полях сражений, а другая (основанная на первой) — об «ударе кинжалом», который тыл якобы нанес в спину войскам. Значит, если мы недооцениваем влияние Октябрьской революции на падение боеспособности войск германского империализма, мы льем воду на мельницу националистической фальсификации причин военного разгрома германского империализма в 1918 году.

Как известно, Октябрьская революция не только повлияла на германскую армию, но и оказала в высшей степени революционизирующее влияние на рабочий класс и всех стремящихся к миру людей в Германии и придала большой размах революционному движению (январская стачка 1918 г.). Усталость солдат от войны отражалась на настроении тыла, а

---

[1] R. Luxemburg. Ausgewählte Schriften. Bd. II. Berlin. 1951, S. 667 ff.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 391.
[3] См. там же, стр. 130.

настроение последнего, в свою очередь, расслабляюще действовало на фронт. Мне думается, что после этого становится очевидной неразрывная связь существенных факторов, повлиявших на вызревание революции в Германии.

Следует указать еще на другой недостаток в наших работах о периоде назревания Ноябрьской революции — я имею в виду недооценку сильного демобилизующего влияния на германскую армию уже русской Февральской революции. Напомню только о двух таких важнейших событиях, как апрельская забастовка и первое восстание в военном флоте летом 1917 г., на которое Ленин неоднократно ссылался, подчеркивая его революционное значение. То, что мы сначала расскажем о влиянии Февральской революции, отнюдь не умалит значения влияния Октябрьской революции на Германию. Наоборот, от этого станет более ясным самостоятельное развитие революционного движения в Германии, а затем сильное воздействие на него Октябрьской революции.

Еще одна сторона влияния Октябрьской революции на развитие Германии перед Ноябрьской революцией пока мало исследована: как повлияла Октябрьская революция на господствующий класс и какие выводы он сделал для сохранения своих экономических и политических позиций. Мирная политика молодой Советской власти ускорила расслоение господствующего класса. Одна его часть стремилась использовать тяготение широких народных масс к миру и выступала за компромиссный мир; в ходе дальнейших событий она ориентировалась на внешнеполитическое сближение с США (вильсоновское мирное наступление). Другая часть господствующего класса, возглавляемая верховным военным командованием (Людендорф и Alldeutsche), искала выхода в «победоносном мире», то есть в продолжении сокрушительных военных ударов. В свое время я ставил этот вопрос в моей работе «К истории германской внешней политики» [4] и цитировал одно место из книги полковника Швертфегера: «Государственное политическое руководство Германии зимой 1917—1918 годов было твердо убеждено в том, что войну можно продолжать только при соглашении с социал-демократией. Помощник статс-секретаря фон Радовиц в письме от 17 января 1918 г. подчеркивал эту мысль и предупреждал, что нельзя допускать перехода социал-демократических избирателей, особенно в профсоюзах, на сторону независимых, иначе в стране могут начаться забастовки, о возможности которых верховное военное командование не хочет и думать. К этому Радовиц замечает: «Фактически такая опасность не существует, пока социал-демократы враждуют с независимыми. Но она появится тотчас же, если социал-демократы объединятся с независимыми и будут воздействовать на массы лозунгами против продолжения войны, за избирательное право, против голода и холода... Для верховного военного командования было неприятным сюрпризом, что в Берлине 28 января 1918 г. действительно разразилась мощная забастовка, охватившая до 500 000 рабочих» [5].

Этой ссылкой я хотел подчеркнуть, что отдельные слои правящих классов, извлекая уроки из опыта Октябрьской революции и направляя свои политические мероприятия с целью избежать революции, видели одно средство обуздать ее: сохранение и углубление раскола в рабочем классе. Эта сторона дела — попытка обуздания революции — сама по себе известна. Мало исследовано поощрение правящими классами раскола рабочего класса и добровольное прислужничество правых лидеров социал-демократии. Кстати, тому же фон Радовицу принадлежит относящийся к началу октября 1918 г. проект заявления Вильгельма II о привлечении социал-демократов в состав кайзеровского правительства.

---

[4] A. Schreiner. Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik. 1871—1945. Bd. I. Berlin. 1955

[5] B. Schwertfeger. Das Weltkriegsende. Berlin. 1938, S. 53, 54.

Ленин неоднократно указывал на то, как велики будут в Германии, где буржуазия привыкла управлять, трудности для победы революции. Мы в своей теоретической работе в свое время не уделяли достаточного внимания этим указаниям Ленина. Спустя двадцать лет нам пришлось пережить победу фашизма.

Главным мотивом в процессе революционизирования было глубокое стремление народа к миру. С окончанием военных действий исчерпал себя и главный непосредственный стимул к революции.

Об объективных предпосылках и субъективных силах Ноябрьской революции. Не подлежит сомнению, что из всех империалистических стран Германия накануне Ноябрьской революции была той страной, в которой наиболее назрели объективные предпосылки для социалистического переворота.

Каково же было положение с субъективными факторами? Глубокое марксистское исследование структуры классов и партий в Германии во время первой мировой войны, изменения этой структуры в период назревания революции и влияние этих изменений на процесс революционизирования, наконец, изучение дальнейших изменений, которые происходили во время Ноябрьской революции и были ею вызваны,— в этом состоит сейчас одна из важнейших задач историков.

Не сказав ничего о соотношении сил буржуазии и пролетариата, не сказав о «трех направлениях в социализме» (Ленин) в Германии до ноября 1918 г. и в период Ноябрьской революции, не исследовав подробно отношения рабочих партий к трудящемуся крестьянству и к сельскохозяйственным рабочим, к средним слоям и к трудовой интеллигенции,— без всего этого обсуждать вопрос о том, чем могла бы быть, но не стала Ноябрьская революция, значило бы заниматься схоластическим крючкотворством.

Об уроках, которые сделала для себя после Октябрьской революции в России германская буржуазия, уже было сказано выше. При изучении сил, которые противостояли друг другу в период подготовки и во время Ноябрьской революции, мы до сих пор недостаточно исследовали и другой фактор — сотрудничество международной буржуазии в борьбе против революции. Глубокое изучение и разоблачение этого сотрудничества, начиная с контрнаступления Вильсона против мирной политики молодой Советской республики (что способствовало ориентации части германской буржуазии, социал-шовинистов и социал-пацифистов на США и против сотрудничества с Советской страной) вплоть до уступок держав-победительниц германскому милитаризму после его военного разгрома в вопросе о разоружении и демобилизации, имеет огромное значение.

Рассмотренные выше вопросы имеют, в сущности, немаловажное значение для выяснения причин поражения Ноябрьской революции.

Еще несколько слов о движущих силах революции. Мы констатируем небезынтересное явление: в период назревания Ноябрьской революции группа «Интернационал» (группа Спартак) вместе с левыми бременцами представляла собой единственную политическую группу в Германии, которая стояла за революцию и в меру своих возможностей вела идеологическую, а непосредственно накануне революции — и организационную подготовку революции. Сюда следует отнести также революционных старост (revolutionäre Obleute) из партии независимых, находившихся под влиянием группы Спартак. Разумеется, этих сил было бы недостаточно для того, чтобы развязать народную революцию, если бы правящие классы могли и далее управлять старыми методами и если бы подавляющее большинство трудящихся не было охвачено таким стихийным стремлением к миру, что для его установления они были готовы идти на революцию.

В дискуссии по этому вопросу некоторые товарищи заявляли, что приписывать такую роль группе Спартак якобы необоснованно. Эти критики

не понимают значения революционной марксистской партии, пусть еще только организующейся.

На вопрос, почему же, несмотря на готовность широких масс германского рабочего класса к революции, возможно было такое низкое предательство социал-демократических вождей, ответ может быть только один: потому что в Германии не было революционной марксистской партии. Ленин накануне Ноябрьской революции усматривал величайшую беду и опасность для Европы в том, что «в ней нет революционной партии» [6]. И гораздо позже, 14 августа 1921 г., в своем письме к немецким коммунистам Ленин писал, возвращаясь к германской революции: «А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и К°) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К°) бандой лакеев капитала» [7].

Таким образом, мне кажется, самым характерным для товарищей, критикующих «преувеличение» роли группы Спартак, непонимание ими того, что должно быть основным в освещении периода подготовки Ноябрьской революции. Речь идет в первую очередь о роли зарождающейся марксистской партии, а также об оценке позиции тех революционных марксистов в Германии, которые во время первой мировой войны действовали в духе резолюций международных конгрессов социалистов в Штутгарте (1907 г.), Копенгагене (1910 г.) и Базеле (1912 г.), которые высоко держали знамя пролетарского интернационализма и стремились поднять рабочий класс на борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую, за свержение буржуазии. В какой бы стране ни находились люди и группы, уже в то время ставившие себе такую цель, их имена были известны каждому интересующемуся политикой. До сих пор никаких новых групп такого рода не открыто. И не является также случайностью, что Ленин в своих многочисленных и подробных высказываниях о подготовке и ходе Ноябрьской революции называет в качестве ведущей силы германской революции только группу Спартак и левых бременцев. Поддержке этой единственной революционной группы, хотя и имевшей еще крупные недостатки, Ленин и большевики придавали большое значение, ибо они знали: не имея революционной партии, рабочий класс остается без революционного руководства, что обрекает революцию на поражение.

Нужно еще немного сказать о вовлечении в поток революционных событий сельскохозяйственных рабочих и трудящегося крестьянства. Этот вопрос теснейшим образом связан с только что разбиравшимся вопросом об отсутствии революционной партии. Бесспорно, что в период Ноябрьской революции революционная готовность широких масс немецких рабочих была налицо. Но перед кем в большинстве случаев они могли поставить вопрос об организации и проведении революции в их поселке или на предприятии: перед социал-демократами или независимыми? Влияние группы Спартак распространялось только на несколько городов, но и там она не располагала такой сплоченной организацией, как социал-демократы или независимцы. На VIII съезде партии большевиков Ленин попутно отметил: «Диференцировался ли германский пролетариат от буржуазии? Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих в них против шейдемановцев. Но как это получилось? Путем союза спартаковцев с немецкими трижды проклятыми меньшевиками-независимцами, которые путают все и хотят поженить систему Советов с учредилкой! Ведь вот что происходит в этой самой Германии!» [8].

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 93.
[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 488.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 149.

Ленин говорит, что только в нескольких крупных городах большинство рабочего класса было против шейдемановцев. Что же происходило в деревне? Говорят о захвате потоком революционных событий сельскохозяйственных рабочих и трудящегося крестьянства. Ссылаются на Уккермарк и Вюртемберг. Вюртембергские события я наблюдал собственными глазами и видел, как бедных крестьян, прогнавших своего дворянина-помещика, тогдашний вюртембергский министр внутренних дел Криспин (независимец) отослал домой с нотацией: частная собственность-де должна уважаться. Пожалуй, дальше всех в революционные дни пошли крестьяне Верхней Силезии. Но эти отдельные волнения только подчеркивают, насколько в деле достижения союза между рабочими и крестьянами, безусловно необходимого для победы революции, сказывалось отсутствие революционной партии.

Приведенными соображениями не исчерпывается вопрос о силах и соотношении сил в начале и в ходе Ноябрьской революции. Мы хотели лишь дать понять, что и здесь изучение источников и основанный на этом изучении тщательный научный анализ ни в какой степени не может быть заменен эмоциональным подходом.

Об основном вопросе революции: Советы или Национальное собрание? По вопросу о Советах у нас была очень горячая дискуссия. Ее результатом и явились упомянутые вначале научные доклады. Статья моей ученицы и сотрудницы Марион Айнхорн о Советах[9] также представляет собой результат проводимой сейчас работы по изучению фактов. Приведу важнейшие выдержки из ответа, который я дал критикам моего проспекта раздела учебника по Ноябрьской революции.

В учебнике германской истории необходимо дать конкретное представление о роли Советов в Германии. В учебнике по новейшей истории Германии, составленном немецкими историками-марксистами, нельзя довольствоваться воспроизведением установленных опытом выводов, вроде того, что: 1. В Германии 1918 г. на повестке дня истории стояла пролетарская революция; 2. Германская Ноябрьская революция была буржуазной революцией. Учебник должен дать понимание того, почему пролетарская революция не смогла одержать победы. А это неразрывно связано с вопросом о Советах. Поэтому будет также недостаточно сказать, что Советы в Германии были орудием контрреволюции, не показав, что они были такими не везде и не с самого начала; не показав, что и в Германии Советы возникли как боевые органы рабочего класса и что после 9 ноября в Советах и вокруг Советов разгорелась горячая борьба, разгорелась именно потому, что господствующие классы в какой-то мере лучше, чем рабочие, поняли из опыта русской революции значение Советов как органов пролетарской революции и с самого начала повели систематическую и широкую борьбу против Советов — в немалой степени при помощи самих Советов, засоренных всякими врагами революции и иногда даже ими организованных. У людей, не знающих революции по собственному опыту, общие выводы из революционной практики — например, те, что я приводил выше — часто застывают и превращаются в мертвые, твердо вызубренные формулы. Но из этих формул нельзя так просто, без всяких объяснений, понять, что речь идет не о таких выводах, из которых один исключает другой, а о таких, которые взаимно обусловливают друг друга. Марксистский учебник истории и должен так объяснить читателю сложный противоречивый процесс революции, чтобы понимание хода исторического процесса сделало эти выводы действительно четкими и ясными и тем самым полезными в нашей политической борьбе.

Только на основе изучения конкретного пути развития Советов в Германии и России могут быть сделаны правильные теоретические обобще-

---

[9] «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». III. Jahrgang. 1955, Heft. 3.

ния. Знание той борьбы за власть, которую в ноябрьские дни вели немецкие рабочие и в центре которой стояли Советы, имеет большое актуальное значение для нашей сегодняшней политической борьбы. Изложение этого, как я уже говорил, не может быть заменено теоретическим обобщением: «Советы в Германии были орудием контрреволюции». Поступать так — значило бы также пренебречь важным элементом революционной традиции германского рабочего класса. Поэтому я стремился уже в проспекте подчеркнуть значение Советов как органов революционной власти. Подчеркивание этой стороны дела на основе соответствующих событий Ноябрьской революции ни в какой степени не противоречит общеизвестному и правильному положению, что в Германии в конце 1918 г. Советами руководили социал-демократы [10]. Однако другое, широко распространенное мнение, будто Советы прикрывали контрреволюцию против революции [11], в такой обобщающей форме неправильно. У нас были революционные Советы в Брауншвейге, Бремене (февраль) и Мюнхене (до мая 1919 года). Стоит только прочитать письмо Ленина Советской республике в Мюнхене и вспомнить ленинское положение о международной роли Советов в то время.

В Германии 1918 г. на повестке дня истории стояла пролетарская революция. В процессе созревания этой революции сформировались и характерные для пролетарской революции органы борьбы и власти — Советы в их «зародышевой» форме. Здесь нужно непременно указать на революционные фабзавкомы, появившиеся во время мощных стачек 1917 и января 1918 года. И революционные матросы, выдвигая в 1917 г. требование создать хозяйственные комиссии, сознательно опирались на пример Советов. Во время январской забастовки 1918 г. по инициативе группы Спартак в Берлине были избраны Советы рабочих депутатов, образовавшие комитет действия для руководства забастовкой. 28 июня 1918 г. Ленин говорил: «Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета рабочих депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать, ни капли не преувеличивая, нисколько не обольщаясь, что это означает момент наступления революции» [12].

7 октября 1918 г. группа Спартак на своей нелегальной всегерманской конференции совместно с бременскими левыми радикалами постановила немедленно приступить к созданию Советов рабочих и солдатских депутатов повсюду, где они еще не работают [13]. В письме от 18 октября членам группы Спартак Ленин горячо приветствовал это решение [14].

Выполняя решения общегерманской конференции группы Спартак, мы, например, в конце октября 1918 г. создали в Штутгарте нелегальный рабоче-солдатский Совет из представителей от крупных предприятий (Даймлера и других) и революционных делегатов от двух крупнейших казарм Штутгарта. Мы распространяли напечатанные нелегально листовки и прокламации, подготовляли манифестации и демонстрации, создавали группы из революционных рабочих и солдат, организовывали выступления в войсковых частях, предназначенных к отправке на фронт. 4 ноября нами была проведена всеобщая забастовка и учрежден Совет рабочих депутатов. 5 ноября в Германии вышел первый номер нелегальной газеты «Rote Fahne» — органа рабочих и солдатских Советов в городах Штутгарте и Вюртемберге. Газета распространялась на предприятиях и в казармах. Примерно то же самое происходило и в других городах, где группа Спартак располагала достаточно солидной организационной базой, нередко используя для этого свое влияние среди независимцев.

Этот период возникновения Советов в Германии, к сожалению, очень мало известен по той простой причине, что немецкие историки-марксисты

[10] См., например, И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 226.
[11] См. там же.
[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 442.
[13] См. «Spartakusbriefe». Berlin. 1920, S. 193.
[14] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 306.

вообще еще слишком недостаточно занимались изучением движения за Советы в Германии. Как можно более подробное рассмотрение предыстории и развития Советов, начиная с 9 ноября, необходимо еще и для того, чтобы показать, насколько различный характер имели Советы в Германии в зависимости от времени и места их организации. Лишь после такого описания появится действительная возможность провести сравнение германских Советов с Советами в России.

Различие в развитии Советов России и Германии очень ясно освещено в тезисах, принятых II Конгрессом Коммунистического Интернационала (июль — август 1920 г.): «Когда и при каких условиях можно создавать Советы рабочих депутатов». В пунктах 1 — 2 тезисов разбирается вопрос о развитии Советов в России до 1917 года. Затем говорится дословно:

«3. В начале Февральской революции 1917 года Советы рабочих депутатов в России сразу превратились в Советы рабочих и солдатских депутатов, вовлекли в сферу своего влияния широчайшие народные массы и сразу получили громадный авторитет, потому что действительная сила была на их стороне, в их руках. Но когда либеральная буржуазия оправилась от неожиданности первых революционных ударов и когда социал-предатели, социалисты-революционеры и меньшевики помогли русской буржуазии взять власть в свои руки, значение Советов стало идти на убыль. Лишь после июльских дней и после неудачи корниловского контрреволюционного похода, когда самые широкие народные массы пришли в движение и когда вплотную надвигался крах контрреволюционного, буржуазно-соглашательского правительства, Советы рабочих депутатов стали вновь расцветать и вскоре приобрели решающее значение в стране.

4. История германской и австрийской революций показала то же самое. Когда широкие народные массы восстали, когда революционная волна поднялась особенно высоко и смыла твердыни монархии Гогенцоллернов и Габсбургов, в Германии и Австрии стихийно зародились Советы рабочих и солдатских депутатов. В первое время действительная сила была на их стороне, и Советы находились на пути к тому, чтобы стать фактической властью (Разрядка моя.— *А. Ш.*). Но как только, в силу целого ряда исторических условий, власть стала переходить к буржуазии и контрреволюционным социал-демократам, Советы стали хиреть и сошли на нет. В дни неудавшегося контрреволюционного мятежа Каппа — Лютвица в Германии на несколько дней стали опять возрождаться Советы, но, как только борьба вновь кончилась победой буржуазии и социал-предателей, эти начавшие поднимать голову Советы вновь захирели» [15].

Эти тезисы были выработаны при активном участии Ленина. Для нашей дискуссии представляет интерес положение из 4-го пункта тезисов об одинаковом характере возникновения Советов в России и в Германии, и прежде всего положение о том, что в Германии, пусть на короткое время, «действительная сила была на стороне Советов», «Советы находились на пути к тому, чтобы стать фактической властью». Для нас важно внимательно изучить эти зачатки образования пролетарской власти в Германии. Напомню высказывание Ленина от 21 января 1919 г. о том, что революция в Германии «сразу приняла «советские» формы» [16].

Безусловно правильно, что положение вещей в разных местах было весьма различным, но нельзя не учитывать и различие во времени и в данном случае упускать из виду первое время, когда «действительная сила была на стороне Советов» [17].

---

[15] «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М. 1932, стр. 111—112.

[16] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 409 (прим. перев.).

[17] «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1955, Heft 3.

Чтобы закончить с этим вопросом, сделаю еще замечание об одной работе, появившейся в Западной Германии. Я хочу опять подчеркнуть, что немецкие историки-марксисты еще недостаточно занимаются подробным исследованием движения за Советы в Германии. Иначе действуют псевдомарксистские историки в Западной Германии. Одним из доказательств этого служит изданная в 1954 г. в Дюссельдорфе Комиссией по истории парламентаризма и политических партий в Бонне книга Вальтера Тормина «Между советской диктатурой и социальной демократией. История советского движения в германской революции 1918—1919 годов»[18].

Два слова для характеристики этой книги. Судя по рекламе, распространяемой издательством, книга обещает осветить «главную проблему революции, происхождение, своеобразие, распространение, силу и влияние движения за Советы». Дальше говорится дословно: «В противоположность существующему взгляду, что возникновение рабочих и солдатских Советов в Германии было обусловлено заимствованием определенных форм русской революции и ленинских идей, [в книге] доказывается, что этот фактор имел ограниченное значение, наряду с двумя другими более давнего происхождения. Еще до русского влияния существовали похожие на Советы органы, которые развивались в германском рабочем движении уже с середины XIX в. и которые во время первой мировой войны, в ходе сотрудничества профсоюзов с правительством, приняли определенные формы: фабричных комитетов и рабочих камер в качестве профессиональных представительств.

В то время как обычно крушение политической идеи Советов, особенно крушение попытки второй революции в 1919 г., объясняют союзом народных уполномоченных с армией или же с корпусом добровольцев, Тормин приходит к выводу, что возникшие в ноябре 1918 г. рабоче-солдатские Советы никогда не понимались массами в духе ленинских идей, а должны были лишь охранять их интересы в новом государстве. Не применение военной силы определило характер молодой республики, а профсоюзно-реформистская традиция подавляющего большинства немецких рабочих».

Такова рекламная аннотация. Последняя фраза особенно хорошо позволяет отчетливо распознать политическую позицию автора, а весь приведенный текст дает объяснение целей, которые преследует эта книга. Извращение идеи Советов предпринимается главным образом для того, чтобы задним числом снять с социал-демократических палачей революции Носке, Эберта и компании вину за кровавые убийства, чтобы услужливо напомнить немецким монополистам о социал-демократии и профсоюзах как надежнейшей опоре и одновременно рекомендовать средство, которое в случае революционного кризиса может по пресловутому рецепту усмирить революцию.

Социал-демократические «врачи у постели больного капитализма» стараются произведениями подобного рода предохранить рабочих от восприятия основной идеи пролетарской революции. Если такой автор, инсценируя научную добросовестность и объективность — а в книге обильно цитируются и классики марксизма-ленинизма и ренегаты рабочего движения (последние, как известно, давно превратились в агентов монополистического капитала),— считает нужным извратить идею Советов, то, видимо, и нам пора более интенсивно, чем до сих пор, приняться за изучение столь важного вопроса, как вопрос о Советах. События в Венгрии осенью 1956 г. показали, что международная контрреволюция и ныне еще использует фальсификацию идеи Советов.

---

[18] W. Tormin. Zwischen Rätediktatur und sozialer Demokratie. Die Geschichte der Rätebewegung in der deutschen Revolution 1918—1919. Dusseldorf. 1954.

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ГОСКАПИТАЛИЗМА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР

(ПЕРЕГОВОРЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С А. П. МЕЩЕРСКИМ О СОЗДАНИИ ГОСКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ТРЕСТА)

П. В. Волобуев и В. З. Дробижев

Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила перед Коммунистической партией и рабочим классом России грандиозные задачи социалистического преобразования общества, и прежде всего ликвидации частнокапиталистической собственности на основные средства производства и замены ее собственностью общественной. Трудность решения этих задач состояла не только в новизне всего дела социалистического переустройства, но и в том, что его приходилось начинать в тяжелейших условиях продолжавшейся войны и экономической разрухи. Хотя основные вехи преобразования общества были давно определены марксистско-ленинской теорией, а некоторые практические меры намечены в программных документах большевистской партии накануне Октября, тем не менее ни конкретные формы преобразования, ни его темпы не были известны, пока рабочий класс не взялся за реализацию экономических целей социалистической революции. «Конкретного плана по организации экономической жизни,— говорил В. И. Ленин на заседании рабочей секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 декабря 1917 г.,— нет и быть не может.

Его никто не может дать. А сделать это может масса снизу, путем опыта. Будут, конечно, даны указания и намечены пути, но начинать нужно сразу и сверху и снизу» [1]. Рабочему классу, партии и Советскому государству предстояло выработать конкретные формы и методы перехода к социалистическому обобществлению промышленности.

В качестве одной из таких форм В. И. Ленин выдвинул использование пролетарским государством госкапитализма. Необходимость использования госкапитализма диктовалась всем объективным состоянием страны. Прогрессирующая разруха как результат империалистической войны и преступного хозяйничанья царизма и русской империалистической буржуазии, развал транспорта, финансовый кризис, разрыв хозяйственных связей привели к развязыванию сил мелкобуржуазной стихии, к дезорганизации даже тех зачатков государственного регулирования экономики страны, которые имелись в дореволюционной России. В условиях многоукладного народного хозяйства Советской России госкапитализм рассматривался В. И. Лениным как одно из средств борьбы с мелкобуржуазной стихией и подчинения ее государственному регулированию.

Выступая против «левых коммунистов», догматически отрицавших возможность и допустимость госкапитализма при диктатуре пролетариата, В. И. Ленин теоретически определил место и роль госкапитализма в тогдашней российской действительности и обосновал необходимость его использования Советской властью в интересах социалистического строительства.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 327.

Несмотря на то, что с первых дней революции быстрыми темпами создавался новый, социалистический уклад, В. И. Ленин в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», направленной против «левых коммунистов», писал, что «государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм» [2]. В сложной и тяжелой обстановке того времени задачи социалистического преобразования общества и восстановления разрушенных производительных сил переплетались воедино, повелительно диктуя Советской власти принятие неотложных мер к спасению России от катастрофы. Исключительное значение в деле социалистического преобразования нашей страны имела национализация промышленности. Но эта мера требовала предварительной подготовки. Советское правительство наряду с установлением рабочего контроля, как важнейшей переходной меры на пути к национализации промышленности, уже в ноябре 1917 г. начало заниматься выработкой конкретного плана национализации. Вместе с тем Советское правительство, осуществляя беспощадное военное подавление буржуазии, по инициативе В. И. Ленина решило привлечь отдельные группы капиталистов к сотрудничеству с Советской властью в области организации и налаживания производства, сохраняя за собой контроль и руководство.

Позднее, в октябре 1921 г., В. И. Ленин говорил по поводу этой политики, что именно Советское правительство предложило капиталистам: «Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования...» [3]. В этих словах заключена ленинская характеристика госкапитализма как метода мирного и постепенного преобразования капиталистических предприятий в социалистические.

Советское правительство было жизненно заинтересовано в том, чтобы при общественном переустройстве не только сохранить достигнутую высокую концентрацию производства и старые, налаженные экономические связи между предприятиями, но усилить и развить их дальше. Ленин считал, что Советская власть, рабочий класс, создавая новую, социалистическую экономику, должны опираться на достижения капитализма в деле концентрации и централизации производства, объединения крупнейших предприятий и организации учетно-распределительного и регулирующего аппарата. К тому же создание крупных хозяйственных объединений вытекало из необходимости принудительного синдицирования и трестирования промышленности. При отсутствии у пролетарского государства собственных хозяйственных кадров громадное значение приобретало использование буржуазных специалистов, усвоение опыта крупнейших организаторов капиталистической промышленности. С целью подготовки собственных командиров производства В. И. Ленин считал необходимым сотрудничество с буржуазными организаторами промышленности в рамках государственно-капиталистических предприятий. Он говорил: «Рабочий класс... научившийся тому, как наладить крупную, общегосударственную организацию производства, на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда... все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено» [4]. В. И. Ленин допускал возможность «своеобразного выкупа», который рабочие должны предложить самым культурным, талантливым, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 302.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 67.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 263, 306.

на службу Советской власти и добропорядочно помогать налаживанию крупного и крупнейшего «государственного производства». В. И. Ленин много раз подчеркивал не только возможность, но и необходимость для пришедшего к власти рабочего класса в отдельных случаях «откупаться» от буржуазии, хорошо заплатив капиталистам ради сохранения крупного и организованного производства [5]. Тем самым В. И. Ленин теоретически обосновал возможность таких форм госкапитализма, как смешанные предприятия.

Наряду с этим В. И. Ленин указывал на такие формы и проявления госкапитализма, как хлебная монополия (до военного коммунизма), подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры и т. п. [6]. В дальнейшем, в первый период нэпа, в произведениях В. И. Ленина и в решениях X партконференции и XI съезда партии были, кроме того, рекомендованы такие формы, как сдача предприятий в аренду и концессии, не получившие, однако, большого распространения [7].

Выдвинув задачу соединения методов беспощадного подавления капиталистов-саботажников, ни на какой «государственный капитализм» не соглашавшихся, с приемами компромисса или выкупа по отношению к капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь [8], Советское правительство, естественно, должно было с особенным вниманием отнестись к малейшим проявлениям стремления отдельных групп капиталистов к сотрудничеству с Советской властью.

В первые же дни после победы пролетарской революции Советское правительство пыталось войти в соглашение с частнокапиталистическими банками, которым были предоставлены крупные ссуды на финансирование предприятий [9]. К сотрудничеству во вновь созданных центральных учреждениях по управлению текстильной, кожевенной и некоторыми другими отраслями легкой промышленности были привлечены капиталисты-предприниматели. Им предоставили $^1/_3$ мест в этих учреждениях [10]. В феврале — марте 1918 г. советские хозяйственные органы вели переговоры с представительной организацией мукомолов — съездом мукомолов — о поручении им при наличии хлебной монополии права заготовок хлеба [11]. В январе 1918 г. ВСНХ объявил конкурс на проект создания единой хозяйственной организации заводов Урала, рассчитанный также на использование и привлечение организаторов капиталистического производства к делу реорганизации уральской промышленности. Поступившее в связи с этим предложение группы Стахеева об организации смешанного, то есть госкапиталистического, треста в марте 1918 г. рассматривалось в одном из отделов ВСНХ [12]. В тот же период Советское правительство или его местные органы вели переговоры по различным вопросам хозяйственного сотрудничества в рамках госкапитализма с рядом других групп предпринимателей.

Наиболее серьезной попыткой использовать госкапитализм были переговоры Советского правительства с группой капиталистов, возглавляемой А. П. Мещерским, о создании машиностроительно-металлургического треста (ноябрь 1917 — апрель 1918 г.). История этих переговоров представляет научно-исторический интерес. Она позволяет в известной мере показать то большое значение, которое придавали Коммунистическая партия и Советское правительство госкапитализму в социалистиче-

[5] См. там же, стр. 311, 312.

[6] См. там же, стр. 303.

[7] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7-е. Госполитиздат, стр. 574, 603—604; В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 325—328.

[8] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 311.

[9] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 348.

[10] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 265.

[11] См. «Народное хозяйство», 1918, № 2, стр. 24.

[12] Там же, стр. 19; № 3, стр. 48; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 3335, оп. 4, д. 5, л. 8.

ском преобразовании после победы Октябрьской революции, и вместе с тем дает возможность показать на конкретно-историческом материале причины неудачи широкого использования госкапитализма в нашей стране. Однако этот вопрос, как, впрочем, и вся проблема госкапитализма в СССР, крайне слабо исследован советскими историками и экономистами; они по большей части ограничивались лишь отдельными упоминаниями о ходе этих переговоров. Единственно цельное и во многом сохраняющее до настоящего времени свое значение краткое изложение этой темы дано Г. Цыперовичем [13]. В новейшей историографии переговоры с Мещерским трактуются упрощенно и односторонне. Обычно отмечается, что буржуазные дельцы, идя на переговоры о создании государственно-капиталистического треста, ставили перед собой задачу обмануть Советское правительство, нажиться за счет казны, затормозить национализацию и т. п. Так, в частности, пишет в своих, несомненно, ценных работах И. А. Гладков [14]. В содержательной статье А. А. Воронецкой «Организация ВСНХ и его роль в национализации промышленности» также говорится о проекте Мещерского и переговорах вокруг него, как о попытках некоторых групп капиталистов сохранить свои предприятия от национализации [15]. Все это, разумеется, правильно, но недостаточно. Указанные авторы обходят главное — вопрос о том, почему Советское правительство пошло на переговоры с Мещерским, какие оно преследовало цели, каково значение самого факта переговоров о сотрудничестве с отдельными группами капиталистов для выработки основ экономической политики молодого Советского государства.

Авторы настоящей статьи стремились в известной мере восполнить недостатки историографии данной темы и на примере переговоров с Мещерским охарактеризовать политику и практические шаги Советского правительства по созданию госкапиталистических предприятий в машиностроительной, металлургической и судостроительной промышленности. Большое значение имеет также освещение деятельности главы Советского правительства В. И. Ленина, повседневно занимавшегося вопросами организации народного хозяйства. Кроме того, авторы стремились показать, как Советская власть использовала подготовленные капитализмом материальные предпосылки, в данном случае мощное капиталистическое объединение — группу «Сормово — Коломна», для организации крупнейшего комплекса государственных машиностроительных заводов (так называемой «ГОМЗы»).

Статья написана на основе материалов архивов и прессы. Среди архивных материалов наибольший интерес представляет найденный в фонде ВСНХ Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства один из вариантов проекта «Национального общества» Мещерского. Из материалов прессы большую ценность представляют сообщения «Торгово-промышленной газеты» и отдельные публикации в журнале «Народное хозяйство» за 1919 г., воспроизводящие содержание документов А. П. Мещерского.

Заправилы крупнейших машиностроительных заводов Центрального промышленного района не случайно едва ли не первыми выступили с проектом создания государственно-капиталистического треста. Еще до Октябрьской революции на базе указанных заводов сложились мощные капиталистические объединения, среди которых ведущую роль играла группа «Сормово — Коломна». Образовалась группа в мае 1913 г., когда при содействии и под руководством Петербургского международного банка между Обществом Коломенского завода и Обществом «Сормово» была

[13] См. Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Л. 1927, стр. 386—392.

[14] См. И. А. Гладков. Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. М. 1956, стр. 85—86; его же. Введение к сборнику документов «Национализация промышленности в СССР». М 1954, стр. 41—42.

[15] «Исторические записки». Т. 43, стр. 22—23.

установлена «общность интересов» [16], закрепленная «личной унией» между членами правлений обществ. Металлургической базой для обоих заводов был Кулебакский железоделательный завод. В основе объединения лежали тесные производственные и коммерческие связи между Коломенским и Сормовским заводами и сотрудничество на началах известной кооперации и специализации. В дальнейшем, особенно в годы первой мировой войны, группа «Сормово — Коломна» получила еще более значительное развитие. Так, в 1916 г. в состав группы вошло Общество Белорецких железоделательных заводов, оказавшееся, по словам его руководителей, «в обязательных соотношениях» с Коломенским и Сормовским заводами [17]. Затем их составной частью стало Пермское лесопромышленное и торговое общество [18]. К группе примыкало также Общество Выксунских горных заводов и другие предприятия. К ноябрю 1917 г. группа «Сормово — Коломна» объединяла целый ряд тесно связанных между собою машиностроительных, металлургических и вспомогательных предприятий и превратилась в одну из самых мощных капиталистических монополий концерновского типа. На предприятиях группы, по нашим ориентировочным подсчетам, в 1917 г. работало в общей сложности около 60 тыс. рабочих [19]. Вся ее производственная и коммерческая деятельность направлялась волей одного лица — инженера А. П. Мещерского, директора-распорядителя всех входивших в группу предприятий. Мещерский представлял собою дельца вполне современного буржуазного типа, обладавшего организаторским талантом, гибкостью коммерсанта, мертвой хваткой матерого империалистического хищника и имевшего тесные связи в правительственных сферах. Как установила в ноябре 1915 г. специальная комиссия Особого совещания по обороне, обследовавшая Коломенский завод, Мещерский являлся «полновластным хозяином дела», пользовавшимся по доверенности правления «чрезвычайными полномочиями, совершенно устраняющими от дел само правление общества» [20]. Подобные же диктаторские права имел Мещерский и в отношении других предприятий общества. За спиной Мещерского неизменно стояли заправилы Международного банка, поддерживавшие его во всех действиях.

Таким образом, всем своим предшествующим развитием — объединением крупнейших заводов, тесными хозяйственными связями между ними, наличием специализации, хорошо по тому времени поставленным в больших масштабах производством, финансированием банковским капиталом, системой единого управления — промышленно-финансовая группа «Сормово — Коломна» была подготовлена к немедленному включению в русло нового хозяйственного строительства на госкапиталистических началах. Поэтому проект организации громадного государственно-капиталистического треста машиностроительных и металлургических заводов, выдвинутый в ноябре 1917 г. главой группы Мещерским, не мог не привлечь к себе внимания Советского правительства и его хозяйственных органов.

Во-первых, объединение на базе группы «Сормово — Коломна» крупнейших налаженных предприятий повышало уровень концентрации производства и облегчало его обобществление. В этой связи небезынтересно привести высказывание В. П. Милютина, одного из видных хозяйственных деятелей того времени, о целях, которые ставили перед собой руководящие советские органы в переговорах с Мещерским. В мае 1918 г. в беседе

---

[16] См. В. С. Зив. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Птрг. 1917, стр. 25; В. И. Бовыкин и К. Н. Тарновский. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 28—29.

[17] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 369, оп. 15, д. 6, л. 45.

[18] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области, ф. 2122, оп. 1. д. 250, л. 1.

[19] ЦГАОР и СС, ф. 1637, оп. 2, д. 2, л. 16.

[20] ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 59, л. 2.

с корреспондентом «Торгово-промышленной газеты» он сказал: «...Мы ставили своей задачей подготовить сначала образование того ядра крупнейших предприятий, национализация которых могла бы послужить переходной мерой к национализации промышленности в целом... Проект А. П. Мещерского был одним из тех опорных пунктов, который мы хотели использовать для создания основной группы в машиностроительной и металлургической промышленности...» [21].

Во-вторых, сотрудничество с группой капиталистов, владельцев паровозостроительных и вагоностроительных заводов, и их отказ от саботажа давали Советской власти возможность немедленно взяться за развитие паровозо- и вагоностроения как решающего условия восстановления транспорта, дошедшего к концу 1917 г. до крайней степени развала.

В-третьих, соглашение с группой Мещерского дало бы в руки Советского государства готовый учетно-контрольный и технический аппарат «Сормово — Коломна», позволило бы использовать технические и административные способности буржуазных специалистов. Через Мещерского Советское правительство, по сообщениям прессы, рассчитывало также получить финансовую ссуду и промышленное оборудование из-за границы [22].

Наконец, по-видимому, немаловажное значение имела и популярность в среде буржуазных деятелей самого Мещерского как одного из видных монополистических воротил и организаторов капиталистического производства. Несмотря на то, что Мещерский, говоря словами В. И. Ленина, был «архижуликом», он являлся одним из тех купцов, которые имели «дело с организацией производства и распределения для миллионов и десятков миллионов». У таких купцов Ленин призывал учиться организации производства [23].

Переговоры о создании на базе группы «Сормово—Коломна» государственно-капиталистического треста начались в ноябре 1917 года. Советское правительство на первой стадии переговоров допускало возможность создания треста как смешанного предприятия с участием частного капитала. Это необходимо подчеркнуть, так как В. П. Милютин в упоминавшейся нами беседе отрицал, что в ходе переговоров речь шла «о привлечении частного капитала», и доказывал, что вопрос стоял о привлечении «деловых и организаторских сил, выдвинутых частной промышленностью» [24]. Это заявление В. П. Милютина не согласуется со свидетельствами других лиц. Так, например, Ю. Ларин, являвшийся одним из видных хозяйственных работников и принимавший активное участие в переговорах, указывал, что осуществление проекта Мещерского в конце 1917 г. было бы «шагом вперед». Это означало, что создание смешанного предприятия позволило бы сразу же поставить на службу социалистическому строительству громадный производственный аппарат в решающих отраслях промышленности. Материалы ЦК профессионального союза металлистов также свидетельствуют о том, что проект объединения предприятий и участия в этом деле частного капитала получил поддержку руководящих рабочих центров. Судя по заявлению Ю. Ларина, только в марте — апреле 1918 г. в руководящих советских кругах в связи с изменившимися обстоятельствами пришли к выводу: «Речь может идти уже не о привлечении частного капитала (подчеркнуто нами.— *Авт.*), а лишь о поступлении самого А. П. Мещерского и других представителей его группы на государственную службу в роли организаторов и работников в государственном предприятии» [25]. Сообщения прессы также говорят о том, что на первой стадии переговоры велись на основе признания обеими сторонами смешанного характера учреждаемого тре-

---

[21] «Торгово-промышленная газета» № 14, 10 мая 1918 года.
[22] Там же.
[23] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 264.
[24] «Торгово-промышленная газета» № 14, 10 мая 1918 года.
[25] Там же.

ста [26]. По всей видимости, дело сводилось к согласованию долей участия частного и государственного капитала, а также прав рабочего контроля. Утверждение же В. П. Милютина, надо полагать, относится к последующей стадии переговоров, когда ходом событий и поведением буржуазии вопрос об участии частного капитала в проектируемом тресте был снят. Отрицание Милютиным намерения допустить к участию в тресте в известной пропорции частный капитал вызывалось, вероятно, влиянием борьбы против «левых коммунистов», демагогически обвинявших партию в уступках капитализму. «Левые коммунисты», в частности, считали ошибочным ведение переговоров с группой Мещерского [27].

Инициатива ведения переговоров исходила от Советского правительства. В беседе с корреспондентом «Торгово-промышленной газеты» в мае 1918 г. Мещерский определенно заявил: «В ноябре 1917 г. Народный комиссар труда Шляпников искал свиданий со мной, прислал ко мне своего секретаря, прося назначить день и час, когда он мог бы заехать ко мне, чтобы переговорить по интересующим его вопросам» [28]. Это утверждение Мещерского подтвердили В. П. Милютин и Ю. Ларин [29]. Шляпников же, разумеется, в данном случае действовал не по своему почину, а выражал точку зрения правительства. Начальный этап переговоров с Мещерским охватывает ноябрь 1917 — январь 1918 года. Переговоры происходили в Петрограде, в Народном комиссариате торговли и промышленности. Первое заседание состоялось 3 декабря 1917 года. «В одно из воскресений,— сообщал Мещерский,— я, по приглашению Шляпникова, приехал для беседы в Мраморный дворец, где застал целое собрание. Тут были Ногин, Смидович, Ларин...» [30]. Как видно из сохранившейся записи этого совещания, на котором обсуждался вопрос о демобилизации промышленности, Ю. Ларин выразил пожелание, чтобы промышленники каждой отрасли организовали синдикаты, с которыми «правительство могло бы столковаться» [31]. Судя по этой записи, подтверждаемой и заявлением Мещерского, в результате совещания ему и приехавшему вместе с ним одному из крупнейших акционеров Сормовского и Коломенского заводов, члену Совета съездов представителей промышленности и торговли Венгерову, было поручено составить проект треста [32]. За переговорами с Мещерским и его группой с самого начала внимательно следил В. И. Ленин, принявший в дальнейшем в переговорах личное участие. На упомянутой записи совещания имеется надпись: «Ленину» [33].

Вскоре после совещания Мещерский выработал проект создания крупного промышленного объединения под названием «Русское национальное общество объединенных металлургических, механических, машиностроительных, судостроительных, паровозостроительных и вагоностроительных заводов», или кратко — «Национальное общество», и представил его устав [34].

Таким образом, казалось, был достигнут несомненный успех: влиятельная группа капиталистов выразила готовность вести переговоры с Советским правительством о сотрудничестве и его формах. Однако если Советское правительство преследовало созидательные цели, то иные цели

---

[26] «Торгово-промышленная газета» № 20, 17 мая 1918 года.
[27] См. «Коммунист» (орган группы «левых коммунистов»), 1918, № 1, стр. 19.
[28] «Торгово-промышленная газета» № 22, 19 мая 1918 года.
[29] «Торгово-промышленная газета» № 14, 10 мая 1918 года.
[30] «Торгово-промышленная газета» № 22, 19 мая 1918 года.
[31] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 33, л. 24.
[32] Там же, лл. 24 — 28; «Торгово-промышленная газета» № 22, 19 мая 1918 года. Любопытно, что в ответ на предложение об организации синдикатов Мещерский заявил о неприемлемости синдикатов и высказался в пользу трестов, которые «не убивают творчества, а побуждают его и усиливают» Это говорит о том, что идея треста вынашивалась заправилами группы «Сормово — Коломна», выжидавшими случая для открытого выступления.
[33] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 1, д. 33, л. 1.
[34] Там же, ф. 3429, оп. 87, д. 48, л. 34.

были у Мещерского и стоявшей за ним группы промышленников и банкиров. Для них переговоры были маневром, при помощи которого они надеялись пережить трудное для русской буржуазии время и спасти от национализации свои предприятия. Главное, чем определялась тактика Мещерского и К°, состояло в том, что русская империалистическая буржуазия, тесно связанная с международным капиталом и поддерживаемая им, не могла примириться с мыслью об утрате своего политического и экономического господства. Утвердившуюся впервые в истории человечества, и при этом в одной стране, рабоче-крестьянскую власть буржуазия считала «эфемерным режимом» [35], вслед за скорым падением которого, по их мнению, последует реставрация старых порядков. Именно этой надеждой объяснялось то, что в основе всех проектов Мещерского лежал, по его собственным словам, «капиталистический принцип» [36]. Посмотрим, о чем свидетельствует, например, анализ содержания проекта устава «Национального общества» и пояснительной записки к нему [37]. В состав «Национального общества» «на началах полного слияния» должны были войти следующие предприятия и акционерные общества [38]: Общество Коломенского машиностроительного завода (заводы Коломенский, Кулебакский и Бачмановский [39]), Общество «Сормово», Общество Белорецких горных заводов, Общество Брянского завода, Новороссийское общество, Общество Выксунских горных заводов, Русско-Бельгийское металлургическое общество, Харьковский паровозостроительный завод Русского паровозостроительного и механического общества, Общество Симских заводов, Южно-уральский вагоностроительный завод, Луганский паровозостроительный завод Общества Гартман, Общество Ташинского чугуноплавильного завода, Инзерское общество, Комаровское общество, Златоустовский горный округ, Общество Трубопрокатных заводов (бывш. Шодуар), завод Гантке в Екатеринославе, тормозной завод Вестингауз в Петрограде, Пермское лесопромышленное общество, Общество Екатерининских каменноугольных копей, Общество Воскресенских антрацитовых копей и Каменноугольное общество Берестовой балки. По расчетам авторов проекта, трест должен был сосредоточить в своих руках до 75% отечественного паровозостроения и до 50% вагоностроения [40]. По нашим же подсчетам, сделанным на основании данных о выпуске паровозов в 1917 г., на долю предприятий, намеченных к включению в трест, приходилось 88% всего производства паровозов в 1917 году [41]. Достаточно сказать, что в состав треста намечалось включить важнейшие русские паровозостроительные заводы — Харьковский и Луганский (Гартмана), дававшие более половины общероссийского производства паровозов [42]. Трест получил бы прочную металлургическую и топливную базу, поскольку в его состав должны были войти самые крупные производители металла и угля — такие предприятия-комбинаты, как Русско-Бельгийское металлургическое общество, Общество Брянского завода, Новороссийское общество и другие. В 1914 г. на их долю приходилось около 30% выплавки чугуна и около 15% добычи

---

[35] Журнал «Промышленность и торговля», 1917, № 46, стр. 335.

[36] «Торгово-промышленная газета» № 22, 19 мая 1918 года.

[37] ЦГАОР и СС, ф. 3492, оп. 87, д. 48, лл. 34—49. Текст записки почти полностью приведен в журнале «Народное хозяйство», 1919, № 6, стр. 27—30.

[38] В связи с тем, что Мещерским было разработано и представлено несколько проектов организации треста и в них каждый раз количество предприятий-участников треста изменялось (от 14 до 20—22), мы на основании архивных источников и сообщений прессы даем наиболее полный перечень предприятий и обществ, на которые претендовал Мещерский (ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 87, д. 48, лл. 34—35; «Народное хозяйство», 1919, № 6, стр. 27—28; см. также Г. Цыперович. Указ. соч., стр. 387—389).

[39] В прессе и литературе ошибочно указан Богдановский завод.

[40] «Народное хозяйство», 1919, № 6, стр. 27.

[41] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 120, оп. 2, д. 12, л. 16.

[42] Там же.

угля на юге России [43]. Переход же к тресту крупных уральских предприятий, в том числе казенного Златоустовского горного округа, открывал перспективу создания второй мощной металлургической базы на Урале (до 20% довоенной выплавки чугуна) [44].

В проектируемом тресте предполагалось довести комбинирование производства в рамках одного предприятия до максимальной степени. Авторы проекта, кроме того, предусматривали возможность дальнейшего проникновения треста в другие сферы народного хозяйства (например, приобретение участков земли для организации собственного сельскохозяйственного производства с целью снабжения рабочих, занятых на предприятиях треста).

«Национальное общество» проектировалось Мещерским на акционерных началах с участием частного и государственного капитала. Из первоначального основного капитала в полтора миллиарда рублей государству должно было принадлежать только 33%, а остальные 66% акций — частному капиталу [45], причем, если государство свою долю должно было внести наличными, то вклад капиталистов должна была составить стоимость имущества предприятий. Хотя с самого начала Мещерский и связанные с ним капиталистические круги выдвинули принцип смешанного государственно-капиталистического предприятия, однако они стремились свести роль государства до минимума, сделав лишь некоторые уступки духу времени. Так, в проекте оговаривалось для формы, что правительство может выкупить акции, принадлежащие частным лицам, в возможность чего Мещерский, конечно, не верил, ибо он не был убежден в долговечности пролетарского государства. Но зато более важное значение имела другая оговорка: возможность приобретения частными лицами акций, принадлежащих государству. И на этот случай Мещерский заранее обеспечил себе и своей группе преимущественное право на покупку таких акций. «Владельцам акций, — говорилось в проекте, — принадлежащих частным лицам, предоставляется преимущественное право приобретения назначенных к продаже акций, принадлежащих казне, на льготных условиях» [46]. Вопрос о дальнейшем перераспределении акций предопределялся не только на случай распродажи акций, принадлежащих государству, но и при перепродаже акций, находящихся в частных руках, и при выпуске новых акций. «При следующих выпусках акций, и при реализации таковых в России или за границей, преимущественное право на приобретение оных, — указывалось в проекте, — имеют владельцы акций общества прежних выпусков, соответственно числу имеющихся у них акций» [47]. Как видим, по проекту, допускалось обращение акций «Национального общества» на заграничных рынках. Всеми делами должен был руководить Совет общества в составе не менее 10 и не более 16 членов, причем ⅔ из них выбирались бы акционерами-капиталистами, а ⅓ назначалась бы ВСНХ. От акционеров в Совет могли быть выбраны только крупные капиталисты, имевшие не менее тысячи акций. По проекту, государство ставилось в невыгодное положение: от него требовалось неограниченное финансирование и наряду с этим запрещалось иметь более 33% акций. Рабочий контроль в проекте низводился до осведомительных функций.

Позже Мещерский еще более раскрыл целенаправленность своего проекта. Так, в третьем его варианте выдвигалось условие, что Сормовские, Коломенские и другие остававшиеся ненационализированными за-

---

[43] Подсчитано по сборникам «Железная промышленность Южной России в 1914 г.». Харьков. 1916, стр. 59—60, и «Каменноугольная промышленность России в 1914 г.». Вып. II. Харьков. 1915, стр. XII.

[44] Подсчитано по журналу «Народное хозяйство», 1919, № 8, стр. 20.

[45] См. «Народное хозяйство», 1919, № 6, стр. 27.

[46] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 87, д. 48, лл. 34—49.

[47] Там же.

воды не будут национализированы до организации «Национального общества»[48].

С другой стороны, не веря в прочность новой власти, группа Мещерского спешила, пользуясь смятением в предпринимательском лагере, осуществить давно вынашиваемые планы создания могущественного монополистического объединения, прибрав к рукам при помощи государства предприятия своих старых конкурентов. Мещерский, например, намечал включить в трест Общество Выксунских горных заводов, которое незадолго до начала переговоров о создании треста перешло в сферу влияния другого мощного монополистического объединения — концерна Стахеева[49]. На Общество Брянского завода претендовал концерн Второва[50]. Точно так же Новороссийское общество в 1916 г. было приобретено Русским обществом для производства снарядов и военных припасов (Парвиайнен), входившим в военно-промышленную группу Русско-Азиатского банка[51]. Мещерский стремился прочно обосноваться на Южном Урале, прихватив в придачу к акционерным предприятиям и казенный Златоустовский горный округ.

В связи с этим нельзя не указать и на метод организации треста. Хотя в уставе говорилось о слиянии обществ, фактически (как отметили в своем письме в ВСНХ деятели синдиката «Продвагон») имелось в виду поглощение Сормовским и Коломенским обществами всех остальных предприятий[52]. Но Мещерский не думал остановиться на намеченных к включению в состав треста 20—22 предприятиях. В проекте устава (§ 4) специально оговаривалось право создания новых, зависимых от треста предприятий, приобретения акций других предприятий и проведения их объединения и т. д.[53].

Не случайно захватнические устремления Мещерского вызвали переполох в определенных монополистических кругах. Синдикат «Продвагон» обратился со специальной памятной запиской в ВСНХ и НКПС, в которой характеризовал проект Мещерского как «опасный эксперимент», в случае осуществления которого «целый ряд крупнейших предприятий будут обращены к обслуживанию интересов небольшого ядра предприятий, руководимых автором проекта»[54]. Сдержанное отношение проявил к проекту треста и Совет съезда представителей металлообрабатывающей промышленности, объединявший крупнейшие предприятия[55]. В перепалке между самими капиталистами были выявлены некоторые интересные моменты, оказавшие немалое влияние на ход переговоров. В частности, московскими промышленниками указывалось, что за спиной автора проекта стоят некоторые банки[56]. Хотя банки были национализированы, но влияние их заправил, несомненно, в первое время сохранялось, и надо полагать, что банкиры Петроградского международного банка по-прежнему направляли деятельность связанной с ними группы «Сормово — Коломна». Кроме того, выяснилось, что к действиям и проектам Мещерского имел касательство и иностранный капитал. Так, например, представители

---

[48] «Народное хозяйство», 1919, № 6, стр. 27, 30.

[49] Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 316, оп. 1, д. 85, л. 18, д. 176, лл. 63, 14, 23, 13. Отметим, что стахеевская группа критиковала проект Мещерского за стремление «насильственно выдернуть» отдельные металлургические предприятия («Торгово-промышленная газета» № 20, 17 мая 1918 года).

[50] И. Ф. Гиндин. Московские банки в период империализма. «Исторические записки». Т. 58, стр. 59.

[51] В. С. Зив. Указ. соч., стр. 4.

[52] ГИАМО, ф. 318, оп. 1, д. 2606, л. 101.

[53] ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 87, д. 48, л. 35.

[54] ГИАМО, ф. 318, оп. 1, д. 2606, л. 101. Любопытно, что заправилы «Продвагона» в письме от 22 января 1918 г. в ВСНХ со своей стороны изъявили согласие на «совместную работу» с правительственными органами и на участие в работе Совета синдиката «Продвагон» представителей советских государственных учреждений (там же, ф. 323, оп. 1, д. 1832, л. 34).

[55] Там же, ф. 318, оп. 1, д. 2605, л. 96.

[56] «Торгово-промышленная газета» № 3, 21 апреля 1918 года.

Московского общества заводчиков и фабрикантов на совещании с представителями ВСНХ 17 марта 1918 г. прямо говорили, что Мещерский является представителем немецких капиталистов. Московские заводчики высказывали предположение о возможности передачи Мещерским немецким капиталистам своего пакета акций [57]. Вероятность этого нельзя было не учитывать в связи с тяжелыми условиями только что заключенного Брестского договора [58]. Если же учесть, что в состав «Национального общества» должны были войти многие общества, принадлежавшие иностранным, главным образом франко-англо-бельгийским, капиталистам, то можно предполагать, что Мещерский был связан и с монополиями этих стран. Следует заметить, что вопрос о связях Мещерского с иностранными капиталистами, прежде всего с немецкими, нуждается в дополнительном исследовании.

Как свидетельствует А. Венедиктов, первый проект Мещерского, представленный ВСНХ, в принципе «первоначально встретил довольно сочувственное отношение со стороны руководителей последнего» [59].

Разумеется, советские директивные органы, зная истинную капиталистическую природу дельцов типа Мещерского, не заблуждались относительно их целей и намерений, хотя попытка установления сотрудничества пролетарской власти с группой капиталистов была предпринята впервые в истории рабочего движения. Но Советское правительство исходило из того, что под влиянием логики событий и прежде всего укрепления пролетарской государственности здравый практицизм капиталистов возьмет верх и они пойдут на деловое сотрудничество с советскими хозяйственными органами. Поэтому Советское правительство, проявляя гибкость и настойчивость в стремлении достигнуть соглашения с группой Мещерского, в то же время действовало твердо и непреклонно, отстаивая интересы победившего рабочего класса и ни в чем не поступаясь в коренных вопросах. В связи с этим, несмотря на трудное политическое и экономическое положение Советской власти, первый проект не был принят. Советские органы справедливо считали условия Мещерского невыгодными для пролетарского государства.

Насколько позволяют судить имеющиеся материалы, ВСНХ в своих контрпредложениях требовал предоставления государству 80% мест в Совете треста, оставляя остальные 20% акционерам-капиталистам [60]. Кроме того, советские представители не соглашались на ущемление прав рабочего контроля.

Вероятно, в декабре 1917 г. был составлен второй проект устава «Национального общества», где более подробно развивались основные положения первого. Единственная уступка, которую сделал Мещерский, — это предоставление Советскому государству половины мест в Совете общества. В январе 1918 г. Мещерский представил новый проект устава «Национального общества». В нем он вынужден был пойти на дальнейшие уступки, согласившись на предоставление государству 50% акций общества [61]. Но все же проект не утратил своей основной направленности: сохранение принципа капиталистической собственности, ущемление прав Советского государства, перекладывание на него расходов по финансированию треста.

---

[57] См. Г. Цыперович. Указ. соч., стр. 391—392. За спиной Мещерского стояли воротилы бывшего Петроградского международного банка, в котором, по данным П. В. Оля, до войны был заинтересован немецкий капитал, контролировавший около трети основных капиталов банка (П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. Птрг. 1922).

[58] При обсуждении этого вопроса в ВСНХ 14 апреля 1918 г. В. П. Милютин высказал опасение по поводу возможности перехода акций Мещерского к немецким капиталистам, которые могут предъявить их к оплате (ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 57, д. 306, лл. 79—80).

[59] «Торгово-промышленная газета» № 20, 17 мая 1918 года.

[60] ЦГИАЛ, ф. 126, оп. 1, д. 35, л. 44.

[61] См. «Народное хозяйство», 1919, № 6, стр. 30.

Проекты устава «Национального общества» были обсуждены Советским правительством при участии представителей массовых рабочих организаций. В частности, в обсуждении участвовали представители ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов, делегации Брянского и Русско-Бельгийского заводов [62].

Так, например, отдел регулирования промышленности при ЦК профсоюза металлистов на протяжении января месяца 1918 г. несколько раз возвращался к обсуждению проекта Мещерского. На заседании 29 января отдел принял решение о заключении соглашения с группой Мещерского. В этом решении указывалось на то, что соглашение позволит привлечь к сотрудничеству с Советской властью большую группу буржуазных специалистов. Отдел регулирования особенно подчеркнул важность технической стороны проекта, то есть комбинированное объединение предприятий. В то же время отдел настаивал на том, чтобы предприятия, уже национализированные к январю 1918 г. и намеченные к включению в «Национальное общество», остались бы по-прежнему общенародным достоянием [63]. Сразу же после обсуждения в отделе регулирования вопрос о переговорах с Мещерским был поставлен на заседании Центрального комитета союза металлистов. 31 января 1918 г. ЦК направил Комитету хозяйственной политики ВСНХ специальное отношение, в котором говорилось: «Способ государственного трестирования с участием предпринимательских сил считает по отношению к заводам, обслуживающим транспорт, более целесообразным, нежели немедленную национализацию предприятий, предполагаемых объединить в трест» [64].

Одобрив инициативу создания крупного промышленного объединения, Советское правительство вместе с тем ясно увидело истинный смысл планов Мещерского и отвергло домогательства о сохранении капиталистической собственности. Оно в ходе первого этапа переговоров показало несостоятельность надежд Мещерского обмануть государство и, прикрываясь переговорами, сорвать рабочий контроль на своих предприятиях, упрочить позиции своей группы. Ввиду этого проект Мещерского не был окончательно утвержден, хотя Советское правительство решило продолжить с ним переговоры.

Второй этап этих переговоров приходится на март — апрель 1918 года. К этому времени обстановка в стране резко изменилась: Советская Россия вышла из войны и получила возможность сконцентрировать внимание на строительстве основ социалистической экономики; открытый саботаж буржуазных специалистов был сломлен, на предприятиях установлен и упрочен рабочий контроль. Были созданы и укреплены Советы народного хозяйства в большинстве промышленных районов. В центре всем экономическим строительством руководил ВСНХ. Под руководством Советского правительства к весне 1918 г. была проведена национализация ряда крупных промышленных предприятий, в том числе тех из уральских заводов, которые по проекту Мещерского должны были войти в состав треста. У рабочих уже появился некоторый опыт управления национализированной промышленностью.

Но и в новых условиях капиталисты не отказались от борьбы против Советской власти. Влиятельные группы промышленной буржуазии не хотели идти на сотрудничество с Советской властью в рамках госкапитализма. Напротив, они перешли к таким острым средствам, как тайный саботаж и подготовка вооруженной борьбы. «Нам,— говорил В. И. Ленин,— был поставлен вопрос о самом нашем существовании» [65].

Одним из организаторов этого явного и скрытого саботажа оказался Мещерский. Руководимое им правление общества пыталось закрыть за-

---

[62] «Торгово-промышленная газета» № 14, 10 мая 1918 года.
[63] ЦГАОР и СС, ф. 5469, оп. 2, д. 45, л. 1.
[64] Там же, д. 49, л. 32.
[65] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 67.

воды, тайно вывозило сырье, чтобы остановить производство. Еще 20 ноября 1917 г. Московское правление обществ Коломенского и Сормовского заводов направило на предприятия специальное письмо за подписью А. П. Мещерского, в котором предлагало с 10 декабря 1917 г. остановить производство на всех заводах общества. В этом письме рабочим ставился ультиматум — работа на заводах может быть продолжена только при условии: «1) прекращения политической борьбы внутри заводов и недопущения насилий и террористических актов по отношению к служащим администрации; 2) утверждения новых цен на заказы; 3) возобновления правильной работы банков, снабжения заводов средствами от казны» [66]. Только благодаря активной борьбе рабочих попытки правления остановить производство не удались. Особенно упорно правление Общества пыталось дезорганизовать работу органов рабочего контроля. 29 марта правление Общества «Сормово — Коломна» направило в ВСНХ отношение, в котором просило ограничить функции контрольно-хозяйственных комиссий на их заводах только осведомлением [67]. Мещерский в апреле 1918 г. на объединенном заседании правления и контрольно-хозяйственной комиссии заявил: «Полномочия, выданные контрольно-хозяйственной комиссии, являются не контролем, а вмешательством в дела управления. При таком условии продолжать дальнейшую работу в качестве директора-распорядителя отказываюсь» [68].

Подлинное лицо Мещерского как саботажника и контрреволюционера особенно ясно было видно рабочим заводов группы «Сормово — Коломна», которые в связи с этим начали выступать против организации государственного капиталистического треста по проекту Мещерского. Еще в самом конце февраля 1918 г. совещание представителей рабочих организаций Коломенского завода приняло решение: «Немедленно возбудить ходатайство перед всеми центральными организациями и Советом Народных Комиссаров об изъятии Коломенского завода из рук акционерного общества и передаче его в достояние Российской республики». Аналогичную резолюцию принял общезаводской комитет Сормовского завода 17 апреля 1918 г.: «Протестовать всеми силами против проекта Мещерского о трестировании заводов, отстранить господина Мещерского от управления заводами и, если требуется, привлечь всю компанию к законной ответственности. Добиваться от ВСНХ национализации Коломенских, Сормовских, Кулебакских и других заводов» [69]. Рабочие уральских заводов, которые, по проекту Мещерского, должны были войти в «Национальное общество», также решительно выступили против проекта Мещерского, за социалистическую национализацию промышленности и организацию рабочего управления на предприятиях. На втором съезде национализированных предприятий Урала заместитель председателя областного правления национализированных предприятий Урала большевик А. А. Кузьмин говорил: «В связи с выступлением господ Мещерских и К° мы должны осветить, что господа Мещерские — это одно, а социалистический трест — это другое. ...Мы должны отмежеваться от господ Мещерских, проникнутых стремлением возродить капиталистический строй» [70]. Рабочие, таким образом, не только отвергали план Мещерского, но и предлагали свой план объединения социалистических предприятий. Они направляли в Москву свои делегации для участия в переговорах с Мещерским.

Руководители Советского правительства и прежде всего В. И. Ленин чутко прислушивались к настроениям рабочих масс. Это обстоятельство наряду с общим упрочением Советской власти в стране и разоблачением

---

[66] Государственный архив Горьковской области (ГАГО), ф. 713, оп. 1, д. 21, л. 24.
[67] ЦГАОР и СС, ф. 6860, оп. 1, д. 309, лл. 87—88.
[68] ГИАМО, ф. 318, оп. 1, д. 2604, л. 10.
[69] «Национализация промышленности в СССР», стр. 353.
[70] Архив Свердловского филиала Института марксизма-ленинизма, ф. 41, оп. 1, д. 62, л. 174.

двурушнической политики Мещерского обусловило коренной поворот в ходе переговоров. Советское правительство заявило, что не может быть и речи о привлечении частного капитала в проектировавшееся объединение машиностроительных заводов. Мещерскому и его группе было предложено пойти на службу к Советской власти в качестве организаторов производства [71].

Изменение обстановки почувствовал, по-видимому, и Мещерский. Он пошел на уступки Советскому правительству во время мартовско-апрельских переговоров. Мещерский соглашался теперь на предоставление государству всего капитала общества. Однако и по новому проекту Мещерский настаивал на сохранении акционерной формы треста и выговаривал себе так называемые долговые обязательства, обеспеченные 20% акций. Эти акции должны были храниться в кассе треста и могли быть обменены на долговые свидетельства в тот момент, когда правительство решило бы выпустить свои акции на рынок [72]. Следовательно, Мещерский шел на уступки очень неохотно, отступал медленно и на всех этапах переговоров стремился оставить за собой и своими партнерами по тресту право собственности, хотя бы частичное, на предприятия треста. Он до самого конца переговоров рассчитывал на то, что Советское правительство будет свергнуто или будет вынуждено отказаться от планов национализации промышленности и Россия встанет на обычный буржуазный путь развития.

В марте Советское правительство еще предполагало, что Мещерский при определенных условиях пойдет на сотрудничество с Советской властью. Однако, учитывая предыдущий опыт переговоров, изменения в стране и требования рабочих, правительство все более и более склонялось к мысли об организации чисто рабочего управления заводами группы «Сормово — Коломна». 27 марта на заседании президиума ВСНХ в присутствии В. И. Ленина разбирался вопрос о тресте Мещерского. Докладчик Ю. Ларин сообщил, что в результате переговоров с Мещерским выяснилась необходимость создать правление целиком советское, а для привлечения технических и организационных сил треста целесообразно выдать группе Мещерского долговое обязательство на сумму 150 миллионов рублей. Президиум ВСНХ вынес решение о возможности и допустимости создания такого треста и продолжении переговоров с группой Мещерского [73].

В начале апреля 1918 г. В. И. Ленин на объединенном заседании ВСНХ, ЦК союза металлистов и ВЦСПС настаивал на полной национализации всех трестированных предприятий с тем, чтобы группа капиталистов, выдвинувшая проект, оказалась целиком на службе государства [74].

В это же время в Москву прибыли делегации Сормовского, Коломенского и Кулебакского заводов; на 11 апреля было назначено совместное заседание этих делегаций по вопросу об управлении заводами и их национализации. На заседание должен был прибыть В. И. Ленин. 11 апреля делегация общезаводского комитета Сормовского завода писала Ю. Ларину: «...считаем нужным напомнить Вам, что обсуждение нашего вопроса должно было состояться конфиденциально в присутствии определенного числа лиц, список которых был Вам вчера представлен, и заседание назначено было на 1 час дня, к какому времени должен был прибыть товарищ Ленин. К сожалению, план наш расстроился, и поэтому просим Вас вторично назначить заседание...» [75]. В тот же день вопрос о национализации заводов, входящих в группу «Сормово — Коломна», обсуждался при участии В. И. Ленина на объединенном заседании ВСНХ с представите-

[71] «Торгово-промышленная газета» № 14, 10 мая 1918 года.

[72] Там же.

[73] «Народное хозяйство», 1918, № 2, стр. 22.

[74] «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области» № 70, 12 апреля 1918 года.

[75] ГАГО, ф. 552, оп. 1, д. 18, л. 61.

лями Центрального совета профсоюзов и Центрального совета союза металлистов [76].

18 апреля 1918 г. Совет Народных Комиссаров единодушно решил отвергнуть проект Мещерского и провести полную национализацию заводов [77]. Вслед за тем, 14 апреля 1918 г., президиум ВСНХ принял решение окончательно прекратить переговоры с Мещерским и признал необходимым проведение национализации заводов его группы. 15 апреля на заседании представителей рабочих организаций всех трех заводов было принято решение: «Немедленно разъехаться по местам с целью освещения создавшегося положения и указать на необходимость национализации всех наших предприятий как на единственный выход для спасения этих заводов, так как только при переходе предприятий в руки государства дана будет возможность предпринять все необходимые меры в целях улучшения всех сторон заводской жизни» [78]. Как показывают материалы совещания членов Чрезвычайной следственной комиссии ВСНХ, назначенной для обследования Сормовского завода, и членов делегации Сормовского фабзавкома 19 апреля 1918 г., правление спекулировало товарами, разбазаривало государственные средства. Представители рабочих информировали о том, что администрация заводов уклоняется от выполнения своих обязанностей, что многие функции управления заводом вынуждены были взять на себя рабочие организации [79].

Попытка создания государственно-капиталистического предприятия в машиностроительной промышленности окончилась неудачей. Переговоры с группой Мещерского со всей очевидностью показали, что влиятельные капиталистические круги не хотели пойти на соглашение с Советским государством, на сотрудничество с ним в рамках госкапитализма, сделав ставку на контрреволюционный саботаж и на насильственное свержение рабоче-крестьянской власти.

В таких условиях Советское правительство решило пойти по пути создания государственного промышленного объединения, национализации заводов группы «Сормово — Коломна» и организации рабочего управления ими. Эти задачи выполнила конференция представителей национализированных и национализируемых металлургических заводов, которая открылась 12 мая 1918 г. в Москве. Конференция, приняв решение о немедленной национализации заводов, послала специальную делегацию к В. И. Ленину. Владимир Ильич, ознакомившись с решениями конференции и побеседовав с представителями рабочих, направил конференции письмо, в котором писал: «...я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверное, по моему мнению, будет единодушие в пользу немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности» [80]. По совету В. И. Ленина, конференция выбрала временный орган управления заводами, куда вошло по одному представителю от заводов, от ЦК союза металлистов, отдела металлов и горного отдела ВСНХ [81]. Но на самой конференции представители буржуазной технической интеллигенции (присутствовавшие с совещательным голосом) пытались встать на защиту проекта А. П. Мещерского и опорочить национализацию предприятий. Так, один из виднейших специалистов, профессор Кирш, заявил, что «управление всей промышленности будет уж совсем не под силу этой власти. Эти соображения заставляют нас, инженеров, высказаться против национализации, как мероприятия, гибельного для нашей промышленности» [82]. Интересы буржуазии активно поддержал также пред-

[76] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27. Примечания, стр. 555.
[77] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII. Изд. 3-е. Примечания, стр. 538.
[78] ГАГО, ф. 552, оп. 3, д. 9, л. 30.
[79] Там же, д 3, лл. 36—37.
[80] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 352.
[81] «Народное хозяйство», 1918, № 4, стр. 37.
[82] ГАГО, ф. 552, оп. 2, д. 151, лл. 11—29.

ставитель меньшевиков С. Е. Вейцман. Он усомнился в правомочности конференции решать вопросы национализации. Однако ни противодействие представителей буржуазии и части буржуазных специалистов, ни происки меньшевиков не могли затормозить национализацию предприятий транспортного машиностроения. Постановлению ВСНХ от 18 июня 1918 г. «О национализации заводов, входящих в финансовую группу «Сормово — Коломна», подлежали национализации Общество «Сормово», Общество Коломенского завода (с Кулебакским заводом), Товарищество Ташинского завода, Общество Белорецких заводов. Тем же постановлением им присваивалось название «Объединенные национальные машиностроительные заводы «Сормово — Коломна» [83]. Постепенно в это объединение было включено большинство заводов, связанных с группой «Сормово — Коломна». 5 ноября 1918 г. главное правление государственных машиностроительных заводов приняло решение о включении в состав промышленного объединения Бежецкого, Мытищинского и Рыбинского заводов. Постановлением ВСНХ от 19 ноября 1918 г. эти заводы, а также Тверской и Радицкий заводы были включены в группу «Сормово — Коломна», которая стала называться «Государственные объединенные машиностроительные заводы (ГОМЗа)» [84]. Так возникло мощное социалистическое объединение машиностроительных заводов. Оно принципиально отличалось от первоначальных проектов создания госкапиталистического треста и основывалось на социалистической национализации предприятий.

Главное правление ГОМЗы провело большую работу по коренной перестройке и использованию делового аппарата монополий транспортного машиностроения. ГОМЗа сыграла большую роль в мобилизации промышленности Советской России на разгром внутренней и внешней контрреволюции, в восстановлении народного хозяйства нашей страны.

Советский опыт использования госкапитализма в начальный период социалистического строительства имел и имеет международное значение.

Значение его прежде всего в том, что он указал на необходимость использования организационных форм и производственных связей, созданных предшествовавшим развитием капитализма, а также дал впервые в истории практический пример привлечения на службу пролетарскому государству буржуазных научно-технических сил. Ленинские указания о роли и значении госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата явились теоретической основой для выработки конкретных форм использования госкапитализма братскими коммунистическими партиями стран народной демократии.

---

[83] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918, № 47, ст. 560.

[84] Там же, № 94, стр. 939.

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ И КОММУНУ НА СЕВЕРЕ ФРАНЦИИ в XII—XIV веках

А. В. Конокотин

Безразлично относясь к изучению истории антифеодального движения крестьянства в XII—XIV вв., французские буржуазные исследователи в лучшем случае занимались характеристикой состояния некоторых групп крестьянства в различное время, оставляя вне поля зрения важную и интересную страницу народной истории — борьбу крестьян за самоуправление и коммуну. Если городскому коммунальному движению посвящена обширная литература и изучение вопроса имеет даже свою историю, то в отношении деревенского самоуправления и деревенской коммуны этого сказать нельзя. Можно назвать всего лишь несколько работ, посвященных этим вопросам [1].

Чтобы составить представление о характере и уровне изучения этого вопроса во французской исторической литературе, надо указать на некоторые особенности соответствующих исследований, например, увлечение обследованием внешних, формальных, юридических моментов в истории деревенского коммунального движения. Подобный взгляд на коммунальное движение прекрасно выразил в своей работе Поль Виолле. Основная идея коммуны, по мнению автора, может быть сведена к «праву группы жителей иметь уполномоченных или постоянных представителей» [2].

Заслуживает внимания определение задачи исследования, данное аббатом Лефевром в «Истории деревенских коммун кантона Дуллан». По словам Лефевра, при характеристике и описании отдельных коммун следует «предварительно сообщать многочисленные топографические данные... далее рассказать об исторических фактах, относящихся к коммуне; затем кратко сообщить о современном положении и, наконец, завершить все описание приложением списка имен мэров и кюре» [3]. Исследования о коммуне в деревне характеризуются и другой особенностью, а именно стремлением умалить значение этого движения в истории феодального общества и всячески принизить активность и инициативу крестьян. Подобная тенденция находит выражение либо в попытке отнести коммуну деревенского типа к числу городских, либо в стремлении отказать крестьянам в способности самостоятельно бороться за коммуну и приписать инициативу ее создания городу и сеньеру. По мнению Кантена, издателя картулярия для департамента Ионна, появление коммун в деревне свидетельствовало о покровительстве и инициативе сеньеров, нежели о сво-

---

[1] Th. Lefevre (l'abbé). Histoire des communes rurales du canton de Doullens. «Mémoires de la société des antiquaires de Picardie». T. IX. Amiens. 1887, pp. 59—252; Paul Thiron. Les échevinages ruraux aux XIIe et XIIIe siècles dans les possesions des églises de Reims. «Etudes d'histoire du moyen âge dédiées à Gabriel Monod». Paris. 1896, pp. 317—328; André L'Eleu. Des communautés rurales dans l'ancienne France jusqu'à la fin du XIII siècle. Paris. 1896; Louis Bigard. Contribution à l'étude des communes rurales et des franchises communales dans la prévoté de Paris. Pontoise. 1927; Robert Gaston. L'abbaye de Saint-Thierry et les communautés populaires au moyen âge. Extrait des travaux de l'Académie Nationale de Reims. 1927—1928. T. 142; Ach. Luchaire. Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. Paris. 1911; G. Bourgin. La commune de Soissons et le groupe communal soissonnais. Paris. 1909.

[2] P. Viollet. Les communes françaises au moyen âge. Paris. 1900.

[3] Th. Lefevre. Указ. соч., стр. 60—61.

боде действия самих крестьян[4]. Буржен рассматривает происхождение коммун в городе и деревне Суассонского района как результат перенесения сюда хартии Суассона[5]. Деревенские коммуны, сумевшие избежать разрушения, указывает Люшер, обычно возникали вблизи больших городских центров, без содействия и помощи которых им трудно было бы появиться и сохранить себя[6]. Французские буржуазные авторы, таким образом, принижают инициативу и роль крестьян в борьбе за коммуну.

Что же представляло собой движение крестьян за самоуправление? Каковы были условия и причины его возникновения? В каких связях и отношениях оно находилось с городом, с коммунальным городским движением?

Остановимся прежде всего на характеристике имеющихся источников. Насчитывается всего несколько десятков (около 60 единиц) хартий, рассказывающих с различной степенью полноты о возникновении самоуправления и коммун более чем в 120 населенных пунктах деревенского типа. Наиболее ранний из документов относится к 1167 г.[7], а самый поздний — к 1333 году[8]. Большее число хартий принадлежит селениям, которые расположены в пределах современных департаментов Эна (68 селений), Кот д'Ор (20 селений), Марна (9 селений) и Сомма (около 10 селений). Для характеристики селений департаментов Об, Верхняя Марна, Уаза, Сена и Марна, Ионна мы располагаем единичными грамотами.

Несомненно, это лишь некоторая часть источников, отметивших отдельные случаи борьбы крестьян за самоуправление; их число в действительности было намного больше. Достаточно сослаться на аббата Лефевра, обнаружившего только на территории кантона Дуллан (департамент Сомма) для периода XII—XIV вв. существование 30 с лишним коммун, из которых большинство относится к коммунам деревенского типа. Известно, что в XII—XIII вв. на севере Франции имели место деревенские общины, пользовавшиеся хартиями, составленными по образцу хартии Бомона[9]. В течение этого времени крестьяне, несомненно, пытались создавать коммуны во многих пунктах Северной Франции. И если, тем не менее, источники об этом не всегда говорят, то это объясняется обычно кратковременностью существования коммун или же подавлением движения в зародыше[10].

Было бы неверным полностью игнорировать роль города в истории возникновения самоуправления в деревне. Город и деревня были связаны между собой различными отношениями. Города долго находились в обстановке, близкой к условиям существования деревни. В XII—XIII веках связь с сельским хозяйством, занятие земледелием, виноградарством и скотоводством были широко распространены даже в таких крупных центрах, как Париж, Реймс и Орлеан. Город пополнялся за счет крестьян, бежавших из деревни. Город-коммуна нередко наделялся правом остав-

---

[4] «Cartulaire général de l'Yonne». Publiés par Max. Quantin. Vol. I. Introduction. Auxerre. 1854, p. XXXII. В этой связи небезынтересно напомнить замечание О. Тьерри, сделанное им в очерке, посвященном истории Везелейской коммуны. «Что значили все эти маленькие общества горожан, разбросанные там и сям, как оазисы в пустыне, в массе крестьянского населения, тогда еще слишком грубого и невежественного, чтобы сочувствовать тем, кто восставал против рабства?» (О. Тьерри. Городские коммуны во Франции в средние века. СПБ. 1901, стр. 236).

[5] G. Bourgin. Указ. соч., стр. 215—399, passim.

[6] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 76.

[7] «Cartons des rois». Publiés par J. Tardif. Vol. I, № 604. Paris. 1866; Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 79 (где говорится о создании коллективной коммуны с центром в Bruyères в 1129 г., департамент Эна).

[8] «Chartes de communes et d'affranchissements en Bourgogne». Publiés par Garnier (в дальнейшем — «Chartes de communes...»). Dijon. 1867—1877. Vol. II, pp. 477—478, а также стр. 285—294 (1386. Couchey, департамент Кот д'Ор), где рассказывается о судьбе самоуправления, возникшего здесь в 1270 году.

[9] «Loi de Beaumont». Publiés par Arbois de Jubainville. «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes». T. 2, Paris. 1851, p. 248

[10] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 75.

лять у себя беглых крестьян, проживших в городе в течение года и одного дня. Многие из хартий Бургундии признавали за коммунами право принимать в свою среду постороннего человека, искавшего у них защиты и убежища [11].

Привилегии и юрисдикция городской коммуны распространялись иногда не только на пригороды, но и на окружающие деревни. Крестьяне, населявшие такую территорию, называемую банлье, пользовались равными правами с жителями города. Города-коммуны стремились к расширению границ банлье, в то время как сеньеры хотели их сузить. Естественно, что сервы, жившие вне пределов привилегированной территории, старались перейти на коммунальную землю, чтобы получить там относительную безопасность и свободу. Городские власти, со своей стороны, поощряли тягу крестьян к переселению на коммунальную землю [12]. О размерах этого движения достаточно красноречиво говорят попытки феодалов ограничить прием новых членов коммунами и привилегированными городами. В хартии весьма часто вводился особый пункт, запрещавший крестьянам, как крепостным, так и свободным госпитам, поселяться в городской коммуне, а последней — принимать их в свою среду [13].

Незавершенность и неполнота процесса отделения города от деревни находят выражение и в требованиях горожан, боровшихся за коммуну. В число их требований всегда включались пункты, близкие по своему характеру и к требованиям крестьян. Хартии освобождения городов касались не только самоуправления, на которое французские историки обратили главное внимание, но и вопросов социально-экономической жизни. Города стремились сбросить ярмо крепостничества, освободиться от «мертвой руки» и «брачной» повинности (formariage), устранить произвол сеньера в области взимания ренты, упрочить свои права на землю и другую недвижимость [14].

Хартия о предоставлении привилегий, дарованная в 1196 г. городу Блуа, не только ликвидировала крепостничество (joug de la servitude), барщину и произвольную талью, но и превратила держания (tenures) горожан в собственность (leur propriété). Вместе с этим хартия расширила имущественные права и личную свободу жителей города. «Кто хочет продать свои имущества,— говорится в этой хартии,— тот может это сделать. Кто хочет уйти из города, может свободно это сделать, если только не совершил преступления» [15].

Из хартий и парламентских актов видно, что городские власти привлекали иногда крестьян окрестных деревень к работам и несению расходов на городские нужды. Судя по парламентскому расследованию 1257 г., жители Перонна заставляли окружающие деревни принимать участие в

---

[11] Там же, стр. 73—74; «Chartes de communes...». Vol. I, p. 12.

[12] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 71.

[13] «Cartulaire général de l'Yonne» (в дальнейшем «CY»). Vol. II. Auxerre. 1860, p. 462 (1194, Auxerre, департамент Ионна); «Chartes de communes...». Vol. II, p. 95 (1228, Montréal, департамент Ионна); «Documents relatifs au comté de Champagne et de Brie» (в дальнейшем «Documents relatifs...»). Vol. II. Paris. 1904, p. 93 (1226. Bray-sur-Seine, департамент Сена и Марна); «Ordonnances des rois de France» (в дальнейшем «Ordonnances...»). Vol. XI, p. 279 (1200. Villeneuve en Beauvaisis, департамент Уаза); vol. XII, p. 298 (1222. Beaumont-sur-Oise, департамент Сена и Уаза) и т. д.

[14] «Ordonnances...». Vol. XI, pp. 186, 246 (1128. Laon, департамент Эна); «Documents relatifs...». Vol. II, p. 101 (1222, Meaux, департамент Сена и Марна), p. 55 (1231. Bar-sur-Seine, департамент Об); «CY». Vol. II, p. 460 (1194. Auxerre, департамент Ионна);p. 241 (1172. Villeneuve l'Archevèque, ibid.), p. 260 (1174, Tonnerre, ibid.); «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 479—481 (1340. Grancey-le-Chateau, департамент Кот д'Ор).

[15] Цит. по J. Soyer. La communauté des habitants de Blois. «Moyen Age» T. VI 1893, p. 258; см. аналогичные случаи: «CY». Vol. II, p. 461 (1194. Auxerre, департамент Ионна); p. 241 (1172. Villeneuve l'Archevèque, ibid.); «Chartes de communes...». Vol. II, p. 440 (1369. Is-sur-Tille, департамент Кот д'Ор); «Documents relatifs...». Vol II, p. 32 (1231. S. Florentin, департамент Ионна); p. 40 (1231. Villemaur, департамент Об); p 57 (1231. Bar sur Seine, ibid.); p. 77 (1230. Provins, департамент Сена и Марна); «Ordonnances...». Vol. XI, p. 255 (1188. Pontoise, департамент Сена и Уаза).

работах по укреплению и приведению в порядок городских рвов [16]. В 1318 г. жители Шалон-сюр-Марн пытались распространить на крестьян соседней деревни штраф, наложенный на горожан за неподчинение прево и совершение различных несправедливостей [17]. Иногда сеньеры, уступая привилегии городу, распространяли их и на окрестные деревни. Так, хартия, дарованная в 1182 г. городу Бомон [18], предоставляла свободное пользование водами и лесами не только жителям города, но и крестьянам двух прилегающих деревень [19].

В таких условиях город стремился вовлечь окрестное крестьянство в борьбу против сеньеров, опереться на поддержку крестьян. В 1137 г. жители г. Везелей потребовали от местного аббатства уменьшения ренты, строгой ее фиксации и освобождения от «мертвой руки». Чтобы заставить сеньера уступить, горожане создали тайный союз (conspiratio contra ecclesiam) и вовлекли в него крестьян соседних деревень [20].

В 1265 г. имел место спор у г. Корби с сеньерами по поводу деревни Фуйуа, которую корбийские горожане считали частью своей коммуны [21]. В 1268 г. конфликт вылился в весьма острую форму. Горожане попытались охватить деревню коммунальной юрисдикцией. Мэр города предложил деревенскому старосте определить границы территории, подсудной городской коммуне, и в случае противодействия сеньеров рассчитывать на помощь горожан. Когда эта помощь потребовалась, из города в Фуйуа направились многие из корбийских горожан (plures de communia), вооруженных и с палками в руках (cum armis et baculis). При содействии горожан крестьяне восстали против корбийского монастыря, своего сеньера и потребовали создания коммуны у себя [22]. Таким образом, корбийские горожане использовали поддержку деревни в целях укрепления своей собственной коммуны. Та же практика использования крестьян в борьбе города за независимость имела место в ряде городов Шампани, о чем рассказывают документы, относящиеся к графству Шампань и Бри [23].

Подобные отношения города и деревни, тем не менее, не дают права исходить при объяснении движения крестьян за самоуправление из подражательного его характера. Центр тяжести при объяснении причин этого явления следует искать не в городе, а в деревне. В основе коммунального движения в деревне, как мы покажем ниже, лежало прежде всего стремление ослабить феодальную эксплуатацию и тем самым изменить к лучшему свое личное положение и состояние своего хозяйства. Желание успешнее решить эти задачи вызывало у крестьянина одновременно стремление передать решение общих деревенских дел своим представителям, поручить сбор и раскладку ренты своим доверенным лицам. Борьба против феодальной эксплуатации дополнялась, таким образом, борьбой за самоуправление.

Следует заметить, что даже в пору наибольшего бесправия крестьян и господства крепостнических порядков деревня сохраняла элементы са-

---

[16] «Les Olim ou Registres des arrêts rendus par la cour du roi...» (в дальнейшем «Olim»). Publiés par Beugnot. Paris. 1839. Vol. I, p. 13 (1257, департамент Сомма; ad mundandum sive vacuandum fossatum de Perona»); см. также: «Actes du Parlement de Paris» (в дальнейшем — «AP»). Publiés par Boutaric. Vol. I. № 99. Paris. 1863.

[17] «Olim». Vol. III, pp. 1242—1243 (1318, департамент Марна).

[18] Ed. Bonvalot. Le tiers état d'après la charte de Beaumont et ses filiales. Paris. 1884, p. 129.

[19] «Loi de Beaumont», p. 250.

[20] «CY». Vol. I, p. 318 (1137. Vézelay, департамент Ионна); «burgenses interim adversum nos et ecclesiam nostram conspirationis inter se confederationem fecerunt, et rusticos nostros de pluribus villis nostris sibi in ea conspiratione...».

[21] «AP». Vol. I, № 904, № 920 (1265, Fouilloy, департамент Сомма).

[22] «Olim». Vol. I, pp. 268—269 (1268) или «AP». Vol. I, № 1262; см. также другие случаи использования городами окрестных деревень в борьбе за коммуну: «Olim». Vol. I, pp. 21—22 (1257); Vol. II, pp. 328—329 (1291).

[23] «Documents relatifs...». Vol. II, p. 379 (1328—1329, департамент Об): «villemor et les villes appendans»; p. 421 (1332. S. Florentin, департамент Ионна): «villes appartenans à la dite commune».

моуправления, оставшиеся от времени существования общины. Было, например, обычным назначать сеньером старосту и деканов из числа крестьян. Деревня с крепостным населением могла участвовать в судебных тяжбах с сеньерами и раскладывать в своей среде денежные взносы для покрытия расходов по процессу [24]. В ряде деревень крестьяне пользовались правом избирать своих представителей для участия в раскладке и сборе тальи [25], назначать и содержать на собственные средства лесничих [26].

Сельский церковный приход из крестьян одной и реже нескольких деревень представлял собой в XIII в. организацию, проявлявшую инициативу при решении некоторых чисто церковных вопросов. Прихожане могли сами возбудить перед церковными властями вопрос о постройке капеллы ввиду отдаленности приходского храма [27]. Приход мог поддерживать и обновлять сельскую церковь на средства, собранные у крестьян [28].

Наличие в деревне элементов самоуправления, представляющих собой остаток общинного устройства, не вызывает сомнений. В обстановке нарастающей борьбы крестьян за раскрепощение и создание иных, более благоприятных условий для развития своего хозяйства было вполне естественным стремление возродить и расширить сохранившиеся местами остатки общинного самоуправления. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал о том, что сохранение в пределах Северной Франции, как и в Германии и Англии, сельской общины (марки) давало «угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению» феодалам [29].

О самостоятельном характере крестьянского движения и его требований нередко говорит нам положение самой деревни, где происходила борьба. В ряде случаев события разыгрывались в таких пунктах, которые в силу отдаленности от города не могли испытывать большого влияния с его стороны и тем более не могли быть частью городской коммуны [30]. О том же свидетельствует и самый способ возникновения самоуправления. Мы допустили бы ошибку, если бы стали следовать за теми объяснениями происхождения самоуправления и коммуны в деревне, которые имеются в самих хартиях. Эти объяснения принадлежали сеньерам и выражали как бы официальный взгляд на ход вещей. Самоуправление и коммуна давались деревням не в силу добросердечия сеньера, желавшего облагодетельствовать своих крестьян [31], и не в результате смиренных и верноподданнических просьб самого крестьянства [32].

---

[24] H. Sée. Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge. Paris. 1901, p. 608; «Cartulaire del'église Notre-Dame de Paris» (в дальнейшем «ND»). Vol. II, Paris. 1850, p. 355 (1269. Epône, Mézières. департамент Сена и Марна); «Chartes de communes...». Vol. III, p. 446 (1312. Corcelles-les-Citeaux, департамент Кот д'Ор).

[25] «CY». Vol. I, p. 319 (1137. Vézelay, департамент Ионна): «Dicebant enim quod quatuor, quos ipsi (tam burgenses quam rustici) de se ipsis eligerent..., quando predicta tallia fiebat...».

[26] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 415 (1291—1292. Chaignay, департамент Кот д'Ор); «ND». Vol. II, p. 335—336 (1291. Viry-Noureuil, департамент Эна).

[27] О. А. Добиаш-Рождественская. Церковное общество Франции в XIII веке. СПБ. 1914, стр. 49. Автор, впрочем, несколько преувеличивает значение прихода (например, стр. 174).

[28] Яркий пример см. «CY». Vol. II, p. 466 (1195, Egriselles, департамент Ионна).

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 132.

[30] В качестве примера назовем деревни Isle sur Suippe (департамент Марна) или Bassoncourt и Meuvy (департамент Верхняя Марна).

[31] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 146 (1234. Argilly, департамент Кот д'Ор: «hominibus... talem franchisiam dedimus et concessimus»); p. 182 (1237. Aisey-le-Duc, Chemin-d'Aisey. ibid.); p. 351 (1275. Tat-la-Ville, ibid.); «Archives administratives de la ville de Reims» (в дальнейшем — «Arch. adm.»). Vol. I. T. 2. Paris. 1839, p. 706 (1248. Courceium, департамент Марна: «concessit eisdem hominibus seu mansionariis suis et heredibus, plenarie, libere et quiete, omnimodam libertatem seu franchisiam...»).

[32] «Arch. adm.». Vol. I. T. 2, p. 704 (1248, Courceium, департамент Марна: «quod ipsi. supplicassent humiliter et devote...»).

Коммуна возникала в результате борьбы, которую нередко можно проследить на протяжении десятилетий [33]. Легко устанавливаются два пути возникновения самоуправления в деревне. Один из них — открытая борьба, в источниках обычно называемая спором (discordia, lis, contentio, controversia) [34]. Таким было поведение крестьян Фрайкюр, которые в конце XII в. вели борьбу с сеньерами за уменьшение ренты и расширение прав своих эшевенов [35]. Крестьянам из Урси пришлось потратить много усилий, чтобы получить в 1301 г. согласие сеньера на фиксированную талью, добиться ликвидации произвола в отчуждении крестьянских имуществ, получить право избирать лесничего и сторожей (messiers) [36]. В 1219 г. деревня Мэньер (Maisniéres, департамент Сомма), находившаяся в зависимости от корбийского монастыря, объявила себя коммуной без согласия сеньера. Аббат, пытавшийся разубедить крестьян, был силой изгнан из деревни. К Мэньер присоединилась соседняя деревня, Тиллуа (Tilloi), жители которой захватили священника, грубо обращавшегося с ними. Эти события рассматривались третейским судом, составленным из церковных сановников. По приговору суда коммуна была распущена и крестьяне присуждены к штрафу в размере сотни марок [37]. В то же время в другой части Северной Франции (департамент Ионна) жители деревни Шабли (Chablis) объявили у себя коммуну. Последняя потребовала от крестьян клятву верности и учредила сбор на нужды самоуправления. Но ей не удалось укрепиться: войска бальи и местного графа быстро подавили движение [38].

Свое существование коммуны отстаивали в постоянных схватках с сеньерами, пытавшимися их ликвидировать. Так, коммуна, созданная в Брюйере в 1186 г., в последующие годы не раз вступала в острый конфликт со своими сеньерами по самым различным вопросам. В 1298 г. она вела спор с лаонским епископом, отстаивая неприкосновенность имуществ своих членов от «мертвой руки» [39]. В 1312 г. такой же спор возник у той же коммуны с администрацией короля [40].

Иным путем создавалось самоуправление, когда сам сеньер шел на уступки, чтобы избежать создания коммуны по инициативе крестьян. Действуя таким образом, сеньер подчинялся давлению крестьян. О страхе сеньеров перед открытыми выступлениями крестьян свидетельствуют обычные для многих хартий запреты крестьянам требовать и создавать коммуну [41]. «Мы желаем,— указывается в хартии реймской церкви для селения Фрайкюр,— чтобы вы не стремились и не желали создать у себя без разрешения церкви ни коммуны, ни тайного заговора». Жители Фрайкюр должны были принести клятву в том, что это требование ими будет соблюдаться [42].

Уступчивость сеньеров в вопросах самоуправления нередко поро-

---

[33] «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 193—206 (Ahuy, департамент Кот д'Ор). Хартии, характеризующие борьбу жителей этого селения, относятся к 1323, 1328, 1331, 1333, 1348 и 1350 годам.

[34] Там же, pp. 193, 443; «Layettes du Tresor des Chartes» (в дальнейшем — «Layettes»). Vol. III. Paris. 1875, p. 492; «Olim». Vol. III, pp. 98—99.

[35] «Arch. adm.». Vol. I. T. I, pp. 385—391 (1182); t. 2, pp. 454—456 (1203, Fraillicurt, департамент Марна).

[36] «Chartes de communes...». Vol. III, pp. 423—426 (1301. Urcy, департамент Кот д'Ор).

[37] «Recueil des monuments inédits de l'histoire du tiers état» (в дальнейшем «Recueil des monuments...»). Publiés par A. Thierry. Paris. 1850—1856. Vol. IV, p. 690.

[38] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 76.

[39] «AP». Vol. I, № 919 (1298. Bruyères, департамент Эна).

[40] «Olim». Vol. II, pp. 555—556 (1312).

[41] «Layettes». Vol. III, p. 493 (1259. Anizy-le-Château, департамент Эна): «Communiam vero vel aliquid quod sapiat communiam, in perpetuum non habebunt, nec habere poterunt propter aliquem usum...».

[42] «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, p. 386 (1181. Fraillicurt, департамент Марна): «Nullam communiam, nullas conjuraciones sine consilio remensis ecclesie a vobis presumi vel attemptari volumus et hoc modis omnibus prohibemus»).

ждалась боязнью потерять своих крестьян. Смягчением режима сеньер удерживал крестьян в пределах своего домена. Ценою льгот в вопросах самоуправления сеньеру удавалось также привлекать в свои деревни и крестьян из соседних доменов [43].

Анализ содержания хартий, рассказывающих о движении крестьян за самоуправление, убеждает нас в наличии весьма тесной связи между требованиями самоуправления и общими задачами крестьянской антифеодальной борьбы. Выдвигая требования о выборных и доверенных лицах, крестьяне одновременно добивались уменьшения и фиксации размеров ренты, устранения ее произвольного характера и уничтожения некоторых ее видов [44]. Мы не можем привести случая, когда бы в хартиях оставались незатронутыми вопросы ренты. Стремление освободить себя от произвола в вопросах взимания ренты наглядно проявляется в требованиях, касающихся произвольной тальи. Подобная талья в одних случаях уничтожалась совершенно, в других — заменялась фиксированным денежным платежом [45]. Хартии нередко отменяли либо нормировали барщину. В случае регламентации определялись не только отдельные виды барщины, но и устанавливалась продолжительность рабочего дня, определялся контингент лиц, обязанных нести барщину, и оговаривалась обязанность давать питание крестьянину во время выполнения работ [46].

Некоторые из хартий ограничивали баналитет и затрагивали вопросы, связанные с использованием леса и рыбными ловлями, внося в эту область больше определенности и несколько стесняя произвол. Хартии в одних случаях уточняли порядок пользования господскими печами, мельницами и виноградными прессами, в других — предоставляли крестьянам право иметь собственные печи и молоть зерно на мельницах по своему усмотрению [47]. Вместе с тем вносилась бо́льшая определенность в пользование лесными богатствами [48], хотя обычно хартии отказывали крестьянам в

---

[43] Там же. Vol. I, part. 2, p. 458 (1205, департамент Марна), pp. 907—910 (1270, ibid.); «Cartons des rois». Vol. I, № 604 (1167, департамент Эна); «Documents relatifs...». Vol. II, pp. 21—22 (1175, департамент Об).

[44] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 146 (1234. Argilly, департамент Кот д'Ор); p. 128 (1231. Changey, Echevronne, ibid.), pp. 182—183 (1237. Aisey-le-Duc, ibid.); p. 197 (1331—1333, Ahuy, ibid); pp. 334—335 (1272. Chanceaux, ibid.); pp. 338—339 (Ampilly-le-Sec, ibid.); pp. 351—352, 353 (1275. Tart-la-Ville, ibid.); p. 399 (1286. La Marche-sur-Saône, Mersey, ibid.); p. 477 (1333. Meuvy, Bassoncourt, департамент Верхняя Марна); «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, pp. 417—418 (1191. Thuizy, департамент Марна); part. 2, p. 526 (1223, Coulommes, ibid.); pp. 704—705 (1248, Courceium, ibid.); pp. 908—909 (1270. Folle Paina, ibid.); «Layettes». Vol. III, № 4558 (1259. Anizy-le-Château, департамент Эна); «Cartons des rois». Vol. I, № 604 (1167. Tavaux, Pontséricourt, департамент Эна); «Recueil des actes de Philippe Auguste». Vol. I. № 129. Paris. 1916 (1184. Crèpy, департамент Уаза).

[45] «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 299—300 (1257. Pontailler, департамент Кот д'Ор); p. 274 (1250. Vitteaux, ibid.); p. 444 (1314. S. Philibert-sous-Gevrey, ibid.); p. 319 (1265. Salmaise, ibid.); p. 340 (1274. Ampilly-le-Sec, ibid.); p. 478 (1333. Meuvy. Bassoncourt, департамент Верхняя Марна). Vol. III, p. 424 (1301. Urcy, департамент Кот д'Ор); «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, p. 418 (1191. Thuizy, департамент Марна); part. 2, p. 526 (1223. Coulommes, ibid.); «Layettes». Vol. III, p. 492 (1259. Anizy-le-Château, департамент Эна). Vol. V, № 2134 (1231. S. Memmie, департамент Марна); «Cartons des rois». Vol. I, № 604 (1167. Tavaux, Pontséricourt, департамент Эна).

[46] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 319 (1265, Salmaise, департамент Кот д'Ор); p. 183 (1237. Aisey-le-Duc; ibid.); p. 197 (1331—1333 Ahuy, ibid.); p. 331 (1272. Fresnes. ibid.); pp. 445—446 (1314. S. Philibert, ibid.); p. 400 (1286, Mercey, ibid.); p. 340 (1274. Ampilly-le-Sec, ibid.); p. 469 (1332—1333. Flagey-les-Gilly, ibid.); p. 477 (1333. Meuvy, Bassoncourt, департамент Верхняя Марна) etc.; «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 526 (1223, Coulommes, департамент Марна); part. 1, p. 418 (1191. Thuizy, ibid.); P. Thiron. Указ. соч., стр. 323 (1208. Attigny, департамент Марна).

[47] «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, p. 386 (1181. Fraillicurt, департамент Марна); part. 2, p. 526 (1223. Coulommes, ibid.); p. 705 (1248. Courceium, ibid.); «Layettes» Vol. V, № 2134 (1231, S. Memmie, ibid.), «Chartes de communes...». Vol. II, p. 404 (1286. Mercey, департамент Кот д'Ор); «Cartons des rois». Vol. I, № 604 (1167. Tavaux, Pontséricourt, департамент Эна).

[48] «Chartes de communes...». Vol II, p. 147 (1234. Argilly, департамент Кот д'Ор); pp. 320—321 (1265. Salmaise, ibid.); p. 333 (1272. Fresnes, ibid.); p. 445 (1314. S. Phi-

праве продавать переданный в пользование лес [49]. Если в хартиях затрагивался вопрос о водных пространствах и праве на рыбную ловлю, то, как правило, и здесь делались известные уступки: в пользование водами вносился некоторый порядок, исключавший сеньериальный произвол [50].

Особо важными в хартиях были уступки, касающиеся личного статуса крестьянина и положения его собственности. Как правило, крестьянин получал свободу от «мертвой руки» и «брачной» повинности (формарьяжа) [51]. Подобные уступки могли сопровождаться ограничениями, нередко очень существенными. «Мы освобождаем жителей селения Френ от мертвой руки,— указывается в хартии 1272 г.,— при условии, что имущество того, кто умрет без прямых наследников, перейдет в руки самых близких родственников, проживающих в том же селении» [52]. В то же время жители указанного селения облагались произвольной тальей, которая была характерна для крестьянина-серва [53]. В хартии 1259 г. о правах и обязанностях жителей Анизи-ле-Шато (Лаонское епископство) освобождение от «мертвой руки» и формарьяжа сопровождалось оговоркой, что браки с лицами, жившими вне границ селения, влекут за собой имущественные ограничения для всех вступивших в такой союз [54].

Хартия 1274 г. разрешала жителям деревни Ампилли-ле-Сек женить и выдавать замуж своих детей внутри и вне селения и давать в качестве приданого движимое и недвижимое имущество. Эта льгота не распространялась на крепостных крестьян, принадлежавших аббатству, являвшемуся другим сеньером этой деревни [55]. Освобождение от «мертвой руки» и формарьяжа или же некоторое смягчение этих повинностей не означали предоставления полной свободы, ибо за сеньером сохранялись юрисдикция и dominium [56], право на взимание capitagium или же capitalis census, выплата которого являлась свидетельством зависимого положения крестьянина [57].

Вместе с этим ослаблялось и применение различных правил, связывавших свободу передвижения крестьян, утрачивало свое прежнее значение прикрепление к земле и сеньеру. Специальные статьи об уходе из пределов селения и приеме новых поселенцев говорят о том, что облегченные условия создавались крестьянам и в этом отношении. Так, крестья-

---

libert, ibid.); «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, pp. 388—389 (1182. Fraillicurt, департамент Марна); «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 129 (1184. Crépy, департамент Уаза).

[49] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 341 (1274. Ampilly-le-Sec, департамент Кот д'Ор); p. 353 (1275. Tart-la-Ville, ibid.); исключение см. стр. 478 (1333. Bassoncourt, Meuvy, департамент Верхняя Марна); «les seigneurs abandonnent aux habitants... la pleine propriété des bois communaux...».

[50] Там же, p. 321 (1265. Salmais, департамент Кот д'Ор); pp. 354—355 (1275. Tart-la-Ville, ibid.); p. 402 (1286. Marche-sur-Saône, ibid.); «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 526 (1223. Coulommes, департамент Марна).

[51] «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 299—300 (1257. Pontailler, департамент Кот д'Ор). p. 319 (1265. Salmaise, ibid); p. 400 (1286. La Marche, ibid); p. 478 (1333. Bassoncourt, Meuvy, департамент Верхняя Марна); «Layettes». Vol. V, № 2134 (1231. S. Memmie, департамент Марна); Vol. III, pp. 492—493 (1259. Anizy-le-Château, департамент Эна); «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 197 (1186. Bruyeres ets., департамент Эна).

[52] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 330 (1272. Fresnes, департамент Кот д'Ор).

[53] Там же, стр. 332.

[54] «Layettes». Vol. III, pp. 492—493 (1259. Anizy-le-Château, департамент Эна).

[55] «Chartes de communes...». Vol. II. p. 339 (1274. Ampill-le-Sec, департамент Кот д'Ор).

[56] Там же, стр. 446 (1314. S. Philibert, ibid.): «...domini... sibi retinuerunt... omnimodam justiciam, magnam et parvam, census, costumas et alias redevensias suas et alia jura...»; p. 274 (1250, Vitteaux ibid.), p. 478 (1333, Bassoncourt, Meuvy, департамент Верхняя Марна); «Layettes». Vol. III, pp. 492—493 (1259, Anizy-le-Château, департамент Эна).

[57] «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, p. 385 (1181. Fraillicurt, департамент Марна); «Cartons des rois». Vol. I, № 604 (1167. Tavaux, Poncinicort, департамент Эна); «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 197 (1186. Bruyéres etc., департамент Эна): «ut homines capite censi dominis suis censum capitis sui tantum persolvant».

нин получал право ухода из деревни, забирая с собой всю движимость и распоряжаясь недвижимым имуществом по собственному усмотрению [58]. Правда, в ряде случаев уход мог означать лишение движимого и недвижимого имущества или же сопровождаться обязательной продажей его жителю той же деревни [59].

Много внимания уделяется в хартиях укреплению владельческих прав крестьянина. Судя по источникам, крестьянин получал свободу завещать свое имущество, закладывать его и, наконец, продавать и покупать его [60]. Сеньер охотнее соглашался на уступки этих прав в отношении движимости и неземельной недвижимости, нежели самой земли. Наделяя крестьян более широкими имущественными правами, сеньер в то же время устанавливал для них различные ограничения, подчас весьма существенного характера. Свободное распоряжение своим имуществом («pro voluntate sua», «à leur gré», «libre disposition»), о чем нередко говорят источники, на деле выглядело по-иному. Достаточно напомнить об ограничениях в распоряжении своим имуществом, которые сопутствовали уходу крестьянина из деревни [61]. В одной из хартий, гарантировавшей крестьянам свободу от произвольных отчуждений имуществ и укреплявшей их владельческие права, не случайно проводилось строгое разграничение между этими крестьянами и лицами, имевшими гораздо больше свободы распоряжаться своей собственностью [62].

Стремление ограничить владельческие права крестьянина особенно наглядно проявляется в вопросах наследования. Так, в хартии 1167 г. для жителей селений Понсерикур и Таво был установлен такой порядок: «Если кто-либо умрет без наследника, его имущество будет сохраняться в течение года, и, если в течение этого срока наследник появится и пожелает остаться жить в том же селении, он наследует имущество умершего; если же наследника не окажется, то две трети этого имущества перейдут к церкви (к сеньеру этих селений), а одна треть будет роздана нищим» [63]. Другой пример: в хартии 1272 г. говорится о селении Фрэн, находившемся в пределах департамента Кот д'Ор. «Если кто-либо из мужчин этого селения возьмет в жены женщину другой сеньерии и затем умрет без пря-

---

[58] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 321 (1265. Salmaise, департамент Кот д'Ор); p. 354 (1275. Tart-la-Ville, ibid.); «Arch. adm.». Vol. I, part. I, p. 419 (1191. Thuizy, департамент Марна): «et quande exire veluerit, exeat cum rebus...», part. 2, p. 527 (1223. Coulommes, ibid.): «et quando extra manere voluerit, exeat in pace, rebus suis salvis...»; p. 455 (1203. Fraillicurt, ibid.): «...extra territorium de Frailicort, ubicumque voluerint et potuerint, terras excolere, et culturam fructus colligere...».

[59] «Cartons de rois». Vol. I, № 604 (1167. Tavaux, департамент Эна): «Si quis a villa recedere voluerit, possessiones suas, sine contradictione, cuilibet in villa manenti vendet»; «Chartes de communes...». Vol. II, p. 331 (1272. Fresnes, департамент Кот д'Ор): «Et se aucuns des homes ou des femes façoient autre seignoire..., ils n'an parroient porter ne tenir moble ne héritage...»; пример крайне суровых мер см. p. 477—478 (1333. Meuvy, Bassoncourt, департамент Верхняя Марна): «L'abandon de la terre entraine la confiscation, de même que la peine de mort. Il en est de même du désaveu fait sans le consentement du seigneur...».

[60] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 321 (1265. Salmaise, департамент Кот д'Ор); p. 274 (1250. Vitteaux, ibid.); p. 339 (1274. Ampilly-le-Sec, ibid.): «pourront vendre et acheter... leurs biens, meubles et immeubles...»; «Arch. adm.». Vol. I. part. I, p. 385 (1181. Fraillicurt, ibid.); part. 2, p. 527 (1223. Coulommes, департамент Марна), p. 909 (1270. Folle Paina, ibid.); «Layettes». Vol. III, № 4558 (1259. Anizy-le-Château, департамент Эна); vol. V, № 2134 (1231. S. Memmie, департамент Марна): «pueent et porront vendre et achater héritages et autres choses»); «Documents relatifs...». Vol. II, p. 21 (1175. Villeneuve-au-Châtelot, департамент Об): «Domos, et vineas et terras sive prata, que ad culturam redigent, expendent et vende pro volumptate sua».

[61] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 478 (1333. Bassoncourt, Meuvy, департамент Верхняя Марна); см., например, «Ils auront la libre disposition de leurs biens; ...useront du droit lignager, à l'exclusion des étrangers, pourront marier et doter leurs enfants hors de la seigneurie, mais sans disposer le leurs immeubles en leur faveur. Les veuves emporteront douaire du tiers sur les biens de leur mari. Elles le perdront en cas de nouvelles noces».

[62] Там же. Vol. III, pp. 424—425 (1301. Urcy, департамент Кот д'Ор).

[63] «Cartons de rois». Vol. I. (1167. № 604 Pontséricourt, Tavaux, департамент Эна):

мого наследника, а его вдова захочет покинуть сеньерию, то она может сохранить свою вдовью часть в размере половины имущества мужа, заплатив монастырю (сеньеру этого селения) талью и la costume; после ее смерти имущество, представляющее собою вдовью часть, нужно передать наиболее близкому родственнику по линии мужа из числа проживающих в селении Фрэн. Если женщина умрет без прямого наследника, то все, что будет найдено в движимом имуществе и в деньгах, возвратится к господину того места, из которого она вышла» [64].

Таким образом, во всех хартиях, предоставлявших жителям деревни право на самоуправление, всегда затрагивались вопросы, общие для всех форм крестьянской антифеодальной борьбы. Что же представляли собой уступки, касающиеся непосредственно самого самоуправления?

Судя по хартиям, подобные уступки чаще всего сводились к праву избирать крестьянами доверенных (probi homines, prud'hommes) и должностных лиц в разном числе и с различного рода обязанностями. Источники рисуют в этом отношении довольно пеструю картину. В одних случаях крестьяне получали право избирать сторожей (messarius, vinearius) и лесничих (forestarius), в других — доверенных (electi, probi homines), скабинов, или эшевенов, в количестве двух, трех, четырех, шести и даже двенадцати человек [65].

Хартии подчеркивают выборный характер этих должностей и определяют иногда порядок их избрания. О тесной связи этих должностных лиц с народом красноречиво говорят такие выражения, как «избранный» (electus), «избранный с согласия деревни» (de assensu ville), «избранный всей общиной деревни» (a communitate ville), «староста из числа обитателей деревни» (major de habitantibus) [66] и т. д. В селении Кулом жители деревни избирали из своей среды сначала четырех присяжных (jurati), а затем, по указанию последних, назначали старосту и двух скабинов (эшевенов) [67]. В селении Аттиньи избираемые шесть эшевенов переизбирались ежегодно в половинном составе [68]. В Сен-Мемми избиралось 13 представителей коммуны, из числа которых выделялся староста [69]. Хартия 1274 г. определяла для селения Ампилли-ле-Сек порядок назначения лесничих через сеньера, который назначал их три раза в год. Если оказывалось, что одного лесничего не хватало, население деревни избирало второго, проводя эту операцию три раза в течение года. В хартии при этом оговаривалось, что оба лесничих обязательно должны принадлежать к уроженцам селения [70]. В парламентском расследовании 1301 г. приводится пример такой сложной процедуры избрания доверенных от крестьян. Жители двух деревень, Руилли и Шамисси, выделяли прежде всего двух представителей, которые должны были обещать сеньеру или его служащему, что изберут из жителей селений пять добрых мужей (bonos viros). Последние выбирали (видимо, из своей среды) двух представителей, которые после

---

[64] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 331 (1272. Fresnes, департамент Кот д'Ор).

[65] Там же, p. 147 (1234. Argilly, ibid.); p. 197 (1331—1333. Ahuy, ibid.); p. 194 (1323, ibid.); p. 274 (1250. Vitteaux, ibid.); p. 332 (1272. Fresnes, ibid.); p. 340 (1274. Ampilly-le-Sec, ibid.); p. 300 (1257. Pontailler, ibid.); p. 319 (1265. Salmoise, ibid.): p. 477 (1333. Bassoncourt, Meuvy, департамент Верхняя Марна); Vol. III, pp. 465—468 (1277. Chassagne, департамент Кот д'Ор) etc.; «Arch. adm.». Vol. I. part. I, p. 386 (1181. Fraillicurt, департамент Марна); part. 2, p. 526 (1223. Coulommes, ibid.); «Layettes». Vol. V, pp. 205—208 (1231. S. Memmie, ibid.); «Documents relatifs...». Vol. I I,p. 22 (1175. Villeneuve-au-Châtelot, департамент Об); P. Thiron. Указ. соч., стр. 323 (1208. Attigny, департамент Марна).

[66] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 147 (1234. Argilly, департамент Кот д'Ор); p. 128 (1231. Echevronne, Changey, ibid.); «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 526 (1223, Coulommes, департамент Марна); p. 458 (1205, ibid.).

[67] «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 526 (1223. Coulommes, департамент Марна).

[68] P. Thiron. Указ. соч., стр. 325 (1208. Attigny, департамент Марна).

[69] «Layettes». Vol. V, № 2134 (1231. S. Memmie, ibid).

[70] «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 339—340 (1274. Ampilly-le-Sec, департамент Кот д'Ор).

клятвы на протяжении года (per unum annum) выполняли обязанности полицейского характера: выявляли нарушителей сеньериальных интересов и передавали их сеньериальному служащему для наложения штрафа [71].

Устанавливая число выборных лиц и определяя порядок их избрания, хартии не всегда затрагивали вопрос о характере их деятельности. В хартиях встречается весьма общее замечание: «Беречь и охранять наш (то есть сеньера.— *А. К.*) интерес и наше право», или же «охранять наше право и право деревни, не обременять и не причинять кому-либо вред ни из любви, ни из-за ненависти» [72].

Тем не менее функции выборных лиц и, следовательно, характер деревенского самоуправления обрисовываются в источниках довольно отчетливо. Основная функция выборных заключалась в присутствии и прямом участии в раскладке и сборе феодальной ренты. Выборные подсчитывали очаги, распределяли платежи между жителями деревни, собирали деньги, передавали их сеньеру и нередко принуждали к уплате упрямых неплательщиков [73]. Судя по парламентскому расследованию 1301 г., госпиты двух деревень, Руилли и Шамисси, избирали mensuratores, занимавшихся раскладкой платежей (pro mensurandis redditibus), вносимых в пользу сеньера [74]. В ряде мест выборные сторожа (messarii и vinearii) и лесничие (forestarii) не только охраняли посевы, виноградники и леса, но и устанавливали совместно с сеньериальным служащим или же без него случаи нарушения, выявляли нарушителей и облагали их штрафом [75].

Выборные охраняли общественный порядок, помогали сеньериальной администрации в отправлении судебных обязанностей, присутствовали в суде низшей инстанции, надзирали за дорогами и разрешали многие другие вопросы внутренней жизни деревни. Функции подобного рода чаще выпадали на долю выборных скабинов (эшевенов) и старост, которых мы находим в деревнях департаментов Марна, Эна и Об [76]. Хартия 1225 г. подчеркивает, что все судебные решения, принятые выборными скабинами в присутствии и под председательством бальи, носят для селения Ильсюр-Сюип окончательный характер [77]. Другая хартия — 1270 г.— пытается установить пределы юридической компетенции выборных скабинов и старосты для деревни Фолль-Пен: «Староста и скабины могут рассматривать такие тяжбы, размер штрафов по которым не будет превышать 22 су и 6 денье» [78].

При всем разнообразии функций, выполнявшихся выборными от крестьян, следует отметить крайне ограниченный характер этих функций [79]. Сеньеры не стремились укреплять и тем более расширять самоуправление. Они вводили всевозможные ограничения, стеснявшие инициативу крестьян. Подобная тенденция находит выражение в требовании присяги

---

[71] «Olim». Vol. III, pp. 98—99 (1301. Ruilli, Chamissi, департамент Сена и Марна).

[72] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 468 (1332—1333. Flagey-les-Gilly, департамент Кот д'Ор); p. 403 (1286. Mercey, ibid.): «qu'ils garderont mon droit et celui de la ville, et guenypour amour, ny par haine, ne greveront ny ne feront tort à aucuns...».

[73] Там же, pp. 336—337 (1272. Chanceaux, ibid.); pp. 444—445 (1314. S. Philibert, ibid.).

[74] «Olim». Vol. III, pp. 98—99 (1301. Ruilli, Chamissi, департамент Сена и Марна). См. другой случай участия выборных от крестьян в сборе феодальной ренты: «Chartes de communes...». Vol. II, p. 128 (1231. Echevronn, Changey, департамент Кот д'Ор).

[75] «Chartes de communes...». Vol. II. (1234. Argilly, ibid.); p. 332 (1272. Fresnes, ibid.); p. 352 (1275. Tart-la-Ville, ibid.); vol. III, p. 425 (1301. Urcy, ibid.).

[76] См. например, «Documents relatifs...». Vol. II, p. 22 (1175. Villeneuve au-Châtelot, департамент Об); «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 458 (1205, департамент Марна).

[77] «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 538 (1225. Isle-sur-Suippe, ibid.); «tum non licebit coram nobis appelare»).

[78] Там же, стр. 909 (1270. Folle Paina, ibid).

[79] По мнению П. Тирон, деревенские эшевенажи доменов реймских церквей пользовались малой независимостью, а в доменах французского короля деревенская автономия была почти равна нулю (P. Thiron. Указ. соч., стр. 317, 326).

от выборных, принесения клятвы на верность сеньеру [80]. Если староста и скабины, избранные крестьянами, говорится в хартии 1167 г., не пожелают сохранить верность сеньеру, то они будут смещены и на их место выбраны другие. Староста и доверенные в селениях Ла-Марш и Мерсей должны были присягать местному сеньеру в том, что будут охранять интересы его и крестьян [81]. Тем же желанием ограничить самоуправление можно объяснить и обычай назначения сеньером своего представителя наряду с доверенным от крестьян. Именно такая практика имелась в Аттиньи, где вместе с выборными скабинами (эшевенами) существовал и староста, назначенный сеньером. В другом селении, Фрайкюр, сеньеры назначали двух старост, в то время как крестьяне избирали скабинов [82].

Нежелание сеньеров пойти на бо̀льшие уступки крестьянам чувствуется особенно сильно в соглашении 1259 г., заключенном между лаонским епископом и селением Анизи-ле-Шато. Сокращая ренту, освобождая от «мертвой руки» и формарьяжа и уступая в других вопросах, епископ отказался предоставить коммуну. Более того, крестьяне были лишены права выбирать скабинов и старосту и иметь свою печать (sigillum ville non habebunt). В соглашении, таким образом, чувствуется стремление отнять у крестьян даже небольшие уступки в отношении самоуправления, сделанные епископом раньше [83]. Следует заметить, что в ряде случаев за уступки в области самоуправления с крестьян взималась особая плата, представлявшая собою как бы выкуп за предоставленную свободу [84].

В ходе борьбы за самоуправление крестьяне иногда объединяли свои усилия и действовали совместно несколькими деревнями. Подобные объединения не всегда возникали вокруг крупных городских центров, пытавшихся найти среди крестьян поддержку в своей борьбе за коммуны. Объединения носили чисто крестьянский характер и были полностью свободными от посторонних влияний. Действуя совместно, крестьяне создавали силу, способную противостоять сеньерам и лучше обеспечить успех собственного дела. Подобные объединения охватывали часто всего лишь две соседних деревни, как это было в Бургундии. Но иногда количество селений доходило до четырех, шести, восьми и даже большего числа [85]. Коммуны коллективного характера известны в различных частях Северной Франции. Они возникали и в области Понтье (Ponthieu) в окрестностях Абенвилля, и в районах, примыкающих к Лаону и Суассону в пределах современного департамента Эна, и в Северной Бургундии.

В Понтье с конца XII в. и на протяжении XIII в. образовались три деревенские конфедерации, из которых одна включала три селения (Кре-

---

[80] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 352 (1275, Tart-la-Ville, департамент Кот д'Ор): «il doibt recevoir leurs sermens»; «Arch. adm.». Vol. I, part. 2, p. 458 (1205, департамент Марна); p. 526 (1223. Coulommes, ibid.): «qui nobis et toti ville fidelitatem jurabunt»; p. 706 (1248. Courcium, ibid.); p. 909 (1270. Folle Paina, ibid.).

[81] «Cartons de rois». Vol. I, № 604 (1167. Poncinicort, Tavaux, департамент Эна): «...eos deponerent et dios eligerent»); «Chartes de communes...». Vol. II, p. 403 (1286. Marcey, департамент Кот д'Ор): «jureront devant mon prévot... qu'ils garderont mon droit et celui de la ville...»).

[82] P. Thiron. Указ. соч., стр. 324 (1208. Attigny, департамент Марна); «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, pp. 386, 388 (1181—1182. Fraillicurt, ibid).

[83] «Layettes». Vol. III, pp. 492—493 (1259, Anizy-le-Château, департамент Эна).

[84] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 319 (1265. Salmaise, департамент Кот д'Ор); «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 197 (1186. Bruyères etc., департамент Эна); № 536 (1196, ibid.).

[85] «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 127—129 (1231, департамент Кот д'Ор); pp. 182—183 (1237, ibid.); pp. 350—356 (1275, ibid.); pp. 399—406 (1286, ibid.) etc.; «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 197 (1186, департамент Эна) или Delisle, Catalogue, № 182; «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 159 (1185, ibid.) или Delisle, Catalogue, № 148; см. также Detalogue, Catalogue, № 491, где говорится о предоставлении в 1196 г. прав коммуны группе деревень в департаменте Эна; также № 110 (1184, департамент Эна) или Delisle, Catalogue, № 101; см. также «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 536 (1196, для той же группы селений); Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 79 (коллективная коммуна из 17 деревень на территории Лаоннэ).

си, Маши, Машьель), другая, с центром в Кан-лё-Вьё (Quend-le-Vieux), объединяла группу деревень в районе между устьем Соммы и бухтой Оти, и последняя конфедерация состояла из трех деревень (Кротуа, Мейок, Бертокур) [86]. Один из документов, датированный 1283 г., свидетельствует о том, что члены коллективных коммун не всегда жили в ладу. Избрание коммунальных властей и особенно старосты нередко вызывало споры среди участников коммуны, ликвидируемые вмешательством сенешала [87].

В другой части Северной Франции, на территории Лаоннэ, в течение XII в. появились четыре коллективные коммуны, состоявшие из крестьян и зависевшие в своем большинстве от духовных сеньеров. К 1129 г. относится возникновение первой коммуны, сложившейся вокруг селения Брюйер. В ее состав входило четыре деревни: Брюйер, Шере, Ворж и Валлен [88]. Нам известно, что в 1186 г. Филипп Август утвердил для этой группы селений ряд привилегий: освободил крестьян от «мертвой руки» и выплаты тонлье и предоставил им свободу заключения браков [89]. В 1174 г. возникла коммуна из семнадцати деревень во главе с Анизи-ле-Шато, а в 1184 г.— коммуна из восьми селений, сгруппировавшихся вокруг деревни Серни по типу коммуны Брюйер. Наконец, на 1196 г. приходится создание четвертой коллективной коммуны в составе шести деревень с центром в Кранделэн [90].

По соседству с указанными коммунами в районе г. Суассон в правление Людовика Толстого сложилась коммуна из шести деревень во главе с селением Вайи. Коммуна сохранилась и в правление Филиппа Августа, о чем свидетельствует акт, датированный 1185 г. и подтверждавший привилегии коммуны, дарованные ей раньше [91].

История коллективных деревенских коммун остается, к сожалению, для нас малоизвестной. Источники обычно ограничиваются констатацией факта появления коммун и не сообщают подробностей [92]. Объединенные усилия деревень не всегда заканчивались организацией коммуны. Движение нередко приводило к приобретению лишь некоторых льгот со стороны сеньера. При всей ограниченности данных по истории коллективных коммун, вполне можно утверждать, что своим характером они напоминали коммуны отдельных селений. В этих случаях налицо одни и те же мотивы борьбы, одни и те же цели движения [93].

В заключение остановимся на двух ярких примерах борьбы за самоуправление. Один из них относится к деревне Триньи в окрестностях Реймса, где можно проследить события на протяжении 35 лет. Крестьяне этой деревни пытались ограничить сеньериальный произвол еще в начале XII в., в 1129 году. Выступлению предшествовали следующие обстоятельства: сеньер деревни вицеграф Левольд решил ввести в деревне разные новше-

---

[86] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 78.

[87] «Resueil des monuments...». Vol. IV, p. 380; см. также Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 78—79.

[88] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 79.

[89] «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 197 (1186) или Delisle, Catalogue, № 182.

[90] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 79; «Resueil des actes de Philippe Auguste», № 110 (1184) или Delisle, Catalogue, № 101; см. также: «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 536, pp. 78—80; Delisle, Catalogue, № 491 (1196. Crandelain etc., департамент Эна).

[91] Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 79—80; «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 159 (1185) Vailly etc, департамент Эна: «communiam predictis hominibus concessam et communie consuetudines, sicut avus et genitor noster... concedibus») или Delisle, Catalogue, № 148.

[92] Люшер отмечает, что история... коллективных муниципалитетов, появившихся в конце XII века, нам плохо известна» (Ach. Luchaire. Указ. соч., стр. 78).

[93] См. хартии, помещенные в «Cartons de rois». Vol. I, № 604 (1167, департамент Эна); «Chartes de communes...». Vol. II, pp. 127—129 (1231, департамент Кот д'Ор); pp. 182—183 (1237, ibid.); pp. 350—356 (1275, ibid.); pp. 399—406 (1286, ibid.); pp. 477—478 (1333, департамент Верхняя Марна); «Recueil des actes de Philippe Auguste», № 159 (1185, департамент Эна); № 197 (1186, ibid.); № 536 (1196, ibid.).

ства — талью в деньгах, зерне и вином и расширить юрисдикцию. Крестьяне и аббатство св. Тьерри (их непосредственный сеньер) заявили протест. Вицеграф стал силою навязывать свои требования, при этом многие из крестьян были ранены, 3 убиты, а 38 захвачены в плен; деревня была обложена штрафом в размере 200 ливров, доведена до полного разорения [94]. Инцидент стал предметом рассмотрения в суде реймского архиепископа, куда аббат направил жалобу. Вицеграф не подчинился судебному решению и только после вмешательства римского папы согласился отменить свои требования и восстановить прежний порядок вещей.

В результате указанных событий жители Триньи ушли под защиту коммуны соседнего селения Шадардр, вступив в состав этой коммуны. Аббатство неоднократно пыталось возвратить бежавших крестьян, но каждый раз терпело неудачу. Лишь в 1241 г. коммуна по специальному договору согласилась отпустить крестьян и передать их в руки аббатства. Сто пятьдесят три человека вернулись на жительство (ad commorandum) в деревню Триньи в качестве держателей (sicut mansionarii), передав в знак верности и «бо́льшей безопасности» в руки монастыря свое движимое и недвижимое имущество, находившееся на территории этой деревни [95].

Возвращение крестьян достигалось ценой различных уступок, в том числе предоставлением права выбирать старост и присяжных. Это отмечает хартия, датированная декабрем 1241 года. При всем стремлении авторов указанной хартии представить крестьян как людей, раскаявшихся и полностью понявших свою ошибку, всеми силами стремившихся загладить вину и компенсировать аббатству убытки [96], из текста становится ясным, что дело объяснялось уступками сеньеров. Крестьяне получили возможность избирать старост и присяжных, с функциями, неизвестными нам, добились отмены произвольной тальи. В деревне сохранялась одна королевская талья, взимавшаяся на военные нужды соразмерно достатку каждого. Такие условия договора, как запрещение держать землю в виде аллода и вместе с этим угроза силой возвращать крестьян, бежавших под защиту соседних коммун, нисколько не меняют характера указанного соглашения, как акта серьезной уступки крестьянам, вырванной ими путем активной борьбы.

Обращает на себя внимание стремление монастыря предупредить возможность повторения событий 1129 года. Крестьянам запрещалось уходить в соседние коммуны, покидать свои держания. Нарушение таких обязательств должно было повлечь за собой конфискацию крестьянских имуществ и переход их в руки монастыря в качестве штрафа [97].

Хартия 1143 г. знакомит нас с соглашением, заключенным аббатством св. Тьерри с вицеграфом Левульфом по поводу той же деревни Триньи. Крестьяне получили и здесь ряд уступок, ограничивавших сеньериальный произвол. Им предоставлена была возможность с помощью своих выборных определять количество зерна и вина для выплаты церковной десятины. Их представители допускались к участию в суде вицеграфа. Вицеграф не мог требовать талью и некоторые другие сборы. На должность служащего или викария Триньи можно было назначать лишь местного жителя [98]. Таким образом, не только монастырь, но и другой сеньер деревни, вицеграф, во многом уступили крестьянам, гарантируя известные права и самоуправление.

---

[94] «Arch. adm.». Vol. I, part. 1, pp. 283—285 (1129, Trigny, департамент Марна): «et tribus ex ipsis occisis, et multis vilneratis, et 38 captis, villam dampno pene ducentarum librarum multaverunt, et pene ad nichilum redegerunt».

[95] Там же, part, 2, p. 651: «et communem dicte ville subintrantes»; part. 1. pp. 643: «sub dominio et potestate abbatis»; pp. 643—644 (1241: «Carta de reditione hominum de Trigni a communitate de Chaudardre»).

[96] Там же, part. 2, p. 653: «tandem cum prefati homines ignorantiam et insipientiam suam perciperent...»; p. 653: «predictas injurias, molestationes et forefacta dicto abbati emendaverunt».

[97] Там же, pp. 651—654.

[98] Там же, part. 1, pp. 307—308.

О селении Триньи и борьбе его со своими сеньерами мы узнаем также из хартий 1264—1265 годов, спустя двадцать лет после рассмотренных событий. У крестьян теперь возник спор с аббатством в связи с попыткой заставить их нести охрану в монастырской тюрьме, а также вследствие постройки аббатством хлебной печи в деревне, что грозило расширением баналитета. Хартии почти ничего не говорят о существовании в Триньи выборных лиц и деревенского самоуправления. Тем не менее они подчеркивают стремление крестьян к сохранению старых привилегий и устранению различных новшеств, нарушавших обычаи и шедших в разрез с установившейся традицией (contra usum et consuetudinem) [99]. Таким образом, крестьяне Триньи на протяжении 35 лет добивались решения одних и тех же задач: смягчения эксплуатации, имущественной и личной свободы, создания благоприятных условий существования. Антифеодальная направленность движения сохранялась неизменно в течение всего этого времени.

Другим примером является деревня Кушеи, о которой рассказывают хартии 1252 — 1386 годов.

В 1258 г. у крестьян возник спор (querela) с сеньерами по поводу взимания ренты и крепостных отношений. На крестьян и их поведение влияло то обстоятельство, что соседнее селение Марсанней добилось в 1238 г. известной свободы, зафиксированной в особой грамоте. Борьба завершилась лишь частичным успехом [100]. Крестьяне по-прежнему должны были платить все виды феодальной ренты и оставаться крепостными людьми, обязанными нести барщину и подчиняться баналитетам и «мертвой руке». Только позднее жители Кушеи были освобождены от «мертвой руки» и, по-видимому, получили другие уступки, о характере которых трудно судить ввиду отсутствия документов [101].

В 1270 г. имел место более серьезный спор. Предметом столкновения явилась не только рента и привилегии сеньеров (винный и печной бан, пользование лесом и др.), но и вопросы деревенского самоуправления: крестьяне требовали права выбирать своих должностных лиц. Община (li communs) добилась этого права и стала ежегодно избирать двух доверенных, называемых глашатаями или крикунами (corniers). Доверенные совместно с мэром сеньера устанавливали бан на время производства и продажи вина. Совместно с общиной они вводили бан на леса, находившиеся в пользовании самой общины [102]. Вне бана оставалась только хлебная печь, принадлежавшая сеньеру и получавшая дрова из общего леса. Община могла продать часть этого леса для поддержания приходского храма, уплатив за это сеньеру по 12 денье с каждого ливра, вырученного от продажи. Без согласия доверенных сеньер не мог отчуждать селение Кушеи [103].

Далее, доверенные с общиной ежегодно избирали лесничих и сторожей. Последние должны были обещать старосте сеньера и доверенным крестьян, что будут добросовестно нести охрану крестьянских имуществ, блюсти права сеньера и интересы церкви, налагать и собирать штрафы размером не более 7 су. Взимание штрафов большей величины осуществлялось старостой, назначенным сеньером. Совместно с общиной доверенные избирали двух сторожей для охраны виноградников. Помимо этого, сеньер или его старосты называли крестьянам трех кандидатов, из числа которых избирался третий сторож. Сторожа присягали общине и сеньеру, как и другие выборные лица. Любопытно отметить, что крестьянские доверенные принимали клятву и у двух сторожей соседней деревни Сампеньи,

---

[99] Там же, part. 2; pp. 874—875 (1264); pp. 877—880 (1265); pp. 880—882 (1265).

[100] В хартии более позднего времени (1386 г.) события 1252 г. рассматриваются как предоставление крестьянам прав коммуны («Chartes de communes...». Vol. II, p. 293).

[101] Там же, стр. 277—280 (1252—1253. Couchey, департамент Кот д'Ор); стр. 281, примечание № 2.

[102] Там же, стр. 281—285 (1270).

[103] Там же, стр. 283: «ne vendre, ne aliéner des communaultés de la ville».

которая выделяла их для охраны своих виноградников [104]. Таким образом, крестьяне Кушеи добились значительных льгот, в том числе права на избрание должностных лиц. В хартии 1270 г. все эти уступки рассматриваются как предоставление прав коммуны [105]. Та же мысль высказывается и в другом, более позднем источнике, 1386 года [106].

Спустя более чем сто лет, в 1386 г., деревня Кушеи фигурирует в решении (arrêt) большого герцогского совета (Бургундии), принятого по жалобе сеньеров [107]. Отсюда мы узнаем, что, несмотря на предоставленные ранее льготы, в числе которых значатся свобода от «мертвой руки» и выборы доверенных, сеньеры предъявили новое требование, заявив о введении в деревне бана на вино длительностью в три месяца и лишая таким образом крестьян возможности продавать свое вино в течение этого времени.

Устанавливался также бан на выпечку хлеба, обязывавший пользоваться господской печью, платить один хлеб за каждые двенадцать выпеченных хлебов и подвозить к печи дрова; бан на леса, то есть вводилось право объявлять в любое время года запрет на пользование лесом, выгоном в лесу и заповедниками (garenes). Утверждалась безраздельная власть сеньера (puent faire leur volenté) над всеми водоемами, дорогами, тропинками и местами общего пользования. Помимо этого, сеньеры подтверждали правило, по которому держатель земли должен был платить ценз зерном, вином, воском, маслом и деньгами, лишался права продавать и отчуждать в другой форме личное и общее имущество (biens privés, biens communs), не мог раскорчевывать, рубить и продавать лес.

Крестьяне Кушеи рассматривались в качестве зависимых от сеньеров лиц, подчиненных их юрисдикции и обязанных платить талью [108]. На крестьян распространялась разнообразная барщина: пахота и посев, сбор и подвоз урожая к дому сеньера, укладка его в ригу, молотьба и пр.; обработка и уход за виноградниками, сбор и подвоз собранного винограда, работа у виноградных прессов; уборка и перевозка сена на господских лугах; наконец, рубка и перевозка леса для отопления господской усадьбы [109]. Крестьянам запрещалось под страхом штрафа прокладывать дороги на земле сеньера, проходить и ездить по этой земле, пасти на ней скот, собирать и рубить лес, пользоваться лесом.

Таким образом, сеньеры Кушеи покушались на интересы крестьян, пытались ввести разные новшества, до этого крестьянам неизвестные. Крестьяне заявили протест, сославшись на свои старые хартии. Они указали, что серваж (serve condition) и «мертвая рука» были ранее полностью уничтожены, что деревня издавна пользовалась привилегиями (privileges), избавлявшими крестьян от всех этих новшеств.

По приговору большого герцогского совета притязания сеньеров не отменялись, а получили санкцию герцога. Источник, правда, говорит о сохранении выборных лиц: доверенных, сторожей и лесничих [110]. Но, судя по всему, значение их резко упало. Подробно излагая права сеньеров и обязанности крестьян, хартия не стремится уточнить функции доверенных и выборных лиц (в отличие от хартии 1270 г., где этому вопросу уделялось большое внимание). В новых, изменившихся условиях роль выборных лиц, как и значение всего деревенского самоуправления, по-видимому, заметным образом упали, а возможно, совершенно сошли на нет.

Насколько позволяла журнальная статья, мы дали картину борьбы

---

[104] Жители селения Сампеньи были свободными крестьянами Бургундского герцога. Последний передал их в феод сеньеру деревни Кушеи.

[105] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 281 (1270. «li communs de la ville de Coichey».

[106] Там же, стр. 285, 290, 293.

[107] Там же, стр. 285—294 (1386).

[108] Там же, стр. 290 (1386).

[109] Жители Кушеи были освобождены от этой барщины только в 1768 году.

[110] «Chartes de communes...». Vol. II, p. 287.

крестьян Северной Франции за самоуправление и коммуну, используя для этого источники XII—XIV веков. При всей ограниченности имеющихся данных можно сделать следующие выводы.

Борьба крестьян за право избирать должностных лиц и с их помощью решать вопросы деревенской жизни, борьба за самоуправление и коммуну была распространенным явлением в деревне Северной Франции XII—XIV веков. Такие выступления, известные нам, относятся к различным районам Северной Франции и наблюдались в течение значительного времени. Распространенность этих выступлений свидетельствует о том, что во Франции XII—XIV веков обострилась классовая борьба. Движение за самоуправление являлось выражением существовавшего противоречия между индивидуальным характером производства и крупной феодальной собственностью, представлявшего собой основное противоречие феодального общества. Знакомство с этой формой классовой борьбы поэтому расширит наше представление об антифеодальных крестьянских движениях и, следовательно, позволит лучше разобраться в характере классовой борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами в условиях феодального общества.

Движение крестьян за самоуправление, по времени совпавшее с коммунальным городским движением, имело, тем не менее, самостоятельный характер. Как правило, оно начиналось по инициативе крестьян и в большинстве случаев развивалось независимо от событий, происходивших в городе. Не отрицая полностью влияния города на деревню, стремления горожан использовать деревню в своих интересах, неверным было бы видеть в крестьянском движении простое подражание городу, составную часть борьбы за городскую коммуну.

В основе движения крестьян за самоуправление, как и в основе других форм классовой борьбы в деревне, лежало стремление добиться личной свободы, ограничить феодальную ренту и тем самым ослабить феодальную эксплуатацию, расширить и укрепить свои владельческие права на землю, раскрепостить свою землю, добиться положения свободного и полного собственника земли и орудий производства. Стремление крестьян к личной свободе и созданию для своего хозяйства иных, более благоприятных условий усиливалось наличием в деревне XII—XIV веков различных обстоятельств, в своей совокупности ухудшавших положение подавляющей части крестьян. Например, следует назвать новые виды обложения крестьян: рента государственного характера, увеличение в ряде случаев старых рент, ограничения в пользовании общинными угодьями, особенно лесом, и др. Борьба за деревенское самоуправление всегда поэтому сопровождалась требованиями предоставить личную свободу, ограничить феодальную эксплуатацию и укрепить владельческие права на землю. Приобретение известных прав на самоуправление, обычно выражавшихся в избрании доверенных от крестьян для охраны их интересов, нельзя рассматривать как самоцель движения, ибо это было всего лишь средством для решения основных задач антифеодальной борьбы. Нельзя поэтому сводить борьбу крестьян за самоуправление к «праву иметь своих уполномоченных», как это делают некоторые буржуазные исследователи, и отрывать ее, таким образом, от всех других антифеодальных выступлений.

Оценивая таким образом характер этой крестьянской борьбы, отметим, что она, подобно всем другим формам антифеодальной борьбы, ослабляла сеньериальный произвол и обеспечивала известную свободу самому производителю. При всей ограниченности самоуправления, а иногда и кратковременности его существования движение укрепляло личную свободу и владельческие права крестьянина и содействовало приближению крестьянина к положению собственника.

Статьи и обзоры

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ДНЕВНИК МИЛЛЕРА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

А. Е. Кунина

Не только для историков, изучающих международную обстановку в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны, но и для ученых, работающих над другими проблемами новейшей истории, большой интерес представляет малоизвестное издание документов — так называемый «Дневник Миллера». Речь идет о личном архиве американского юриста Дэвида Хантера Миллера [1].

В 1919 г. Д. Х. Миллер был юридическим экспертом американской делегации на Парижской конференции. В последующие годы, вплоть до своей отставки в 1944 г., он продолжал оставаться сотрудником государственного департамента. Перу Миллера принадлежит ряд работ по истории внешней политики США [2]. Под его редакцией госдепартаментом было осуществлено многотомное официальное издание договоров и соглашений США с другими странами [3].

Большое внимание Миллер уделил истории выработки Устава Лиги Наций. В работе над проектом Устава Миллер принимал участие в качестве юридического советника президента Вильсона. Его именем был назван англо-американский проект Устава Лиги Наций (проект Хэрста — Миллера), взятый за основу при окончательном составлении Устава в так называемой «Комиссии отеля Крийон». В 1928 г. вышла в свет книга Миллера «Составление Устава», в которой он на основании большого документального материала излагает историю выработки отдельных статей Устава Лиги Наций [4].

В качестве юриста Миллер принимал непосредственное участие и в составлении многих других документов американской делегации на Парижской конференции 1919 года. В результате этой работы в его архиве сосредоточилось значительное количество документального материала, который он в 1924 г. начал издавать частным путем. К 1926 г. издание было закончено. Оно было отпечатано всего в 40 экземплярах и поэтому представляет собой библиографическую редкость. В наших библиотеках издания документов Миллера нет, и поэтому оно долгое время не было доступно советским исследователям. В 1951 г. Пражская государственная библиотека временно предоставила свой экземпляр «Дневника Миллера» в распоряжение Института марксизма-ленинизма в Москве, где с него был снят микрофильм, который в настоящее время хранится в библиотеке этого института и может быть использован историками.

Так называемый «Дневник Миллера» состоит из 21 тома (объем в среднем по 400—500 страниц) с приложением геогра-

---

[1] D. H. Miller. My Diary at the Conference of Paris, with Documents. T. I—XXI. New York. 1924—1926 (сокращенно «Miller's Diary»).

[2] D. H. Miller. International Relations of Labor. New York. 1921; его же. The Geneva Protocol. New York. 1925; его же. The Peace Pact of Paris. A Study of the Briand-Kellogg Treaty. New York. 1928.

[3] «Treaties and other International Acts of the United States of America». Washington. 1931—1948.

[4] D. H. Miller. The Drafting of the Covenant. Vol. 1—2. New York. 1928. Характерно, что в этой книге, специально посвященной истории возникновения Лиги Наций, Миллер тщательно избегает даже намека на подлинные цели США при создании Лиги Наций, которые становятся, однако, ясными при анализе некоторых меморандумов по этому вопросу, опубликованных в его «Дневнике» (см. ниже).

фических карт[5]. Собственно дневник составляет лишь первый том. Следующие девятнадцать томов — сборники документов, а последний, 21-й том является индексом ко всему изданию.

К сожалению, несмотря на наличие индекса, который содержит весьма неполный алфавитный указатель, изданием весьма трудно пользоваться. Дело в том, что в нем нет определенной системы, о чем составитель сам пишет в предисловии. Документы расположены в том порядке, в котором они попадали во время конференции к Миллеру, а ему по долгу службы приходилось рассматривать бумаги самого разнообразного содержания.

Документы по одному вопросу разбросаны по многим томам. Сплошь и рядом различные варианты одного и того же документа находятся в разных томах. Так обстоит дело с многочисленными американскими вариантами Устава Лиги Наций и поправками к ним, которые помещены в V, VII, VIII и XX томах. Бессистемность расположения значительно усложняет изучение документов, но она же позволила автору замаскировать отсутствие некоторых документов. В предисловии к первому тому «Дневника» Миллер признает наличие существенных пропусков в своем издании, объясняя это тем, что ему не хватило места.

Однако, сетуя на недостаток места, Миллер нашел возможным опубликовать обширные выдержки из протоколов заседаний комиссии по выработке Устава Лиги Наций одновременно на английском и французском языках (совершенно идентичные)[6]. Он не пожалел места для сообщения о пустяках, вроде назначения на должность сотрудника американской делегации некоего Брауна (т. IV, стр. 344), для обширного меморандума о страховании против пожара (т. VI, стр. 38—42), но, например, о том, что с 9 марта 1919 г. были введены специальные заседания членов и сотрудников американской делегации для обсуждения всех вопросов, касающихся России, он сообщил мимоходом (т. VI, стр. 336). Так же мельком упоминает он и о ряде других важных вопросов.

Подавляющее большинство документов, опубликованных Миллером, отражает стремление американских политических деятелей завуалировать подлинные империалистические цели США. Таковы документы о так называемой помощи США европейским странам, о мнимых намерениях США использовать Лигу Наций в качестве орудия мира и т. д. Эти документы перекликаются с теми материалами, которые впоследствии были опубликованы в официальном издании государственного департамента, посвященном Парижской конференции 1919 г., и в других документальных изданиях[7].

Тем не менее ценность «Дневника Миллера» как исторического источника бесспорна. Рассчитывая на весьма узкий круг читателей, Миллер не всегда тщательно отбирал документы. Поэтому в издание проникли сведения, которые отнюдь не предназначались для печати. Хотя таких документов немного, их ценность заключается в том, что они позволяют разоблачить легенды официальной буржуазной историографии о «мирном посредничестве» США во время войны, о мнимой незаинтересованности их в империалистическом дележе добычи, об «идеализме» президента Вильсона и другие, которые по сей день лежат в основе исследований американских буржуазных историков о политике США во время войны 1914—1918 гг. и в первые послевоенные годы[8].

Первый том издания документов Миллера, то есть собственно дневник, содержит краткие ежедневные записи, охватывающие период с 19 ноября 1918 г. по 29 мая 1919 года. По большей части они носят

[5] К изданию приложена папка, содержащая 17 карт.

[6] См. D. H. Miller. My Diary at the Conference of Paris. T. V, стр. 214—240; т. VII, стр. 140—147, 174—220 и др. Эти документы опубликованы также во втором томе его книги «The Drafting of the Covenant». New York. 1928.

[7] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». Vol. I—XIII. Washington. 1942—1947 (см. рецензию на это издание в «Вопросах истории», 1947, № 9, стр. 133—137); S. Bane and R. Lutz, ed. Organization of American Relief in Europe, 1918—1919. Stanford University. California. 1943; их же, ed. The Blockade of Germany after the Armistice, 1918—1919. Stanford University. California. 1942, и другие.

[8] См., например, P. Birdsall. Versailles Twenty Years After. New York. 1941; T. Bailey. Woodrow Wilson and the Lost Peace. New York. 1945; его же. Woodrow Wilson and the Great Betrayal. New York. 1945; D. Loth. Woodrow Wilson and the 15-th Point. New York. 1941; H. C. F. Bell. Woodrow Wilson and the People. New York. 1945; H. Black. The True Woodrow Wilson. Crusader for Democracy. New York. 1946; R. Cranston. The Story of Woodrow Wilson. New York. 1945, и другие.

чисто формальный характер. День за днем Миллер по-канцелярски аккуратно регистрировал поток входящих и исходящих бумаг, отмечал, с кем и по какому поводу говорил. Однако изложение содержания этих бесед по большей части отсутствует. Лишь изредка Миллер помещает более полные записи, дающие представление о той ожесточенной борьбе и дипломатическом торге, которые происходили за кулисами конференции. Так, записи от 13—25 апреля отражают ожесточенную борьбу между США и Италией за господство на Адриатическом море. По поручению Вильсона Миллер вел переговоры с представителем Италии Челлере, пытаясь добиться отказа Италии от притязаний на Фиуме и Далматинское побережье и передачи этих территорий в ведение Лиги Наций, где США рассчитывали играть ведущую роль. Это предложение Миллер по поручению Хауза выдвинул 13 мая во время своей беседы с премьер-министром Италии Орландо. «Я предложил ему,— записал в свой дневник Миллер,— передать Фиуме и все Далматинское побережье под администрацию Лиги Наций» (т. I, стр. 304).

О давлении, которое было оказано на Италию, чтобы заставить ее уступить в этом вопросе, Миллер писал: «Окинклосс [9] сообщил, что итальянцы получили телеграмму о том, что их финансовые переговоры с США откладываются... и что «Гаранти траст компани» [10] вдруг неожиданно очень охладела в отношении предполагаемого кредита в 25 млн. долларов...» (т. I, стр. 300—302).

Большой интерес представляют также записи о закулисной борьбе при выработке Устава Лиги Наций (т. I, стр. 176—189), об англо-американских переговорах по вопросу соотношения военно-морских сил (т. I, стр. 232—239) и некоторые другие.

Как ни скупо выражал свои мысли Миллер, на страницах дневника отразилась тревога правящих кругов империалистических держав в связи с мощным подъемом революционного движения, которое развернулось во всех странах под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Прибыв в Лондон 2 декабря 1918 г. для участия в предварительных переговорах союзных держав, Миллер был свидетелем большого митинга английских рабочих, требовавших прекращения интервенции против Советской России (т. I, стр. 25). В Париже вместе с другими представителями США он обсуждал вопрос о подъеме рабочего движения в Англии и Италии (т. I, стр. 28, 68—69). Под впечатлением мощной демонстрации парижских рабочих в день 1 Мая 1919 г., которая проходила под лозунгами «Руки прочь от Советской России!», Миллер записал в свой дневник: «Во второй половине дня волнения среди рабочих-социалистов помешали уличному движению и на Rue Royale происходили бои» (т. I, стр. 283).

Из окон дворцов, в которых происходили заседания Парижской конференции, государственные деятели империалистических держав видели Париж революционных рабочих, восторженно выражавший свою солидарность с первым государством трудящихся — Советской Россией. Успехи Красной Армии в боях против интервентов, революционная борьба рабочих в Германии, Австрии, Венгрии, Польше и других странах, забастовки в Англии, Франции, США — вот те события, которые во многом определяли характер деятельности Парижской конференции.

Тома со II по IX включительно содержат многочисленные разрозненные документы (в общей сложности 1 008), собранные вместе без всякой системы под общим заголовком «Miscellaneous Papers». Это документы самого различного содержания. Один лишь перечень вопросов, затрагиваемых в них, свидетельствует о том, чем занимались американские дипломаты, отстаивая империалистические интересы США. Здесь и вопрос о границах такой отдаленной от США страны, как Албания (т. IV, стр. 247—248), и перспективы добычи ртути в Идрии (Югославия) (т. IX, стр. 10—11), и вопрос о будущности Турции (т. IX, стр. 178—180; т. X, стр. 291), и проект интернационализации маньчжурских железных дорог (т. VI, стр. 12—15), и сотни других вопросов, касающихся стран, расположенных в десятках тысяч километров от США. Всеми этими вопросами американские дипломаты активно интересовались и стремились навязать свою волю другим странам вопреки их кровным интересам.

К томам II—IX примыкают тома X и XX. В томе X помещены документы по четырем разделам: 1) протоколы заседаний комиссии по вопросам, касающимся Бельгии и Дании; 2) отчет комиссии по вопросам тер-

---

[9] Сотрудник американской делегации, родственник полковника Хауза — ближайшего советника президента США Вильсона.

[10] Крупнейший банк Моргана.

риториальных притязаний Греции; 3) отчет комиссии по составлению статей мирного договора в отношении Марокко; 4) протоколы и отчет комиссии по выработке условий перемирия между буржуазно-помещичьей Польшей и петлюровцами. В XX томе опубликованы протоколы пленарных заседаний Парижской конференции и документы, касающиеся различных вопросов Устава Лиги Наций. Последние являются продолжением документов, помещенных в первых девяти томах.

Документ № 246 от 21 января 1919 г., озаглавленный «Проект предварительного отчета и предложений, подготовленный информационным отделом, в соответствии с инструкциями, для президента и полномочных представителей» (т. IV, стр. 209—281), наиболее наглядно отражает подлинные цели американской внешней политики в период 1917—1920 годов. О том, что перед нами вполне официальный документ, выражающий точку зрения государственного департамента, свидетельствуют сами авторы его, которые во вступлении пишут: «Мы исходим из того, что изложенные предложения должны послужить отправной точкой для комиссии» (то есть для американской делегации на Парижской конференции.— *А. К.*) (стр. 211). В документе изложена программа США в отношении следующих стран и территорий (с приложением соответствующих географических карт): Эльзас-Лотарингия, Бельгия, Люксембург, Шлезвиг, Финляндия, Польша, Россия, Чехословакия, Румыния, Югославия, Италия, Австрия, Венгрия, Албания, Греция, Болгария, Константинополь и проливы, Турция, Месопотамия, Сирия, Палестина, Аравия, а также программа экономической экспансии США.

Наиболее наглядно в документе выражены американские планы расчленения территории бывшей Российской империи. Авторы документа рассматривают отдельно вопрос об Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Закавказье, Армении. К документу, помимо общей карты Европейской части России, приложены отдельные карты Прибалтики, Украины, Закавказья, Армении.

На карте, озаглавленной «Предлагаемые границы в России» (стр. 219—220), государственные границы нашей страны очерчены таким образом, что за ее пределами оказались почти вся территория Карелии и Кольского полуострова, Украина, значительная часть Белоруссии, Закавказье, Сибирь и вся Средняя Азия и ряд других областей [11].

Эта американская «карта России» наглядно отражает подлинные цели американского империализма — уничтожить советский строй, расчленить Советскую Россию и создать на отторгнутых от нее территориях зависимые от империалистических держав буржуазные государства. Основным условием создания этих марионеточных государств являлось участие их в антисоветской интервенции [12].

Антисоветская направленность политики США определила также их программу действий в отношении ряда других стран. К буржуазной Румынии в качестве вознаграждения за участие в интервенции предлагалось присоединить насильственно отторгнутые от Советской России территории Бессарабии и Северной Буковины, а также часть венгерской территории (стр. 245—246). Желая превратить королевскую Сербию в опорную базу империалистической реакции на Балканах, американские империалисты предлагали присоединить к ней территорию Северной Албании (стр. 247—248). Центральную часть Албании США хотели превратить в мандатную территорию Лиги Наций.

Весьма беззастенчивы были американские планы и в отношении Турции, восточную часть которой предлагалось соединить с территорией Армении, а западную — включить в состав так называемого «Константинопольского государства» (стр. 254—256, 257—258). США надеялись получить от Лиги Наций мандат на управление Арменией и так называемым «Константинопольским государством».

Во второй части документа № 246 под прикрытием многочисленных слов о «равенстве» и «свободе» торговли изложена программа экономической экспансии США. Основное положение программы — требование распространения принципа «открытых дверей» на все части света. Осуществление этого принципа, как разъяснялось в документе, предусматривает отмену всех

[11] Фактически империалисты предполагали отрезать от Советской России гораздо бо́льшую территорию, чем даже та, которая указана на карте, так как именно в это время (январь 1919 г.) интервенты рассчитывали закрепить за собой оккупированные ими территории на Севере, на Урале и на Северном Кавказе.

[12] Подробное описание карты см. А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 годах. М. 1954, стр. 95—100.

ограничений в торговле, замену всех двусторонних торговых договоров «одним общим торговым договором, связывающим все объединенные нации» (стр. 270). Такой договор должен был распространить на всех членов создаваемой Лиги Наций принцип наибольшего благоприятствования.

Таким путем американские империалисты хотели, во-первых, добиться распространения на США тех льгот, которыми пользовались отдельные европейские страны в торговле между собой на основании двусторонних договоров. В документе говорилось, что необходимо ликвидировать такое положение, когда для импорта из благоприятствуемых стран устанавливаются низкие, а для импорта из других стран — высокие пошлины (стр. 270—271). Если учесть экономическое усиление США в результате первой мировой войны, становится ясно, что, пользуясь принципом «открытых дверей» и опираясь на свою экономическую мощь, США надеялись подавить всех конкурентов и обеспечить себе монопольное положение на мировом рынке. Во-вторых, американское предложение преследовало цель обеспечить условия для экспансии США в колониальные и зависимые страны: «Оно обеспечит «открытые двери» в колониальных владениях в отношении всех вопросов, касающихся тарифов» (стр. 271). Осуществление этого предложения должно было в конечном счете обеспечить замену господства старых колониальных держав в колониях господством США. В основном оно было направлено против Англии и ее системы имперских преференций, создававшей предпочтительные условия для торговли Англии с ее колониями и доминионами. Система имперских преференций, говорится в документе, «является прямым нарушением принципа равенства» (в понимании этого слова американскими монополистами.— *А. К.)* (стр. 272).

Авторы документа вполне отдавали себе отчет в том, к чему в конечном счете должно привести последовательное применение принципа так называемого «равенства» в торговле: «Государства, участвующие в международной торговле, не должны иметь в отношении этой торговли никаких прерогатив суверенитета, а должны подчиняться всем правилам равенства...» (стр. 270). Таким образом, авторы документа признавали, во-первых, что осуществление американского принципа «открытых дверей» неизбежно приведет к потере суверенитета теми странами, в отношении которых применялся бы этот принцип, и, во-вторых, что потеря суверенитета и есть, по существу, то содержание, которое американские империалисты вкладывают в понятие «равенства». «Мысли о суверенитете должны в значительной мере быть изменены или отброшены»,— подчеркивает Миллер в другом документе (т. II, стр. 368).

Таково в общих чертах содержание документа № 246, представляющего собой официальную программу, которой руководствовалась американская делегация на Парижской конференции.

Программа экономической экспансии США изложена также и в ряде других документов. Большой интерес представляет меморандум Миллера от 31 июля 1918 г., озаглавленный «Американская программа и международное право» (документ № 85, т. II, стр. 350—475). В нем отчетливо отражено обострившееся в результате войны англо-американское экономическое соперничество, стремление США занять место Англии в торговле с колониями. Подчеркивая, что принцип «равенства в торговле», выдвигаемый США, несовместим с английской системой имперских преференций, Миллер прямо пишет: «Нельзя допустить, что равенство в торговле может быть в какой-то мере достигнуто, если Великобритания будет иметь право издавать законы, оказывающие предпочтение... торговле Ланкашира с 300-миллионным населением Индии» (стр. 361).

Цель американской программы «равенства в торговле» состояла в том, чтобы обеспечить экономическую экспансию США в колониальные и зависимые страны — Индию, Китай, Африку, где преобладало влияние других империалистических держав. Эта программа, разъясняет Миллер, предусматривает, что «любая колония какой-либо страны должна рассматриваться как самостоятельная единица в отношении торговли... В этом смысле самостоятельной единицей является Индия, а также некоторые колонии в Африке. Однако,— оговаривается Миллер (и это очень характерно.— *А. К.*),— Аляска не является такой единицей, так как она составляет неотъемлемую часть США, и Гавайские острова тоже» (стр. 362).

Суть американских притязаний, таким образом, ясна: настежь открыть двери для США в колониальные и зависимые (от других держав) страны, но плотно закрыть

их перед другими державами в американских владениях. Эти требования и составляли экономическую основу американских планов в отношении Лиги Наций. «Ресурсы каждой колонии должны быть доступны всем членам Лиги»,— так ставился вопрос президентом Вильсоном в его беседе с сотрудниками американской делегации на Парижской конференции 16 декабря 1918 года (т. I, стр. 373).

Программу «равенства в торговле», которая дала бы свободный доступ к рынкам колониальных и зависимых стран, империалисты США хотели осуществить посредством системы мандатов Лиги Наций. Представители американских монополий хотели воспользоваться затруднительным положением Англии в результате мировой войны и завладеть под видом мандатов рядом британских колоний. На этот счет у Миллера имеется ряд любопытных документов. Представители военно-морского ведомства в специальном меморандуме предлагали, например, в качестве «лучшего решения африканской проблемы» «интернационализацию всей Африки, за исключением Египта, Алжира и Южной Африки» (т. II, стр. 106). О том, что именно понимали американские империалисты под словом «интернационализация», говорится в том же документе: «При практическом осуществлении принципа интернационализации, по всей вероятности, окажется более эффективным поставить отдельные территории под административный контроль одной какой-нибудь страны на основании правил, одобренных Лигой Наций» (там же).

Подобные планы, разумеется, были встречены в штыки Англией и Францией. «Как англичане, так и французы и, по всей вероятности, Италия, возражают против какого-либо режима интернационализации в Африке»,— отмечает Миллер после ознакомления с меморандумом военно-морского ведомства (т. II, стр. 132).

О тайных стремлениях американских монополий свидетельствует письмо компаньона Моргана — Дуайта Морроу другому моргановскому компаньону, Томасу Ламонту, который предлагал делегации США в Париже добиваться мандата на британские владения в Америке — Британскую Вест-Индию, Британскую Гвиану и Гондурас. Это соответствовало бы доктрине Монро, аргументировал свое предложение Морроу. К тому же, отмечал он, «эти колонии всегда торговали в основном с Америкой, и если опека над английскими владениями в этом полушарии перейдет к Америке, это будет вполне естественно» (т. IX, стр. 455—456).

Не меньшую активность проявляли и представители нефтяных монополий. В архиве Миллера мы находим следующую телеграмму, пересланную 21 мая 1919 г. государственным департаментом американской делегации в Париже: «Американские нефтяные компании серьезно думают начать изыскания в Месопотамии и Палестине с целью приобретения нефтеносных земель. Будет ли эта деятельность одобрена американским правительством и позволят ли условия мирного договора американским компаниям проникнуть на эту территорию на равных правах с иностранными компаниями...? Перед тем, как приступить к изысканиям, важно знать, не распределена ли уже эта территория таким образом, чтобы сделать невозможными приобретения со стороны американских компаний» (т. IX, стр. 459).

В интересах монополий представители США в Париже добивались принятия программы «равенства в торговле» и такой системы мандатов, которая обеспечила бы осуществление американского принципа «открытых дверей». В ответ на запрос нефтяных монополий американская делегация в Париже заготовила 26 мая 1919 г. проект меморандума. В нем говорилось: «...наши юридические советники рассматривают вопрос о введении статей (в мирном договоре, касающихся статуса территории бывшей Турецкой империи.—*А. К.*), которые предоставят американским компаниям или частным лицам те же права и привилегии, что и гражданам держав-мандатариев» (там же).

Большой интерес представляет также документ № 17. Это меморандум от 26 ноября 1918 г., составленный по заданию главнокомандующего военно-морскими силами США в европейских водах адмирала Бенсона уже после начала американо-японской интервенции на Советском Дальнем Востоке (т. II, стр. 101—107). Главная мысль меморандума — разрешение японо-американских противоречий за счет Советской России. Меморандум предлагал направить эту экспансию в желательном для США направлении. При этом составители документа учитывали то обстоятельство, что «...Япония может предпринять экспансию в направлении, противоречащем интересам США». В частности, она хочет захватить

Каролинские и Маршальские острова на Тихом океане, а это «противоречит интересам США». Поэтому, рассуждали авторы меморандума, «не лучше ли на мирной конференции предусмотреть будущую экспансию Японии, чем не допускать ее...». Будущую экспансию Японии представители США предлагали направить против Советской России. «Возможное решение может состоять в том, чтобы дать Японии свободу рук в Восточной Сибири»,— цинично предлагали авторы меморандума. «...Россия имеет огромные территории незаселенной площади далее к западу, для развития которых потребуется труд многих поколений, а потребность Японии безотлагательна...» (стр. 107).

В конце документа выдвигаются конкретные предложения: 1) «интернационализировать» Маршальские и Каролинские острова, германскую Новую Гвинею и Самоа; 2) предоставить Японии Восточную Сибирь до пункта, который должен был быть установлен впоследствии [13]; 3) превратить Владивосток и Дальний в открытые порты [14].

В этом документе без прикрас выступает стремление американских империалистов натравить Японию на Советскую Россию [15]. Таким путем они хотели достичь двух целей: разжечь войну против Советской России и, добившись ослабления обеих сторон в такой войне, утвердить безраздельное господство США на Тихом океане. Эти цели, как известно, определяли политику США на Дальнем Востоке в течение всего периода между двумя мировыми войнами.

Антисоветская направленность политики США сформулирована в ряде других документов. Наиболее полно отражена роль США в качестве одного из организаторов и активных участников военной интервенции против Советской России в меморандумах, составленных сотрудниками госдепартамента Уорреном и Шелдоном (документы № 122 от 3 января и № 150 от 6 января 1919 года. Т. III, стр. 100—112, 220—221), в комментариях Миллера к «Четырнадцати пунктам» Вильсона и в ряде других документов [16].

Среди них большой интерес представляют протоколы заседаний так называемой комиссии по выработке условий перемирия между Польшей и петлюровцами (т. X, стр. 319—488). Из этих протоколов ясно вырисовывается политика США, Англии и Франции, направленная на организацию антисоветской интервенции. Заседания комиссии происходили с 26 апреля по 15 мая 1919 г., то есть в период подготовки второго похода Антанты против Советской России. Как видно из протоколов, основным вопросом, занимавшим комиссию, было вовлечение буржуазно-помещичьей Польши в подготовлявшийся империалистами новый антисоветский поход.

Активную роль в организации нападения Польши на Советскую Россию играли представители США в комиссии — Боумен, Лорд, полковник Эмбик, а также член американской делегации на Парижской конференции генерал Блисс. Подчеркивая нависшую опасность поражения интервентов в связи с развернувшимся наступлением советских войск, они требовали от

---

[13] В документе написано: «Японии следует предоставить Восточную Сибирь вплоть до...?» (стр. 107). Речь шла именно о части Восточной Сибири. Когда же Япония захотела проникнуть дальше, то это, как известно, встретило противодействие со стороны США, которые сами зарились на богатства Сибири.

[14] Определение понятия «открытый», или «интернационализированный», порт дается в другом документе, составленном Миллером 31 июля 1918 года. «Интернационализированный порт,— пишет Миллер,— вряд ли оставался бы постоянно таким. С течением времени какая-нибудь финансовая группа стала бы преобладать над другими с соответствующим увеличением политического контроля...» (т. II, стр. 421). Следовательно, Миллер признавал, что «интернационализация» в его американском понимании означала не что иное, как преобладание, господство наиболее сильных монополий, то есть монополий американских.

[15] Американская политика натравливания Японии на Советскую Россию нашла свое отражение и в других документах. Примечательна в этом отношении запись Миллера в дневнике от 22 февраля 1919 г. о беседе с представителем Китая доктором Ван. Отвечая на вопрос Миллера о том, как наилучшим образом обеспечить японскую экспансию, доктор Ван «показал на карте район севернее Кореи вдоль побережья.., который был мало населен и был бы подходящим для японской экспансии» (т. I, стр. 132). Речь шла о Советском Приморье.

[16] Например, в документе № 85, озаглавленном «Американская программа и международное право», составленном Миллером 31 июля 1918 года (т. II, стр. 350—475). Миллеровские комментарии еще более откровенно, чем официальные комментарии Липпмана и Кобба (см. «Архив полковника Хауза». Т. IV. М. 1944, стр. 148—157, а также «Miller's Diary». Т. II, стр. 69—82), раскрывают агрессивные планы США.

поляков немедленного наступления на Советскую республику.

17—18 апреля 1919 г. генерал Блисс вел переговоры с главой польского правительства Падеревским, во время которых обсуждались условия участия буржуазно-помещичьей Польши в военных действиях против Советской России. В качестве главного условия польские представители выдвигали требование о присоединении к Польше территории Западной Украины. Польша требует «оккупации Восточной Галиции (Западной Украины.— *А. К.*) польскими войсками вплоть до румынской границы и военного контроля над этой областью со стороны поляков»,— заявил 29 апреля на заседании комиссии польский министр иностранных дел Дмовский (стр. 340). При этом он не скрывал, что, добиваясь захвата Западной Украины, Польша стремилась завладеть ее богатыми нефтяными источниками. Польское правительство «желает приобрести контроль над этими нефтяными источниками»,— подчеркивал Дмовский (стр. 341).

Из протоколов комиссии выясняется, что за спиной буржуазно-помещичьего правительства Польши в этом вопросе стояли мощные иностранные нефтяные тресты. К протоколу заседания комиссии 29 апреля приложен документ международного комитета защиты английских, французских, бельгийских интересов в Галиции от 26 ноября 1918 г. (стр. 347—348).

Составители документа, подчеркивая заинтересованность иностранных нефтяных компаний в сохранении своих капиталовложений на Западной Украине, настаивали на присоединении этой области к Польше (стр. 348).

Это требование и было удовлетворено представителями Англии, Франции и США, которые, незаконно присвоив себе право распоряжаться территорией Советской Украины, приняли решение о передаче Западной Украины Польше. Этой ценой — ценой отторжения исконных украинских земель — империалисты хотели купить участие буржуазно-помещичьей Польши в антисоветской интервенции. «...Главная цель любых военных действий в Галиции,— откровенно подчеркнул польский генерал Розвадовский на заседании комиссии 6 мая 1919 г.,— состоит в том, чтобы образовать крепкий военный фронт против большевизма» (стр. 364).

9 мая комиссия приняла решение о том, чтобы в подкрепление польским войскам направить на Западную Украину два батальона войск союзников: один батальон — во Львов, другой — в нефтяные районы Борислав—Тартановичи (стр. 386).

Таким образом, документы о деятельности так называемой комиссии по выработке условий перемирия между Польшей и петлюровцами проливают дополнительный свет на роль США, Англии и Франции в качестве организаторов нападения буржуазно-помещичьей Польши на Советскую Россию.

Весьма характерно в этой связи заявление председателя комиссии генерала Бота на заседании 13 мая 1919 года. «Обе стороны (то есть Польша и петлюровцы.— *А. К.*),— заявил он,— выразили свое желание бороться против большевиков. Комиссия предоставляет как украинцам (петлюровцам.— *А. К.*), так и Польше возможность и средства прийти к соглашению в отношении условий, которые позволят им противостоять общему врагу. Хотя Лига Наций фактически еще не создана, принципы, на которых она основывается, определены, и необходимо действовать в соответствии с этими принципами» (стр. 415).

Это очень интересное признание представителя Англии о том, что принцип, которым руководствовались империалистические державы и который был положен в основу создававшейся по инициативе США Лиги Наций, был принципом борьбы против Советской России.

Именно в том факте, что в издании Миллера имеется множество документов, наглядно свидетельствующих об активном антисоветском характере американской внешней политики в 1918—1919 гг., и следует прежде всего искать причину того, почему буржуазные исследователи пытаются обойти это издание молчанием. Признавая бесспорную ценность «Дневника Миллера» в качестве исторического источника [17], они весьма односторонне пользуются им в своих исследованиях, ссылаясь на миллеровское издание главным образом для обрисовки второстепенных деталей, а документы, раскрывающие подлинные цели империалистических держав в этот период,

---

[17] Так, например, американский историк Бейли в своей книге «Вудро Вильсон и потерянный мир», изданной в 1945 г., когда уже было опубликовано официальное издание госдепартамента о Парижской конференции 1919 г., тем не менее, назвал «Дневник Миллера» «самым значительным собранием документов, опубликованных полностью на сегодняшний день».

обходят гробовым молчанием. Так, например, американский историк Бирдзолл в своей книге «Версаль спустя 20 лет» ссылается на «Дневник», чтобы привести слова министра иностранных дел Англии Бальфура о его неприязни к премьер-министру Австралии Юзу [18]. Примерно такой же характер носят другие его ссылки на это издание. Нигде, разумеется, ни Бирдзолл, ни другие авторы не допускают и намека на наличие в этом издании документов, разоблачающих экспансионистский характер американской внешней политики, ее резко выраженную антисоветскую направленность.

Несмотря на попытки буржуазной историографии увековечить созданные ею легенды, сознательно замалчивая имеющиеся документы, истина и здесь постепенно пробивает себе путь. Весьма симптоматично в этом отношении появление в 1952 г. (то есть после выхода в свет новых работ советских историков по этому вопросу) книги молодого американского историка Вильямса «Американо-русские отношения 1781—1947 гг.» [19]. Вильямс — буржуазный историк, и заподозрить его в каких-либо симпатиях к Советскому Союзу никак нельзя. Тем не менее на основании изучения неопубликованных документов из американских архивов, которые во многом перекликаются с документами из «Дневника Миллера», он приходит к выводу, что ответственность за враждебные отношения между США и Россией, установившиеся после Октябрьской революции, ложится целиком на американское правительство. Семена вражды были посеяны Соединенными Штатами Америки, утверждает Вильямс. Автор изобличает американское правительство во враждебных актах по отношению к Советскому правительству, в организации военных действий против Советского государства и активном участии в них. Советское же правительство, подчеркивает американский историк, неоднократно выступало с мирными предложениями, шло ради этого на всяческие уступки, но все эти предложения неизменно отвергались США.

Выступая против распространенной американской литературой легенды о Вильсоне-«миротворце», Вильямс пишет: «Вильсон активно помогал адмиралу Колчаку, способствовал низвержению большевистского правительства Бела Куна в Венгрии, помогал контрреволюции на юге России, установил американскую экономическую блокаду против Советов, всячески потворствовал попыткам Польши получить новую территорию на Украине... Если наряду с этим оказывалось противодействие японскому проникновению в Сибирь, то это никак не изменяло резкого антагонизма Вашингтона по отношению к Советскому правительству» [20].

Об этом «резком антагонизме» Вашингтона к Советскому правительству наглядно свидетельствует множество документов из архива Миллера.

Большой интерес для исследователя представляет изучение документов, раскрывающих процесс выработки Устава Лиги Наций. При внимательном сопоставлении первоначальных американских вариантов Устава, а также комментариев к ним Миллера и других сотрудников государственного департамента выясняется, что вопреки демагогическим разглагольствованиям Вильсона американские монополии хотели использовать Лигу Наций в своих империалистических целях. Показательна в этой связи американская интерпретация статьи 10-й Устава, которую представители США считали главной и определяющей.

Статья 10-я Устава гласит: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства» [21].

Какой же смысл вкладывали американские государственные деятели в эту статью?

В одном из первоначальных американских проектов Устава, составленном полковником Хаузом 16 июля 1918 г., положение о сохранении территориальной целости и существующей политической независимости членов Лиги (статья 20-я) сопровождается оговоркой о том, что допускаются «такие территориальные изменения.., какие могут оказаться необходимыми в будущем вследствие изменений в существующих расовых условиях и стремлениях...» [22].

---

[18] P. Birdsall. Указ. соч., стр. 52.

[19] W. A. Williams. American-Russian Relations 1781—1947. New York. 1952.

[20] Там же, стр. 170.

[21] «Версальский мирный договор». М. 1925, стр. 9—10.

[22] См. R. S Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. New York. 1927 Т. III, документ № 9, стр. 86.

Разъясняя значение этой статьи, Хауз писал, что статья «№ 20 была написана с мыслью о том, что территориальные гарантии не следует сохранять неизменными. Вполне допустимо, что со временем условия могли бы так измениться, что для некоторых частей одной страны оказалось бы весьма затруднительным оставаться под управлением этой страны. Так, например, можно предположить, что Канада когда-нибудь пожелает стать частью Соединенных Штатов. Возможно также, что Чихуахуа, Коахила или Нижняя Калифорния пожелают стать частью США...» [23].

Таким образом, если отбросить словесную шелуху о «пожеланиях» Канады или Мексики, Хауз недвусмысленно разъяснил, что в содержание статьи 20-й, предусматривавшей «сохранение территориальной целости» гарантируемых стран, американские государственные деятели вкладывали прямо противоположный смысл — возможность присоединения территории этих стран к США.

В дальнейшем, главным образом благодаря противодействию английской дипломатии, представители США были вынуждены опустить эту оговорку к статье 20-й, ставшей впоследствии статьей 10-й Устава Лиги Наций, но продолжали в нее вкладывать первоначальный смысл. Именно обеспечение возможности для распространения американского влияния на ряд территорий имели в виду представители США, когда подчеркивали, что статья 10-я Устава воплощает в себе принципы одной из главных внешнеполитических доктрин США — доктрины Монро. Под лозунгом этой доктрины «Америка для американцев» (то есть «Америка для США».— *А. К.*) американский империализм подчинил своему господству ряд стран Латинской Америки. Теперь американские империалисты хотели распространить доктрину Монро на весь мир.

Эту мысль неоднократно подчеркивал президент Вильсон. «То, что она (доктрина Монро.— *А. К.*) сделала для Западного мира (то есть Западного полушария.— *А. К.*),— говорил он еще 10 декабря 1916 г.,— Лига Наций сделает для остального мира» (т. I, стр. 37). «По существу, я предлагаю, чтобы все страны одновременно приняли доктрину президента Монро в качестве доктрины мира»,— заявил он в другой раз (т. II, стр. 444—445).

[23] Там же.

Рассчитывая занять господствующее положение в Лиге Наций, США надеялись в будущем использовать Устав Лиги в качестве ширмы для американской экспансии. Под прикрытием статей Устава они надеялись добиться отмены сфер влияния других держав в колониальных и зависимых странах, в первую очередь в Китае, и повсеместного применения выгодного США принципа «открытых дверей».

Известно, что под флагом доктрины Монро американские империалисты осуществляли не только захваты территорий и экономическое закабаление стран Латинской Америки, но и интервенцию с целью подавления революционного национально-освободительного движения народов этих стран. «Доктрина Монро позволяет употребление силы против южноамериканских республик»,— говорил Вильсон (т. I, стр. 187).

Стремясь в статье 10-й Устава Лиги Наций распространить принципы доктрины Монро на весь мир, американские империалисты хотели применять в отношении всех стран и положение о военном подавлении революционного движения. Именно такое толкование статьи 10-й дается в письме генерала Блисса государственному секретарю Лансингу (от 31 декабря 1918 г.). В этом письме Блисс писал: «Внутренняя революция всегда приводит к очень большим, хотя, возможно, и временным беспорядкам... Влиятельные круги будут ратовать в пользу интервенции», которая, отмечал Блисс, будет осуществляться в «оправданных целях», то есть для спасения правительств, подвергающихся опасности свержения в результате революции.

Среди членов Лиги Наций будут раздаваться требования «спасти свое правительство от разрушения...»,— писал Блисс. «Чем сильнее будет Лига Наций, тем более неизбежна будет ее тенденция сохранять все на мертвой точке статуса кво... Чем более схож будет характер правительств (стран, входящих в Лигу Наций.— *А. К.*), тем больше будет тенденция сотрудничать с целью предотвратить перемены в любом из них» (т. III, стр. 27—28).

Таким образом, в этом письме генерал Блисс в известной мере выразил американские планы использования Лиги Наций для подавления революции и сохранения повсюду капиталистического строя.

В своем комментарии от 14 января 1919 г. к первому вильсоновскому проекту Устава Лиги Наций Миллер, явно преувеличивая силу и авторитет США в послевоен-

ном мире, подчеркивал их претензии на руководящую роль в создаваемой Лиге. «Программа президента должна быть выполнена,— писал он.— Мы финансировали и кормили союзников, и нам придется в дальнейшем финансировать и кормить Европу... Европа обанкротилась в финансовом отношении, а европейские правительства — в моральном отношении. Один лишь намек об уходе американцев в результате сопротивления их желаниям... повлек бы за собой падение каждого правительства в Европе без исключения и вызвал бы революцию в каждой европейской стране...» (т. III, стр. 258—259).

Здесь достаточно ясно сказано о том, что США ставили своей задачей подавить революционное движение в европейских странах.

Революционная ситуация в Европе, сложившаяся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции,— вот главная причина, побудившая США принять на себя обязательство гарантировать при помощи военной силы незыблемость насильственно насаждаемых на штыках войск Антанты реакционных правительств в ряде европейских стран, или, выражаясь словами статьи 10-й Устава Лиги Наций, гарантировать «существующую политическую независимость» этих стран.

Наряду с уникальными документами в «Дневнике Миллера» помещены также документы, которые впоследствии вошли в другие публикации. Таковы протоколы пленарных заседаний Парижской конференции (т. IV, стр 48—159; т. XX, стр. 1—250) [24], переписка Гувера с членами американской делегации и другими представителями США об использовании так называемой «помощи» для маскировки политики интервенции (т. IV, стр. 180, 369—370; т. V, стр. 479—480) [25], протоколы комиссии по составлению Устава Лиги Наций — так называемой Комиссии отеля Крийон» (т. IV, стр. 378—414; т. V, стр. 40—120, 215—240; т. VII, стр. 86—140) [26], американские проекты решения репарационного вопроса, в частности, меморандумы Джона Фостера Даллеса (т. VI, стр. 73—150) [27], отдельные протоколы заседаний членов американской делегации (т. VII, стр. 250—307) [28], некоторые американские проекты Устава Лиги Наций (тт. V, VII, VIII) [29].

Протоколы комиссии по портам, водным путям и железным дорогам [30], составляющие содержание XI и XII томов, опубликованы в VI томе французского издания документов Парижской конференции 1919 г. «La Documentation Internationale», а протоколы комиссии по выработке мирных договоров со странами, выделившимися из бывшей Австро-Венгерской империи, помещенные в XIII томе, опубликованы в XI томе французского издания.

Что касается XIV—XVI томов «Дневника Миллера», то они содержат протоколы заседания Верховного совета Парижской конференции (за исключением заседаний Совета четырех) [31] за период с 23 января до 26 сентября 1919 г., которые впоследствии были опубликованы в официальном издании госдепартамента.

---

[24] См. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». T. III. Washington. 1943.

[25] См. S. Bane and R. Lutz, ed. Organization of American Relief in Europe, 1918—1919. California, 1943.

[26] См. Lapradelle, ed. La Documentation Internationale. La Paix de Versailles. Vol. I—XII. Paris. 1920—1939. T. II. Протоколы, помещенные у Миллера, свидетельствуют о том, что во французском издании даны далеко не полные протокольные записи заседаний этой комиссии. Миллер также публикует их не полностью. Характерен следующий пример. В выступлении на заседании комиссии 13 февраля представитель Франции Ларно заявил: «Я был встревожен минуту тому назад, когда лорд Роберт Сесиль сказал мне, что необходимо будет составить планы вторжения во все страны в мире, в которых могут произойти восстания» (т. V, стр. 351—378). В этих словах выражены подлинные цели империалистических держав при создании Лиги Наций. Однако в протоколе заседания этого заявления Сесиля, на которое ссылается Ларно, нет ни у Миллера, ни во французском издании.

[27] См. P. M. Burnett. Reparation at the Paris Peace Conference. New York. 1940. Vol. 1—2.

[28] См. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». T. XI. Washington. 1945.

[29] См. D. H. Miller. The Drafting of the Covenant. T. 2. New York. 1928.

[30] Миллер был представителем США в этой комиссии и поэтому публикует все материалы, касающиеся ее деятельности.

[31] Протоколы Совета четырех были опубликованы в издании госдепартамента «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». T. IV. Washington. 1946. Наиболее полно эти протоколы представлены в недавно изданном двухтомнике Поля Манту. P. Mantoux. Les Délibérations du Conseil des Quatre. Paris. 1955.

В XIX томе «Дневника Миллера» напечатаны американские комментарии к мирному договору, представляющие собой краткую историю составления отдельных статей Версальского договора. Эти комментарии в значительной мере повторяют в сжатой форме содержание документов, помещенных в предыдущих томах.

Значительный интерес представляют XVII и XVIII тома, в которых помещены выдержки из информационных бюллетеней американской делегации. О существовании этих бюллетеней мы впервые узнаем от Миллера. Назначение бюллетеней состояло в том, чтобы информировать членов американской делегации о всех вопросах, возникавших на Парижской конференции. В короткой статье нельзя даже вкратце осветить все многообразие вопросов, освещенных в бюллетенях. Здесь и вопрос о забастовках в Тешинском угольном бассейне в Чехословакии (т. XVIII, стр. 111), и протесты китайской общественности против решения Парижской конференции о передаче Японии китайской провинции Шаньдун (там же, стр. 111—112), и вопрос об Аландских островах (там же, стр. 105), и другие.

Особенно много документов касается так называемого «политического совещания», представлявшего собой дипломатический штаб русской контрреволюции в Париже. Обилие этих документов в бюллетенях американской делегации лишний раз подчеркивает антисоветскую направленность политики США на Парижской конференции 1919 года. Не допуская участия представителей Советского правительства в конференции, США и другие империалистические державы вместе с тем фактически разрешили участие в ней представителям контрреволюционных «правительств» Колчака, Чайковского и других.

Наибольший интерес представляют бюллетени №№ 113, 122, 123, 153, 320 (т. XVII, стр. 318—326, 346—349, 350—353, 427—430; т. XVIII, стр. 451—461), которые проливают новый свет на американскую политику возрождения милитаризма в Германии для борьбы против Советской России, а также против революционного движения в Европе [32].

★

Внимательное ознакомление с так называемым «Дневником Миллера» приводит к выводу о несомненном значении этого издания для изучения международной обстановки в 1918—1919 гг. и в особенности внешней политики США. В ряде документов, вошедших в «Дневник», содержатся факты, которые, помимо воли самого составителя издания, наглядно характеризуют империалистическую сущность политики США в этот период, их стремление воспользоваться ослаблением своих конкурентов в результате первой мировой войны для того, чтобы занять их место и играть ведущую роль среди великих держав. Документы из «Дневника Миллера» служат лишним доказательством правильности вывода, который на основании большого фактического материала сделали в своих исследованиях об этом периоде советские историки [33], а также прогрессивные историки других стран [34], что — вопреки легендам буржуазной историографии — американский империализм был активным организатором и участником военной интервенции против молодого Советского государства, вел непримиримую борьбу против мощного революционного движения, развернувшегося во всех странах под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[32] См. А. Е. Кунина. Указ. соч., стр. 159—164.

[33] А. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М. 1952. Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М. 1949; А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920). М. 1952; Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М. 1956; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». М. 1956; С. Григорцевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. и ее разгром. М. 1957, и другие. См. также статьи: А. Миллер. Американский план захвата Константинополя и проливов в 1919 году. «Вопросы истории», 1951, № 3; Ю. А. Писарев. Из истории экспансии империализма Соединенных Штатов Америки на Балканах (1918—1923 гг.). «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». Т. VII, 1950, № 4; В. Турок. Захватнические планы американского империализма в странах Юго-Восточной Европы в 1919 году. «Вопросы истории», 1950, № 11; М. Бирман. Контрреволюционная роль США и Антанты в Болгарии в 1918—1919 годах. «Вопросы истории», 1951, № 5, и другие.

[34] У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953; М. Сайерс и А. Кан. Тайная война против Советской России. М. 1947; А. Норден. Между Берлином и Москвой. М. 1956, и другие.

О ЖУРНАЛЕ «ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ»

(ОБЗОР НОМЕРОВ, ВЫШЕДШИХ В 1956—1957 годах)

З. Н. Маслова, Г. А. Нерсесов, А. М. Сахаров

Среди советских периодических изданий по вопросам истории журналу «Преподавание истории в школе» принадлежит особое место. Материалы этого журнала предназначены для самого массового отряда наших историков — учителей средней школы, ведущих большую и благородную работу по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения.

Не всегда имея возможность непосредственно следить за современной историографией и в то же время обязанный в силу своей профессии точно и доступно ответить на любой пытливый вопрос своих учеников, школьный учитель остро нуждается в умном, компетентном помощнике, который бы вовремя обращал его внимание на то новое, что появляется в изучении того или иного вопроса, помогал бы дельным методическим советом, сообщал о новых книгах. Такой помощник у учителя есть: это издаваемый Учпедгизом Министерства просвещения РСФСР журнал «Преподавание истории в школе», выходящий один раз в два месяца.

После XX съезда КПСС, поставившего со всей остротой задачу ликвидации серьезных недостатков в идеологической работе, журналу «Преподавание истории в школе» предстояло правильно ориентировать учителей-историков в освещении ряда важных исторических проблем и дать ответы на многие острые вопросы, неизбежно возникающие в ходе перестройки преподавания истории в средней школе.

К чести журнала, надо сказать, что его редакция постаралась серьезно и вдумчиво подойти к решению задач, поставленных XX съездом КПСС. Перед началом 1956/57 учебного года в № 4 журнала была опубликована обстоятельная передовая статья «О задачах преподавания истории и развития методики истории в свете решений XX съезда КПСС». В отличие от передовых статей в первых номерах журнала за 1956 год, мало уделявших внимания педагогическим вопросам, передовая статья в № 4 в основном верно отметила недостатки преподавания и наметила пути их исправления. В этой статье журнал справедливо высказался за пересмотр старых и создание ряда новых хрестоматий и книг для чтения по истории СССР и всеобщей истории. В статье правильно поставлен вопрос о необходимости критического рассмотрения существующих школьных учебников. Известно, что издававшиеся в предыдущие годы школьные учебники по истории, особенно для старших классов, не свободны от серьезных ошибок, порожденных культом личности. В опубликованной журналом «Знамя» (1955, № 4) заметке делегата XX съезда КПСС, преподавательницы истории 239-й средней школы Ленинграда М. Вересаевой справедливо говорится, что нередко «в учебниках школьники не находят ответа на волнующие их вопросы, вернее, находят, но неверные ответы» (стр. 10).

Журнал «Преподавание истории в школе» указал на то, что вокруг учебников «создался своеобразный заговор молчания... считалось, что об учебниках надо говорить или хорошо, или ничего» (№ 4, стр. 8). Журнал начал публикацию статей с анализом некоторых учебников, поместил рецензию о новом издании учебника по истории СССР для 10-х классов (№ 4) и одну статью, посвященную рассмотрению конкретного вопроса об освещении в учебнике истории средних веков роли древних славян в судьбах Восточной Римской империи (№ 2).

Продолжая рассмотрение принципиально важных для преподавания в школе вопросов, в передовой статье № 5 журнала «История и современность в преподавании истории» редакция журнала справедливо отметила, что решения XX съезда КПСС с новой силой подчеркивают «важность использования исторического опыта для понимания задач сегодняшнего дня» (стр. 9). В этой связи особое значение наряду с изучением в школе истории советского общества приобретает изучение новейшей истории зарубежных стран. А между тем в настоящее время в нашей школе не изучается наиболее близкий к современности период всеобщей истории — период 1918—1950-х годов. Редакция правильно указала в передовой журнала № 4 на необходимость введения в школе курса новейшей истории. В последнее время отдельные проблемы новейшей истории включены в программу по истории СССР для 10-х классов (ноябрьская революция 1918 г. в Герма-

нии, версальская система, революционное движение в Китае, образование КНР и др.). Казалось бы, журнал должен был помочь учителям наладить преподавание этих новых разделов курса. Однако за весь 1956 г. по новейшей истории опубликована только одна статья М. Ф. Юрьева «Первая гражданская революционная война 1924—1927 гг. в Китае» (№ 2).

В свете решений XX съезда КПСС важное значение имеет постановка на страницах журнала проблемы освещения роли народных масс и личности в историческом процессе. Этому вопросу посвящена в № 5 статья А. А. Вагина, вызвавшая живой интерес у преподавателей и получившая положительные отклики. Однако не все в ней удовлетворяет читателя. Автор уделяет внимание главным образом роли народных масс в революциях и крупных революционных движениях. В то же время роль народных масс в периоды так называемого «мирного развития» почти совсем не рассматривается. Поэтому оказалась, по существу, не раскрытой в статье и роль народных масс в процессе производства, в развитии производительных сил.

Полезной для учителя явилась содержательная статья Г. Г. Литаврина «К вопросу о раскрытии роли народных масс на уроках истории средних веков» (№ 6). В ней на конкретном материале рассматривается сложный вопрос о том, как показать роль народных масс в развитии производительных сил в эпоху феодализма. Публикацию такого рода статей по другим разделам отечественной и зарубежной истории следует всячески приветствовать.

Проблема развития производительных сил, на наш взгляд, вообще должна привлечь особое внимание журнала. Как правило, эта тематика, имеющая исключительно важное значение для выработки у учащихся марксистско-ленинского понимания истории, представляет большую сложность для учителя. Историко-экономический материал обычно излагается в учебниках очень сухо и скупо. А дополнительные материалы в обобщенном виде найти трудно, к тому же это требует большой затраты времени, очень ограниченного у учителя.

Публикация научно-популярных статей, документальных и методических материалов по вопросам развития производительных сил позволила бы решительно улучшить преподавание историко-экономических тем школьного курса, гораздо шире и ярче показать роль народных масс в создании материальных ценностей, полнее раскрыть закономерности общественного развития.

К сожалению, научно-популярный отдел не удовлетворяет полностью насущные требования учителей. Из статей, опубликованных в этом отделе в 1956 г., вопросам истории нашей страны посвящено 13, в том числе периоду феодализма — 5, капитализма — 5, а советскому периоду — всего 3. Следовательно, учителя не находят в журнале достаточного количества материалов по наиболее ответственному разделу отечественной истории — истории советского общества. А ведь именно по этому периоду учителям особенно необходимо получить в своем журнале возможно больше доброкачественного научного материала.

Очень мало внимания уделяет редакция журнала и вопросам всеобщей истории. В течение года в научно-популярном отделе опубликованы только две статьи, посвященные всеобщей истории, а в методическом — 7 статей (из 26), причем по второму периоду новой истории (от франко-прусской войны и Парижской коммуны до Великой Октябрьской социалистической революции и конца первой мировой войны) не появилось ни одной статьи в течение всего 1956 года. В то же время на темы древней истории напечатаны три статьи.

Однако главным при оценке материалов, печатаемых в журнале, являются не количественные показатели, а качество, научный и идейный уровень. Статьи, предназначенные для научно-популярного отдела, должны отличаться от исследовательских статей, публикуемых в специальных научных журналах. В них следует излагать популярно, но строго научно-обобщенные результаты исследований и дискуссий в области исторической науки.

В 1956 г. в этом отделе журнала было опубликовано несколько содержательных, серьезных статей. К ним можно отнести статьи Т. Д. Ионкиной «Крестьянское движение в революции 1905—1907 годов», О. Г. Большакова «Культура Средней Азии в средние века» (№ 1), А. В. Фадеева «О характере внешней политики царизма во второй половине XVIII века» (№ 3), В. А. Федорова «Восстание новгородских военных поселений в 1831 г.», Н. М. Пирумовой «В. И. Ленин о народничестве 70-х годов XIX века», А. М. Осипова «Древняя Индия» (№ 5), М. И. Кузнецова «Г. В. Плеханов (к столетию со дня рождения)», Н. Ф. Кузьмина «Организация Коммунистической партией обороны Совет-

ской страны в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» (№ 6). Это действительно научно-популярные статьи, написанные со знанием дела и содержащие научный анализ рассматриваемых вопросов.

Однако эти статьи составляют немногим более половины того, что напечатано в научно-популярном отделе. Некоторые из статей этого отдела содержат лишь вспомогательный, главным образом фактический материал для подготовки учителя к уроку, подобранный к тому же довольно случайно. Авторы этих статей не делают научных выводов и обобщений (статьи А. И. Мельникова «Молодежь в первой русской революции» (№ 3), К. Осипова «Николай Бауман» (№ 1) и другие). В некоторых статьях популярность граничит с примитивностью, а научный анализ либо отсутствует, либо заменяется декларативными утверждениями. Для примера можно привести статью Ю. П. Аксенова и Г. В. Ильина «Влияние русской культуры на развитие культуры Украины, Белоруссии и Закавказья в XIX веке» (№ 2). Сразу же возникает сомнение: правомерно ли рассматривать как однотипные явления взаимодействие культур России, Украины и Белоруссии и культур России и Закавказья? Если украинская и белорусская культуры близки русской и между собой, то Закавказье представляет собой совершенно отличный по традициям и формам развития культуры район. Предпосылкой влияния русской культуры на культуру других народов авторы считают лишь вхождение этих народов в состав России, их государственное объединение с русским народом. Этого, конечно, мало.

Ю. П. Аксенов и Г. В. Ильин не учитывают специфику национальных культур. Они не ставят вопрос о том, что же представляла собой культура нерусских народов в XIX веке. Само понятие «культура» сведено в статье, по существу, к одной лишь литературе. Ю. П. Аксенов и Г. В. Ильин не показывают, в каких формах конкретно выразилось влияние русской культуры на культуру нерусских народов. Говорится лишь об отношении деятелей украинской, белорусской, закавказской культур к России и русской литературе. Но этого совершенно недостаточно. Лишь вскользь отмечают авторы обратное влияние культур нерусских народов на русскую культуру, сводя все к тому, что в русской культуре появились «темы и мотивы Украины, Белоруссии и Закавказья» (стр. 28).

Система доказательств в статье крайне поверхностна. Декларируется, что творчество А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя «имело огромное значение для творчества ряда украинских писателей и, прежде всего, для Т. Г. Шевченко (1814—1861), поэта и революционного демократа» (№ 2, стр. 28). Доказывается это тем, что Пушкина Шевченко «очень любил и чрезвычайно ценил», поэзией Лермонтова «восхищался», «зачитывался баснями Крылова», что «Горе от ума» «покорило» Шевченко, что «Мертвые души» он назвал «великой книгой» и «очень жалел, что не смог лично познакомиться с Н. В. Гоголем». Но все эти рассуждения еще ничего не доказывают. Было бы гораздо полезнее, если бы авторы на примере конкретных произведений показали влияние названных ими русских писателей на творчество Шевченко.

В № 1 журнала напечатана статья Г. П. Ямскова «Участие чувашского народа в крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева». В примечании редакции сказано, что это «результат научной работы учителя». Читатели вправе думать, что редакция рекомендует работу Г. П. Ямскова как образец научно-популярной работы преподавателя средней школы. Но, к сожалению, статья Г. П. Ямскова не может служить таким образцом, ибо представляет собой слабую компиляцию материалов, почерпнутых из журнальных и газетных статей. Вряд ли можно сомневаться в том, что редакция могла бы получить от наших учителей немало статей, действительно заслуживающих публикации.

Наибольший интерес у учителей вызывает, естественно, методический отдел журнала. В 1956 г. здесь был помещен ряд весьма полезных и интересных статей. В частности, вполне оправдано внимание журнала к вопросам истории культуры (5 статей), которые, как правило, сложны для изложения и трудно усваиваются учащимися. Заслуживает одобрения стремление журнала популяризировать опыт передовых учителей (статья Ю. Н. Друговского «Крылатые слова на уроках истории древнего мира» в № 4 и др.).

В № 1 журнала дана методическая разработка темы «Возникновение научного коммунизма. Карл Маркс и Фридрих Энгельс» (автор — А. П. Аверьянов). Она в значительной мере повторяет соответствующую главу нового методического пособия по новой истории того же автора. Вероят-

но, публикуя эту статью, редакция стремилась дать учителям возможность использовать ее уже в 1955/56 учебном году (пособие вышло во второй половине 1956 года). Но в этом случае было бы гораздо целесообразнее не дублировать методическое пособие, а заказать статью другому автору, что позволило бы в дальнейшем учителю сравнить различные варианты методической разработки одной и той же темы и взять из них лучшее.

Одним из главных недостатков преподавания истории в школе является стандартное построение уроков, в результате чего снижается интерес учащихся к предмету. Однообразие методических материалов, опубликованных в журнале, не только не помогает устранению этого недостатка, но, по сути дела, ориентирует учителя на изложение тем по одной, строго определенной схеме.

Создается впечатление, что редакция, комплектуя номер, подчас исходит не из потребностей учителя, а из наличия в ее портфеле уже готовых материалов.

Не всегда удовлетворительны статьи методического отдела с научной стороны. В статье П. В. Горы «Завершение объединения русских земель в едином государстве с центром в Москве» (№ 4), например, много фактических ошибок и неверных положений. Так, документ о бурении соляных скважин относится не к XV, а к XVI в.[1], «часник», поставленный в Москве в 1404 г., сделан не русскими, а сербскими мастерами[2], причем в источниках нет никаких указаний на то, что такие «часозвони» «были построены во многих русских городах». Не известно, на чем основано и такое утверждение автора: «На барщине XV и последующих веков крестьяне работали своими орудиями труда, тогда как в древнерусском государстве полевые барщинные работы производились господскими орудиями труда и при помощи господских лошадей» (стр. 35). В «Русской Правде», однако, есть указания, что свои кони имелись не только у смердов, но и у закупов, работавших на земле господина[3], а источники XVII в. свидетельствуют, что феодалы с целью привлечения крестьян иногда наделяли их орудиями производства[4]. Известно, что первое упоминание о приказах в источниках относится лишь к 1512 году. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что «уже в начале XVI в. подлинное управление государством сосредоточивалось не столько в Думе, сколько в приказах» (стр. 42).

Еще до выхода журнала со статьей П. В. Горы была опубликована работа А. А. Зимина, убедительно показавшего, что приказы возникают значительно позже конца XV — начала XVI века[5]. В то время приказы только зарождались, а усиление роли приказной бюрократии во второй половине XVI в. все-таки еще не привело к оттеснению на задний план боярской Думы. Даже монархию XVII в. В. И. Ленин характеризовал как самодержавие «с боярской Думой и боярской аристократией»[6].

Статья П. В. Горы содержит много правильных и полезных сведений и выводов. Но допущенные ошибки снижают ценность статьи. В методической разработке формулировки и факты должны быть абсолютно точны.

Схематизмом страдает статья С. В. Икова о крестьянских восстаниях XVII в. в России (№ 3). Выступления Болотникова и Разина в изображении автора как две капли воды похожи друг на друга; читатель ничего не узнает о каких-либо отличиях и особенностях этих движений. Автор явно недооценивает значения казачества в Крестьянской войне под руководством С. Т. Разина. Вообще эта война изложена С. В. Иковым в отрыве от тех конкретно-исторических условий, в которых она происходила. Вывод о значении крестьянских выступлений дан в статье в виде малопонятной абстрактной формулы. Общие слова о «расшатывании» крепостного строя запоминаются учащимися легко, но объяснить, в чем именно оно заключалось, обычно никто из них не может.

В № 2 опубликована статья И. И. Мерзона «Изучение темы «Греческая культура V—IV вв. до н. э.» в школьном курсе истории древнего мира». Здесь приводится ин-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М. 1948, стр. 573. Примечание 114.

[2] Полное собрание русских летописей. Т. 25, стр. 233.

[3] М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения «Русской Правды». М. 1953, стр. 99, статья 53.

[4] См., например, А. Х. Горфункель. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. Автореферат кандидатской диссертации. Л. 1956, стр. 10.

[5] А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 3. М. 1954.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 308.

тересный фактический материал, но некоторые принципиальные установки автора вызывают серьезные сомнения. И. И. Мерзон некритически отнесся (стр. 64, 65, 68) к содержащемуся в школьном учебнике С. И. Ковалева по истории древнего мира утверждению о том, что культура древней Греции «была создана свободными людьми, а не рабами». С этим можно согласиться в тех случаях, когда речь идет о литературе, театре, скульптуре и т. п. Но, как уже отмечалось, понятие «культура» гораздо шире: оно охватывает все многообразие культурного творчества народа, в том числе архитектуру, художественное ремесло, музыку, танцы и т. д. Между тем известно, что такие замечательные памятники древнегреческой культуры, как общественные здания, храмы, изделия художественного ремесла и пр., создавались не только руками свободных людей, но в значительной степени руками рабов. Огромное количество рабов было занято в ремесленных мастерских (эргастериях), производивших великолепные, подлинно художественные изделия, а также на строительстве разнообразных архитектурных сооружений.

Менее изучена роль рабов в развитии древнегреческой музыки, танцевального искусства и т. д. Но, по-видимому, эта роль была достаточно велика. Во всяком случае, невозможно отрицать, что рабы внесли большой и ценный вклад во многие области культуры древней Греции.

Схематично и упрощенно излагается в статье И. И. Мерзона вопрос о характере древнегреческой культуры. Автор совершенно игнорирует специфику рабовладельческого общества: наличие, кроме двух основных антагонистических классов — свободных и рабов,— большой социальной дифференциации среди самих свободных, что выражалось в острой классовой борьбе между рабовладельческой аристократией и демосом (в Греции), патрициями и плебеями (в Риме). Вопрос о том, как отражалась эта борьба в области культуры, в статье даже не поставлен.

Нельзя согласиться и с тенденцией автора установить равенство между понятиями «свободный» и «рабовладелец», представляющей собой явное упрощение. Так, например, И. И. Мерзон пишет, что «древнегреческий театр служил только интересам рабовладельцев» (стр. 62). Этот тезис основывается единственно на том, что театр могли посещать лишь свободные греки. У читателя может создаться впечатление, что в древнегреческом, да и вообще в рабовладельческом обществе все свободные являлись рабовладельцами.

Ошибочные установки имеются и в интересной разработке В. Н. Семеновой «Изучение в VII классе темы «Развитие ремесла и торговли. Рост городов»» (№ 3). Нельзя согласиться с рекомендацией автора не раскрывать в VII классе термин «производительные силы» и заменить его словом «производство» (стр. 58). Как известно, общественное производство включает в себя производительные силы и производственные отношения. Если последовать совету В. Н. Семеновой, то учащиеся получат и закрепят в своем сознании неправильное толкование понятия «производство», что приведет к выработке у них искаженного представления о закономерностях социально-экономического развития.

В. Н. Семенова ошибается и в некоторых конкретных вопросах. Она считает, что в Киевской Руси «города возникли как промышленные и торговые центры значительно раньше, чем в Западной Европе (VIII—IX вв.)» (стр. 59). Но ведь это неверно, и на эту ошибку обратят внимание не только учителя, но и учащиеся, которым известна история античного мира и которые, во всяком случае, знают, что Рим и Афины существовали как крупные торговые и ремесленные центры значительно раньше, чем Киев и Новгород. Да и в отношении западноевропейских городов феодальной эпохи нет оснований утверждать, что они возникли позже городов Киевской Руси. Правильнее было бы сказать, что эти процессы проходили одновременно.

Нельзя пройти мимо еще одного выступления в методическом отделе журнала — статьи московского учителя И. З. Озерского «Исторический музей в школе» (№ 2). Автор говорит в этой статье о привлечении произведений искусства для иллюстрации явлений исторического прошлого. Сама по себе эта идея весьма полезная, но в изложении автора она недостаточно удачно выражена. Описывая содержание и значение картин русских художников, используемых для ознакомления учащихся с прошлым, он пишет: «В отделе «Кризис крепостнической системы. Начало промышленного переворота в России» помещена репродукция с картины Г. Г. Мясоедова «Косцы», которая показывает преимущество вольнонаемного труда над подневольным трудом крепостных. Две другие репродукции — с картин В. Г. Перова «Приезд гу-

вернантки в купеческий дом» и П. А. Федотова «Сватовство майора» — свидетельствуют о росте класса буржуазии и разорении дворянства. Репродукция с картины Н. А. Ярошенко «Осужденный» показывает стремление самодержавия репрессиями задержать разложение крепостного строя в России... Репродукция с картины И. Е. Репина «Бурлаки, идущие вброд» показывает тяжесть капиталистической эксплуатации. В отделе представлены также диаграммы «Выплавка чугуна в России до реформы 1861 г.», «Вывоз хлеба из России до реформы 1861 г.» и «Увеличение численности свободных рабочих в промышленности до реформы 1861 г.»» (стр. 84). Такой вульгарный социологизм в объяснении произведений искусства недопустим. При изучении истории нельзя ставить знак равенства между диаграммой о выплавке чугуна и картинами Мясоедова и Перова. Использование произведений искусства в преподавании истории — очень сложное дело. Здесь никак нельзя подходить с узкопотребительской меркой. Это тем более вредно, что эстетическое воспитание на произведениях изобразительного искусства в школе ведется совершенно недостаточно. И если учитель истории привлекает картины Перова и Репина, Сурикова и Ярошенко, Мясоедова и Крамского, он обязан показать учащимся не только отражение в этих картинах определенных исторических явлений, но и художественное воспроизведение жизни, раскрыть красоту этих произведений. В противном случае использование в преподавании истории или любого другого предмета художественных творений может принести больше вреда, чем пользы.

Наконец, несколько замечаний о публикациях критико-библиографического отдела журнала в 1956 году. Отметим ряд полезных для учителя материалов, особенно под рубрикой «Книжная полка», где перечислены и иногда кратко аннотированы новые книги по истории и художественные произведения на исторические сюжеты. Можно было бы рекомендовать журналу включать в библиографию и статьи, опубликованные в периодических изданиях, по крайней мере, наиболее важные из них.

Хуже, на наш взгляд, обстоит дело с рецензированием отдельных книг. Сопоставляя напечатанные рецензии со списками литературы в отделе «Книжная полка», легко убедиться, что лишь ничтожная часть рекомендованной учителю самим журналом литературы получает оценку на его страницах. Очень редко публикуются в журнале тематические обзоры, которые дают возможность при сравнительно небольшом объеме статьи рассмотреть значительное количество книг по определенной проблеме. За весь 1956 г. в журнале появился только один обзор (А. С. Варшавского и Ю. П. Шарапова «В помощь научно-атеистической пропаганде» № 4).

Среди помещенных в журнале рецензий есть весьма интересные и содержательные. Назовем в качестве примера статью М. Е. Соловьева о книге А. Яновского «Юрий Долгорукий» (№ 5). Рецензент убедительно критикует слабость А. Яновского как в методических, так и в конкретно-исторических вопросах, справедливо протестует против идеализации исторического прошлого, выступает за «необходимость более глубокого научно правильного изучения исторических процессов» (стр. 116).

Много в этом отделе и других в целом полезных статей. Среди них рецензии А. В. Малкова на IV том «Истории Москвы» (№ 2) и на «Очерки истории СССР конца XV — начала XVII века» (№ 4), Р. Сабсовича на книгу о Ярославе Домбровском (№ 1), Г. Короткевича на книгу Геза Гардони «Звезды Эгера» (№ 5) и др.

В критико-библиографическом отделе публиковались в 1956 г. и ошибочные статьи. В № 2, например, напечатана рецензия З. И. Михайловичевой на книгу А. Волкова «Зодчие». Главный порок этой рецензии — в приверженности ее автора к противоречащей историческим фактам идеализации отношений между царем и народом. Так, З. И. Михайловичева утверждает, что правительство Ивана Грозного решило соорудить в Москве Покровский собор, «отвечая народным настроениям» (стр. 109). Она хвалит надуманную и фальшивую сцену в романе, когда народ якобы единодушно одобряет в Кремле постановление боярской Думы о походе на Казань. В изложении З. И. Михайловичевой правительство Ивана IV было якобы тесно связано с народом и в своей деятельности отражало настроения масс. Между тем основной недостаток книги А. Волкова, на который историк, рецензирующий роман, должен был прежде всего направить острие своей критики, в том и состоит, что в ней ошибочно подчеркиваются связи царя с народом.

★

В начале 1957 г. Учебно-методический совет Министерства просвещения РСФСР

организовал обсуждение журнала «Преподавание истории в школе» за 1956 год. Участники обсуждения — учителя, методисты, научные работники — отметили положительные стороны в работе журнала и указали на его недостатки. Судя по вышедшим в свет трем номерам журнала за 1957 г., редакция учла ряд критических замечаний и пожеланий, сделанных при обсуждении. В частности, значительно расширен и улучшен методический отдел журнала. В № 1 за 1957 г. под заголовком «К обмену опытом работы с новыми учебниками истории» опубликованы статьи о школьных учебниках по истории древнего мира (для V—VI классов) и по истории СССР (для VIII класса). Особенно следует отметить статью учительницы истории и методиста Свердловского института усовершенствования учителей А. А. Янко-Триницкой, в которой дается подробный сравнительный разбор достоинств и недостатков двух учебников — С. И. Ковалева и Ф. П. Коровкина — по истории древнего мира.

Редакция заявила о своем намерении продолжить публикацию такого рода статей и обратилась к читателям журнала с призывом принять участие в обсуждении школьных учебников, указав на основные вопросы, которые должны быть подняты в ходе этого обсуждения. Критический разбор учебников, а также программ и методической литературы по отдельным темам дается в некоторых других материалах журнала, например, в интересной статье С. Е. Хозе и А. Я. Черняк об изучении промышленного переворота в России (№ 3). В библиографическом отделе опубликованы рецензии на методические пособия для учителей по истории древнего мира (авторы И. И. Мерзон, С. Н. Бенклиев) (1957, № 1) и первому периоду новой истории (автор Н. И. Кудрявцева) (1957, № 3). Если журнал доведет начатое им дело до конца, это будет серьезным вкладом в улучшение преподавания истории в школе.

Читатели журнала выражали желание увидеть на его страницах обстоятельный разбор не только больших тем школьного курса истории, но и отдельных уроков. В 1957 г. журнал начал публиковать стенограммы уроков и статьи, в которых анализируются эти уроки (№№ 1 и 2), а также заметки учителей о подготовке к урокам, о заданиях на дом и т. д. Гораздо больше внимания стал уделять журнал и такому важному вопросу, как изготовление и использование наглядных пособий по истории (№№ 1 и 3). Весьма интересна и статья А. А. Вагина «Рассказ учителя на уроках истории в старших классах» (№ 3).

К статьям методического отдела примыкают многие материалы из отдела «Консультации» и передовая статья № 1 за 1957 г., дающая учителям ряд конкретных советов о том, как развернуть работу по подготовке к празднованию сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Если методический и некоторые другие отделы журнала стали интереснее и разнообразнее, то этого нельзя сказать о научно-популярном отделе. Правда, в тематике статей, опубликованных в нем, наметился определенный сдвиг. Из четырех статей две посвящены истории советского общества: статья А. В. Васильева «О первом периоде Великой Отечественной войны» (№ 1) и статья Н. Ф. Кузьмина «Организация Коммунистической партией разгрома двух объединенных военных походов Антанты против страны Советов (март 1919 г.— февраль 1920 г.)» (№ 3). Обе статьи содержат большой фактический материал и дают ясное представление о событиях огромной исторической важности, в освещении которых ранее допускались ошибки, нашедшие свое отражение и в учебной и в специальной литературе. Вызывает, однако, серьезное неудовлетворение резкое сокращение количества статей научно-популярного отдела. Если в первых трех номерах журнала за 1956 г. было опубликовано 9 статей, то теперь — только 4. Таким образом, расширение методического отдела произошло за счет научно-популярного, что объясняется, по-видимому, ограниченностью листажа журнала. Думается, что настала пора выпускать журнал для учителей-историков, потребность в котором очень велика, не шесть раз в год, а ежемесячно, увеличив тем самым вдвое его годовой объем.

Журнал «Преподавание истории в школе», несомненно, оказывает серьезную помощь советским учителям-историкам. Вместе с тем наряду с хорошими, научно-обоснованными статьями в журнале в 1956—1957 гг. было немало и неудачных материалов. Причиной этого, на наш взгляд, является недостаточная требовательность редакционной коллегии журнала к научному уровню публикуемых в нем материалов. Хочется выразить надежду, что уже в ближайшее время этот существенный недостаток в работе журнала будет устранен.

Рецензии

История СССР

В. И. ДУЛОВ. *Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.)*. Изд-во Академии наук СССР. М. 1956. 608 стр. Тираж 1 600. Цена 21 руб. 60 коп.

На протяжении многих веков тувинский народ, переходя из-под власти одних завоевателей под власть других, был объектом жестокого колониального гнета. Только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции он добился освобождения и в 1921 г. создал свое независимое государство — Тувинскую Народную Республику. Более двадцати лет Тува находилась в самых близких, добрососедских и дружественных отношениях с Советским Союзом, при братской помощи которого развивались ее государственный строй, экономика и культура. В 1944 г. тувинский народ добровольно вошел в семью народов нашей страны, его республика стала одной из автономных областей РСФСР, органической частью великого Советского Союза.

Тувинцы относятся к числу древних народов Азии. Об их предках — племени «дубо» — имеются упоминания в древних китайских летописях. У Тувы были исконные исторические связи с Китаем, Монголией, с государствами Средней Азии, и она издавна привлекала внимание путешественников, этнографов и историков [1]. Некоторые исследователи создали о Туве специальные труды. Однако до сих пор они в основном интересовались естественно-географическим положением Тувы, выясняли происхождение тувинского народа, изучали его занятия, жилища, одежду, верования и обычаи, освещали внешнеполитическое положение страны как объекта колониальной эксплуатации. Что касается глубоких внутренних процессов социально-экономического развития тувинского общества, то они в подавляющем большинстве статей и книг затрагивались до сих пор лишь мимоходом. Только Р. М. Кабо посвятил две специальные работы изучению данной проблемы [2]. Но эти работы, явившиеся в свое время большим шагом вперед в историографии Тувы, были написаны четверть века назад и в значительной мере устарели.

В. И. Дулов взялся за разработку малоизученной, но важной и актуальной проблемы истории Тувы. Всестороннее раскрытие и правильное освещение социально-экономических отношений создают базу для глубокого марксистского изучения всех остальных сторон истории Тувинской автономной области, а также ее социалистического преобразования.

В рецензируемой монографии, охватывающей весь XIX и первые 16 лет XX в., использованы разнообразные источники: документы архивов Москвы, Ленинграда, Иркутска, Новосибирска и Красноярска; историко-этнографическая литература, статьи и заметки о Туве, напечатанные в сибирских газетах и журналах; произведения тувинского фольклора; записи воспоминаний очевидцев событий последней трети XIX — начала XX века.

В книге десять глав. В первых двух дана характеристика литературы и источников исследуемой проблемы. В остальных автор рассматривает хозяйство тувинцев, пережитки общинно-родового быта, социально-экономические отношения в тувинской деревне, русскую крестьянскую колонизацию, развитие товарно-денежных отноше-

[1] В. Л. Попов. Урянхайский край. Иркутск. 1913; В. М. Родевич. Очерки Урянхайского края. СПБ. 1910; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск. 1900; Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань. 1902; В. А. Ватин-Быстрянский. Сойоны в начале 40-х годов прошлого столетия. «Сибирский архив», 1916, кн. 1, стр. 1—7; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. СПБ. 1914; т. II. Л. 1926; т. III. Вып. I. Л. 1926; т. III. Вып. 2. Л. 1930; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М. 1954; Л. П. Потапов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. «Советская этнография», 1953, № 2.

[2] Р. М. Кабо. Общественно-экономический строй дореволюционной Тувы. «Революционный Восток», 1931, № 11—12, стр. 47—75; его же. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. I. Дореволюционная Тува. М.-Л. 1934.

ний, зарождение элементов капитализма, разложение натурального хозяйства, национально-освободительное движение и классовую борьбу — короче говоря, все стороны социально-экономической истории Тувы изучаемого периода. Исследование разных сторон экономической истории страны в их взаимосвязи на основе обобщения многочисленных источников само по себе представляет большое достоинство рецензируемой книги.

В отношении истории Тувы в трудах предшественников автора содержались разноречивые концепции: согласно одной из них, в Туве вплоть до начала XX в. существовал первобытно-общинный, а по другой — чисто феодальный строй. В. И. Дулов, стремясь решить центральную задачу своего исследования, делает вывод, что в Туве в изучаемый им период существовали отсталые, патриархально-феодальные отношения. Этот вывод представляется правильным, хотя в отдельных случаях в ходе изложения позитивных материалов он недостаточно глубоко и ясно обоснован и потому вызывает ряд критических замечаний, которые будут приведены ниже.

В главе шестой — «Национально-освободительное движение и классовая борьба в Туве в XIX веке» — В. И. Дулов в отличие от прежних исследователей более широко и глубоко изучает классовую борьбу и национально-освободительное движение тувинского народа, раскрывает их прогрессивное историческое значение. Несмотря на то, что борьба тувинских аратов против феодализма носила еще зачаточный характер, она имела важное историческое значение в жизни тувинского народа, способствовала повышению политической активности аратов и вооружала их революционным опытом борьбы против угнетателей, за свое национальное и социальное освобождение.

Объективно эта борьба имела прогрессивное значение, так как расшатывала систему патриархально-феодальных отношений, подрывала их устои.

Автор рецензируемой книги, рассматривая влияние Китая, Монголии и России на Туву, приходит к правильному заключению, что из этих стран Россия оказывала главное и притом прогрессивное воздействие на развитие тувинского народа. В. И. Дулов подкрепляет этот вывод показом экономического и культурного развития России, которое было значительно выше в то время, чем экономическое и культурное развитие Китая и Монголии. Кроме того, автор правильно рассматривает данный вопрос в связи с вовлечением Тувы в сферу революционного движения в России и особенно в связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции и вхождением Тувинской Народной Республики в СССР.

В книге всесторонне разбирается русская крестьянская колонизация Тувы; ей посвящена вся восьмая глава. На основании анализа большого фактического материала автору удалось показать, что переселение русских крестьян в Туву имело положительное значение для тувинского народа. Русские крестьяне, применяя более совершенные приемы труда в хозяйственной деятельности, особенно в земледелии, способствовали развитию производительных сил Тувы, умножению ее материальных богатств. Проникновение в Туву более высокой русской техники, появление некоторого количества предприятий, основанных русскими промышленниками, вызвали возникновение элементов более прогрессивного способа производства — капиталистического уклада.

Особенно ценен вывод В. И. Дулова о том, что «непосредственное общение русской бедноты и батрачества с тувинской беднотой имело важное значение для политического развития трудящихся аратов Тувы. Именно русские рабочие, батраки и бедняки в Туве стали проводниками революционных идей, они связали тувинскую бедноту с русским революционным пролетариатом, и только эта историческая связь могла обеспечить победу революции в Туве» (стр. 474). Как по количеству и содержанию использованных новых архивных документов, так и по широте правильно разрешенных вопросов глава «Русская крестьянская колонизация Тувы» — наиболее глубокая и интересная часть монографии.

Достоинства рецензируемого труда позволяют сказать, что он представляет большой шаг вперед по пути марксистско-ленинского изучения истории тувинского народа и является значительным вкладом в историографию Тувы.

Вместе с тем, как указывает сам автор в предисловии к книге, отдельные вопросы освещены «недостаточно полно», решение ряда других вопросов является «предварительным» (стр. 8). Это замечание автора правильно, ибо освещение в книге некоторых сторон социально-экономической жиз-

ни Тувы является спорным, а подчас и просто неудачным.

Основным спорным выводом автора, на наш взгляд, является отрицание роли земли как главного средства производства. Из 608 страниц монографии земельному вопросу уделено только 5 (стр. 173—178). «Скот в условиях кочевого хозяйства,— пишет В. И. Дулов,— был таким же главным орудием, а значит, и условием производства, как земля, хотя он, как говорит Маркс, был сам «продуктом земли» (стр. 174). В этом исходном теоретическом положении, вопреки приведенному автором указанию Маркса, между скотом и землей ставится как будто знак равенства.

При конкретном же анализе социально-экономических отношений В. И. Дулов уже отодвигает вопрос о роли земли в хозяйстве тувинцев на задний план, не раскрывает значение земли как средства производства, хотя бы равнозначного скоту. Более того, в дальнейшем вопрос о роли земли в экономике страны совсем выпадает из поля зрения автора; объектом рассмотрения оказывается только скот, как якобы главное средство производства.

В. И. Дулов указывает, что в Туве в изучаемый им период существовала «крупная феодальная собственность нойона на скот и его право распоряжаться пастбищами» (стр. 177). Здесь автор не только отодвигает землю на второй план, но и употребляет выражение «распоряжаться пастбищами» в смысле административного права нойонов регулировать землепользование в хошуне. У него получается так, что не монопольная собственность феодалов на землю являлась экономической основой их власти и административных прав, а, наоборот, административные права делали их монопольными владельцами земли (стр. 259—260). Между тем известно, что в слова «распоряжение землей» основоположники марксизма-ленинизма, имея в виду феодальное общество, вкладывали именно понятие собственности феодалов на землю. Характерно, что в своей большой монографии В. И. Дулов ни разу не употребил выражение «феодальная собственность нойонов на землю». Это понятие у автора всюду подменено фразой «крупная феодальная собственность нойона на скот».

В этом же плане автор рассматривает и феодальную ренту; он связывает ее только с собственностью нойонов на скот и ни разу не говорит о возникновении и развитии в Туве феодальной земельной ренты.

Недооценка значения земли как главного средства производства и связанное с этим отрицание частной собственности на землю привели автора к ряду таких выводов, которые не могут быть признаны правильными. В. И. Дулов, например, утверждает, что в дореволюционной Туве «аграрный вопрос не имел такой остроты, как у земледельческих народов» (стр. 174). Это, конечно, неверное утверждение. Степень остроты аграрного вопроса у скотоводческих народов дореволюционного периода может быть правильно определена только с точки зрения внутренних социально-экономических проблем развития данного народа. Вплоть до начала XX в. Тува оставалась аграрной, крестьянской страной. Какой же вопрос мог быть более важным и острым для тувинского крестьянства, боровшегося против местных феодалов и колонизаторов, как не аграрный вопрос? Одна из великих заслуг национально-освободительной и народно-демократической революции, в результате победы которой в 1921 г. возникла Тувинская Народная Республика, состоит в том, что она уничтожила феодальную собственность чужеземных захватчиков на тувинские земли, создала условия для ликвидации феодальной собственности на землю нойонов, лам и других местных эксплуататоров. В результате революции вся земля была передана тувинскому трудовому крестьянству. Этим был разрешен весьма острый и важный для тувинского народа вопрос.

В Туве до начала XX в. существовал обычай «саал ижер», или «саап ишкен», по которому нойоны передавали беднякам часть своих дойных коров для ухода за ними. Дореволюционные исследователи слишком расширительно понимали сущность этого обычая, считая, что на его основании передавались на содержание в чужие хозяйства все виды скота. В. И. Дулов в своем исследовании разделяет эту ошибочную точку зрения и тоже считает, что обычай «саап ишкен» относился ко всем видам скота. На самом деле в «саап ишкен» нойоны передавали только дойных коров, как это видно из фольклорных сведений и фактических данных историко-этнографической литературы. Слово «саап» в переводе на русский язык означает «доить», а слово «ишкен» — «пить». Арат, бравший коров на временное содержание, обязан был доить их, пасти, а через определенное время возвратить хозяину, но с приплодом и с установленным при оформ-

лении сделки количеством молочных продуктов, в том числе масла. За свой труд он пользовался остававшейся частью этих продуктов. Из содержания и формы рассматриваемого обычая ясно видно, что нойоны не могли передавать в «саап ишкен» быков и молодняк.

В 13-м разделе пятой главы автор рассматривает только передачу рабочего скота в чужие хозяйства, оставляя вне поля зрения такие формы содержания недойного скота в чужих хозяйствах, как «ажаар», «кодорар», «чылгыладыр» и др. Он не подвергает критике концепцию Е. К. Яковлева и других исследователей, которые ошибочно сводили различные формы передачи дойного и недойного скота в чужие хозяйства на содержание только к обычаю «саап ишкен».

Слишком расширительное понимание сущности обычая «саап ишкен», а также ошибочная, по нашему мнению, концепция автора, связанная с недооценкой земли как главного средства производства, привели к неправильной оценке обычая «саап ишкен» как основной формы эксплуатации тувинского крестьянства. Этому выводу автора противоречит фактический материал, имеющийся в книге В. И. Дулова. Так, например, в монографии сообщается, что у вдовы чангы Долгар было 11 юрт (кара-еглер) зависимых людей, которые непосредственно работали на земле своей хозяйки. Одни из этих аратов «пасли лошадей, другие — коров и быков, третьи — овец и т. д.» (стр. 193). У феодала Иймажапа было 11 кара-еглер. Жильцы пяти из этих юрт должны были доить коров, причем на каждую из юрт приходилось от 10 до 50 коров, жильцы трех юрт служили табунщиками лошадей, а жильцы трех остальных юрт — пастухами овец (стр. 194). Если верить этим данным, то в хозяйстве Иймажапа содержалось одних дойных коров до 150—200. К этому прибавляется молодняк рогатого скота, рабочий скот, лошади и овцы, число которых в совокупности в десятки раз превышало, судя по данным о количестве разных видов скота (стр. 191—192), число дойных коров. В хозяйстве нойона Еузутту работало 15 крестьянских семей (стр. 194). У Верхне-Чадаанского монастыря было 4 чыза. На земле только одного из них содержалось более 300 лошадей, 60 коров и свыше 700 голов мелкого скота (стр. 202).

Все эти и другие факты опровергают вывод В. И. Дулова о том, что в «саал ижер» передавалась основная масса скота феодалов, что центр эксплуатации находился не в феодальном хозяйстве, а в хозяйстве аратов (стр. 192—193, 259), и позволяют прийти к заключению, что центр эксплуатации основной массы аратов находился в самом нойонском хозяйстве.

В. И. Дулов очень внимательно изучил пережитки родового строя, которые сохранились в Туве в XIX — начале XX века. Он собрал ценные материалы о родовом составе тувинцев, об остатках родового строя в производстве и в быту и сделал ряд выводов, которые представляются достаточно обоснованными. Однако вызывает возражение преувеличение автором значения родовых пережитков. В книге все явления до того облечены в «родовые формы», что иногда становится трудно понять их классовое содержание. При этом В. И. Дулов часто впадает в досадные противоречия. Приверженец теории «родового строя» в Туве в конце XIX в. Е. К. Яковлев утверждал: «Сойот не может быть голоден, если рядом другой сыт; в период голодовок богачам приходится голодать так же, как и беднякам...». В. И. Дулов, приводя эти слова, принимает их всерьез и пытается объяснить, почему тувинские феодалы «голодали» вместе со своими сородичами-бедняками (стр. 149—151). А в другом месте он приводит противоположные факты, свидетельствующие о том, что нойоны не давали ни куска мяса беднякам, которые умирали от голода. Приведем один пример. Тувинские нойоны усыновляли мальчиков с тем, чтобы вырастить из них крепостных аратов. Про этих мальчиков В. И. Дулов пишет: «Усыновленный («азыранды-кижи») — огул входил в семью богача почти на правах равного члена семьи, он питался остатками пищи со стола приемного отца...» (стр. 252). В стремлении доказать силу родовой «взаимопомощи» автор не замечает даже противоречия между двумя частями этого короткого предложения.

Переоценка значения пережитков родового строя сказалась и на структуре книги. В. И. Дулов как с методологической, так и с фактической точки зрения мог бы начать свое исследование с рассмотрения классовых отношений, которые в Туве изучаемого периода были, несомненно, господствовавшими. Однако он начал свое исследование с родовых отношений, посвятив им обширную главу.

В шестой главе книги В. И. Дулов, без-

условно, обогатил, по сравнению со своими предшественниками, изучение истории классовой борьбы и национально-освободительного движения. Непонятно только, почему эти два явления рассмотрены им в одной главе. Автор, конечно, прав, когда утверждает, что классовая борьба и национально-освободительное движение были тесно связаны друг с другом. Но он должен был иметь в виду следующее важное указание В. И. Ленина:

«Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы» [3].

В. И. Ленин выделяет классовую борьбу как решающий фактор истории классового общества, не смешивая ее с другими общественными явлениями, в том числе и с национально-освободительным движением. Раскрытие связи национально-освободительного движения с классовой борьбой возможно только при всестороннем и глубоком изучении классовой борьбы как самостоятельного объекта исторического исследования.

При возникновении и развитии классовой борьбы решающую роль играют внутренние антагонистические противоречия общества данной страны, разделенного на эксплуататоров и эксплуатируемых. При возникновении и обострении национально-освободительного движения такую роль играет противоречие между данной колониальной страной и метрополией. Это обстоятельство обусловливает все остальные различия, которые существуют между классовой борьбой и национально-освободительным движением.

В результате рассмотрения этих двух явлений в одной главе у В. И. Дулова получилось некоторое смешение классовой борьбы с национально-освободительным движением. Выделение истории классовой борьбы в Туве в отдельную главу, безусловно, улучшило бы монографию, облегчило бы исследование событий национально-освободительного движения в 1876—1878 и 1883—1885 гг., раскрытие его специфических особенностей, а также выяснение связи этого движения с классовой борьбой.

Автор специально рассматривает причины обострения классовой борьбы и роста национально-освободительного движения тувинцев, причем важнейшей из этих причин считает проникновение китайского и особенно российского торгового капитала (стр. 272—279). Вообще следует отметить, что В. И. Дулов преувеличивает роль торгового капитала в тувинском историческом процессе (стр. 276).

Несомненно, торговый капитал играл определенную роль в обострении классовой борьбы и росте национально-освободительного движения тувинцев. Но В. И. Дулов упускает из виду более глубокую экономическую основу изучаемых им событий — именно наличие феодальной собственности тувинских и иноземных эксплуататоров на землю и скот.

Верховным собственником всех земель Тувы с XVIII в. до 1911 г. была цинская династия китайских императоров, основанная в 1644 г. маньчжурскими феодалами. 13 сумонов [4], в которых жило около 12 тыс. тувинцев, то есть $^1/_3$ всего населения Тувы, с XVIII в. находились в крепостной зависимости от монгольских феодалов—вассалов китайских императоров. Тувинские священники — ламы,— численность которых в XIX в. дошла до 4 тыс., являлись крупными феодальными собственниками земли. Всю остальную часть земельного фонда страны захватили местные светские феодалы — нойоны.

В Туве довольно рано возникла частная собственность на землю. Ее зарождению и развитию способствовало влияние древних феодальных государств — Китая и Монголии. В результате длительного исторического развития под влиянием различных факторов, в том числе приспособленных к интересам господствующего класса пережитков первобытно-общинного строя и ростовщического капитала, вся земля Тувы к концу XIX в. оказалась монопольной частной собственностью феодалов, которым тувинские крестьяне платили земельную ренту. Китайские императоры получали эту ренту в виде албана (ясака), монгольские феодалы — скотом и пушниной, тувинские нойоны и ламы — в форме неоплаченного

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 41.

[4] Дореволюционная Тува делилась на 6 округов — хошунов, а они, в свою очередь,— на сумоны, сумон — на арбаны.

прибавочного труда аратов в их хозяйстве. В пользу земельных собственников уплачивались ундурюг[5] и другие подати, отбывались кочага[6], уртельная[7] и другие повинности.

Монополизация земли в руках местных и иноземных феодалов, лишение аратов собственности на землю и полное их разорение, тяжелая феодальная земельная рента — именно в этом лежала основная экономическая причина обострения классовой борьбы между аратами и нойонами Тувы в описываемый в книге период. Эта же причина способствовала росту национально-освободительного движения тувинских народных масс, поскольку значительная часть феодалов являлась иноземцами. Она привела в движение также и местных феодалов, которые были заинтересованы не в уничтожении влияния торгового капитала, проникавшего в Туву из Китая и России, как это полагает В. И. Дулов, а в захвате той части земельного фонда страны, которая находилась в руках чужеземных феодалов.

В 15-м разделе пятой главы книги, где изложена общая характеристика патриархально-феодальных отношений, автор утверждает, что охота и собирательство оставались главными отраслями хозяйства ряда районов Тувы, что это, по его мнению, «еще больше подчеркивает отсталость и примитивность тувинской экономики, узость экономического фундамента, на который опиралось воспроизводство материальной жизни тувинского общества. Естественно, что на таком уровне производства родовой быт и его пережитки составляли самую великолепную и самую широкую основу для эксплуатации» (стр. 259, разрядка моя.— *Г. Б.*). Из этих слов видно явное преувеличение автором значения охоты и собирательства в Туве XIX—начала XX века. В Тоджинском хошуне, где тувинцы сравнительно много занимались охотой и собиранием сараны (питательный и лекарственный корень), находилось всего около $^1/_{10}$ населения Тувы. Кроме того, и в этом хошуне жители занимались скотоводством и оленеводством, имевшими не менее важное значение в экономике, чем охота и собирательство. Но дело не в этом. Дело в том, что в Туве в XIX—начале XX в. пережитки родового строя служили лишь оболочкой, за которой скрывалась эксплуатация, и ни в каком смысле не могли быть ее основой. Вывод В. И. Дулова о том, что родовой быт и его пережитки якобы составляли самую великолепную и самую широкую основу для эксплуатации, противоречит его же мысли о том, что источником феодальной эксплуатации арата была монополизация земельной собственности в руках феодалов. Эта правильная мысль, к сожалению, не развита в книге.

Наконец, еще один существенный момент. Автор рецензируемой книги имел предшественников, которые были сторонниками различных идейно-политических направлений и руководствовались различными научными методами при разработке данной проблемы. Однако В. И. Дулов не подвергает их работы и концепции критике с позиций марксистско-ленинской методологии. Если бы автор в связи с разработкой коренных вопросов социально-экономической истории Тувы провел такую работу, его монография значительно выиграла бы.

Следует сказать несколько слов относительно структуры книги. Она имеет слишком большое количество мелких разделов, в силу чего факты и мысли автора в отдельных главах несколько распылены. Не совсем удачным оказалось и заключение: в нем вместо того, чтобы обобщить содержание всех глав книги, автор занялся рассмотрением новых вопросов (стр. 558—562).

В книге напечатано значительное количество таблиц, в которых приводятся интересные для изучения экономического развития Тувы данные. Но неясно, где хранятся или содержатся источники, которые использованы при составлении более чем одной трети этих таблиц (см. таблицы 6—9; 17—22; 28—31).

Несмотря на отмеченные недостатки, книга В. И. Дулова, являющаяся ценным и, по существу, первым исследованием социально-экономической истории Тувы, бесспорно, заслуживает положительной оценки.

Г. П. Башарин

---

[5] Ундурюг — поборы в пользу нойонов, размеры их не были точно определены. Ундурюг платился пушниной, скотом, кожей и другими продуктами скотоводства.

[6] Кочага (медээчи) — повинность, заключавшаяся в исполнении административно-полицейских функций при нойоне. За этой повинностью, как правило, скрывалась эксплуатация арата и его семьи в хозяйстве нойона.

[7] Уртельная повинность — поставка китайским, монгольским и тувинским чиновникам лошадей, продовольствия и юрт во время их поездок по Туве.

Г. В. ХАЧАПУРИДЗЕ. *Борьба грузинского народа за установление Советской власти.* Госполитиздат. 1956. 286 стр. Цена 6 руб. 50 коп. Тираж 10 000.

Рецензируемая книга Г. В. Хачапуридзе, вышедшая третьим изданием, по сравнению с предыдущими изданиями значительно переработана и дополнена новыми архивными материалами. В ней систематически и последовательно с позиций марксизма-ленинизма освещается борьба грузинского народа за победу Советской власти. В книгах, издававшихся ранее, допускались серьезные отклонения от марксистской методологии, недостаточно раскрывалась роль народных масс, идеализировалось историческое прошлое.

В книге Г. В. Хачапуридзе тщательно отобран и систематизирован большой фактический материал, раскрывающий особенности развития революционного движения в Грузии в период подготовки Октябрьской революции и после ее победы, разоблачающий буржуазно-националистическую политику грузинских меньшевиков.

Автором правильно показана руководящая роль Коммунистической партии в сплочении народов многонациональной Грузии, мобилизации их на борьбу за победу Советской власти. В книге приведены яркие факты, свидетельствующие о борьбе грузинских большевиков за воспитание трудящихся в духе ленинских принципов пролетарского интернационализма. История установления Советской власти в Грузии рассматривается автором в связи с революционными событиями во всей России. В книге показана огромная помощь, оказанная трудящимся Грузии ЦК партии, В. И. Лениным и великим русским народом, подробно освещена деятельность на Кавказе в 1917—1921 гг. С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микояна, П. А. Джапаридзе, С. Г. Шаумяна и других.

В работе подробно показана упорная борьба грузинских большевиков с меньшевиками и эсерами и на конкретных фактах разоблачена позорная деятельность меньшевистских лидеров Н. Жордания, Н. Рамишвили и других, открыто перешедших на сторону буржуазии.

Исследование вопроса о борьбе грузинского народа за установление Советской власти Г. В. Хачапуридзе начинает с периода первой мировой войны. Он приводит факты, свидетельствующие о том, что в это время большевики Грузии неуклонно проводили в жизнь марксистско-ленинскую тактику по вопросам войны, мира и революции, боролись за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за свержение царской власти.

В тяжелых нелегальных условиях они собирали партийные кадры, укрепляли партийные организации и готовили массы к революционной борьбе.

В октябре 1915 г. в Баку под руководством С. Шаумяна было проведено совещание кавказских организаций большевиков. В основу его работы легли ленинские тезисы о войне и манифест ЦК РСДРП(б) «Война и российская социал-демократия» (стр. 26—27).

Важное значение имели также решения совещания по национальному вопросу, поставившие перед партийными организациями задачи усилить работу по разоблачению преступной политики эксплуататоров, разжигавших национальную вражду. На совещании был избран руководящий партийный центр — Кавказское бюро РСДРП(б), в состав которого вошли Ф. Махарадзе, И. Фиолетов, С. Шаумян и другие (стр. 27—28).

Совещание укрепило единство большевистских организаций Грузии, и их работа приняла еще более широкий размах. Использовались все возможности для усиления деятельности в легальных организациях.

В промышленных районах Грузии (Тифлис, Чиатура, Тквибули, Батуми, Поти и др.) в 1915—1916 гг. большевики руководили мощными рабочими стачками. Деятельность организации РСДРП(б) способствовала росту революционного движения в грузинской деревне.

Грузинские большевики создавали во фронтовых и тыловых войсковых частях партийные ячейки. В книге особо отмечается большая работа, проводимая в армии такими партийными деятелями, как П. Джапаридзе, Г. Корганов, П. Арвеладзе, З. Богданов, О. Габуния и другие. Наряду с колоссальной организационной работой партия постоянно вела напряженную борьбу с буржуазными националистами и меньшевиками, пытавшимися добиться раскола рабочего класса.

Автор приводит выдержку из письма С. Шаумяна В. И. Ленину от 1 ноября 1915 г.: «В общем позволю себе думать, что я и вся наша родня держала наше семейное знамя высоко и что Вы можете быть спокойны за нашу репутацию» (стр. 29).

Вторая глава посвящена анализу положения в Грузии после Февральской буржуазно-демократической революции. Как и во всей стране, там образовалось двоевластие: Советы во главе с меньшевиками, с одной стороны, и Особый закавказский комитет — местный орган Временного правительства — с другой.

Большевистские организации Грузии в это время были ослаблены репрессиями царизма. Многие члены партии находились в тюрьмах или были высланы из пределов Закавказья. Бороться с меньшевиками стало трудно, особенно если учесть малочисленность и относительную слабость рабочего класса Грузии. В отдельных организациях стали появляться соглашательские, оппортунистические тенденции. В этом отношении показательно объединение тифлисской группы большевиков с меньшевиками в марте 1917 года. Но, несмотря на все трудности, большевики шаг за шагом завоевывали массы на свою сторону. Большевикам удалось добиться введения рабочего контроля на некоторых предприятиях. «Под влиянием большевистской агитации,— пишет автор,— рабочие Тифлиса уже с конца марта начали явочным порядком вводить восьмичасовой рабочий день на ряде предприятий (городской трамвай, типографии, переплетные мастерские и др.). В результате этого фабриканты и заводчики были вынуждены формально признать установление восьмичасового рабочего дня и с 19 апреля начали проводить его в жизнь» (стр. 51).

Рабочее движение повлияло на развитие революционных настроений в грузинской деревне. Крестьяне отказывались от выполнения повинностей и самочинно объявляли землю своей собственностью.

Большое место в книге уделено вопросу завоевания солдатских масс на сторону революции. На фронте и в тыловых частях Кавказской армии распространялись большевистские газеты и листовки. Большевики использовали Первый Краевой съезд Кавказской армии для пропаганды своих взглядов. Все эти мероприятия постепенно усиливали большевизацию солдатских масс — все громче раздавались голоса протеста против войны, росло число дезертиров. Как сообщает автор, «по неполным данным Краевого совета Кавказской армии, летом 1917 г. насчитывалось 128 тыс. солдат, самовольно оставивших фронт» (стр. 66).

После июльских событий большевики Грузии вместе со всей партией, руководствуясь историческими решениями VI съезда РСДРП(б), взяли курс на подготовку к вооруженному восстанию. Большое значение в этом деле имел Кавказский съезд большевистских организаций, который проходил в Тифлисе со 2 по 7 октября 1917 года. В центре внимания съезда стоял доклад С. Шаумяна о текущем моменте. Исходя из решений VI съезда партии, Краевой съезд признал главной задачей мобилизацию рабочих и крестьян на свержение буржуазии и завоевание власти путем вооруженного восстания. В книге приведена выдержка из резолюции съезда о текущем моменте. В ней говорится: «Первый съезд Кавказских организаций РСДРП(большевиков) заявляет, что никакого доверия и никакой поддержки рабочий класс, солдаты и крестьяне не могут оказывать состряпанному руками Церетели и К° контрреволюционному, противонародному правительству Керенского — Коновалова». Взяв курс на вооруженное восстание, съезд заявил, что он считает очередной задачей революции «созыв Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который должен взять в свои руки всю государственную власть...» (стр. 79—80).

Победа Октябрьской революции была встречена трудящимися Грузии с величайшей радостью и вызвала рост революционного движения. Г. В. Хачапуридзе приводит многочисленные факты, свидетельствующие о горячих симпатиях грузинского народа к революционным массам России, к победившей социалистической революции. На массовых митингах, собраниях рабочих, крестьян и солдат в конце 1917 г. трудящиеся Грузии требовали передачи власти в руки Советов. Однако установление Советской власти в Грузии произошло значительно позднее, чем в других районах страны. Анализу причин, обусловивших это обстоятельство, и характеристике положения в Грузии в 1918—1919 гг. посвящены III и IV главы рецензируемой книги.

Против революционных сил Грузии объединились все реакционные партии и группы Закавказья. Воплощением этой контрреволюционной коалиции явился так называе-

мый Закавказский комиссариат, созданный в ноябре 1917 г. из представителей меньшевиков, эсеров, муссаватистов, дашнаков. Комиссариат заключил союз с белогвардейцами Северного Кавказа и Дона и оказывал им материальную помощь. В конце ноября был создан «Национальный совет» Грузии. Аналогичные организации имелись в Азербайджане и Армении. Кроме того, был образован «Межнациональный совет» для координации деятельности «национальных советов».

Трудящимся приходилось вести неравную борьбу с двумя силами контрреволюции: иностранными войсками, находившимися в Закавказье, и буржуазно-националистическим правительством меньшевиков, вступившим в прямой сговор с интервентами. Империалистические державы грубо вмешивались во внутренние дела народов Закавказья. Американский консул в Тифлисе Ф. Смит 10 ноября 1917 г. сообщал государственному секретарю США Лансингу, что закавказское правительство объединится с юго-восточной федерацией, то есть с белогвардейскими правительствами на Тереке, Дону и Кубани, и заранее просил Лансинга уполномочить его признать это правительство (стр. 93). Представители американских правящих кругов оказывали всемерную поддержку контрреволюционным «правительствам» на Кавказе в их борьбе против сил революции. Документы, приведенные в книге, показывают, что агенты империалистических государств принимали активное участие в осуществлении злодейской расправы над русскими солдатами у станции Шамхор (стр. 101). Меньшевистские лидеры превратили Грузию в колонию кайзеровской Германии и пытались создать из нее плацдарм для борьбы с Советской властью.

Автор приводит многочисленные документы, показывающие, как грабили немецкие империалисты страну, подавляли революционное движение. «Интервенты держались в Грузии,— пишет он,— как подлинные хозяева... 22 июля 1918 г. было подписано соглашение между Германией и Грузией о передаче капиталистам Германии в эксплуатацию Чиатурских марганцевых копей... Установив в Грузии режим террора и насилия, оккупанты жестоко расправлялись с гражданами за малейшее противодействие...» (стр. 121—122).

После ряда поражений, нанесенных немецким войскам Красной Армией, после победы Советской власти на Украине, в Баку и разгрома Германии в первой мировой войне немецкие войска были вынуждены в конце 1918 г. покинуть пределы Закавказья. «Однако,— пишет автор,— их место попытались занять новые интервенты. 16 ноября 1918 г. англо-французские военные суда вошли в Черное море, и вскоре их войска высадились в Одессе и Закавказье. 17 ноября интервенты заняли Баку, 25 декабря они вступили в Тифлис. Английские военные части были также размещены в Кутаисе, Поти, Гори, Самтреди, Ахалцихи, Болниси, Казбеге и других стратегических пунктах» (стр. 143). Конкретные факты, приведенные в книге, показывают, как антантовские оккупанты грабили богатства Грузии, подавляли выступления трудящихся, стремясь превратить страну в опорный пункт для борьбы против Советской России. Но и английские интервенты не удержались в Закавказье.

Успехи Красной Армии на фронтах гражданской войны, усиление революционного движения на Кавказе, революционизирование английских солдат, посланных для свержения Советской власти, нарастание революционного движения и открытый протест рабочего класса стран Западной Европы против действий интервентов вынудили английское командование убрать свои войска с Кавказа.

Автор книги показывает, что, несмотря на жесточайший террор интервентов и их ставленников, трудящиеся Грузии, руководимые большевиками, в течение всего времени иностранной оккупации страны не прекращали своей революционной борьбы.

В феврале 1918 г. на собрании большевиков, работавших в профсоюзах, был создан нелегальный Рабочий центр, действовавший под руководством Тифлисского комитета партии. Этот центр руководил борьбой рабочих, распространял большевистскую литературу, и стачечное движение начало расти с новой силой. «...По одному только Тифлису осенью 1918 г.,— сообщает автор,— было зарегистрировано 1 600 конфликтов между рабочими и предпринимателями. В Кутаисе же за это время имело место 684 конфликта» (стр. 135). Весной и летом 1918 г. восстанием были охвачены многие районы Грузии. В апреле 1918 г. абхазские повстанцы взяли г. Сухуми и провозгласили там Советскую власть, просуществовавшую в Абхазии 42 дня. Лишь при помощи немецких империалистов меньшевикам удалось беспощадно подавить это народное восстание.

В 1919 г. грузинские большевики значительно расширили свою работу по мобилизации революционных сил. Сильные партийные группы действовали в Кутаисе, Батуме, в районах Абхазии, Юго-Осетии, в Зугдидском, Сенакском и других уездах. Широко развернули работу молодежные коммунистические организации. По всей Грузии развернулась мощная стачечная борьба, переросшая во многих районах в вооруженное восстание. Рабочий класс и трудящееся крестьянство Грузии обращали свои взоры в сторону Советской России, где в это время рабочие и крестьяне под руководством партии вели победоносную героическую войну против объединенных сил международной и внутренней контрреволюции. С. М. Киров в телеграмме В. И. Ленину 3 июня 1919 г. сообщал, что в Грузии партия работает нелегально. Много товарищей в тюрьмах, но в рядах партии до 4 тыс. рабочих и крестьян, и в народных массах быстро растет сочувствие Советской власти (стр. 156).

Особой остроты борьба за Советскую власть в Грузии достигла в 1920 г. и завершилась в начале 1921 г. победой трудящихся. Описанию этих исторических событий и посвящены последние (V, VI и VII) главы книги Г. В. Хачапуридзе.

В мае 1920 г. Советское правительство заключило мирный договор с меньшевистским правительством Грузии. С целью оказания помощи вышедшим из подполья грузинским большевикам ЦК РКП(б) образовал Кавбюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе. В июне 1920 г. грузинские большевистские организации оформились в Коммунистическую партию и создали временный ЦК КП(б) Грузии. Эти мероприятия активизировали усилия партии в деле мобилизации сил трудящихся Грузии на борьбу за установление Советской власти. С. М. Киров, будучи полномочным представителем РСФСР в Грузии, помог укрепить грузинские партийные организации и завоевал глубокую любовь и уважение грузинских трудящихся.

Г. В. Хачапуридзе уделяет большое место рассказу о борьбе за Советскую власть в Юго-Осетии, Абхазии, Аджарии и других районах Грузии. Трудящиеся этих районов подвергались жестокому угнетению и преследованиям со стороны меньшевистского правительства. В 1918 г. вспыхнуло вооруженное восстание в Юго-Осетии. Восемнадцатого марта восставшие заняли столицу Юго-Осетии г. Цхинвали и провозгласили Советскую власть. Но меньшевики бросили против повстанцев крупные силы пехоты и артиллерии. Целые деревни уничтожались артиллерийским огнем, участников восстания расстреливали без суда и следствия, коммунистов убивали на месте. Специальная комиссия, обследовавшая последствия гражданской войны в Юго-Осетии, установила, что здесь было убито и погибло во время отступления 4 812 человек, сожжено 1 268 построек и уничтожено более 23 600 десятин посевов (стр. 210). Но никакие репрессии не могли сломить волю трудящихся Грузии в борьбе за власть Советов.

В. И. Ленин внимательно следил за положением дел на Кавказе и всеми силами помогал большевикам Закавказья, заботливо направлял их, содействовал выработке и проведению ими правильной тактики, отвечающей интересам победы Советской власти. В апреле 1920 г. по прямому указанию В. И. Ленина на поддержку восставшему бакинскому пролетариату пришла 11-я Красная Армия во главе с Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кировым и А. И. Микояном. Советская власть победила в Азербайджане, а в ноябре 1920 г.— и в Армении. Грузия оказалась в окружении Советских республик, ее меньшевистское правительство доживало последние дни.

Трудящиеся Грузии свою борьбу за победу социалистической революции соединили с действиями Красной Армии, шедшей на помощь народам Закавказья. Соединение этих двух сил, их сосредоточенный удар по врагу и решил вопрос о победе Советской власти в Грузии. В начале 1921 г. ЦК КП(б) Грузии по директиве Кавказского бюро ЦК РКП(б), вынес решение об организации вооруженного восстания. Восстание началось в Лорийском районе и быстро охватило всю страну. «Более 3 тыс. солдат, расположенных в этом районе, перешли на сторону повстанцев» (стр. 248). 16 февраля 1921 г. для руководства восстанием был образован Революционный комитет, в состав которого вошли Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, А. Гегечкори и другие грузинские коммунисты. Революционный комитет провозгласил в Грузии Советскую Социалистическую Республику. Советское правительство и русский народ пришли на помощь грузинскому народу. По решению ЦК РКП(б) и прямому указанию В. И. Ленина 11-я Красная Армия вместе с восставшими рабочими и крестьянами 25 февраля 1921 г. вступила в столицу Грузии —

Тифлис. Революционный комитет Грузии в изданном воззвании объявил о взятии им в свои руки всей полноты государственной власти. В Грузии победила социалистическая революция.

Таково краткое содержание обстоятельной и полезной книги Г. В. Хачапуридзе.

Однако рецензируемая книга не лишена недостатков. Укажем лишь на некоторые, на наш взгляд, наиболее значительные из них.

Прежде всего приходится отметить, что в работе Г. В. Хачапуридзе отсутствует четкая характеристика социально-экономического положения Грузии. Автор, к сожалению, ограничился лишь описанием состояния грузинской экономики в период первой мировой войны и не проанализировал социальных и классовых отношений, существовавших в дореволюционной Грузии и определивших особенности революционной борьбы в стране.

Большие трудности в борьбе за власть Советов создавало наличие в Грузии многочисленных буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп. В те годы там имелось до 10 различных партий и организаций буржуазного и мелкобуржуазного толка (кадеты, социал-федералисты, национал-демократы, радикал-демократы, «лучисты», меньшевики, эсеры и некоторые другие группы), каждая из которых имела свою тактику. Экономическая отсталость Грузии, преобладание в стране мелкобуржуазных элементов, пестрота национального состава населения обусловили наличие этих партий. В книге Г. В. Хачапуридзе не нашла достаточного отражения ожесточенная идеологическая борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями. Разоблачая буржуазно-националистическую политику меньшевиков, муссаватистов и дашнаков, автор, однако, недостаточно показывает идеологическую борьбу большевиков, ее конкретное содержание и формы.

К сожалению, автор на основании имеющегося в его распоряжении обширного фактического материала не сделал серьезные выводы и теоретические обобщения, не показал общие закономерности и характерные местные особенности борьбы за победу социалистической революции в Грузии. Такой же упрек приходится сделать и в отношении освещения в книге ленинской национальной политики нашей партии и осуществления ее принципов в конкретных грузинских условиях 1917—1920 годов.

Касаясь в заключительной части книги вопроса о создании Закавказской федерации, автор фактически обходит молчанием ту острую борьбу, которую проводили грузинские коммунисты против национал-уклонистов. Он лишь походя упоминает о ней, не показывая, что национал-уклонисты во главе с Б. Мдивани выступили, по существу, против установления прочного мира между народами Закавказья, ратовали за привилегированное положение Грузии по отношению к Армении и Азербайджану. Большевики Закавказья разгромили национал-уклонистов и добились нерушимого сотрудничества закавказских народов, что имело громадное значение для укрепления закавказских республик, для развития братского содружества народов Кавказа и всей Советской страны.

Следовало бы также больше внимания уделить дипломатической борьбе вокруг грузинского вопроса в 1917—1920 гг. между империалистическими державами, стремившимися захватить богатства Кавказа. Эта борьба оказывала влияние на развитие событий в Грузии.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, работа Г. В. Хачапуридзе, последовательно раскрывающая на богатом конкретно-историческом материале основные этапы борьбы грузинского народа за социалистическую революцию, несомненно, представляет большой интерес для научных работников и всех интересующихся историей Великого Октября.

В. К. Габуния

Всеобщая история

Julian LEŃSKI. *O front ludowy w Polsce.* Warszawa. 1956, str. XXI + 309.
Юлиан ЛЕНСКИЙ. *О народном фронте в Польше.*

Отдел истории партии Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии (с марта 1957 г. Институт истории партии при ЦК ПОРП) выпустил сборник статей и речей Ю. Ленского (Ю. Лещиньского). Имя Ленского неразрывно связано с борьбой польского рабочего класса за социальное и национальное освобождение, за демократическую и социалистическую Польшу. Видный марксист, прошедший школу политической деятельности в рядах большевистской партии, Ленский проявил себя как крупный организатор и теоретик Коммунистической партии Польши.

Ю. Ленский — сын рабочего-кожевника из города Плоцка. В 1905 г., будучи еще 15-летним юношей, он принял участие в борьбе против реакционной политики царизма. В 1909 г. Ленский — тогда студент Ягеллонского университета в Кракове — вступил в Союз социалистической молодежи, связанный с Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В 1912 г. он перешел на нелегальную работу в Варшавскую организацию СДКПиЛ и вскоре был избран членом Варшавского комитета партии. Один из руководителей так называемых «розламовцев», Ленский выступал против оппортунистических ошибок Главного правления СДКПиЛ и стремился направить партию на путь последовательного революционного движения и тесного сотрудничества с большевистской партией. В октябре 1913 г. Ю. Ленский представлял Варшавскую организацию СДКПиЛ на происходившем в Поронине под руководством В. И. Ленина совещании ЦК РСДРП. В январе 1914 г. Ю. Ленский был арестован и находился в царских тюрьмах и в ссылке до Февральской революции.

После свержения самодержавия в России Ленский приехал в Петроград, где принял активное участие в сплочении польских социал-демократов и всех польских трудящихся-беженцев. Он был одним из членов образованного в июне 1917 г. Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России, членом редакционной коллегии польской социал-демократической — большевистской по направлению — газеты «Trybuna».

В статье «Польша и революция» (насколько удалось установить, первой статье Ю. Ленского, опубликованной в большевистской «Правде») он писал о том, что с момента свержения царизма в России «начинается первый акт международной революции, с которой неразрывно связано освобождение Польши» [1].

Наряду с Ф. Э. Дзержинским и другими видными деятелями польской социал-демократии Ю. Ленский был включен в список большевистских кандидатов в депутаты Учредительного собрания.

Ленский принимал непосредственное участие в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции он был назначен руководителем Польского комиссариата в составе Народного комиссариата по делам национальностей. В период гражданской войны и империалистической интервенции он вел большую и разнообразную работу во имя победы Советской власти и развития польско-русского революционного союза.

В мае 1924 г. Ю. Ленский вернулся на родину для революционной деятельности в рядах нелегальной и преследуемой Коммунистической партии Польши. В октябре 1924 г. он был арестован. Исключительная выдержка, смелость и находчивость позволили ему в конце 1925 г. вырваться из рук врагов. В декабре 1925 г. он был избран членом ЦК КПП, а в июне 1929 г.— генеральным секретарем ЦК КПП. Одновременно Ленский вел большую работу в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала.

В 1937 г. Ленский был арестован в Москве по лживому обвинению, возведенному провокаторами на руководство КПП [2]. Вслед за тем в 1938 г. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала принял решение о роспуске КПП в связи с выдвинутым тогда обвинением в широком проникновении вражеской агентуры в ряды ее руководящего партийного актива. В Заявлении центральных комитетов КПСС, ПОРП, Итальянской коммунистической пар-

[1] «Правда», 26 апреля (9 мая) 1917 года.
[2] См. «Trybuna Ludu» № 355 (2867), 21 декабря 1956 года.

тии, Болгарской коммунистической партии, Коммунистической партии Финляндии, опубликованном в феврале 1956 г., указывалось, что, как ныне установлено, это обвинение было основано на материалах, сфальсифицированных разоблаченными впоследствии провокаторами, и что роспуск КПП был необоснованным [3].

Историческая правда о героической КПП и горькая правда о трагической судьбе ее руководителей, как отмечалось на состоявшемся 6 апреля 1956 г. совещании партийного актива Варшавы и Варшавского воеводства, является не только глубоким переживанием для всех членов партии, но также вопреки расчетам врага становится стимулом к усилению партийной работы в целях построения социалистической Польши, за которую всю свою жизнь боролись такие деятели, как Ленский [4].

Литературное наследство Ю. Ленского весьма обширно. В рецензируемом сборнике помещено 20 статей и речей Ю. Ленского. Все эти произведения относятся к 1934—1937 гг., то есть к тому критическому периоду в истории, когда после установления в Германии гитлеровской диктатуры оказались в опасности элементарные демократические завоевания трудящихся всех капиталистических стран и мир во всем мире.

В обстановке острых классовых боев внутри страны и угрозы самому существованию Польши и польского народа, нависшей над страной в результате политики правившей фашистской клики «санации» и антипольской политики гитлеровцев, антифашистское движение в Польше приняло широкие размеры. Вслед за рабочим классом в это движение втягивались многочисленные группы крестьянства, прогрессивная интеллигенция и даже некоторые элементы, находившиеся под влиянием соглашательских партий. Многие антифашисты, не разделявшие коммунистической идеологии, убеждались в том, что наиболее последовательными, самоотверженными, энергичными борцами против фашизма и опасности новой войны являются коммунисты.

Перед КПП открывалась возможность сплочения всех антифашистских сил Польши в народный фронт. Но для решения этой задачи необходимы были правильный анализ изменений в политическом и экономическом развитии страны, искоренение проявлений догматизма в партийной работе и элементов сектантского отношения к реформистским партиям. Одна из заслуг Ю. Ленского состоит в том, что, постоянно обращаясь к практике классовой борьбы и рассматривая ее в свете марксистско-ленинского учения, он быстро улавливал новое в расстановке классовых и партийных сил и смело отбрасывал устаревшие представления и навыки. Ленский сделал многое для того, чтобы в борьбе на два фронта — против оппортунизма и левацких взглядов — вывести КПП на широкую дорогу борьбы за единство рабочего класса и антифашистский народный фронт.

В сборник включена брошюра «Правда о едином фронте», впервые изданная нелегально в Варшаве в сентябре 1934 года. Она посвящена анализу новой ситуации в международном рабочем движении и в международном положении, сложившейся после захвата в Германии власти гитлеровцами. Особое внимание Ленский уделил вопросу об ответственности лидеров социал-демократических партий за временную победу фашизма в Германии, за раскол рабочего движения. События 1933 г. в Германии многому научили рабочий класс капиталистических стран. «Рабочие массы поняли на немецком примере, что никакое сотрудничество социал-демократии с буржуазией не защитит их от фашистского погрома» (стр. 6). В готовности масс к преодолению социал-демократической тактики и в их стремлении к боевому отпору фашизму Ленский видел источник мощного антифашистского движения, ведущего к сплочению всех сил пролетариата в единый фронт. Под влиянием полученного опыта, писал Ленский, «в связи с банкротством реформистско-соглашательской политики, банкротством идеологии мирно-демократического «врастания в социализм» при капитализме и, наконец, банкротством попыток социал-демократии к мирному сожительству с фашистской диктатурой в социалистических массах родилось мощное стремление к единому фронту с коммунистами» [5] (там же).

Решительно выступая против недооценки демократических завоеваний пролетариата в условиях капитализма, против ле-

[3] «Правда», 21 февраля 1956 года.
[4] См. «Правда», 10 апреля 1956 года.

[5] Здесь и далее разрядка Ю. Ленского.

вацкого игнорирования этих завоеваний и против лживых утверждений реформистов о том, что коммунисты безразличны к судьбам демократии, Ленский писал, что коммунисты «защищают всякие, даже самые незначительные демократические права пролетариата, его общественно-политические завоевания, оплаченные кровью и потом целых поколений» (стр. 9).

Далее Ленский в своей работе обстоятельно разобрал все аргументы социал-демократических противников единого фронта и показал их полную несостоятельность. Особое внимание он уделил маневрам лидеров социал-демократии, в частности лидеров Польской социалистической партии, которые, пытаясь в своих интересах использовать стремление рабочего класса к единству действий в борьбе против фашизма, утверждали, что организационное объединение пролетариата должно произойти в рамках социал-демократических партий, и таким образом рассчитывали вытеснить коммунистов из рабочего движения. «Вытеснение же коммунизма из рабочего класса Польши является не меньшей утопией,— писал Ленский,— чем постоянно объявляемое Гитлером уничтожение марксизма в Германии, так как марксизм-ленинизм выражает самые сокровенные интересы пролетариата» (стр. 15).

Разоблачая раскольническую деятельность руководителей социал-демократических партий, не желавших делать необходимые выводы из краха германской социал-демократии и закабаления Германии гитлеровцами, Ленский в то же время предостерегал коммунистов от упрощенческого подхода к социалистическим партиям, от недооценки тех процессов внутри этих партий, которые ведут к созданию единого рабочего фронта. В едином рабочем фронте Ленский видел большую историческую силу. «Единый фронт,— писал он,— поднимет роль пролетариата как руководителя миллионных масс крестьянства, угнетенных народов и обнищавшей мелкой буржуазии в их борьбе против монополистического капитализма, фашизма, империализма» (стр. 34).

Брошюра Ленского «Правда о едином фронте» была одной из первых в международном рабочем движении попыток обобщения опыта антифашистской борьбы пролетариата и освещения путей ее дальнейшего развития. Она сыграла большую роль в идейно-теоретическом развитии КПП.

Обзору развития партии в период от установления фашистской диктатуры в Польше в 1926 г. и до изменений, вызванных гитлеризацией Германии, посвящена воспроизводимая в сборнике статья Ю. Ленского «КПП перед VII конгрессом Коммунистического Интернационала», которая впервые была опубликована в январе 1935 г. в теоретическом органе ЦК КПП журнале «Nowy Przegląnd».

Партия, констатирует Ленский, по важнейшим вопросам, определяющим ее линию, заняла правильную позицию. Эту позицию Ленский иллюстрирует анализом особенностей экономического кризиса и развития депрессии особого рода в Польше. Разложение, паразитическое вырождение капитализма, связанное с разорением ремесла и деградацией сельского хозяйства, выступали в Польше с тем большей яркостью, чем грандиознее становился размах строительства социализма в Советском Союзе. «Гниющий польский капитализм не может вынести непосредственного соседства с социализмом. Это является одной из основных причин антисоветской агрессивности польского империализма» (стр. 64). Из раздиравших его противоречий польский империализм надеялся найти выход в сотрудничестве с немецким фашизмом на антисоветской почве. Оба фашистских режима искали поддержку у английского империализма.

Рассматривая слабые и сильные стороны рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения в Польше, Ленский приходил к выводу, что хотя фашизм в Польше проявляет значительную маневренность в укреплении своей массовой базы, в стране происходит нарастание революционного кризиса. Этот процесс развивается неравномерно, с приливами и отливами, требует от партии правильного сочетания борьбы за повседневные, текущие требования, за хлеб, труд и свободу, с постепенным выдвижением задачи завоевания народной власти. Коммунисты, которые еще недавно ограничивались лишь агитацией за единый фронт, теперь, писал Ленский, отмечая успехи КПП, живут проблемой единого фронта, его практическим осуществлением. Они действуют уже на основе не общей схемы, а конкретного учета обстановки, сочетая «обращение к руководству социалистических партий и организаций с действиями снизу, с разно-

образными формами непосредственного контакта с пепеэсовскими и бундовскими рабочими в кружках, на предприятиях, в профессиональных союзах...» (стр. 77).

Центральное место в сборнике занимает полный текст выступления Ю. Ленского 3 августа 1935 г. на VII конгрессе Коммунистического Интернационала.

В своей речи «Об антифашистском народном фронте в Польше» Ленский подверг подробному рассмотрению опыт классовой борьбы польского пролетариата, а также антифашистские выступления трудящихся других стран. Указав на происходившие вопреки позиции лидеров социалистических партий изменения в ППС и Бунде и осветив подлинный поворот в политике КПП к товарищескому сближению с членами реформистских организаций, Ленский сделал вывод о созревании реальной перспективы преодоления раскола рабочего класса.

Волна политических стачек, охватившая всю Польшу, защита коммунистами всех завоеваний демократии оказали огромное воздействие на миллионные массы крестьянства. Подъем массового крестьянского движения подводил прочную базу под народный антифашистский фронт, без создания которого было невозможно разрушение реакционных планов фашистских угнетателей народа и поджигателей войны. Ленский особенно подчеркивал историческую ответственность лидеров социалистических и крестьянских партий за судьбы демократии и мира. «Соглашение нашей партии с социалистическими партиями и Крестьянской партией становится исторической необходимостью, от которой не может уклониться ни один пролетарский и крестьянский деятель, которому дороги интересы трудящихся масс» (стр. 136—137). Но, как известно, лидеры правосоциалистических и крестьянских партий вопреки коренным интересам народа отказались от сотрудничества с КПП, помешали сплочению антифашистских сил и тем самым помогли сохранению власти правившей фашистской клики, господство которой завершилось для Польши катастрофой в сентябре 1939 года.

Ленский наметил широкую программу тех мероприятий, которые правительство народного фронта должно было бы осуществить в случае падения фашистской диктатуры. Огромное политическое значение имела выдвинутая им мысль о том, что падение фашистской диктатуры само по себе не приведет сразу же к установлению диктатуры пролетариата. В Польше, указывал он, «непосредственный переход к диктатуре пролетариата еще менее правдоподобен и возможен, чем в таких странах, как Франция» (стр. 141—142). Он ориентировал коммунистов на преодоление левацкого представления о том, что фашистская диктатура должна непосредственно смениться диктатурой пролетариата, и указывал, что после падения фашизма возможны разные варианты переходных правительств. Эта важная тактическая установка придавала логическую завершенность курсу КПП на создание единого рабочего фронта и народного антифашистского фронта.

Антифашистское правительство, говорил Ленский, созовет Учредительное собрание, вернет народным массам социальные завоевания, отобранные правившей фашистской кликой «санации», обеспечит трудящимся все демократические права, поведет твердую политику мира, опирающуюся на сотрудничество с СССР и систему коллективной безопасности.

Народные массы Польши, подчеркивал Ленский, отдают себе отчет в том, что «немецкий империализм — смертельный враг независимости польского народа... Польские народные массы начинают отдавать себе отчет, что единственным последовательным сторонником независимости Польши является СССР» (стр. 144—145). Внутри страны единственным подлинным выразителем национальных интересов являются трудящиеся во главе с рабочим классом и его авангардом — КПП. Что касается правящих классов, то они в силу своих классовых позиций делают ставку на Гитлера, как на жандарма Европы. «Политика правящего лагеря во главе с диктатором Рыдз-Смиглы напоминает позорные традиции эпохи разделов Польши в конце XVIII столетия, когда польские магнаты торговали родиной, подчиняя своим классовым привилегиям интересы польской нации» (стр. 236).

Помещенные в сборнике работы Ю. Ленского содержат глубокий анализ соотношения классовых сил в Польше, роли отдельных партий и политических групп. Ленский внимательно изучал особенности фашистского режима в стране, вынужденного ввиду своей слабости допускать легальную деятельность оппозиционного фашистского крыла — соперничающей с «санацией» национал-демократической партии (эндеков),— как и оппозиционных реформист-

ских партий: Крестьянской партии, Польской социалистической партии, Бунда и других. Тогда как в низах Крестьянской партии, ППС, Бунда происходил процесс революционизирования и объединения сил для борьбы с гитлеризмом и польским фашизмом, верхушка этих партий мешала сплочению антифашистских сил и, умело маневрируя, создавала в рабочих низах и среди рядовых деятелей партии иллюзию о революционном перевооружении этих партий. Тем ответственнее были, как указывал Ленский, задачи КПП: настойчивая борьба за единство действий с антифашистскими организациями, против саботажа реформистских вождей; защита всех рабочих и крестьянских организаций, преследуемых фашизмом, в том числе ППС и Крестьянской партии; борьба за широкую программу демократических требований. Источник многих ошибок и поражений революционного движения Ленский видел в том, что в своей практической деятельности коммунистические партии ряда капиталистических стран, особенно Коммунистическая партия Германии, действовали зачастую без учета различий между фашизмом и буржуазной демократией, между фашизмом и социал-демократией; в том, что зачастую коммунистические партии не делали необходимого упора на защиту демократических прав трудящихся (стр. 133—134).

В статьях и выступлениях Ленский подверг рассмотрению и оценке все сколько-нибудь заметные процессы и события классовой борьбы, политического развития Польши, современником и участником которых он был. Однако особое значение работ Ленского состоит в том, что содержащийся в них марксистско-ленинский анализ позиций отдельных классов, партий, политических течений и группировок польского общества имеет не только познавательную ценность, но продолжает играть действенную роль и в наши дни.

Ю. Ленский настоятельно призывал творчески применять марксистско-ленинское учение. «Нельзя оперировать тактическими схемами, но необходимо нашу тактику приспособлять к изменяющимся условиям и испытаниям повседневной борьбы»,— писал он (стр. 1). Правильная оценка ситуации, верное определение тактики возможны лишь в борьбе на два фронта: «против правого затушевывания революционной перспективы и против левацкого упрощенчества процесса нарастания пролетарской революции» (стр. 65). Сам революционный процесс сопряжен с трудностями, бешеным сопротивлением буржуазии, временным уменьшением размаха революционной борьбы, колебаниями среди мелкой буржуазии (стр. 67).

Одна из важнейших задач марксистско-ленинской партии, особенно в такой стране, как Польша,— задача сплочения всех трудящихся вокруг рабочего класса — требует постоянной и упорной борьбы с национализмом, а также с клерикализмом. «Непримиримая борьба с национализмом,— писал Ленский,— представляет собой необходимое условие отрыва мелкобуржуазных масс от фашизма. Несмотря на заметную радикализацию, эти массы продолжают оставаться и впредь резервом правящего либо оппозиционного фашизма... Польская мелкая буржуазия, в которой глубокие корни пустил великодержавный шовинизм и погромный антисемитизм, до настоящего времени является средой эндецких или санационных влияний» (стр. 72). Буржуазный и мелкобуржуазный национализм глубоко враждебен подлинным интересам нации, так как толкает ее в сторону реакции, конфликтов с другими народами и влечет на путь, ведущий к катастрофе. В основе своей национализм антипатриотичен. Носителем же подлинного патриотизма может быть только партия, стоящая на позициях дружбы народов, пролетарского интернационализма. Польские коммунисты, указывает Ленский, в прошлом проявляли сектантское пренебрежение к национальным чувствам; враги использовали это обстоятельство для того, чтобы клеветнически изображать КПП как силу, чуждую польскому народу. Поэтому коммунисты должны обратить особенное внимание на разъяснение своей политики в национальном вопросе. «Пусть трудящиеся массы видят в коммунистах не оторванных от жизни космополитов, но последовательных борцов против фашистского мракобесия...» (стр. 147).

Реакция пыталась прикрыть свои действия спекулятивными призывами к единению польского народа и лозунгом «защиты» Польши. Но лозунг «защиты» Польши она связывала не с политикой опоры на Советский Союз, а с политикой противопоставления Польши Советскому Союзу, то есть политикой, усиливавшей захватнические аппетиты германского фашизма (стр. 216—218). Кроме того, реакция стремилась использовать этот лозунг для «защиты капиталистов и помещиков от масс, борющих-

ся за хлеб и работу» (стр. 219). Ленский разъяснял, что защита национальной независимости Польши предполагает выкорчевывание фашизма и реакции в стране. «Только свободная Польша будет сильной Польшей... Не может быть независимости Польши без защиты мира» (стр. 217). Чтобы защитить Польшу, «нужно прежде всего покончить с политикой, угрожающей безопасности и независимости страны...» (стр. 256). Подлинным критерием патриотизма в Польше стало отношение к Советскому Союзу, понимание того, что ничто антисоветское не может быть пропольским. «Задача коммунистов состоит в том, чтобы упорно разъяснять массам мирную сущность пактов взаимопомощи и подлинную роль Красной Армии — оплота мира... Наша задача — изо дня в день доказывать на конкретных примерах, что Советский Союз, который победоносно строит социализм, не заинтересован в войне, а заинтересован в развертывании борьбы за мир, так как силы Советского Союза направлены на грандиозное дело мирного социалистического строительства» (стр. 207).

Борясь за диктатуру пролетариата, за социалистическую Польшу, польские коммунисты, говорил Ленский, всегда должны учитывать соотношение сил в конкретной революционной ситуации. «Ленин,— отметил Ленский,— всегда указывал, что необходимо учитывать разнообразие и особенности революционного развития в каждой стране. Ленин высмеивал тех коммунистов, которые хотели превратить Великую Октябрьскую революцию в упрощенную схему, механически переносимую со всеми деталями в другие страны» (стр. 140—141). Выступая против догматиков и против левацких упрощенцев, допускавших переход от фашизма только к диктатуре пролетариата, Ленский в то же время решительно предостерегал против тех, кто самонадеянно отмахивался от опыта большевистской партии. «Необходимо учитывать,— говорил он,— живой революционный опыт большевиков и правильно применять его к реальным собственным условиям в других странах» (стр. 141).

Сборник «О народном фронте в Польше» включает далеко не все работы Ю. Ленского, относящиеся к 1934—1937 годам. Оглядываясь назад и подводя своего рода итог господства помещиков и капиталистов, господства польского фашизма, пилсудчины, Ю. Ленский писал в 1936 г. в одной из статей, не включенных в сборник:

«Идея Польши капиталистов и помещиков обанкротилась.

Идея Польши рабочих и крестьян — идея свободной Польши трудового народа прокладывает себе дорогу» [6].

В борьбе за эту идею, писал Ленский, партия должна неустанно крепить свое единство, вести борьбу со всеми попытками ревизии ее идеологии, со всеми попытками столкнуть ее на позиции национал-коммунизма [7].

Совершенно ясно, что рецензируемый сборник статей и речей Ю. Ленского особенно актуален в условиях той борьбы против реформизма, которую ведет славная преемница КПП — Польская объединенная рабочая партия. Сочинения Ю. Ленского должны стать настольной книгой каждого польского активиста и политического деятеля, пишет теоретический и политический орган ЦК ПОРП журнал «Nowe drogi» [8].

Следует отметить, что работы Ленского являются весьма ценным пособием для всех изучающих как историю польского народа и революционного движения в Польше, так и историю международного рабочего движения.

А. Я. Манусевич

---

[6] «Коммунистический Интернационал», 1936, № 5—6, стр. 83.

[7] Там же, стр. 90.

[8] «Nowe drogi», 1957, № 6 (96), стр. 139.

Dr. MAUNG MAUNG. *Burma in the Family of Nations.* Djambatan Ltd. Amsterdam. 1956, 236 p.

Д-р МАУНГ МАУНГ. *Бирма в семье наций.*

Случаи выхода в свет работ, посвященных проблемам настоящего и прошлого Бирмы, не так уж часты. Еще реже эти работы принадлежат перу бирманского исследователя. Можно с полным основанием считать, что научное изучение Бирмы — дело сравнительно недавнее, и проблем, которые стоят перед историками, экономистами, этнографами и т. д.,— поистине непочатый край. Стоит лишь напомнить, что еще не решен вопрос о самом происхождении бирманцев, неясна датировка важнейших миграций на территории Бирмы, неудовлетворительно обстоит дело с периодизацией древней, средневековой и новой истории Бирмы, не исследован глубоко общественный строй так называемой «добританской» Бирмы, слабо разработана история национально-освободительного движения бирманского народа в XX в., недостаточно освещены многие процессы политической истории страны в новейший период и т. д. Сравнительно лучше изучен колониальный период развития Бирмы, по которому имеется ряд работ. Среди них выделяются историко-экономические исследования англичанина Дж. Фёрнивола, тесно связавшего свою жизнь с Бирмой [1]. Давно работают в области истории Бирмы английские историки-профессора Д. Холл [2], Г. Лус [3] и другие. Нельзя, конечно, недооценивать научный вклад, который внесли в изучение Бирмы западные, преимущественно английские, исследователи. Вместе с тем нужно отметить, что монополизация изучения Бирмы иностранными учеными привела и к некоторым отрицательным для Бирмы последствиям, которым в условиях ее колониального положения было трудно противодействовать. Речь идет о проникновении в бирманскую историографию и довольно прочном утверждении в ней некоторых предвзятых, ошибочных концепций и методологии. Особенно это касается освещения начала «контактов» Бирмы с Великобританией и всего периода ее колониальной истории. Общим для таких концепций и методологии являются их односторонность, «англоцентризм», стремление оправдать колониальную политику Англии в Бирме, а также антибирманское толкование ряда исторических событий и принижение уровня социально-экономического и политического развития Бирмы. Ряд английских работ написан не в свете внутренних закономерностей бирманской истории, испытывавшей то или иное воздействие извне, а в плане деятельности английских политиков и законодателей. Такого рода «англоцентризм» привел к пренебрежению изучением собственно бирманской истории и к серьезным искажениям. Не говоря уже о менее значительных исследователях, нередко прямо переносивших тезисы колониальной английской политики в социальную науку о Бирме, губительному влиянию этих воззрений подверглись и некоторые крупные английские авторитеты — специалисты по Бирме [4].

Провозглашение независимости Бирмы способствовало оживлению и в области общественных наук страны. Хотя трудности на пути создания коренного перелома в этом деле еще велики, бирманские исследователи активизируют свою работу. Они, несомненно, воспринимают все истинно науч-

---

[1] J. S. Furnivall. An Introduction to Political Economy of Burma. Rangoon. 1931; его же. Colonial Policy and Practice. Cambridge 1948.

[2] D. G. E. Hall. Europe and Burma. Oxford. 1945; его же. Burma. London. 1950; его же. History of South East Asia. London. 1955.

[3] Г. Х. Лус работает в области древнего и средневекового периода, имеет ряд оригинальных статей в специальных изданиях (особенно в «Journal of Burma research Society»).

[4] Например, Дж. Харви, автор уникальной работы по истории Бирмы, эрудит, много сделавший в смысле сбора и систематизации материала по древнему и средневековому периодам бирманской истории, в своих книгах (G. E. Harvey. History of Burma from the Earliest Times. London. 1925; его же. British Rule in Burma, 1824—1942. London. 1946) относился к Бирме, ее истории и народу явно свысока, а в оценке событий новейшей истории стоял на самых реакционных позициях (особенно в вопросе об истоках и развитии национально-освободительной борьбы бирманского народа). Некоторые из крайностей в подобных воззрениях или вызывали возражения самих английских исследователей-бирманистов, например, Дж. Фёрнивола и Д. Холла, или фактически опровергались их работами.

ное и передовое, созданное лучшими иностранными учеными, занимающимися изучением Бирмы, и в то же время стремятся к развитию национальной исторической науки и преодолению имеющихся в ней искажений и извращений. Правительство Бирманского Союза оказывает помощь в разработке проблем истории страны. Рангунский университет является центром подготовки научных кадров, и вокруг него, несомненно, концентрируются лучшие силы. За годы независимости опубликовано некоторое количество статей и книг. Среди них стоит указать на мемуарную работу У Ну «Бирма под гнетом японцев», экономическое исследование У Тун Вэя «Денежная и кредитная система Бирмы», публицистические очерки У. Маунг Маунг Пье «Бирма в огне испытаний»[5]. К сожалению, это еще немного. С тем большим вниманием и удовлетворением читатель встречает каждую новую книгу, статью, доклад, сделанные или написанные бирманскими специалистами и помогающие в той или иной мере изучению Бирмы[6].

В прошлом году в Амстердаме издательство Джамбатан выпустило новую работу— «Бирма в семье наций». Это докторская диссертация бирманца Маунг Маунга, над которой он работал четыре года и которую защитил в Утрехтском университете (Голландия). Научным консультантом докторанта был Верзейл, профессор международного публичного права в Утрехтском университете.

Доктор Маунг Маунг является одним из редакторов ежедневной газеты «Guardian» и ежемесячного публицистического журнала под тем же названием, выходящих в Рангуне на английском языке. Статьи его регулярно печатаются в этих органах, а также в иностранных периодических изданиях. Одно время Маунг Маунг работал в правительственных учреждениях Бирмы.

По содержанию, материалам и выводам книга доктора Маунг Маунга представляет собой историческую работу о Бирме с акцентом на англо-бирманские взаимоотношения. Основной задачей автора было проследить «исчезновение» Бирмы как независимого государства в результате английского завоевания, дать эволюцию колониального статуса Бирмы в конкретных исторических обстоятельствах конца XIX и XX вв. и, наконец, показать историю восстановления Бирмой своего положения в «семье наций». Одновременно автор касается некоторых вопросов внутреннего развития Бирмы, бирманского обычного, административного и государственного права в доколониальный, колониальный и современный периоды.

Книга состоит из двенадцати глав, занимающих ⅔ объема всей книги. Остальные $^2/_5$ ее заняты весьма полезными приложениями; среди них имеются договоры и конвенции независимой Бирманской монархии с Англией и другими странами в XIX в., конституция Бирмы 1943 г., документы англо-бирманских отношений в 1945—1947 гг., некоторые договоры Бирманского Союза с иностранными государствами после 1948 года. В конце книги приложена библиография (примерно на сто названий) документов, исследований, книг и статей, посвященных Бирме. Большинство указанных источников уже вошло в научный оборот.

Около половины авторского текста (главы I—V) посвящено Бирме и англо-бирманским отношениям вплоть до 1886 г.— года захвата Англией всей территории Бирмы. Наиболее важное в этих главах — история возникновения и проведения Англией захватнических войн против Бирмы в XIX в., а также международные отношения Бирмы в тот период. Известное внимание уделено также внутреннему положению и эволюции страны. Помимо этого, читатель найдет в первых главах краткие общие сведения о «добританской» Бирме.

Многие проблемы, процессы и факты автор анализирует и преподносит читателю аргументированно и убедительно. Давая в общем правильную оценку неравного соотношения сил слаборазвитой феодальной Бирмы и великой капиталистической державы Англии, автор показывает реальные движущие силы английской экспансии, находя их в стремлении деловых кругов Англии установить свой монопольный контроль над бирманской землей, ее народом и естественными богатствами, а также пробиться через Бирму в Китай — вожделенный объект колониальной экспансии европейских держав и США в XIX веке. В книге обра-

---

[5] Thakin Nu. Burma under the Japanese. London. 1954; U Tun Wai. Burma's Currency and Credit. London. 1953; Maung Maung Pye. Burma in the Crucible. Rangoon. 1951.

[6] Эти работы, как правило, либо пишутся по-английски, либо переводятся на английский язык. Высшее образование в Бирме еще до сих пор ведется на английском языке. Поэтому бирманские ученые (особенно старшего поколения) обычно хорошо знают этот язык и широко им пользуются.

щено внимание на те требования ликвидации независимости Бирмы, которые исходили прежде всего от английских дельцов[7]. Приводимые автором многочисленные факты и высказывания английских политиков показывают с полной определенностью, что Англия в течение XIX в. вела курс на полное подчинение Бирмы, особенно ввиду усилившихся англо-французских противоречий в Индо-Китае и французского проникновения в Бирму. Лишь сопротивление бирманского народа, соображения более широкой колониальной политики, а также некоторые конкретные трудности в Индии замедлили темпы захвата Бирмы Англией.

Освещение событий, предшествовавших первой и третьей англо-бирманским войнам, с точки зрения приведенного материала, представляется наиболее широким и полным. Весьма интересны разделы, посвященные показу отчаянных, хотя и безуспешных, попыток последних правителей Бирмы добиться международного признания страны и «модернизировать» ее в соответствии с духом времени (стр. 48—54).

В последующих двух главах (VI и VII) автор сосредоточивает свое внимание на административно-правовых вопросах развития колониальной Бирмы. Эти вопросы доктор Маунг Маунг рассматривает параллельно с ростом «бирманского национализма». И это правильно. Жаль только, что автор не ставит действия английских «реформаторов» в Бирме в постоянную и прямую связь с борьбой бирманского народа за свободу. В результате мнимые и реальные уступки, на которые были вынуждены пойти власти, выглядят на страницах книги иногда как какие-то чисто правовые эксперименты английских законодателей, подсказываемые «доброй волей» последних в соответствии с якобы присущим им стремлением насаждать демократию. Это приводит автора к противоречиям. Крайне ограниченные реформы в Бирме, введенные английскими властями в 1923 г. и известные под именем «диархии», автор устами «нетерпеливых националистов» называет «знаком неполноценности» (для Бирмы) (стр. 79). В другом же месте автор говорит о том, что «диархия дала Бирме существенную дозу демократии» (стр. 83). Вряд ли доктор Маунг Маунг действительно считает, что подражание некоторым процедурным правилам английского парламента в Законодательном совете Бирмы, не имевшем реальных прав, было равносильно введению в Бирме хотя бы элементов настоящей демократии. Подобную же противоречивость автор допускает в отношении бирманской конституции 1935 года (стр. 86, 87). С одной стороны, по словам автора, эта конституция значительно расширила автономию и парламентское правление в Бирме. Но пятью строками ниже автор показывает, что представители европейцев и других курий, находившихся под их контролем, держали в своих руках судьбы коалиционных правительств. Спрашивается, как можно при явно колониальном избирательном праве в Бирме, гарантировавшем европейцам фактический контроль над законодательным органом, говорить о действительном парламентском правительстве? Видимо, только отойдя от правильной оценки сути дела и преувеличивая важность некоторых формальных, процедурных моментов, можно прийти к таким выводам.

Интересны, хотя и немногочисленны, страницы, посвященные зарождению и характеристике национально-освободительного движения в Бирме в первые два десятилетия XX века (стр. 80—84). В последующих разделах автор касается дальнейших сдвигов в борьбе бирманского народа против колониального ига, характеризует появление антиимпериалистической организации «такинов» в 30-х годах и их последующую эволюцию (стр. 88 и др.).

Глава о японской оккупации (VIII) написана сжато и четко и содержит большой познавательный материал. Читатель здесь узнает о некоторых сторонах деятельности подпольного и легального крыла национально-освободительных сил Бирмы, о характере японского правления в Бирме, о конституции 1943 года и т. д. Автор считает нужным подчеркнуть, что коммунистические силы Бирмы с самого начала японского вторжения в страну стремились к объединению национальных сил в антифашистском фронте для борьбы против захватчиков (стр. 91).

---

[7] Лондонская торговая палата в октябре 1885 г. (накануне последней англо-бирманской войны) в своей петиции требовала «немедленной аннексии туземной Бирмы или установления эффективного протектората над этой провинцией» (стр. 65). Торговая палата Глазго тогда же настаивала на «быстрых и энергичных» мерах против Бирмы, которые обеспечили бы британским дельцам «ценные, важные и, как считают, дружественные рынки юго-западной части Китая» (там же). Эти меры были равнозначны аннексии остававшейся еще независимой северной части Бирмы.

Ряд интересных и важных фактов о событиях 1945—1947 годов содержится в главе «Освобождение и независимость». В основном удачно, хотя и недостаточно полно показано значение деятельности главнокомандующего Аунг Сана, национального лидера и героя Бирмы, павшего в 1947 г. от руки агентов империализма. Однако этой главе не хватает известной четкости и более глубокой характеристики некоторых процессов. Мне кажется, что автор, поддаваясь желанию излагать материал этих бурных лет в беспристрастной, «необидной» для англичан форме, ослабил внимание к социально-политическим и классовым основам борьбы бирманского народа за независимость и «сгладил» остроту противоречий между колониалистскими кругами и силами национального освобождения Бирмы. В результате у читателя может сложиться впечатление, что независимость пришла как нечто само собой разумеющееся, как результат спокойных, джентльменских переговоров бирманской и английской сторон или, что совершенно неверно, как результат «доброй воли» империалистических кругов. Между тем это событие, открывшее новый и знаменательный период развития Бирмы, явилось результатом острой и напряженной борьбы всех бирманских патриотических сил против империализма.

Мне хотелось бы также высказать свое несогласие с некоторыми сомнениями автора насчет того, что для Бирмы было «лучше»: оставаться после провозглашения независимости в Британском содружестве или же выйти из него (стр. 111—112)? Всем очевидно, что на практике бирманский народ решил этот вопрос вполне определенно. Вряд ли приходится сомневаться в том, что именно выход из империи, в числе других факторов, позволил Бирме строить новые отношения с Англией на основе уважения бирманской независимости и суверенитета. Экономически слабая Бирма не сумела бы добиться того международного престижа, которым она пользуется сейчас, и начать ликвидацию тяжелого колониального наследия во всех областях жизни, если бы она продолжала оставаться в составе Британской империи. Ведь какие бы изменения ни претерпевала «концепция доминиона», о чем пишет автор, действительно определяющим фактором было бы реальное соотношение сил между бирманским доминионом и империей. А это соотношение было бы для Бирмы явно невыгодным. Конституционно-правовые атрибуты полного суверенитета Бирмы, которого добился бирманский народ в 1947 г., несомненно, были дополнительным барьером против тех или иных реставраторских попыток реакционных колониальных сил. Привлечение к этому вопросу имени Аунг Сана не меняет дела, поскольку утверждение автора, что национальный лидер Бирмы одно время склонялся к статусу доминиона (стр. 111), бездоказательно. Такое утверждение одно время появлялось в английской периодической печати, но это вряд ли делает его более достоверным. «История не заинтересована в «если», «может быть» и в проявлении мудрости после события. История имеет свою волю и свой путь». Так пишет автор об историческом развитии в другом месте своей работы (стр. 44). На мой взгляд, это очень верно, особенно если в тех или иных исторических событиях выражается воля большинства народа, как это было в решении народа Бирмы о выходе из Британской империи.

Глава о конституции Бирманского Союза принадлежит к числу специальных, но хорошо написанных и легко читающихся глав книги. Свой анализ автор снабдил комментариями, которые проливают свет на практическое значение ряда положений как самой конституции, так и некоторых законов и договоров (например, о союзном гражданстве, стр. 115—116, о разделении властей, стр. 120 и др.). Автор выделяет и цитирует раздел конституции, в котором «отвергается война, как орудие национальной политики» (стр. 125), и выражается «приверженность идеалам мира и дружественного сотрудничества между нациями, основанного на международной справедливости и морали» (там же).

Большой интерес представляет анализ тех разделов конституции и договора о независимости Бирмы (от 17 октября 1947 г.), где говорится об «унаследовании» Бирманским Союзом международных договоров, стороной которых Бирма как часть Британской империи в прошлом была. Доктор Маунг Маунг считает, что соответствующие положения этих разделов должны быть использованы бирманским правительством для того, чтобы решить вопрос о том, какие из старых договоров принимать и какие отвергать. «Подобный пересмотр целой серии договоров и соглашений,— пишет автор,— еще не произведен...» (стр. 126). Основание для пересмотра автор видит в оговариваемом в этих разделах принципе «законно-

сти» и «взаимности» прежних договоров (там же).

В главе XI, называющейся «Бирма после независимости», затронуты некоторые из наиболее острых вопросов современной Бирмы, в частности, вопрос о гражданской войне, фактически до сих пор не прекратившейся. В этой главе еще много «неустоявшегося», полемического материала и желания во что бы то ни стало «обвинить» во всем одну сторону и полностью обелить другую. Разумеется, конфликты между коммунистами и правительством Бирмы, а также между правительством и некоторыми крайне правыми силами Бирмы являются внутренним делом бирманцев, которые сами найдут пути и средства их урегулировать. Хочется лишь отметить, что в своей книге автор, видимо, отошел от высказанного им ранее взгляда о желательности достижения мирного урегулирования путем переговоров правительства с коммунистами [8]. Во всяком случае, сейчас доктор Маунг Маунг не высказывает на этот счет своей точки зрения.

В главе также изложены основы 8-летней правительственной программы экономического, социального и культурного подъема Бирмы, принятой в 1952 г. («программа Пьидота»), и сообщается о достижениях в ее выполнении. Недостатком этого раздела, на мой взгляд, является то, что автор излагает материал скороговоркой и не показывает на фоне достижений ряд серьезных экономических трудностей, тормозящих прогресс Бирмы. А кому, как не бирманцу, лучше видеть их?

В последней главе книги обосновывается мирная политика Бирмы и рассказывается о соответствующих международных акциях бирманского правительства.

Такова вкратце структура и основные направления книги.

Каково бы ни было отношение читателя к ряду положений и выводов, содержащихся в этой книге, он в целом будет ее, несомненно, приветствовать. Нельзя не видеть, что среди книг, опубликованных в последние годы бирманскими авторами, данная работа занимает особое место: она отличается своим историко-исследовательским характером и обобщением большого материала [9], охватывающего большой исторический период. Автор не поскупился на ссылки, что дает читателю возможность расширить свои представления по тем или иным вопросам или проверить то или иное положение. Преподаватели и студенты, изучающие Юго-Восточную Азию, будь то в Бирме, СССР или Англии, найдут в книге весьма обширный материал по истории Бирмы, который поможет им в дальнейшем углубить свои познания на основе документов и специальных исследований.

В заключение рецензии было бы желательно остановиться на двух—трех общих соображениях, возникших при чтении книги. Они высказываются в порядке искренне дружественной критики и исключительно в интересах дела, поскольку рецензент знаком с рядом источников и литературой, использованных доктором Маунг Маунгом, и ему при изучении Бирмы также приходится сталкиваться со многими проблемами бирманской истории и историографии. Речь идет прежде всего о результатах формально-юридического подхода автора к некоторым из рассматриваемых проблем, об оценке отдельных моментов политики Англии в Бирме и о некоторых других вопросах научного исследования Бирмы. Мне кажется, что автор книги «Бирма в семье наций» под влиянием несколько абстрактного подхода к взаимоотношениям Англии и Бирмы в XIX в. (рассматривая и ту и другую сторону как юридически равные субъекты международного права!) преувеличивает роль дипломатии в этих взаимоотношениях. Много раз на страницах книги высказывается мнение, что гибкая дипломатия правителей Бирмы в англо-бирманских отношениях прошлого века могла бы изменить ход истории Бирмы, и последняя, возможно, даже смогла бы сохранить свою самостоятельность. Фактический материал и основанные на нем конкретные выводы часто ослабляют или даже опровергают подобные утверждения автора, но как некий тезис они в книге остаются и невольно обращают на себя внимание. Приведу лишь два примера. «Запад шел в Бирму неотвратимо, и возможно, что его приходу нельзя было помешать, но его удары (impact) могли бы быть смягчены дипломатией. Однако бирманцы, уверовав (placing faith) в свою военную силу, пренебрегли более тонким искусством дипломатии» (стр. 29). В своем введении доктор Маунг Маунг пишет еще более убежденно и широко: Бирма «могла бы уступить небольшую часть своего суверенитета, предоставив (Англии.— *В. В.*)

---

[8] См. его статью «Burma Looks Ahead» в журнале «Pacific affairs». 1952, № 1.

[9] Автор работал в библиотеках и архивах Лондона, Рангуна и Гааги.

права экстерриториальности и другие уступки, но зато (but) она могла бы оказаться в состоянии сохранить свое самостоятельное бытие» (стр. 4).

Эти высказывания невольно можно понять так, что Бирме было бы выгоднее стать полуколонией раньше, чем к этому ее вынудила печальная необходимость — превосходство сил европейского захватчика.

Признание того, что колониальная экспансия европейских держав и США составляла часть объективного всемирно-исторического процесса, отнюдь не означает ни оправдания этой экспансии, ни отрицания исторической справедливости и обоснованности любых средств и форм борьбы порабощенных народов против захватчиков. Конечно, доктор Маунг Маунг целиком на стороне независимости и свободы своей родины. Однако непоследовательность в подходе к англо-бирманским отношениям приводит его к выводам, на мой взгляд, ошибочным, к защите идей бессмысленных уступок колонизаторам, к призрачной вере во всесильность «чистой» дипломатии в отношениях между малой страной и крупным колониальным хищником.

Упуская из виду свои правильные и логичные соображения о целях колониальной экспансии держав на Востоке, доктор Маунг Маунг в иных случаях смотрит на вещи узко и исключительно с юридическо-правовой точки зрения. Только этим можно объяснить, что некоторые его выводы звучат как обоснование, если не оправдание, захватнических, агрессивных действий Англии в Бирме. Это особенно заметно в описании второй англо-бирманской войны (стр. 42—44), разборе английских реформ в Бирме в 1886—1941 гг. и др. По существу, и в изложении причин первой англо-бирманской войны у автора есть искажения истинных исторических пропорций. Неискушенный читатель может подумать: уж не Бирма ли вдруг встала в XIX в. на путь широкой колониальной экспансии и завоевания Индии в целях превращения ее в свой экономический придаток?!

По-видимому, здесь автору, помимо других причин, сильно мешает то, что он базирует свое исследование почти исключительно на английских материалах. Не вина данного автора, а беда всех исследователей, что источники и литература по истории важного периода развития Бирмы очень односторонни и пропитаны апологетическими проанглийскими идеями и утверждениями. Но так или иначе это факт, из которого беспристрастный автор может сделать только тот вывод, что ему следует относиться к этим источникам строго критически. Между тем традиционные догмы, отягощающие английские материалы и кажущиеся часто «устоявшимися», принять иногда легче, чем проверить их заново, а тем более посмотреть на события с новой точки зрения, позволяющей более полно учитывать совокупность обстоятельств. Поэтому подлинная объективность и беспристрастность в освещении бирманской истории, особенно колониального периода, может состоять прежде всего в смелом отходе от этих догм, ставших, к сожалению, уже традицией, а также в самостоятельном анализе не только уже известных сторон истории Бирмы, но и «белых пятен», которых в ней все еще много. Изучение последних само будет способствовать рождению свежих идей и аргументов. В этом очень поможет вовлечение в научный оборот новых источников и материалов, прежде всего бирманских. Здесь, несомненно, веское слово будет принадлежать самим бирманским исследователям.

В. Ф. Васильев

D. CATELL. *Communism and Spanish Civil War.* Berkeley — Los-Angelos. 1955. 290 p.

Д. КЭТЕЛ. *Коммунизм и испанская гражданская война.*

Прошло 18 лет с момента трагической гибели Испанской республики, но интерес к истории 32-месячной национально-революционной войны испанского народа против сил внутренней и международной реакции не утрачен до сих пор. Ежегодно выходит в свет по нескольку новых книг об испанских событиях тридцатых годов. Вокруг освещения основных проблем войны испанского народа продолжается ожесточенная и сложная идеологическая борьба.

Единственная подлинно научная марксистская концепция национально-революционной войны в Испании опирается на анализ событий, данный в документах Коммунистической партии Испании (решения пленумов ЦК КПИ в годы войны, выступления и статьи руководителей КПИ, материалы состоявшегося в 1954 г. V съезда КПИ [1] и др.). Особенно много марксистских книг о событиях в Испании появилось в СССР, Испании, Франции, Англии, США в 30-х годах по свежим следам событий [2]. Некоторые из них вскрывали предпосылки революции и национально-революционной войны, другие описывали и анализировали сам ход событий 1931—1939 годов, третьи были посвящены специально военным вопросам. В последующие годы в СССР было защищено несколько кандидатских диссертаций о событиях 1936—1939 годов, а также вышла книга Х. Гарсиа на эту тему. Ряд марксистских книг и статей, посвященных национально-революционной войне, появился также в Италии, ГДР, Франции, Чехословакии. Однако рассмотрение марксистской литературы [3] не входит в задачу данной рецензии.

Еще с конца 30-х годов в буржуазной литературе, посвященной событиям 1936—1939 годов в Испании, наметилось несколько направлений.

Концепция представителей мелкобуржуазного демократического направления — Альвареса дель Вайо, Бакли, Еллинека и других — во многом справедлива [4]. Безоговорочная поддержка революционной борьбы испанского народа против фашизма, вера в его силы, правильная в основном оценка роли различных классов и партий, процессов и событий, происходивших в стране, симпатия к коммунистам, признание в той или иной степени их руководящей роли в борьбе, объективный показ действий СССР — таковы характерные черты этих работ. В то же время авторы их не разделяют целиком точку зрения пролетариата. Они излагают события с абстрактных, общедемократических позиций. Поэтому большинству книг данного направления свойственны мелкобуржуазный объективизм, стремление обойти острые углы, неглубокое, идеалистическое проникновение в суть событий.

Это направление сыграло важную прогрессивную роль в идейной борьбе вокруг испанских событий, особенно непосредственно в годы войны и сразу же после ее окончания (1937—1940 годы). Но обстановка «холодной войны» наложила свой отпечаток на это направление. За последнее десятилетие вышла лишь одна работа — книга Альвареса дель Вайо «Последний оптимист».

Главные положения в реформистско-либеральной концепции таковы: рассмотрение национально-революционной войны в Испании как борьбы между буржуазной демократией и фашизмом; несомненная враждебность к революции в сочетании с резким осуждением фашизма и сочувствием

---

[1] См. J. Diaz. Tres añes de lucha. Barcelona. 1939; Д. Ибаррури. Речи и статьи. М. 1938; статью Х. Диаса. «Уроки борьбы испанского народа». «Большевик», 1940, № 4 и др.

[2] Б. Минлос. Аграрный вопрос в Испании. М. 1934; сборник «Проблемы испанской революции». М. 1933; Н. Горожанкина. Рабочий класс Испании в годы революции. М. 1936; Е. Варга. Испания в революции. М. 1936; Самарин. Битва за Мадрид. М. 1940; «Spanien, ein Land kämpft um seine Freiheit». Paris. 1938. Ж. Р. Блок. Испания, Испания... М. 1936.

[3] L. Longo. Le brigate internazionale nella guérra di Spagna Roma. 1956; A. Kantorowitsz. Das spanische Tagebuch. Berlin. 1951; L. Renn. Der spanische Krieg. Berlin. 1955; A. Norden. Die spanische Tragedie. Berlin. 1956, и др.

[4] J. Alvarez del Vayo. The Freedom battle. London. 1940; его же. The last optimist. New York. 1950; H. Buckley. The life and death of Spanish republic. London. 1941; F. Yellinek. The spanish civil war. London. 1938; J. Langdon — Davies. Behind the spanish barricades. London. 1936; F. Manuel. The modern politics in Spain. New York. 1938; G. Cox. The defense of Madrid. London. 1937.

антифашистской борьбе. Большинство авторов этого направления дает в целом положительную оценку деятельности коммунистов, роли СССР.

Наиболее важными работами, принадлежащими к данному направлению, являются книги испанского историка Рамоса Оливейра, американцев Пленна, Гамильтона и Боулса и некоторых других [5].

Но и это направление отступило перед другими, агрессивно-антикоммунистическими и антисоветскими течениями буржуазной историографии.

Наиболее активным, злобным и шумным из них является «ультралевое» течение, объединяющее часть испанских анархистов и социалистов, троцкистов, ренегатов, изгнанных из Коммунистической партии Испании, и другие подобные группировки. Это направление в историографии возникло еще во время национально-революционной войны, усилилось после поражения освободительной борьбы испанского народа в 1939 г. и особенно укрепилось в годы «холодной войны» [6].

Объемистый трехтомник «CNT y la revolucion Española», вышедшей в 1951—1953 годах в Тулузе, книги Суши, Ричардса, Горкина, Х. Эрнандеса и др.— такова продукция «ультралевых» за последние годы [7].

Давая клеветническое и фальсификаторское толкование некоторым фактам и процессам, которые, как правило, обходились демократическими и либеральными авторами, «ультралевые» создали свою концепцию событий 1936—1939 годов.

Сущность этой концепции, родственной, между прочим, теориям так называемого «национального коммунизма», сводится к следующему: Коммунистическая партия по теории и организационным основам своим якобы чужда «расовым особенностям» и национальным традициям испанского народа и пролетариата; в ходе войны 1936—1939 годов КПИ будто бы выступила против пролетариата как контрреволюционная сила, и, стремясь захватить власть в свои руки, она «разрушила единство рабочего класса, подорвала боевой дух народа и подавила социальную революцию» [8]. По мнению «ультралевых», на КПИ лежит главная ответственность за поражение испанской революции и падение республики. (Всю лживость и антинаучность этой концепции мы постараемся показать ниже.) Совершенно очевидно, что подобная версия событий 1936—1939 годов в большей мере, чем любая иная, направлена против Коммунистической партии и других демократических сил Испании. Именно поэтому концепция «ультралевых» пользуется сейчас наибольшим распространением в реакционных кругах. Именно поэтому они снабжают «фактами» и «аргументами» все антикоммунистические течения, всех врагов коммунизма и СССР — от некоторых лидеров правых социалистов до фашистов включительно.

Характерно в этой связи появление таких книг фашистских авторов, как «Каталонцы в Испанской войне» Х. Фонтана и особенно «Политическая история красной зоны» Д. Севилья [9], где явно выражены симпатии к анархистам и троцкиствующей ПОУМ за их борьбу против коммунистов. Книга Севилья написана под влиянием концепции «ультралевых», одного из активных лидеров которых, Ларго Кабальеро, он изображает как провозвестника «национального коммунизма».

Реакционная и фашистская литература на рассматриваемую тему, как правило, стоит за гранью научной историографии даже в буржуазном понимании слова. Проклятия в адрес коммунистов и социалистов, восхваление «национальной революции»,

---

[5] A. Ramos Olivera. The Politics. Economics and men of modern Spain. London. 1948; его же. Historia de España. T. III. Mexico. 1953; А. Пленн. Ветер в оливковых рощах. М. 1946; У. Hamilton.

[6] F. Borkenau. The spanish cockpit. London. 1937; C. Berneri. La guerre de classes en Espagne. Paris. 1938; D. Abad de Santillan. Por que perdimos la querra Buenos Aires. 1939; I. Garcia Pradas. La traicion de Stalin. Mexico. 1940, J. Gorkin. Los canibales politicos. Mexico. 1941; L. Araguistain. El comunismo y la guerra de España. Paris. 1939. К этому же направлению примыкает предатель и агент «Интеллидженс Сервис» S. Casado, выпустивший клеветническую книгу «The last days of Madrid». London. 1940.

[7] A de Souchy. Die Nacht über Spanien. Darmstadt. 1955; V. Richards. The lessons of Spanish revolution. London. 1953; J. Hernandez. Jo fui ministro de Stalin. Mexico. 1951 (характерно, что эта книга была тут же перепечатана во франкистской Испании).

[8] Под таким суммирующим концепцию «левых» подзаголовком вышла еще в 1937 г. в Англии книга некоего Мак Говерна.

[9] I. Fontana. Catalanes en la guerra de España. Barselona. 1951; D. Sevilla Andres. Historia politica de la zona roja. Madrid. 1954.

самые извращенные вымыслы со ссылкой на «надежные источники» — такова «научная» аргументация этих книг. Типичным образчиком подобного рода желто-коричневой литературы являются писания плодовитого экс-полицейского Комина Коломера, бывшего агента-провокатора Маурисио Карла и их достойного компаньона из Сити бывшего председателя Палаты по торговле с Испанией Ловдэя [10].

К фашистской концепции событий 1936—1939 гг., согласно которой «национальная революция была направлена против незаконного правительства и большевистского заговора», фактически примкнуло теперь и консервативно-католическое направление [11].

Таким образом, грубая фальсификация исторической истины, бешеная ненависть к испанским коммунистам и СССР, клеветнически изображаемых виновниками всех бед испанского народа, объединяет ныне и анархотроцкистскую литературу и все разновидности откровенной реакционной литературы о событиях 1936—1939 годов.

На подобном фоне особенно интересной и поучительной представляется недавно вышедшая книга американского буржуазного историка Кэтела «Коммунизм и испанская гражданская война».

Кэтел изучал большое количество литературы, посвященной Испании 1936—1939 годов, и широкий круг источников. Он первый из буржуазных авторов использовал соответствующие советские материалы и документы Коминтерна. Накопление большого количества исторического материала сочеталось у автора с другим, гораздо более редким для современного буржуазного историка достоинством — искренним желанием объективно осмыслить факты, выяснить истину. И сила исторической правды заставила Кэтела — либерального буржуа по своим взглядам — выступить по большинству вопросов против антикоммунистической истерии фальсификаторов.

Именно эта позиция и позволила ему дать наиболее полный и глубокий в буржуазной литературе анализ истории внутриполитической борьбы в республиканском лагере в 1936—1939 годах.

Главные задачи своего исследования Кэтел поставил во введении: 1) Выяснить, кем же были коммунисты: «спасителями испанской республики или ее врагами»? 2) Проанализировать сущность тактики единого фронта, «успешность ее первого испытания в Испании».

Острие работы Кэтела фактически направлено против реакционной антикоммунистической историографии.

Как известно, фашистский мятеж в Испании был поднят против законного демократического правительства республики и был обусловлен прежде всего стремлением сил реакции любой ценой сохранить свои экономические и политические привилегии, поставленные под угрозу развитием демократической революции в стране. Кэтел показывает полную бездоказательность утверждения реакционеров о «незаконности» победы Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 г. и «нелегальности» левореспубликанского правительства, созданного в результате этой победы. Разоблачая фашистские фальшивки, на основе конкретных фактов он показывает несостоятельность «принятой не только в фашистских странах, но и консервативными элементами всего мира, а также католической церковью» версии о «красной угрозе» как причине мятежа (стр. 19, 42). Истинная причина мятежа заключается в том, отмечает Кэтел, что «с победой Народного фронта в феврале 1936 г. правые осознали, что если реформы Народного фронта продолжатся, то земля будет передана тем, кто ее обрабатывает, а армия будет демократизирована, и тем самым правые утратят источники своей мощи» (стр. 45).

«Красное пугало,— пишет Кэтел,— это прием, который был уже неоднократно использован с большим успехом и Муссолини, и Гитлером... Слово «красный» стало для диктаторов эквивалентом «Сезам, откройся» и в 1922 и в 1931—36 гг. При этом никаких доказательств никогда представлено не было» (стр. 38). Заметим, что и в последующие годы приемы реакции не изменились. И эти слова Кэтела бьют не в бровь, а в глаз и организаторам интервенции против «коммунистического заговора» в Гватемале и тем, кто под фальшивым прикрытием борьбы с «советским заговором» предпринял интервенцию против Египта и попытку переворота в Сирии, осуществил антидемократический переворот в Иордании. Никакого коммунистического и совет-

---

[10] Comin Colomer. Historia del anarguismo espagnol Madrid. 1948; его же. Historia segreta de la segunda republica. Madrid. 1954; A. Loveday. Spain. 1923—1948. London. 1948.

[11] W. Churchill. Gathering storm. London. 1948, p. 212—213; работы английского историка Пирса; R. Pattee. This is Spain. Milwakee, 1952.

ского заговора в Испании не было — к такому выводу приходит автор.

В книге показана истинная цена пресловутого мифа о «национальной революции» фашистов. Кэтел убедительно доказывает, что «народ был на стороне республики», а фашисты «смогли победить лишь благодаря помощи Германии и Италии, которая намного превосходила помощь, полученную республикой» (стр. 48).

Затем Кэтел переходит к рассмотрению роли Коммунистической партии Испании (и отчасти СССР) в национально-революционной войне. При этом главный удар он наносит по концепции «ультралевых» фальсификаторов, анализируя и опровергая одно за другим их лживые утверждения.

«Русские и коммунистические руководители были одним из основных факторов длительного сопротивления республики» (стр. 105),— замечает Кэтел, отвечая на выпады анархистских лидеров и предателя Касадо о якобы «пагубности действий коммунистов и советских добровольцев в армии республики» [12]. «Мало оснований верить, что имело место давление со стороны русских. Акт республики оправдан со всех точек зрения»,— таков вывод Кэтела в связи с пресловутым домыслом о «похищении испанского золота» (стр. 81).

Проанализировав в свете фактов утверждения анархистов и троцкистов об ответственности КПИ за военные неудачи у Малаги и в Арагоне, о «пристрастном распределении» полученного республикой оружия [13] и т. д., Кэтел заключает: «Не удивительно, что вначале коммунистические войска первыми получали оружие... Ибо они были первыми подчинившимися дисциплине регулярной армии... Желание компартии сконцентрировать все силы на Мадридском фронте было правильно... Обвинения в адрес коммунистов не имеют под собой оснований» (стр. 106—108).

Точно так же раскрывается в книге несостоятельность домыслов о «коммунистическом терроре, направленном на установление единовластия КПИ», о «коммунистическом заговоре» в мае 1937 и весной 1938 г., об «измене СССР» и т. д. Правда, автор не показывает корней фальсификаторских концепций, рассматривая их лишь как попытки «превратить коммунистов в козлов отпущения» и «возложить на них вину за все несчастья республики», иронически замечая при этом, что подобные попытки требуют «напряженной умственной гимнастики» от их творцов (стр. 207).

Наиболее сильный удар по антикоммунистическим вымыслам наносит позитивная часть концепции Кэтела.

В книге дается в целом правильный анализ стратегической линии КПИ в период войны. На основе этого анализа автор делает важнейший вывод: «Для коммунистов непосредственная задача выиграть войну была самой главной целью» (стр. 59), сущность политики Коммунистической партии заключалась в том, чтобы «пожертвовать всем для победы в войне против Франко» (стр. 161). Это положение прямо направлено против краеугольного камня всех антикоммунистических концепций, в которых утверждается, что целью испанских коммунистов в 1936—1939 годах был захват власти в свои руки, уничтожение всех других партий и групп антифашистского лагеря.

Этот главный тезис — о победе в антифашистской войне как основной стратегической цели коммунистов — Кэтел подтверждает анализом политической деятельности КПИ и эволюции ее тактики как накануне войны, так и на всех ее этапах.

Он подчеркивает правильность и эффективность коммунистической тактики Единого фронта в условиях предвоенной Испании (стр. 33), указывает, что после февраля 1936 г. «коммунисты в отличие от социалистов не оставались слепыми перед угрозой военного мятежа. Они предупреждали правительство и пытались заставить его действовать» (стр. 46).

В шестой и девятой главах, посвященных военно-политической программе КПИ в годы войны, автор подводит читателя к выводу о правильности политики коммунистов во всех основных вопросах войны, о полном соответствии этой политики интересам победы над фашизмом.

Кэтел пишет о несостоятельности утверждений анархо-троцкистов о гибельных якобы последствиях действий КПИ в сельском хозяйстве и промышленности [14] (распределение помещичьих земель между крестьянами, борьба против принудительной коллективизации и реквизиций, за союз с середня-

---

[12] S. Casado. Указ. соч., стр. 48, 55—60; A. de Souchy. Указ. соч., стр. 213.

[13] См. J. Peirats. CNT y la revolucion española. T. II, p. 134; p. 98. Tulusa. 1951—1953; J. Gorkin. Указ. соч., стр. 48—50. S. Casado. Указ. соч., стр. 44.

[14] J. Peirats. Указ. соч. Т. II, стр. 131, 135.

ками; противодействие синдикалистскому «эксперименту» в промышленности, борьба за централизацию управления промышленностью и национализацию важнейших ее отраслей). Он показывает, как мероприятия коммунистов в деревне обеспечили поддержку республики со стороны мелких и средних крестьян.

Кэтел доказывает также правильность политики КПИ по отношению к народному фронту, в вопросах строительства народной армии и крепкого тыла. Он высоко оценивает «отличный для дела республики» коммунистический лозунг демократии нового типа как цели борьбы народа (стр. 90). «Коммунистическая программа демократии нового типа,— пишет он,— была очень реалистической программой для страны, где республиканцы, с одной стороны, и революционеры,— с другой, должны были любой ценой разгромить военную диктатуру. Эта программа была также и единственной основой прочного и длительного урегулирования после победы в войне» (стр. 91, 92).

Через всю книгу красной нитью проходит положение о непрерывной, упорной борьбе Коммунистической партии за единство рабочего движения в стране, за объединение рабочих партий и профсоюзных центров. Автор подчеркивает при этом, что в интересах единства антифашистских действий Коммунистическая партия неоднократно жертвовала своими отдельными, частичными интересами (стр. 186, 191).

Так, одно из основных положений анархо-троцкистской концепции заключается в том, что КПИ являлась «главной силой раскола» [15], что она особенно яростно боролась против единства двух профсоюзных центров — руководимого социалистами Всеобщего союза трудящихся (ВСТ) и анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ) [16]. А вот выводы Кэтела по этому вопросу: «Коммунисты пустили в ход все свои средства пропаганды, чтобы убедить анархистов и социалистов создать единый профцентр... хотя объединение отдалило бы перспективу завоевания коммунистами господства в профсоюзах» (стр. 128). «Коммунисты со всей силой, на которую они были способны, боролись за успешное завершение переговоров НКТ с ВСТ» (весной 1938 г.) (стр. 188). Напротив, доказывает Кэтел, именно социалисты и анархисты выступили против объединения профсоюзных центров (стр. 128, 129).

В книге прослеживается, как военная программа коммунистов становилась руководством к действию для всех здоровых сил республиканского лагеря, как росли мощь и влияние самой Коммунистической партии. В то же время Кэтел подчеркивает, что КПИ, имевшая возможность взять власть в свои руки в мае 1937, апреле 1938 г. и позже, не сделала этого, считая, что установление ее единовластия повредит делу победы над фашизмом (стр. 160—163, 199, 200).

Меньше внимания уделено в книге показу практических действий Коммунистической партии, но и здесь доказывается положительный характер ее деятельности, особенно в армии.

«Все силы и средства, которыми располагали коммунисты, были пущены в ход, чтобы форсировать создание сильной регулярной армии... Все наблюдатели указывают, что правительство, направляемое (driven) компартией, создало современную армию, сумевшую в течение трех лет сопротивляться объединенным силам Франко, мавров, иностранного легиона, нескольким дивизиям итальянской и германской армий» (стр. 87).

«Без коммунистов, как объединяющего и движущего фактора,— указывает Кэтел,— республиканские силы были бы разгромлены задолго до 1939 года» (стр. 88).

И в заключительной главе книги автор отвечая на первый из поставленных во введении вопросов, делает вывод о том, что деятельность коммунистов была не «столько причиной гибели дела республики, сколько временным спасителем этого дела» (стр. 210). Понятно, что в условиях сегодняшней Америки даже столь обтекаемо сформулированный вывод потребовал от автора и научного и гражданского мужества.

Анализ сущности и эволюции военной политики КПИ и результатов ее борьбы представляет собой стержень книги и наиболее удачный ее аспект. В тесной связи с этим находится сравнительно правильное разрешение Кэтелом ряда сложных производных проблем. Так, в основном верно освещены в книге взаимоотношения КПИ с анархо-синдикалистами зимой 1936/37 г. и после майского кризиса, политика правых социалистов по отношению к КПИ, политические

---

[15] V. Richards. Указ. соч., стр. 90.

[16] «Коммунисты никогда не желали единства двух профцентров. Это было бы их политической смертью» (J. Peirats. Указ. соч. Т. I, стр. 250).

кризисы в мае 1937 и марте—апреле 1938 г. и многие другие вопросы.

В то же время книге буржуазного автора, повествующего о Коммунистической партии, естественно, присущи весьма крупные недостатки, ошибки, искажения. И именно достоинства работы Кэтела заставляют подробно остановиться на ее изъянах.

Первым из них является неверное решение вопроса о мотивах политики КПИ. Автор не захотел отказаться от гнусной клеветы черных сил международной реакции о подчинении якобы действий коммунистических партий капиталистических стран интересам внешней политики СССР, клеветы, превратившейся в догму и предрассудок для всех направлений буржуазной историографии. Характерно, что Кэтел постоянно повторяет этот домысел, но, по сути дела, даже не пытается доказать его, отходя в этом вопросе от своего критического метода исследования. Он лишь неоднократно повторяет рассуждения о том, что цели борьбы КПИ совпадали с интересами внешней политики СССР, не противоречили им. Но в то же время Кэтел пишет, что эти цели соответствовали жизненным интересам всего антифашистского лагеря, большинства народа Испании. Поэтому автор объективно, хочет он этого или нет, доказывает не факт подчинения КПИ политике СССР, а совпадение — закономерное, добавим мы,— интересов страны социализма, являющейся оплотом всех демократических сил мира, с теми национальными и революционными интересами трудящихся Испании, за которые боролась КПИ.

С этой проблемой у Кэтела тесно связана и другая: об отношении КПИ к социальной революции, развертывавшейся в стране. В книге постоянно проскальзывает мысль, что коммунисты якобы старались затормозить революцию, стояли на консервативных по сравнению с анархистами и левыми социалистами позициях. С этим нельзя согласиться. Революционность партии определяется не декларациями и не жестами, а практическими ее действиями в решении главных проблем революции. Такой проблемой в Испании 1936—1939 годов была проблема военной победы над фашизмом. Последовательное осуществление этой задачи, и только оно, разрешило бы основной вопрос революции — вопрос о власти — в интересах трудящихся. Ключевыми условиями такой победы были: осуществление единства рабочего движения; установление пролетариатом своей гегемонии; создание мощной Народной армии, руководимой рабочим классом; максимальная концентрация власти и управления ключевыми отраслями экономики в руках правительства Народного фронта — в республиканском тылу [17].

Подлинная объективная революционность каждой группы определялась ее отношением именно к этим главным условиям военной победы, а не тем, как далеко она зайдет в экспериментах по построению будущего строя, над которым навис бронированный кулак фашистов.

Сам Кэтел неоднократно замечает, что именно коммунисты сделали больше всего для решения указанных задач, а «р-р-революционные» анархисты и их союзники, наоборот, мешали претворению условий победы в жизнь. Политика коммунистов была не только последовательно антифашистской, что признает Кэтел, но и последовательно революционной, соответствовавшей коренным интересам пролетариата Испании и большинства ее народа.

Экстремистская же политика анархистов и социал-синдикалистской группы Кабальеро была, по существу, цеховой, «лево»-оппортунистической, сектантской политикой.

Третьим общим недостатком рецензируемой работы, который повлек за собой наибольшее число ошибок автора, является неправильный анализ методов борьбы КПИ.

Как добилась КПИ того, что ее политическая линия была принята народом и правительством? Как достигла она успехов в борьбе за единство? Отвечая на эти вопросы, Кэтел опять-таки не может преодолеть своей буржуазной ограниченности. Он сводит действия коммунистов к политическим интригам в верхах, хотя и пытается оправдывать эти мнимые «методы» коммунистов, в действительности глубоко чуждые политике испанской Коммунистической партии.

Подобная точка зрения, естественно, привела к искажению исторических фактов. Первым и главным результатом ее было умаление Кэтлом роли народных масс в

---

[17] См. манифесты ЦК КПИ от 18 декабря 1936 г. и 17 мая 1937 г., решения пленумов ЦК КПИ в марте и июне 1937 г. («Mundo obrero», 18 декабря 1936 г. и 18 мая 1937 г.; «Frent Rojo», 5 апреля, 21—26 июня 1937 г.).

политической борьбе. Ибо на самом деле сущность методов борьбы КПИ за претворение в жизнь своей программы заключалась именно в завоевании масс на свою сторону, а не в верхушечных интригах. Лишь убедив массы в правильности своей точки зрения, Коммунистическая партия предпринимала ту или иную акцию. Все политические кризисы в годы войны в Испании решались активными выступлениями народных масс, творивших историю.

У Кэтела же массы, как правило, предстают в качестве пассивного объекта «верхушечных сговоров», разногласий. Показательно, что автор, тщательно анализируя подчас мелкие факты, связанные с развитием внутренней борьбы в республиканском лагере, не замечает некоторые важнейшие моменты этой борьбы, именно те, которые характеризовались активными выступлениями широких масс трудящихся. Мы имеем в виду политические последствия битвы у Мадрида (ноябрь 1936 г.), политический кризис в феврале 1937 г. и особенно такое решающей важности событие, как выступление пролетарских масс против капитулянтов в марте 1938 года.

Этот коренной недостаток исследования Кэтела закономерно приводит к ряду других ошибок и искажений, переплетается с ними. Сказанное относится, например, к анализу причин роста сил КПИ (стр. 94—96). Этот анализ грешит как недооценкой способности масс к самостоятельным действиям и суждениям, так и принижением характера деятельности Коммунистической партии.

Одну из основных причин усиления влияния и авторитета КПИ автор видит в «общем росте политической сознательности масс». Он указывает, что профсоюзные организации также удвоили свою численность. Следовательно, Кэтел ставит на одну доску рост политической партии и профсоюзов, с чем нельзя согласиться, тем более, что в ряде районов Испании было введено обязательное синдицирование. Общеизвестно в то же время, что другие политические партии республики росли либо очень медленно (социалисты), либо совсем распадались. Влияние КПИ непрерывно увеличивалось, в то время как другие политические силы его утрачивали. И это явление приведенным выше положением Кэтела совершенно не объясняется.

Второй причиной роста КПИ и ее влияния Кэтел считает помощь СССР Испанской республике. Но если с этим можно в известной мере согласиться, поскольку защита Советским Союзом правого дела испанского народа на международной арене получила широкий положительный отклик среди трудящихся масс Испании, то не выдерживает никакой критики соображение автора о том, что третьим фактором роста влияния КПИ являлся «карьеризм». Совершенно очевидно, и это вытекает из содержания самой книги Кэтела, что условий для «ускоренной карьеры» у лиц, вступивших в КПИ, не существовало.

Наоборот. До апреля 1938 г. по отношению к членам КПИ проводилась явно дискриминационная политика. Все основные министерства и отрасли государственного управления находились в руках других партий [18]. Не на высокие государственные посты, а на передовую линию вооруженной борьбы посылала Коммунистическая партия своих членов. Ни одна партия Испании не имела такого высокого процента фронтовиков в своих рядах, столько погибших на фронте, как КПИ. И даже те позиции в армии, которые Коммунистическая партия завоевала в огне жестоких битв войны, кровью лучших своих сыновей, систематически отбирались у нее сверху тыловыми бюрократами, принадлежавшими к другим партиям (стр. 184—185). Таким образом, карьеристские соображения никак не могли обусловить приток новых членов в ряды КПИ.

Лишь на четвертом и последнем месте мы видим у Кэтела главную причину роста сил КПИ — правильность и подлинную народность ее политической линии.

Двух же других важнейших причин роста влияния КПИ у Кэтела вообще нет. Речь идет, во-первых, об организационной деятельности Коммунистической партии, которая позволяла ей проводить в жизнь собственными силами и зачастую вопреки правительству свою программу победы [19] (в то время, как все другие груп-

---

[18] «Разные партии проявляли свою активность в различных сферах деятельности. Самая старая из них — социалистическая — действовала на руководящих постах в правительстве, в органах полиции, контрразведки, промышленности, снабжения, таможен...» — свидетельствует Висенте Рохо, бывший начальник генерального штаба республики и отнюдь не коммунист (V. Rojo. Alerta los pueblos! Buenos Aires. 1939. Цит. по журналу «Nuestra bandera» 1940, № 1, p. 68.

[19] См. в связи с этим прямые указания таких авторов, как H. Buckley (Указ. соч., стр. 314), A. Ramos Oliveira

пы и партии, кроме анархистов, фактически прекратили свое существование как организованная политическая сила до начала 1937 года). Во-вторых, Кэтел не говорит об огромном влиянии на массы коммунистической «проповеди примером»: высоком героизме коммунистов, их чувстве ответственности перед народом, их умении умирать и побеждать во имя свободы и независимости Испании.

Ошибочному объяснению причин роста влияния КПИ закономерно соответствует неверный анализ автором социального состава партии. Кэтел постоянно подчеркивает, что рост КПИ якобы происходил в первую очередь за счет мелкой буржуазии, привлеченной «умеренностью КПИ». Объединенную Социалистическую партию Каталонии (ОСПК) и руководимый ею Всеобщий союз трудящихся Каталонии (ВСТК) он квалифицирует как «почти исключительно мелкобуржуазные партию и профсоюз» (в противовес «пролетарской НКТ»).

Между тем в ВСТК насчитывалось 60 тыс. металлистов, что превышало численность этой группы рабочих в НКТ Каталонии. Текстильщиков в той и другой организации было по 100 тыс., примерно поровну в обеих организациях насчитывалось горняков, химиков, печатников, а число железнодорожников в ВСТК было больше, чем в НКТ Каталонии. 62% членов ОСПК составляли рабочие [20]. Причем, по свидетельству такого ярого противника коммунистов, как Ф. Боркенау (оказавшего сильнейшее воздействие на концепцию Кэтела), влияние анархистов в Каталонии было наиболее устойчивым на «мелких и менее важных промышленных предприятиях» [21].

Правда, верно и то, что в большинстве районов страны рост влияния Коммунистической партии на предприятиях, в профсоюзах шел замедленным темпом. Это было действительной слабостью КПИ. Но она отнюдь не становилась мелкобуржуазной партией, вопреки утверждениям Кэтела и многих других, ибо Кэтел и другие авторы не желают видеть то важнейшее обстоятельство, что ряды Коммунистической партии росли главным образом и быстрее всего на фронте. Подавляющее же большинство фронтовиков до лета 1937 г. составляли рабочие [22]. Поэтому-то в действительности к марту 1937 г. рабочие составляли более 60% членов КПИ.

В тесной связи со всем сказанным находится и неправильная трактовка Кэтелом тактики Коммунистической партии в первые месяцы войны. Он утверждает, что до декабря 1936 г. КПИ ничего практически не делала, чтобы воспрепятствовать пагубной политике экстремистов, ограничиваясь «пассивной критикой» их действий (стр. 65, 68, 83). Провозглашенная КПИ программа, говорит Кэтел, претворялась в жизнь якобы не ею, а социалистами и республиканцами и лишь с декабря 1936 г. вследствие помощи СССР Коммунистическая партия становится заметной политической силой и «переходит к активному участию в правительстве».

Между тем достаточно вспомнить хотя бы такие факты (о которых сам же Кэтел пишет в другой связи), как создание коммунистами 120-тысячного 5-го полка — основы будущей регулярной армии республики (август — ноябрь 1936 г.), разгром ими состоявшей из «бесконтрольных» элементов так называемой «Железной колонны» в Валенсии (конец октября 1936 г.); исторический декрет за подписью министра-коммуниста от 7 октября 1936 г., узаконивший ликвидацию помещичьего землевладения в республике, чтобы увидеть ошибочность подобных суждений Кэтела. Мы не говорим уже об основной деятельности КПИ в эти месяцы — об организации ею обороны Мадрида (сентябрь — октябрь 1936 г.) [23], о руководстве спасением города в ноябрьских боях. Именно эти действия Коммунистической партии сыграли, как уже говорилось, решающую роль в переходе масс под ее знамена. Именно это и превратило КПИ в решающую политическую силу республики.

Неверно решает Кэтел вопрос о причи-

(The politics, economics and men of modern Spain. London. 1946, p. 598, 607), F. Borkenau (Указ. соч., стр. 193, 287, 290, 291) и многих других.

[20] M. Benavides. La guerra y revolucion en Cataluña. Mexico. 1946, p. 470—471. Сборник «Spanien, ein Land kämpft um seine Freiheit» Paris. 1938, S. 22—23; M. Valdes. Informe presentado en la primera conferencia del PSUC. Barcelona. 1937, p. 3.

[21] F. Borkenau. Указ. соч., стр. 179—180.

[22] Заметим, между прочим, что вообще выявление роли Народной армии как политической силы является слабым местом всех «программных» трудов буржуазных авторов, посвященных Испании 1936—1939 годов.

[23] «Еще до прибытия русской помощи,— признает Кэтел,— коммунисты поставили перед собой, как главную свою задачу, оборону Мадрида» (стр. 100).

нах изменения отношения коммунистов к Ларго Кабальеро и возглавляемому им правительству.

Во-первых, без каких бы то ни было серьезных оснований Кэтел принимает на веру версию о так называемом «деле Клебера», о «неудачной попытке КПИ вызвать правительственный кризис в январе 1937 г.». В этом «факте», за достоверность которого не ручаются даже самые реакционные историографы событий 1936—1939 годов, Кэтел видит одну из причин разрыва КПИ с Кабальеро и усматривает в нем переломный момент в тактике партии (стр. 131—132). С другой стороны, Кэтел явно приукрашивает позицию «кабальеристов», не показывает, насколько противоречила их деятельность требованиям войны, условиям победы. А ведь именно это обстоятельство, сказавшееся со всей силой в начале февраля 1937 г. (захват фашистами Малаги), и стало важнейшей причиной нараставшей оппозиции КПИ к политике Ларго Кабальеро. Огромная демонстрация 14 февраля 1937 г. в Валенсии (упоминания о которой мы не находим в книге) показала, что собственный жизненный опыт масс принес плоды, что Коммунистическая партия убедила массы в правильности своей политики. Эта демонстрация, прозрение народа, а не мифические «заговоры и планы» послужили в действительности переломным моментом в отношениях между Ларго Кабальеро и КПИ (что, впрочем, легко установить по испанской прессе того времени).

Совокупность указанных ошибок, методологических и фактических, помешала Кэтелу правильно ответить на второй вопрос, поставленный во введении. Анализ применения тактики Единого фронта в Испании сводится у него к следующему.

Коммунисты постоянно и всевозможными средствами добивались единства сил пролетариата в борьбе за победу над фашизмом. С первых дней войны они боролись за единую партию пролетариата, единый профсоюзный центр, за единство действий всех отрядов рабочего класса. Борьба за объединение сил пролетариата призвана была в то же время обеспечить и революционные, конечные цели КПИ (стр. 55, 121, 127—128, 179, 211—212 и др.). С этим выводом нельзя не согласиться.

Коммунистам удалось осуществить единство действий с социалистами, объединить с ними свои молодежные и профсоюзные организации. Тем самым были пройдены все «предварительные этапы» для осуществления слияния КПИ с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП). Однако быстрый переход объединенных организаций под гегемонию Коммунистической партии насторожил социалистических лидеров и сделал единство партий невозможным (стр. 122, 180—183, 210).

Последнее положение и, главное, самоограничение проблемы единства данными рамками научно несостоятельны. Из поля зрения Кэтела опять выпало главное в этой проблеме — позиция пролетарских масс ИСРП и ВСТ. Кэтел молчаливо исходит из того, что массы слепо шли за своими лидерами и поэтому вся проблема единства сводилась к тому, удастся ли убедить в необходимости этого единства лидеров. Таким образом, вопрос оказался поставленным с ног на голову. На самом деле социалистические лидеры противились и объединению молодежных организаций, и объединению партий в Каталонии, и единству действий партий на местах. Они должны были пойти на это вовсе не из-за своей «доверчивости» и не «из-за террора коммунистов», как намекает Кэтел в других местах, а именно под сильнейшим давлением масс ИСРП и ВСТ [24]. Поэтому, чтобы правильно разрешить сложнейшую проблему причин неудачи борьбы КПИ за слияние рабочих партий, нужно объяснить, почему и как лидерам ИСРП удалось отбить объединительный натиск масс, удержать их от слияния снизу. А этого Кэтел как раз и не делает, ограничиваясь наивным объяснением, что-де «лидеры ИСРП насторожились».

Таковы главные пороки концепции Кэтела.

В книге имеются и другие, менее важные ошибки.

Так, более чем сомнительно утверждение автора, что «испанские предприниматели, как правило, охотно вели переговоры с профсоюзами» (стр. 2). Это опровергается всей историей рабочего движения в Испании. Более 20 профсоюзных руководителей, убитых из-за угла в Барселоне за 36 часов

---

[24] См. материалы пленумов Национального комитета ИСРП в июле 1937 и августе 1938 г. (особенно доклады и выступления секретаря Исполнительной комиссии ИСРП Ламонеда), материалы коммунистических и социалистических газет, опубликованные летом и осенью 1937 г., выступления Альвареса дель Вайо и др.

в январе 1921 г. агентами предпринимателей, и объявления горных трестов о вознаграждении тем, кто представит профсоюзных лидеров живыми или мертвыми (con vida o sin ella),— таковы свидетельства «благожелательного» отношения испанских предпринимателей к профсоюзам.

Много путаницы содержится в рассуждениях Кэтела о первоначальном отношении КПИ к Народному фронту (стр. 53—54). Совершенно несостоятельно отрицание автором фашистского характера мятежа. Кэтел исходит при этом не из сущности фашизма, а из чисто формального признака: раз во главе мятежа стояли военные, а фашистская партия играла вначале лишь подчиненную роль,— стало быть, движение, каким бы антидемократическим оно ни было, не может быть названо фашистским.

Как уже говорилось, Кэтел переоценивает положительные стороны деятельности правительства Ларго Кабальеро. Большая часть заслуг, приписанных последнему, на деле принадлежала Коммунистической партии (разгром «Железной колонны», борьба против принудительной коллективизации и др.), причем сплошь и рядом КПИ добивалась этих успехов вопреки политике и действиям Кабальеро.

Непонятны сомнения автора в вопросе о том, был ли заранее подготовлен анархо-троцкистский путч в мае 1937 г. (стр. 146). Ведь это подтверждают весь ход событий, официальные документы, книги таких деятелей экстремистского крыла анархо-синдикализма, как Абад де Сантильян и Суши.

В рецензируемой работе отсутствует четкая характеристика сущности политики реформистского руководства ИСРП осенью и зимой 1937—1938 года. Отсюда неверное, поверхностное суждение Кэтела о том, что в это время не существовало различия в военной политике коммунистов и социалистов (стр. 186, 191). Если это в известной мере правильно по отношению к периоду, предшествовавшему падению Севера (май — сентябрь 1937 г.), то для последующего времени характерно как раз все более усиливающееся расхождение между политикой, проводимой в армии КПИ, и политикой лидера ИСРП, тогдашнего военного министра Прито. В то время как КПИ делала главный упор на борьбу за революционный, народный характер армии, приетисты принимали одну за другой меры, направленные на уничтожение революционного характера Народной армии, на превращение ее в оплот сторонников «компромисса». Между тем Кэтел, высказав ряд правильных и интересных мыслей о взаимоотношениях Прито и коммунистов, совершенно обходит вопрос о связи политики Прито в армии с его капитулянтскими тенденциями (о которых он в другом месте упоминает).

В книге содержатся и некоторые фактические погрешности [25].

Наконец, следует сказать о неожиданных, совершенно необоснованных и резко расходящихся со всем ходом рассуждений автора выпадах против КПИ, содержащихся на последних страницах книги. Кэтел суммирует здесь все опровергнутые им ранее положения антикоммунистических писаний для того, чтобы вдруг заявить, что они в значительной мере правильны, но не объемлют всю истину (стр. 209). Если на стр. 195 Кэтел прямо выступает против версии о том, что причиной выступления правого крыла Народного фронта весной 1938 г. была опасность установления коммунистической диктатуры, то на стр. 208 он пишет: «Прито заключил, что компромисс с Франко был лучше, чем диктатура коммунистов». Не менее неожиданно автор возлагает на коммунистов ответственность за уход с фронта анархистских колонн в мае 1937 г., хотя прежде он показывал, что как раз благодаря коммунистам было покончено с анархистской практикой партизанщины, ухода вооруженных сил с фронта и т. д.

Внезапный реверанс Кэтела в сторону фальсификаторов трудно объяснить чем-либо иным, кроме перестраховки перед Ко-

[25] Так, о численности слившихся молодежных организаций КПИ и СРПИ даны неправильные данные. На стр. 33 Кэтел определяет численность молодежной организации СРПИ весной 1936 г. чуть ли не в 250 тыс. человек. На самом деле она насчитывала лишь 64 тыс. членов. Лишены всяких оснований приводимые Кэтелом данные о том, что до 50 тыс. членов социалистического союза молодежи не вступили в объединенную молодежную организацию: решения о слиянии федерации социалистической молодежи и комсомола принимались в провинциях почти единогласно.

Неверно, что ноябрь—декабрь 1936 г. были временем, когда произошло примирение КПИ с анархистами. Напротив, именно на эти месяцы падает наиболее ожесточенная борьба КПИ с «бесконтрольными» в районах центра и Леванта, начало борьбы ОСПК против политики анархистов в Каталонии. Процесс ПОУМ состоялся не в 1937 г. (стр. 172), а в 1938 году. Численность ВСТ не только не уступала численности НКТ (стр. 174), но, напротив, превосходила ее и др.

миссией по расследованию антиамериканской деятельности.

В последних строках книги вновь, подобно «deus ex machina», появляется вся обойма унифицированных, стандартных выпадов антикоммунистического набора. Автор, описывающий, между прочим, предельно неприглядную роль «демократических стран Запада» в испанском вопросе (стр. 193, 203), начинает вдруг защищать «демократию западного типа» и т. п.

К счастью для автора и читателей, на основных выводах о роли КПИ в гражданской войне и причинах поражения республики эта дань официальному антикоммунизму почти не сказалась.

Перечисленные пороки, ошибки, недостатки книги буржуазного автора, вышедшей в США в обстановке антикоммунистической истерии, духовного террора реакции, фальсификации, понятны, они, конечно, значительно снижают научное достоинство рецензируемой работы. Следует вместе с тем приветствовать те правильные положения и верные выводы, которые содержатся в книге Кэтела, их направленность против фальсификации исторической действительности.

Правда истории, запечатленная кровью сотен тысяч павших антифашистов, пробилась наружу вопреки буржуазным позициям автора, вопреки сегодняшней обстановке в США. Это — еще одно свидетельство великой силы правды истории, правды коммунизма.

К. Л. Майданик

Български патриарх КИРИЛ. *Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското въстание.* София. Издание на Българската академия на науките. 1955. 346 стр. + 3 карти.

Болгарский патриарх КИРИЛЛ. *Сопротивление против Берлинского договора. Кресненское восстание.*

В истории национально-освободительной борьбы болгарского народа важное место занимает вопрос о его сопротивлении реакционным решениям Берлинского конгресса 1878 г., отдавшего значительную часть населения и территории Болгарии под власть турецких феодалов, и об основном эпизоде сопротивления — Кресненском восстании 1878—1879 годов.

Однако историческая литература на эту тему крайне скудна. Можно назвать лишь две работы советских историков [1], но и они не могут претендовать на исчерпывающее освещение проблемы, поскольку документы, известные до сих пор по этому вопросу,— это только часть архива, посвященного Кресненскому восстанию и борьбе против Берлинского трактата. Архивы Тырновского, Софийского и Пловдивского комитетов «Единство» еще не изучены. Многие документы, видимо, все еще находятся в руках частных лиц. Отсюда ясно, что рецензируемый труд болгарского патриарха Кирилла, изданный Институтом истории Болгарской Академии наук и частично восполняющий указанный пробел в историографии, имеет большое научное значение.

Работа патриарха Кирилла представляет собою публикацию неизвестных до сих пор 156 документов, относящихся к зиме 1878—лету 1879 г.—второму периоду Кресненского восстания. В этом смысле она примыкает к вышедшему ранее сборнику документов, охватывающих первый период восстания [2]. Большая часть документов, публикуемых Кириллом, обнаружена у Анны Станковой-Бойкикевой и в Архивном институте Болгарской Академии наук, куда они были переданы в 1907 г. историком Н. И. Ванковым. Документы напечатаны

[1] См. Н. Левинтов. Кресненское восстание. «Вопросы истории», 1951, № 4; В. Д. Конобеев. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса. Сборник «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М. 1953. В общих трудах по истории Болгарии советских историков и историков народно-демократической Болгарии об этих событиях говорится лишь в общих чертах.

[2] «Документи по Кресненското въстание от 1878 год». Сборник на Българската академия на науките. Кн. XXXVI. София. 1942. Об этом сборнике см. также упомянутую статью Н. Левинтова.

на языке оригинала: болгарском, русском и сербском. Для документов, опубликованных на иностранном языке, дается перевод на болгарский язык.

Преобладающее место в публикации Кирилла занимают письма и телеграммы представителей повстанческих чет и других деятелей сопротивления к руководителю Центрального комитета митрополиту Натанаилу. Часть писем принадлежит перу активного участника движения, известному представителю болгарской буржуазии Стефану Стамболову. Ряд документов составлен Военным советом восстания, Временным управлением Македонии и др. Опубликованные материалы отражают тяжелую и самоотверженную, полную драматизма борьбу болгарского народа за единство страны. Документы свидетельствуют о том, что, несмотря на огромные лишения, нехватку оружия, боеприпасов, продовольствия, одежды и денег, народы Болгарии и Македонии были полны решимости в этой неравной борьбе отстаивать свои интересы.

Публикация снабжена научным аппаратом и постраничными комментариями. Кроме того, опубликованным документам автор предпослал обширную (стр. 7—113) статью, довольно подробно освещающую историю движения сопротивления и особенно Кресненского восстания. Эта статья, несомненно, представляет научный интерес. Использовав большой документальный и литературный материал, патриарх Кирилл нарисовал подробную картину борьбы болгарского народа против реакционных решений Берлинского конгресса. Наряду с этим автор статьи затронул ряд вопросов, которые требуют дополнительного и весьма детального исследования. Это проблемы организации административно-судебной власти, проведения финансово-экономической политики в районах восстания, участие представителей народов Сербии, Боснии и Герцеговины в движении сопротивления и др.

В начале статьи автор знакомит читателя с источниками и литературой по данному вопросу. Автор сам признает краткость предложенного им читателям библиографического обзора. Однако, даже учитывая его оговорку, по нашему мнению, нельзя было не упомянуть о русских[3], македонских[4] материалах и о работе А. Динева, посвященной непосредственно Кресненскому восстанию[5]. Ни слова не сказано также о работах советских историков В. Д. Конобеева, И. В. Козьменко. Далее статья знакомит читателя со всеми главнейшими сторонами событий и основным содержанием публикуемых документов. В ней кратко, но выразительно показываются основная сущность решений Берлинского конгресса и вызванные ими протесты народа Болгарии. Статья характеризует тяжелое положение населения Македонии, которая снова возвращалась под власть турецких феодалов на правах обыкновенного вилайета. Фактические данные этой характеристики автор подкрепляет ссылкой на известное положение В. И. Ленина о сохранении в Македонии сильнейших пережитков крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов, высказанное им в 1912 году[6]. Автор указывает на специфическое положение, создавшееся в Южной Болгарии (Восточной Румелии) в связи с решениями Берлинского конгресса. Он пишет о том, что эти решения уже в августе 1878 г.[7] привели не только к появлению идеи повстанческого движения, но и к возникновению стихийного революционного движения (стр. 25). Собственно говоря, война между Россией и Турцией закончилась, но война болгар и македонцев против ненавистного турецкого ига, по существу, не прекратилась.

Южные славяне активизировались для борьбы против угрозы реставрации абдулгамидовского режима в результате Родопского «восстания» мусульман, инспирированного турецкими властями и поддержанного англичанами. Оно возглавлялось Джаванарлият Исмаил-агой, англичанином Синклером, действовавшим под именем «генерала Хидает-бея», и адъютантом последнего Джорджем Пейджетом. Восстание рекламировалось как народное, а на самом деле его целью была ликвидация результатов русско-турецкой войны и восстановление на Балканах власти султана.

Классики марксизма-ленинизма подчеркивали остроту борьбы, которая велась

[3] «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 годах». Вып. 5. СПБ. 1906. Вып. 6. СПБ. 1907.

[4] Одбрани четива за историјата на македонскиот народ. II дел. Составил Л. Лапе Скопје. 1953. Здесь напечатаны материалы о Кресненском восстании.

[5] А. Динев. Кресненското въстание през 1878 г. София. 1926.

[6] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 368.

[7] То есть примерно спустя месяц после окончания работ конгресса (закрытие конгресса состоялось 13 июля 1878 года).

великими державами за влияние на Балканах[8]. В статье же крайне недостаточно показаны интересы западноевропейских государств в этой части Юго-Восточной Европы и, по существу, вовсе не вскрыты своекорыстные цели российского самодержавия. Но ведь без определения общих целей и интересов великих держав нельзя четко и ясно осветить их политику в данном конкретном случае.

Говоря об отношении России к движению сопротивления и к Берлинскому трактату, автор правильно отмечает глубокое сочувствие русского народа к борьбе болгарского народа.

Интересно и убедительно освещены в статье возникновение и деятельность комитетов «Единство» в Северной и Южной Болгарии, вовлечение все более широких слоев населения в борьбу против реакционных решений конгресса.

К сожалению, автор не раскрыл классовой ограниченности буржуазии, боявшейся вооруженного выступления народных масс, которая проявилась, в частности, в вопросе о начале работы Тырновского Учредительного собрания, а также причин, обусловивших позицию царского правительства в отношении Учредительного собрания[9].

Большое место в статье отведено Кресненско-Разложскому вооруженному восстанию (стр. 74—113). Использовав значительный документальный материал, мемуарную и монографическую литературу, автор сумел показать существенные моменты и стороны восстания. Серьезным недостатком этой части работы является отсутствие в ней анализа социального состава участников восстания. Имеющиеся в работе характеристики относятся только к руководящему составу движения (Калмыков, Войткевич, Георгиев, Маринов, О. Пахомий и др.). Но ведь движущей силой был народ, преимущественно крестьянство, и о нем важно было сказать больше, основательнее и подробнее.

Общим недостатком статьи является отсутствие в ней анализа расстановки классовых сил в стране, экономического положения и политических стремлений различных классов и социальных групп.

Так, в рецензируемой статье говорится об активном участии в движении сопротивления и в Кресненском восстании представителей церкви. Однако не обоснованы причины этого явления. Нам представляется, что освещение сущности церковной проблемы и интересов духовенства помогло бы разъяснить, чем была вызвана такая активность последнего. Не получило достаточного объяснения убийство одного из самых храбрых воевод восстания, Стояна Карастоилова, и его соратников Георгия Чиолаки и Ивана Трандафилова. Формально Военный совет предъявил этим лицам обвинение в грабеже, а на самом деле причиной их расстрела были совершенно иные мотивы. Речь шла о принципиальном вопросе — в чьих руках будет оставаться руководство восстанием. Стоян и его сторонники считали, что борьба должна быть всенародной и для этого нужно вовлекать в движение все более широкие массы народа, а руководить восстанием должен Военный совет. Софийский комитет, по их мнению, должен был заниматься обеспечением повстанцев продовольствием, одеждой и т. д. Такая независимая позиция Стояна не отвечала классовым интересам болгарской либеральной буржуазии и чорбаджиев, которые стремились во что бы то ни стало удержать руководство движением в своих руках. Только учитывая эти мотивы, можно объяснить столь деятельное участие представителя Софийского комитета Д. Стателова — члена специально направленной в центр восстания так называемой «3-членной комиссии» — в осуждении воеводы Стояна и его товарищей, и столь спешное приведение приговора в исполнение[10].

Следует отметить, что книга хорошо издана. В ней имеются краткое резюме статьи на русском и французском языках, указатели имен, географических названий и населенных пунктов, объяснение сокращений, карты движения сопротивления и Кресненско-Разложского восстания. Рецензируемая публикация документов и статья болгарского патриарха Кирилла, несомненно, явятся вкладом в дело изучения истории национально-освободительной борьбы болгарского народа.

В. А. Жебокрицкий

---

[8] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, чч. 1-я, стр. 260—262; 2-я, стр. 32—33; В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 320; т. 19, стр. 19—20; т. 20, стр. 371; т. 21, стр. 186, 401.

[9] И. В. Козьменко. Первоначальные проекты тырновской конституции. Сборник «Освобождение Болгарии от турецкого ига».

[10] Суд и расстрел Стояна Карастоилова были проведены в один день, 24 ноября 1878 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (РОССИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА) *

В 1956—1957 годах институтами Академии наук СССР были разработаны записки по важнейшим научным проблемам в соответствии с перспективным пятилетним планом научных исследований, утвержденным Президиумом Академии наук СССР. Эти записки должны обосновать научное значение и актуальность проблем, отразить состояние их разработки в отечественной науке, наметить основные задачи, стоящие перед советскими учеными.

Институт истории АН СССР подготовил ряд таких записок по основным проблемам исторической науки, которые были утверждены Отделением исторических наук.

Предлагаемая вниманию читателей записка «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма)» призвана информировать широкие круги советских историков о состоянии разработки различных аспектов проблемы и поставить перед ними конкретные задачи дальнейшего изучения этого крайне важного периода в истории нашей Родины. Для успешного разрешения этой большой и актуальной задачи необходимы объединение и координация работы всех советских историков, занимающихся изучением истории России периода империализма. В составлении записки принимали участие научные сотрудники Института истории АН СССР: доктор исторических наук А. Л. Сидоров (руководитель), доктор исторических наук Л. М. Иванов, кандидаты исторических наук А. Я. Аврех, П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, Г. М. Деренковский, В. А. Емец, С. А. Залесский, М. С. Симонова.

Изучение периода империализма в истории нашей страны имеет большое значение. Россия — первое государство, в котором совершилась победоносная социалистическая революция и власть перешла в руки рабочего класса и руководимых им трудящихся масс крестьянства. Одна из важнейших задач советской исторической науки состоит в том, чтобы вскрыть исторические закономерности и предпосылки этих величайших событий, оказавших огромное влияние на судьбы народов всего мира.

Ленинская теория империализма является исходным пунктом изучения истории России конца XIX — начала XX века. Труды В. И. Ленина содержат глубокий анализ особенностей российского империализма, экономической и классовой структуры России конца XIX — начала XX в., всех крупных событий политической жизни страны, особенно рабочего движения и развития Коммунистической партии. Труды В. И. Ленина, решения съездов и конференций Коммунистической партии имеют важнейшее методологическое и историческое значение, являются научно-теоретической базой для исследовательской разработки указанной проблемы.

Изучение этой проблемы ведется в двух основных направлениях:

1. Изучение социально-экономической истории России в конце XIX — начале XX в., в период, когда Россия вступила в полосу империалистического развития.

2. Изучение истории пролетарского этапа революционного движения в России, который начался в конце XIX в. и отличался громадным размахом и новыми формами классовой борьбы пролетариата, проходив-

---

* От редакции. Публикуя разработку проблемы «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма)», подготовленную Институтом истории и утвержденную бюро Отделения исторических наук АН СССР, редакция обращается с просьбой к читателям журнала высказать свои соображения, замечания и предложения по содержанию этой разработки.

шей под руководством марксистской партии.

Эти два главных направления в исследовании проблемы сочетаются с изучением роли и эволюции политической надстройки царской монархии, роли различных классов и выражавших их интересы политических партий и т. д. На внутренние процессы исторического развития России в эпоху империализма оказывали влияние международная обстановка, образование империалистических коалиций, в одну из которых входила царская Россия.

Отсюда вытекает необходимость изучения внутренней и внешней политики правящих классов России в данный период и, в частности, исследования истории империалистических войн, в которых она участвовала.

I. Изучение социально-экономической истории России в период империализма

Узловыми вопросами в этой области являются:

1. Состояние и развитие производительных сил (промышленность, сельское хозяйство, транспорт) с конца XIX в. вплоть до Октябрьской революции; рост промышленности и отдельных ее отраслей, особенно металлургической, топливной, машиностроительной; неравномерность развития отдельных отраслей народного хозяйства и экономических районов.

2. Сельское хозяйство; аграрный кризис конца XIX в.; эволюция помещичьего и крестьянского хозяйства, крепостнические пережитки и порожденные ими глубокие противоречия; аграрная политика царизма, столыпинская аграрная реформа и ее последствия; роль Дворянского, Крестьянского и других земельных банков, влияние кооперации и коммерческих банков на положение сельского хозяйства; развитие капитализма в сельском хозяйстве национальных окраин и Сибири.

3. Промышленные, банковские транспортные монополии; особенности домонополистического капитализма в России и переход к монополистическому капитализму; причины высокого уровня концентрации производства и централизации капиталов; история монополий, их формы и степень монополизации отдельных отраслей.

4. Рост российского капитализма «вширь» и специфические особенности этого процесса в период империализма; рост внутреннего рынка; накопление капиталов; развитие и особенности внутренней торговли; рост капитализма во внутренних колониях и полуколониях и роль общероссийского и местного капиталов; проникновение монополистического капитала в сельское хозяйство, в торговлю, в национальные районы страны.

5. Место России в мировой капиталистической системе; борьба за внешние рынки и значение их для русского капитализма; изменения во внешней торговле (структура и направления экспорта и импорта, роль русского и иностранного капиталов); импорт ссудного капитала — государственные и другие займы и заграничные кредиты; импорт промышленного капитала и его формы (иммиграция капиталистов, концессии, дочерние общества); влияние иностранного капитала на экономику страны и монополизация хозяйства; экономические противоречия между Россией и отдельными империалистическими странами (Германией, Англией, Францией, Австро-Венгрией, США).

6. Социально-экономическая роль царизма в период империализма; государственно-капиталистические тенденции и их исторические корни в России; государственное хозяйство; железнодорожное строительство и казенные железные дороги; государственный бюджет и государственные займы; экономическая политика, ее классовое содержание и влияние на экономику страны; характер и особенности протекционизма; «привлечение» иностранных капиталов; поддержка крупного капитала, монополий и помещиков; сочетание их интересов в экономической политике царизма как проявление «союза крепостников-помещиков с магнатами финансового капитала» (В. И. Ленин); ленинская характеристика царизма как военно-феодального империализма; особенности российского империализма.

7. Экономика России в годы первой мировой войны; государственное регулирование хозяйства; дальнейшее развитие монополий и рост государственно-монополистических тенденций; мобилизация промышленности; кризис народного хозяйства; внешние займы правительства и усиление финансово-экономической зависимости России от ее союзников; экономическая политика Временного правительства в интересах монополистического капитала.

8. Пролетариат в период империализма; его рост, изменения в составе и размещении; сельскохозяйственный пролетариат;

рост и формирование пролетариата на национальных окраинах; экономическое и правовое положение пролетариата.

9. Крестьянство; развитие его классовой дифференциации в центре и на окраинах; переплетение крепостнических пережитков с капиталистическим и колониальным гнетом и особая в связи с этим острота социально-экономических противоречий в России.

10. Господствующие классы в период империализма; развитие буржуазии и изменения в ее составе; образование финансовой олигархии; буржуазия Москвы и Петербурга; буржуазия национальных окраин; среднекапиталистические слои и мелкая буржуазия; рост буржуазной интеллигенции; помещичье-дворянский класс и его эволюция в период империализма; помещики и высшая царская бюрократия; крупные помещики и монополистический капитал.

Работа по изучению социально-экономической истории России в период империализма ведется экономистами и историками. Общая картина экономического развития страны в эпоху капитализма дана в работах П. И. Лященко и П. А. Хромова [1]. Первая из них, выдержавшая уже три издания, продолжает оставаться наиболее подробным современным изложением основных проблем развития монополистического капитализма в России. Экономическое развитие национальных районов России рассматривается в общих чертах в коллективных трудах по истории народов СССР [2]. В 1954 г. вышли «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР», в которых специальная глава посвящена эпохе капитализма [3].

При незначительном числе обобщающих трудов научная разработка отдельных вопросов ведется весьма неравномерно. Относительно лучше изучена история крупной капиталистической промышленности: металлургической [4], угольной и нефтяной [5], хуже — история текстильной промышленности [6]. История машиностроения, за исключением отдельных его видов, еще не изучена. Имеется несколько, преимущественно старых, работ по транспортному и сельскохозяйственному машиностроению, а также исторические очерки в ряде специальных трудов [7]. Большое исследование К. Г. Воблого по истории сахарной промышленности доведено только до 1861 года [8].

Недостаточно изучена история военной промышленности. Имеются работы А. А. Маниковского и Е. З. Барсукова [9], содержащие очерки о состоянии военной промышленности до первой мировой войны. В последние годы на эту тему написано несколько диссертаций [10]. Начатая после известного призыва А. М. Горького работа по составлению «Истории заводов и фабрик» вылилась в издание нескольких книг — очерков по истории отдельных крупных

---

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. Изд. 3-е. М. 1952; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках (1800—1917). М. 1950.

[2] «История Украинской ССР». Т. II. Киев. 1954; «История Эстонской ССР». Таллин. 1952; «История Белорусской ССР» Т. I. Минск. 1954; «История Казахской ССР». Алма-Ата. 1949; «История Латвийской ССР». Т. II. Рига. 1954; «История Молдавии». Т. I. Кишинев. 1955; «История народов Узбекистана». Т. II. Ташкент. 1947; «История Бурят-Монгольской АССР». Т. I. Улан-Удэ. 1954; «История Татарской АССР». Т. I. Казань. 1955; «Очерки по истории Коми АССР». Т. I. Сыктывкар. 1955.

[3] «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР». М. 1954.

[4] С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.-Л. 1935; Г. Д. Бакулев. Черная металлургия Юга России. М. 1953; С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск. 1936; А. Д. Брейтериан. Медная промышленность СССР и мировой рынок. Л. 1930; его же. Медная промышленность дореволюционной России. Л. 1954 (докторская диссертация).

[5] К. А. Пажитнов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.-Л. 1940; Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М. 1955; С. М. Лисичкин. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М.-Л. 1954; А. Е. Пробст. Социалистическое размещение добычи и потребления топлива в СССР. М. 1950.

[6] П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М. 1946.

[7] Д. П. Ильинский, В. П. Иваницкий. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. М. 1929; Е. И. Измайловская. Русское сельскохозяйственное машиностроение. М. 1920.

[8] К. Г Воблый Опыт истории свеклосахарной промышленности России. М. 1928.

[9] А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.-Л. 1930; Е. З. Барсуков. Артиллерия русской армии. 1900—1917. Т. 1—4. М. 1948—1949.

[10] И. Л. Кашуро. Военная промышленность России накануне и в период русско-японской войны 1904—1905 годов. 1952 (кандидатская диссертация) и другие

предприятий [11]. Циклический характер развития российского капитализма и особенности отдельных циклов изучались С. Г. Струмилиным, Л. А. Мендельсоном, А. Ф. Яковлевым [12]; сравнительно полнее исследован кризис 1900—1903 гг., слабее — промышленный подъем 1909—1913 годов.

В работах по истории развития промышленности исследуется также концентрация производства и возникновение промышленных монополий. Ряд появившихся за последние годы диссертаций посвящен исследованию процесса монополизации в различных отраслях промышленности. Однако опубликованных исследований по истории монополий все еще мало, а разработка документальных источников ведется недостаточно. Публикация отдельных документальных материалов по истории монополий, начатая в 20-е годы, возобновилась только в последнее время и не получила еще достаточного размаха [13]. В печатных работах и неопубликованных диссертациях изучаются прежде всего монополии в металлургической, топливной, сахарной промышленности [14]. В начальной стадии находится работа по изучению монополистических соглашений и объединений в других отраслях промышленности. Недостаточно изучены монополии в области машиностроения. Можно указать лишь одну диссертацию на эту тему [15].

Внимание ряда исследователей привлечено к изучению взаимоотношений царизма и монополий — темы исключительно важной для понимания не только экономической, но и политической истории империализма. В этой связи следует указать на работы М. Я. Гефтера и Т. Д. Крупиной [16].

История банковских монополий в дореволюционной России изучена слабее, чем история промышленных монополий. После 20-х годов [17] в печати появилось только одно обобщающее исследование И. Ф. Гиндина [18].

Развитие внутреннего рынка в период

---

[11] М. И. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода (1789—1917), под редакцией В. А. Быстрянского. М.-Л. 1941; «История Московского инструментального завода», под редакцией Б. Ратнер. М. 1934; С. М. Лапицкая. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М. 1935; С. М. Левидова. История Онежского (бывш. Александровского) завода. Петрозаводск. 1938; «Ленские прииски». Сборник документов, под редакцией П. Поспелова. М. 1937, и др.

[12] С. Г. Струмилин. Промышленные кризисы в России. Журнал «Проблемы экономики». 1940, № 2; Л. А. Мендельсон. Экономические кризисы и циклы XIX века. М. 1949; А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М. 1955.

[13] «Продуголь (К вопросу о финансовом капитале в России)». Журнал «Красный архив». 1926, № 5 (18); М. Я. Гефтер. К истории топливно-металлического «голода» в России накануне первой мировой войны (публикация документов). Журнал «Исторический архив». 1951, № 6.

[14] П. И. Лященко. Из истории монополий в России. Контрагентные договоры «Продаметы» как орудие монополистической политики. «Исторические записки». Т. 20. 1946; А. И. Шполянский. Монополии угольно-металлургической промышленности юга России в начале XX века. М. 1953; А. А. Нестеренко. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX веков. М. 1954; М. Я. Гефтер. Из истории монополистического капитализма в России (сахарный синдикат). «Исторические записки». Т. 38, 1951; А. Л. Цукерник. «Продамета» накануне первой мировой войны. «Ученые записки» Киевского финансово-экономического института. Вып. I. 1949; его же. К истории синдиката «Кровля». «Исторические записки». Т. 52, 1955; П. В. Волобуев. Политика производства угольных и нефтяных монополий в России накануне первой мировой войны. «Вестник» Московского университета. Серия историко-филологическая. 1956, № 1; В. И. Бовыкин. Новые сведения о ранних монополиях в России. Там же; Т. Г. Паюсова. Монополии в угольной промышленности России. М. 1949 (кандидатская диссертация); М. И. Закарян. Монополия и политика цен крупных фирм Бакинского нефтяного бассейна. М. 1946 (кандидатская диссертация); М. Я. Гефтер. Царизм и монополистический капитал в металлургии юга России до первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 43, 1953.

[15] Х. М. Уваров. Синдикат паровозостроительных заводов России. Л. 1950 (кандидатская диссертация).

[16] М. Я. Гефтер. Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне первой мировой войны. М. 1953 (кандидатская диссертация); Т. Д. Крупина. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907—1914). М. 1954 (кандидатская диссертация); ее же. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями. «Исторические записки». Т. 57, 1956.

[17] И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность России. М.-Л. 1927; Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л. 1929; С. Л. Ронин. Иностранный капитал и русские банки. М. 1926; Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. (1892—1906). Л. 1928.

[18] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М. 1948.

империализма не привлекло до сих пор внимания советских историков и экономистов. Нет ни одной работы о хлебной торговле и хлебном экспорте, игравших огромную роль в экономике России начала XX века. По истории внутренней торговли капиталистической эпохи имеются лишь две кандидатские диссертации [19]. Издана только одна работа обзорного характера о внешней торговле России [20].

Почти нет марксистских исследований по истории железнодорожного строительства 90-х и 900-х годов, которое сыграло громадную роль в общем процессе развития российского капитализма, способствовало образованию общероссийского рынка и экономическому завоеванию национальных окраин [21].

Крайне недостаточно изучаются проблемы вывоза капиталов во внутренние колонии и полуколонии царской России, в страны Востока. Экономическая основа империалистической внешней политики царизма раскрывалась в некоторых работах по истории внешней политики [22], но не являлась темой специальных исследований. Мало новых работ и по такому важному вопросу, как проникновение иностранных капиталов в Россию [23]. До сих пор историки и экономисты опираются на подсчеты П. В. Оля. Между тем в ряде прежних исследований (в том числе работах Л. Я. Эвентова) и в самих подсчетах П. В. Оля [24], на которых основываются современные авторы, имеются неточности и ошибки. Требуется детально изучить данный вопрос, широко используя архивные материалы.

Плохо еще изучена роль России в мировой капиталистической системе (уровень производства России и капиталистических стран, иностранные капиталы и займы, экономические и политические взаимоотношения России с другими государствами). Большей частью этот вопрос ставится попутно, в трудах общего характера, не подвергаясь специальному рассмотрению. Между тем требуется глубокий анализ всего сложного комплекса социально-экономических и внешнеполитических тем.

До сих пор не начато изучение экономической политики царского правительства. Некоторое внимание привлекла лишь его финансовая политика [25]. Имеются отдельные статьи о Государственном банке, являвшемся важным инструментом экономической политики царизма [26].

За последние годы сравнительно много внимания уделялось исследованию сложных процессов развития экономики России в годы первой мировой войны и непосредственного складывания материальных предпосылок Октябрьской революции. Из обобщающих исследований следует указать на работы А. Л. Сидорова, А. П. Погребинского [27] и упоминавшиеся выше труды А. А.

---

[19] Г. П. Ремезович. Внутренняя торговля России накануне первой мировой войны. М. 1953; Ю. К. Авдаков. Городская торговля России в начале XX столетия. М. 1950.

[20] С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М. 1947.

[21] Изданная в 1923 г. работа М. М. Шмуккера — Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта России за 1913—1922 годы. М. 1923 — по своему направлению не выходит за рамки буржуазной литературы. В последнее время появилась лишь одна статья по этому вопросу: А. М. Соловьева. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 55. 1956.

[22] Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907 годы. Изд. 2-е. М.-Л. 1955.

[23] Ц. Л. Фридман. Горнозаводская промышленность дореволюционного Казахстана и роль в ней иностранного капитала. Алма-Ата. 1950 (кандидатская диссертация); А. Г. Задера. Иностранный капитал в тяжелой промышленности Дона в 1890—1917 годах. Ростов-на-Дону. 1951 (кандидатская диссертация); М. Я. Гефтер. Из истории проникновения иностранного капитала в горную промышленность Урала и Сибири накануне первой мировой войны. «Доклады и сообщения» Института истории АН СССР. 1954, № 3.

[24] Л. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в нефтяной промышленности России (1874—1917). М.-Л. 1925; его же. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.-Л. 1931; П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. Птрг. 1922; «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России». Л. 1925.

[25] А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М. 1954; его же. Финансы и финансовая политика царской России с конца XIX века до первой мировой войны. Журнал «Финансы и кредит СССР». 1953, № 6.

[26] И. Ф. Гиндин. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства. «Исторические записки». Т. 35, 1950; его же. Московские банки в период империализма. 1900—1917 годы. «Исторические записки». Т. 58. 1956.

[27] А. Л. Сидоров. Влияние империалистической войны на экономику России. Сборник «Очерки по истории Октябрьской революции». Т. 1. М-Л. 1927; его же.

Маниковского и Е. З. Барсукова. Различные стороны этой проблемы рассматриваются в ряде новых диссертаций и статей [28].

В области изучения экономики сельского хозяйства России в период империализма перед советскими историками и экономистами стоит много нерешенных задач.

Наименее изучено положение сельского хозяйства в годы первой мировой войны [29]. Крестьянское хозяйство, кроме вводных глав к работам о крестьянском движении, изучается лишь в связи со столыпинской реформой; притом анализируется главным образом положение вновь созданных реформой хуторов и отрубов, а не положение всей массы крестьянских дворов.

Для сельского хозяйства периода империализма характерны дальнейшие сдвиги в специализации и размещении ведущих отраслей в отдельных районах страны. В советской историографии этому вопросу, помимо указанных работ П. И. Лященко, посвящена только одна монография [30], которая дает общую картину размещения сельскохозяйственных отраслей в стране. Необходимы монографические исследования по производительности ведущих отраслей сельского хозяйства, его специализации и товарности и т. д. на примере как отдельных районов, так и всей страны.

До сих пор не изучается проникновение монополистического капитала в сельское хозяйство через такие каналы, как хлебная торговля и торговля другими сельскохозяйственными продуктами, кредитование торговли крупными банками и ипотечный кредит, не изучается и роль кооперации, особенно кредитной, в дальнейшем развитии капиталистических отношений в русской деревне. Кредитная политика царского правительства, осуществлявшаяся через Крестьянский банк, рассматривалась лишь в связи со столыпинской аграрной реформой [31]; роль Дворянского банка в укреплении дворянско-помещичьего землевладения в советской литературе еще не исследована.

Многие вопросы, связанные с классовым расслоением крестьянства, в должной мере не разрабатываются. После работ А. В. Шестакова [32] процесс формирования сельскохозяйственного пролетариата в эпоху империализма не подвергался изучению. Расслоение крестьянства как основной источник формирования кадров промышленного пролетариата освещается только в одной работе [33]. О политическом и правовом положении крестьянства в период империализма написана лишь одна кандидатская диссертация [34]. Аграрная политика царского правительства в период империализма изучена крайне неравномерно.

О столыпинской аграрной политике при-

Экономика России в годы первой мировой войны. М. 1943 (докторская диссертация); его же. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране. «Исторические записки». Т. 26, 1948; его же. К истории топливного кризиса в России во время первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 59, 1956; А. П. Погребинский. Мобилизация промышленности царской России в первую мировую войну. М. 1948 (докторская диссертация).

[28] К. Н. Тарновский. Металлургическая промышленность России и политика правительства по ее регулированию в годы первой мировой войны. М. 1956 (кандидатская диссертация); его же. Комитет по делам металлургической промышленности и монополистические организации. «Исторические записки». Т. 57. 1956; М. А. Брусов. Каменноугольная промышленность России в период первой мировой войны (1914—1917 гг.). Л. 1952 (кандидатская диссертация); С. А. Залесский. Горнозаводская промышленность Урала в период первой мировой войны. М. 1955 (кандидатская диссертация); его же. Черная металлургия Урала в годы первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 55, 1956.

[29] Имеются лишь две статьи: Н. В. Симонов. Сельское хозяйство России в годы первой мировой войны. «Вопросы истории». 1955, № 3; А. П. Погребинский. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 31. 1950.

[30] Е. С. Карнаухова. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914 гг.). М. 1951.

[31] В кандидатских диссертациях о столыпинской аграрной политике (см. ниже), а также в работе Д. А. Батуринского — Аграрная политика царизма и Крестьянский поземельный банк. М. 1925.

[32] А. В. Шестаков. Очерки по истории наемного труда в сельском хозяйстве России. Т. I, чч. 1-я и 2-я. М. 1924; его же. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 годов. М.-Л. 1930.

[33] С. И. Антонова. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса (по материалам Московской губернии). М. 1951. Кроме того, имеется кандидатская диссертация Г. К. Смирновой — Неземледельческий отход крестьян Ярославской губернии в конце XIX — начале XX века. Вологда. 1953.

[34] А. В. Бондаревский. Волостное управление и положение крестьян в царской России (1861—1917). Киев. 1950 (кандидатская диссертация).

менительно к отдельным районам написано значительное число кандидатских диссертаций (большинство их не опубликовано), ряд монографий и статей [35]. Все они основаны на архивных материалах, используют официальную и земскую статистику. Благодаря им значительно расширилось наше представление о характере и результатах осуществления столыпинской реформы в некоторых районах, ее социально-экономических последствиях, классовой борьбе крестьянства и т. п. Однако обобщающих работ о столыпинской аграрной политике немного. Имеются работы: С. М. Дубровского, А. В. Шапкарина и несколько устаревшая работа П. Н. Першина [36]. Имеются также две работы научно-популярного характера [37].

Столыпинской переселенческой политике посвящены одна монография [38] и несколько статей и кандидатских диссертаций [39].

Об аграрной политике царизма в начале XX в.— в обстановке революционной ситуации накануне революции 1905—1907 гг.— написана одна кандидатская диссертация [40], раскрывающая продовольственную политику царизма. За последнее время опубликовано несколько статей [41]. Обобщающих же работ по аграрной политике царизма в эпоху империализма нет.

История пролетариата и крестьянства в период империализма почти не являлась предметом самостоятельного исследования: ее изучали попутно с историей революционного движения. Единственная работа, охватывающая вопрос о формировании пролетариата и источниках его пополнения в масштабе всей страны (с XIX в. по февраль 1917 г.), принадлежит перу А. Г. Рашина [42]. За последнее время появились работы по истории пролетариата Украины [43], уделяется внимание исследованию этого вопроса в сводных работах по истории народов СССР.

---

[35] В. Н. Любимов. Чувашия в годы столыпинской аграрной политики. Чебоксары. 1948; К. В. Левачова. Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии (1906—1916). «Ученые записки» Куйбышевского педагогического института. Вып. 15. 1955; И. Н. Трегубов. Столыпинская реформа и разложение крестьянства в Симбирской губернии. «Ученые записки» Ульяновского государственного педагогического института. Вып. IV. 1950. П. И. Шульгин. Столыпинская реформа в Нижегородской губернии. Журнал «Горьковская область». 1940, № 11; И. И. Фирстов. Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии. «Записки» Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1952, № 15; В. Г. Казаков. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в Московской губернии (1906—1912). М. 1952 (кандидатская диссертация); Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа. 1955 (кандидатская диссертация); В. В. Кострюкова. Крестьяне Поволжья в 1906—1916 годах. Л. 1953 (кандидатская диссертация); А. М. Гребнев. Аграрная реформа Столыпина в Пензенской губернии. М. 1956 (кандидатская диссертация); З. П. Есенина. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907—1914). М. 1954 (кандидатская диссертация); В. П. Зайцев. Столыпинская аграрная реформа на Дону. М. 1950 (кандидатская диссертация); А. Ф. Лачко. Аграрная политика царизма в Киргизии в годы столыпинской реакции. Фрунзе. 1951 (кандидатская диссертация); К. К. Шиян. Столыпинская аграрная реформа в Харьковской губернии. Харьков. 1946 (кандидатская диссертация).

[36] С. М. Дубровский. Столыпинская реформа. М. 1930; А. В. Шапкарин. Столыпинская аграрная реформа. М. 1954 (докторская диссертация); П. Н. Першин. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 гг. и судьба его во время революции (1917—1920 гг.). М. 1922; его же. Земельное устройство дореволюционной деревни. Воронеж. 1928.

[37] П. Н. Ефремов. Столыпинская аграрная политика. М. 1941. Н. Карпов. Аграрная политика Столыпина. Л. 1925.

[38] А. А. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата. 1950.

[39] А. Б. Геллер. Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана в XX веке (1900—1916 гг.). По материалам бывшей Семиреченской области. Л. 1954 (кандидатская диссертация); М. Г. Штейн. Переселенческая политика Столыпина на Дальнем Востоке. М. 1947 (кандидатская диссертация); П. Н. Шарова. Переселенческая политика царизма в Средней Азии (1906—1916). Журнал «Историк-марксист». 1940, № 6.

[40] Г. М. Дейч. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1903—1905 годов. Л. 1946 (кандидатская диссертация).

[41] См., например, В. Я. Лаверычев. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). «Вестник» Московского университета. Серия историко-филологическая. 1956, № 1.

[42] А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М. 1940; см. его же. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма. «Исторические записки». Т. 46. 1954.

[43] Ф. Е. Лось. Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба в конце XIX и в начале XX ст. (конец XIX ст.— 1904 г.). Киев. 1955.

Из краткого анализа состояния научного исследования социально-экономической истории России вытекают задачи, стоящие в этой области перед историками и экономистами. Важно привлечь внимание исследователей к тем узловым вопросам социально-экономической истории России в период империализма, которые до сих пор слабее всего разработаны (развитие внутреннего рынка, место России в мировой капиталистической системе, экономическая политика царского правительства, развитие отдельных классов в период империализма и т. п.).

Первоочередной задачей является расширение источниковедческой базы, широкое использование богатств наших архивов. Проведенное в 1955—1956 гг. Институтом истории АН СССР и Центральным государственным историческим архивом в Ленинграде обследование выявило много неизвестных до сих пор материалов по истории монополий. Ознакомление с фондами центральных, а также некоторых местных архивов (фонды отдельных предприятий, банков и т. п.) показало широкую возможность изучения социально-экономической истории России периода империализма на основании новых архивных данных. Это особенно важно в отношении тех узловых вопросов, которые не могут быть достаточно освещены по печатным источникам, дореволюционным документальным и статистическим публикациям, журнальной и монографической литературе. Помимо документальных и статистических публикаций, немаловажным источником может служить и дореволюционная экономическая литература. Она содержит обширные данные по истории промышленности, сельского хозяйства, железнодорожного транспорта и государственных финансов, а также некоторые сведения по истории промышленных монополий, об участии в русских предприятиях и банках иностранного капитала и т. п. Однако надо иметь в виду, что буржуазная литература стоит на апологетических и объективистских позициях. Именно с этих позиций рассматриваются деятельность промышленных и банковских монополий, связи с иностранными монополиями и царским правительством, роль иностранного финансового капитала, основы экономической политики царского правительства и развитие в хозяйстве страны государственных монополистических тенденций.

Для изучения истории промышленности и сельского хозяйства, развития внутреннего рынка, изменения в положении отдельных классов основное значение сохраняют печатные источники. Но и здесь отдельные темы (например, сельское хозяйство в годы первой мировой войны, роль российского и местного капитала в национальных окраинах) нуждаются в широком привлечении архивных материалов.

Необходимо приступить к публикации документов из фондов крупнейших предприятий и банков, предпринимательских союзов и организаций центральных и правительственных учреждений (Совет Министров, Особое совещание по обороне и т. д.). Издательская работа должна вестись по единому плану с участием государственных архивов и местных архивных учреждений.

При определении первоочередных задач, стоящих перед историками в области изучения социально-экономической истории России в период империализма, приходится считаться с тем обстоятельством, что отдельные узловые вопросы исследуются и продолжают разрабатываться далеко не равномерно.

Изложенный выше материал и анализ состояния разработки социально-экономической истории страны раскрывают слабые места этой разработки и нацеливают тем самым на изучение важнейших исторических проблем в этой области. Подводя итоги, можно указать на следующие нуждающиеся в первоочередной разработке проблемы:

1. Монополии и монополистический капитал в промышленности.

2. Банки и финансовый капитал, их роль в народном хозяйстве.

3. Иностранный капитал, его роль и влияние на экономику страны.

4. Промышленный подъем 1909—1913 годов.

5. Народное хозяйство в период первой мировой войны.

6. Экономическая политика царизма, помещиков и буржуазии.

7. Сельское хозяйство страны; изменения в землевладении; помещичье и крестьянское хозяйство.

8. История пролетариата России и его отдельных отрядов, а также история сельскохозяйственных рабочих.

Продолжая монографическую разработку частных вопросов социально-экономической истории, необходимо по мере накопления материала приступить к написанию обобщающих работ по истории промышленно-

сти и ее отдельных отраслей, сельского хозяйства, торговли и т. д., в чем ощущается большой недостаток. В частности, следует обратить внимание на изучение и написание истории машиностроения Урала, Донбасса, Москвы и Петербурга.

II. Изучение истории классовой борьбы и революционного движения в России

Сущность данной проблемы заключается в освещении решающей роли народных масс в уничтожении помещичье-буржуазного строя в России, в свержении господствующих классов — помещиков и буржуазии. История рабочего и крестьянского движения в период империализма — это история трех революций, осуществленных рабочим классом в союзе с крестьянством под руководством Коммунистической партии.

Этим определяются основные вопросы указанной проблемы: история революции 1905—1907 гг., Февральская революция, деятельность Коммунистической партии в дооктябрьский период, подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции. В неразрывной связи с этими коренными вопросами стоят вопросы рабочего и крестьянского движения накануне первой русской революции, в период столыпинской реакции, в годы нового революционного подъема и первой мировой войны.

Советские историки, справедливо считая проблему рабочего и крестьянского движения за период с конца XIX в. по октябрь 1917 г. одной из самых коренных, стали заниматься ею с первых же лет Советской власти. Можно сказать, что уже несколько поколений советских историков трудятся над этой важнейшей задачей.

Тем не менее далеко не все периоды революционного движения, охватывающего примерно два десятилетия — с середины 90-х годов до 1917 г., разрабатывались с одинаковой интенсивностью. Слабее других исследованы вопросы: о революционном движении в самом конце XIX в., о начальном периоде образования Российской социал-демократической рабочей партии. Внимание исследователей привлекла главным образом история Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Его деятельности посвящено несколько научных статей и брошюр [44]. Однако в целом первые годы пролетарского этапа революционного движения глубоко не изучены. Главное архивное управление, продолжая публикацию документов по истории рабочего движения, в настоящее время подготавливает к печати очередные тома сборников документов, охватывающие вторую половину 90-х годов. Одновременно предпринято издание новой серии сборников документов по истории крестьянского движения. Выход в свет этих изданий, несомненно, будет способствовать более успешной разработке одного из интереснейших, сложных и малоизученных периодов революционного движения. Научная разработка его должна идти как по линии освещения отдельных, частных вопросов (стачечное движение рабочих и крестьянское движение в отдельных районах и в целом по стране; история «Союзов борьбы»; I съезд РСДРП), так и путем создания сводных монографических исследований, охватывающих все вопросы истории революционного движения второй половины 90-х годов.

Недостаточно глубоко и всесторонне исследован вопрос о революционном кризисе в начале XX века. Предметом научной разработки были частные темы. Освещались главным образом такие крупные события рабочего движения, как «Обуховская оборона», Батумская демонстрация и Ростовская стачка 1902 г., всеобщая стачка на юге России в 1903 г., декабрьская стачка 1904 г. в Баку [45].

---

[44] А. М. Панкратова. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Изд. 2-е. Саратов. 1940; И. В. Никитин. Из истории Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М. 1947; Э. А. Корольчук. Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — зачаток боевой революционной партии. «Вопросы истории». 1956, № 1, и др.

[45] М. Д. Розанов. Героическая «Обуховская оборона». Л. 1941; Л. М. Майрановский. Батумская демонстрация 1902 года. М. 1952; М. Н. Корчин. Ростовская стачка 1902 г. и деятельность Донкома РСДРП. Ростов-на-Дону. 1952; А. Т. Вещиков. Ростовская стачка 1902 года. «Вопросы истории», 1952, № 11; И. В. Бортников. Июльские дни 1903 г. на юге России. Одесса. 1953; Ф. Е. Лось. Всеобщая стачка 1903 г. на Украине. «Вопросы истории», 1953, № 8; О. А. Парасунько. Массовая политическая забастовка в Киеве в 1903 году. Киев. 1953; А. Н. Гулиев. Славная победа бакинского пролетариата (к 50-летию декабрьской забастовки в Баку в 1904 г.). Баку. 1955.

Имеются работы, посвященные рабочему движению в отдельных районах страны: на Украине, в Москве и других районах [46]. Серьезно изучалось крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г., а также накануне первой русской революции в ряде других губерний [47]. Историки партии дали несколько работ о ленинской «Искре», по истории создания РСДРП, истории отдельных местных организаций РСДРП до революции 1905 года [48].

Вне поля зрения советских исследователей остается, однако, ряд других частных тем: студенческое движение в конце XIX и в начале XX в., земское движение, зарождение буржуазно-либеральных организаций, возникновение и эволюция мелкобуржуазной партии эсеров, кризис «верхов» и др. Продолжая в дальнейшем глубокое, тщательное и, по возможности, исчерпывающее освещение отдельных частных тем, советские историки имеют уже необходимые предпосылки для того, чтобы, опираясь на существующую литературу и самостоятельное изучение архивного материала, прессы и т. п., взяться за разработку вопроса в целом и создание обобщающих монографических работ о революционном кризисе в стране в начале XX века.

В последние годы советские историки стали уделять внимание важному вопросу о перемещении центра мирового революционного движения в Россию. Появились первые статьи на эту тему [49].

Большой размах получила разработка истории первой буржуазно-демократической революции в России. Марксистская историческая наука дала объективное, научно правильное освещение важнейших событий и принципиальных вопросов первой народной революции эпохи империализма и раскрыла ее роль в судьбах нашей страны и всего мира. Опубликовано несколько монографических исследований и значительное количество научных статей по отдельным вопросам истории революции 1905—1907 годов.

В центре внимания советских исследователей — вопрос о роли большевистской партии в революции. Успешной научной разработке его содействует обширная публикация историко-партийных документов и материалов. Изданы протоколы III, IV и V съездов РСДРП, решения Таммерфорсской конференции в декабре 1905 г.; протоколы Таммерфорсской конференции военных и боевых организаций РСДРП 1906 г.; переизданы комплекты газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Казарма», а также листовки и прокламации Петербургской, Московской, Казанской, Тамбовской и других организаций РСДРП; опубликована часть переписки В. И. Ленина и Н. К. Крупской с местными партийными организациями. В распоряжении исследователей имеется большое количество опубликованных в разное время отдельными изданиями или в сборниках, в журналах и газетах воспоминаний деятелей большевистской партии. Важно продолжить издание и переиздание мемуарной литературы, большевистских газет эпохи первой русской революции, как и других источников.

Известные успехи достигнуты в изучении истории некоторых местных социал-демократических организаций в период революции. Тема эта освещается не только в работах общего характера о революции 1905—1907 гг., но и в виде отдельных монографий или популярных очерков [50]. Однако

---

[46] Ф. Е. Лось. Формирование рабочего класса на Украине и его революционная борьба в конце XIX и в начале XX ст. (конец XIX ст.— 1904 г.); А. В. Ушаков. Рабочее движение в Москве накануне первой русской революции. «Ученые записки» Карело-Финского педагогического института. Т. 2, вып. 1. Петрозаводск. 1955.

[47] Л. И. Емелях. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 году. «Исторические записки». Т. 38. 1951; Г. М. Деренковский. Ленинская «Искра» и крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. «Доклады и сообщения» Института истории АН СССР. Вып. 2. 1954.

[48] Б. М. Лейбзон. Ленинская «Искра» (к 50-летию со дня выхода первого номера). 1900—1950. М. 1950; Ю. З. Полевой. Из истории Московской организации ВКП(б) (1894—1904). М. 1947.

[49] А. Л. Сидоров. К вопросу о перемещении центра международного рабочего движения в Россию. «Вопросы истории», 1954, № 6; его же. К вопросу о перемещении центра международного революционного движения в Россию. В книге «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение». Ч. 1. М. 1955; Б. А. Чагин. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию и первая русская революция. «Коммунист». 1955, № 3 и др.

[50] М. К. Ветошкин. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири 1898—1907 гг. М. 1953; И. Берхин. Луганская большевистская организация в период революции 1905—1907 гг. М. 1948; «Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Л. 1956; П. М.

научных исследований все еще мало; часть работ написана почти без использования богатых архивных материалов и других источников, носит краткий, конспективный характер и дает самое общее (не всегда точное и правильное) представление о той или иной организации.

В этих случаях требуются пересмотр и дальнейшее углубленное изучение вопроса для освещения его во всей полноте. В других случаях — когда отсутствует литература по истории той или иной организации — необходимо взяться за ее научную разработку и подготовку монографий.

Ряд статей и книг посвящен большевистской прессе периода первой русской революции. С наибольшей полнотой изучены газеты 1905 г. «Вперед», «Пролетарий» и «Новая жизнь». Дальнейшая работа должна сводиться главным образом к созданию сводных монографий о большевистской печати в 1905—1907 годах.

Интенсивно разрабатывались такие темы, как военно-боевая работа большевиков, руководство стачечными боями пролетариата и др. Однако изучение этих и других историко-партийных вопросов все еще не нашло воплощения в монографиях. В некоторых историко-партийных работах искажалась историческая действительность, авторы произвольно обращались с фактами. Необходимо устранить эти недостатки, обратить пристальное внимание на научно-исследовательскую разработку историко-партийной проблематики и создать монографии, всесторонне и глубоко, на большом фактическом материале раскрывающие тему.

Сравнительно много сделано для исследования истории революции 1905—1907 годов в национальных районах страны. Имеется несколько монографий [51]. Следует указать также на сборник статей, посвященных развитию революционных событий в национальных районах[52]. Монографическое исследование истории революции 1905—1907 годов в национальных районах должно продолжаться. Однако история первой революции в национальных районах не изучена полностью. Многие вопросы, имеющие принципиальное значение, как, например, национально-освободительное движение, социальная база мелкобуржуазных партий и т. д., освещены далеко не достаточно.

Разработкой истории Советов и их деятельности в революции 1905 г. занимался ряд авторов [53]. Но эти работы главным образом посвящены истории отдельных Советов. Кроме работ П. О. Горина и В. И. Невского [54], вышедших еще в 20-х годах, нет монографий обобщающего характера.

Период подъема первой русской революции разработан значительно лучше второго периода — 1906—1907 годов. Особенно слабо освещена история рабочего движения в период отступления революции, так называемые арьергардные бои пролетариата. В ряде работ имели место упрощенчество в освещении периода отступления революции, недооценка некоторыми исследователями роли и влияния политической надстройки на ход и развитие револю-

---

Шморгун. Большевистские организации Украины в первой русской революции (1905—1907 гг.). М. 1955; Н. М. Мешков, М. Е. Шкляр, В. В. Скоробогатый. Большевики Белоруссии в первой русской революции. Минск. 1955; Ш. Х. Хаматов. Казанская организация большевиков в годы первой русской революции. Казань. 1955; В. П. Фадеев. Очерки по истории Нижегородской большевистской организации. 1901—1907. Горький. 1956; В. А. Осипов. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг. Саратов. 1947; «Большевики Урала в революции 1905—1907 гг.». Сборник статей. Свердловск. 1956 и др.

[51] Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М. 1952; Г. И. Мосберг. Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Таллин. 1956 (на эстонском языке); Ф. Е. Лось. Революция 1905—1907 гг. на Украине. Киев. 1955; Я. Г. Хуцишвили. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси. 1955 (на грузинском языке); А. В. Пясковский. 1905 г. в Туркестане. М. 1956 (докторская диссертация); Л. М. Иванов. Революция 1905—1907 гг. на Украине. М. 1956 (докторская диссертация) и др.

[52] «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сборник статей. М. 1955.

[53] Ем. Ярославский. Советы рабочих депутатов в 1905 г. «Пролетарская революция». 1940, № 2; Г. Д. Костомаров. Московский Совет рабочих депутатов в 1905 году. М. 1955; В. Д. Сокольский. Новороссийский Совет рабочих депутатов в 1905 году. «Вопросы истории». 1955, № 12; Н. М. Шморгун. Советы рабочих депутатов на Украине в 1905 году. «Исторические записки». Т. 49. 1954; В. А. Кондратьев. Совет рабочих депутатов Сулинского завода в 1905 г. «Исторические записки». Т. 56. 1956; Е. И. Чернова. Иваново-Вознесенский пролетариат — создатель одного из первых Советов рабочих депутатов. М. 1955.

[54] П. О. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. М. 1925; В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 году.

ционного движения, влияния либералов и мелкобуржуазных течений и партий на некоторые слои рабочего класса и особенно на крестьянство и городскую мелкую буржуазию, трудностей и сложностей борьбы, которую вели большевики за гегемонию пролетариата в общедемократической революции и т. п. Исследователям необходимо устранить эти недостатки.

Издание литературы по отдельным вопросам истории первой русской революции, выход в свет серии сборников документов и материалов, многочисленные публикации, издававшиеся в центре и на местах в прошлом и особенно к 50-летию революции, создали прочную базу для подготовки фундаментального обобщающего труда по истории революции 1905—1907 годов. Это одна из актуальных задач советских историков.

О крестьянском движении в революции 1905—1907 годов имеется большое количество диссертаций и статей. Однако наблюдается, во-первых, неравномерность в исследовании крестьянского движения по отдельным районам, во-вторых, значительно более слабое изучение крестьянского движения в 1906—1907 годах, в-третьих, многие авторы вместо проблемной разработки тем прибегают к поверхностно-иллюстративному, хроникальному изложению материала. Отсутствие методики изучения разных форм крестьянского движения приводит к разнобою в принципах подсчета выступлений протеста, затрудняет создание статистики крестьянского движения в масштабах страны.

Исследователи не обращали должного внимания на изучение деятельности крестьянских комитетов, Советов и других организаций; не изучалась должным образом деятельность различных политических партий среди крестьянства и не выяснялась степень их влияния на крестьянские массы; эти вопросы освещались односторонне, что давало искаженную картину и не способствовало пониманию ни особенностей революции 1905 г., ни причин ее поражения. Это делает необходимым постановку изучения крестьянского движения на научные рельсы, создание статистики движения, пересмотр и дальнейшее изучение крестьянского движения как по отдельным районам, так и в масштабах страны в целом.

Слабо исследовано революционное движение в период между двумя революциями (1907—1917 годы). За последнее время внимание к этому вопросу возросло. Опубликовано несколько новых интересных научных статей[55] о роли большевистских организаций в революционном движении тех лет. Появился ряд ценных диссертаций по истории рабочего и крестьянского движения в отдельных районах страны, но, к сожалению, они в большинстве своем остаются неопубликованными. Отсутствуют монографические исследования, рассматривающие комплексно в различных аспектах историю революционного движения по определенным периодам (годы реакции, нового революционного подъема, годы войны) в масштабах всей страны или хотя бы по крупным районам.

Наконец, до сих пор отсутствуют монографии по истории второй буржуазно-демократической революции в России. Необходимо создать монографические исследования, построенные на глубоком изучении богатейших архивных фондов, многочисленных воспоминаниях и на других источниках.

Указанные выше темы, раскрывающие развитие революционного движения в России в период империализма, могут быть правильно и всесторонне раскрыты лишь при условии, что они будут изучаться не изолированно, а в органической связи с реальной исторической обстановкой в стране, весьма сложной и противоречивой, менявшейся с каждым этапом развития революционного движения и кризиса политической надстройки. Следует также учитывать изменения в составе и численности пролетариата, изменения в среде крестьянства в связи со столыпинской аграрной реформой и т. д. К сожалению, такой подход при изучении рабочего и крестьянского движения до сих пор игнорировался некоторыми исследователями.

Сказанным определяются и задачи советских историков в связи с изучением рабоче-

---

[55] А. А. Павловская. Петербургская организация большевиков в борьбе за укрепление подпольной партии в годы столыпинской реакции. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук, № 112. вып. 14. 1949; Ф. Л. Александров. Борьба московских большевиков за массы в период нового революционного подъема (1912—1914). «Вопросы истории». 1954, № 7; Н. М. Шморгун. Большевистские организации на Украине в период подготовки Пражской конференции РСДРП. «Вопросы истории», 1954, № 10; Д. И. Эрдэ. Московская организация большевиков в период революционного кризиса 1915—1916 гг. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. 1951, № 6 и др.

го и крестьянского движения в России до Октябрьской революции. В числе тем, нуждающихся в первоочередной разработке, можно указать следующие:

1) История партии и ее местных организаций на различных этапах революционного движения.

2) Начало пролетарского периода революционного движения (1895—1904 годы).

3) Советы рабочих депутатов в 1905—1907 годах.

4) Революционная борьба рабочих и крестьян в 1906—1907 годах.

5) Революционное движение в стране в период нового революционного подъема.

6) Революционное движение в армии (1910—1917 годы).

7) История Февральской буржуазно-демократической революции.

8) Рабочее и крестьянское движение в период между Февральской и Октябрьской революциями.

Надо признать, что забытым участком является критическое рассмотрение политической надстройки, разоблачение деятельности буржуазно-помещичьих политических партий и организаций и т. д. Дело ограничивалось часто беглыми упоминаниями об антинародной политике царизма и предательской роли либеральной буржуазии без приведения конкретных материалов, разоблачающих их деятельность.

Такой подход, естественно, не мог способствовать всестороннему освещению сложного процесса завоевания рабочим классом гегемонии в общедемократическом движении, роли Коммунистической партии в этом процессе. Иными словами, не могла быть раскрыта во всей ее глубине и сложности проблема создания союза рабочего класса и крестьянства, форм и характера этого союза на различных этапах истории России, начиная с конца XIX в. и кончая 1917 годом.

Важное значение имеет изучение проблемы третьеиюньской монархии. Составными частями этой проблемы являются: политика царизма по отношению к I и II Думам; политика «думского бонапартизма» в период III и IV Дум; история создания и развития контрреволюционного помещичье-буржуазного блока в Думе и вне Думы; изменения в государственном строе; экономическая и политическая эволюция помещичьего класса, деятельность основной его организации — «Совета объединенного дворянства»; экономическая и политическая эволюция буржуазии, деятельность ее партий, фракций, экономических и политических организаций (профессионально-представительных учреждений, городских дум, земств, кооперативов); взаимоотношения различных групп буржуазии между собой, либерализма с мелкобуржуазными течениями и партиями, с ликвидаторством и пр. Изучение различных течений либеральной идеологии необходимо, поскольку, как указывал В. И. Ленин, без него не может быть понято и создание буржуазной монархии.

Следует отметить, что изучение указанных проблем никем и никак не планируется. Это приводит к тому, что одни темы исследуются многократно, другие вовсе не разрабатываются. Из опубликованных работ можно назвать только две монографии [56] и научно-популярные книги [57]; многие диссертации, в том числе одна докторская, продолжают оставаться неопубликованными.

Отсутствие координации научных исследований особенно заметно при анализе тематики защищенных диссертаций. По истории I Государственной думы защищено четыре кандидатские диссертации [58], по истории II Думы — три [59]. Деятельности социал-демократической фракции в III Думе посвящено несколько диссертаций [60], большевистской фракции в IV Думе —

---

[56] Б. Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М. 1926; Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М. 1939;

[57] О. Н. Чаадаева. Помещики и их организации в 1917 г. М. 1928; М. Я. Гефтер, Г. М. Деренковский и А. Я. Грунт. Очерки истории империализма (1907—1917). М. 1954.

[58] Л. В. Завадская. Аграрный вопрос в первой Государственной думе. М. 1947 (кандидатская диссертация); С. М. Сидельников. Первая Государственная дума. М. 1949 (кандидатская диссертация); И. Г. Фурман. Первая Государственная дума. М. 1950 (кандидатская диссертация); Н. Н. Благодаров. Борьба большевиков против кадетов в период I и II Государственных дум (1906—1907). Киев. 1955 (кандидатская диссертация).

[59] П. К. Люляков. Аграрный вопрос во второй Государственной думе (1907 г.). М. 1950; А. К. Золотоев. Деятельность социал-демократических фракций во II Государственной думе. М. 1948; Г. О. Герман. Выборы во II Государственную думу на Украине. Киев. 1948.

[60] М. А. Ковальчук. Большевики в III Государственной думе. Л. 1949; Г. В. Лемберская. Социал-демократи-

три[61]. Аграрный вопрос в III Думе освещает одна диссертация, национальную политику III Думы — две[62]. Одна диссертация рассматривает вопрос об оформлении третьедумского помещичье-буржуазного блока[63]. Две диссертации написаны на тему «Прогрессивный блок» в IV Думе[64]. Деятельности III и IV Дум в целом посвящены также две диссертации[65].

В 1956 г. вышло несколько статей о столыпинском бонапартизме[66]. Имеется ряд статей и диссертаций о военно-промышленных комитетах и родственных им буржуазных организациях[67]. Одна диссертация посвящена вопросам развития вооруженных сил[68].

Приведенный перечень диссертаций говорит об отсутствии комплексного исследования перечисленных выше вопросов. В связи с этим можно указать на несколько тем, требующих первоочередной разработки:

1) Внутренняя, национальная и военная политика царизма.

2) Местные представительные учреждения помещиков и буржуазии (городские думы и земства).

3) Буржуазные и помещичьи партии и организации.

4) III и IV Думы и деятельность политических партий в этих Думах.

5) Государственный совет в период 1906—1917 годов.

6) Центральный и местные промышленные комитеты и родственные организации буржуазии в годы первой мировой войны.

7) Политика Временного правительства.

Для разработки этих тем требуется изучение различных архивных фондов, в частности, фондов помещичье-буржуазных партий и организаций (Совета объединенного дворянства, октябристов, кадетов и т. п.), некоторых личных фондов видных политических деятелей.

III. Изучение истории внешней политики России и империалистических войн

Исследование внешнеполитической истории России, ее внешнеполитических, экономических и военных связей, выявление исторического места России в системе империалистических государств и эволюция ее роли на внешнеполитической арене позволяют выяснить политическую обстановку и условия, которые способствовали победе Великой Октябрьской социалистической революции.

ческая фракция в III Государственной думе. М. 1947; С. М. Мазин. Вопрос о страховании рабочих в III Государственной думе и страховая компания 1912—1914 гг. М. 1949; Е. Л. Рудник. Рабочий вопрос в III Государственной думе. М. 1951; Н. М. Добротвор. Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький. 1957.

[61] Н. В. Волков. Большевики в IV Государственной думе. М. 1949; А. М. Луковникова. Деятельность большевистской фракции IV Государственной думы. (1912—1914). М. 1947. Л. П. Черняевская. Рабочий вопрос в IV Государственной думе в годы нового революционного подъема (1912—1914).

[62] Е. Г. Василевский. Борьба партий вокруг столыпинской аграрной реформы. М. 1954; А. П. Египко. Национальный вопрос в III Государственной думе (столыпинский план выделения Холщины из Польши). М. 1948; Н. Д. Кузнецов. Третья Государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе. М. 1950.

[63] В. И. Фирсова. Третья Государственная дума. Оформление третьеиюньского блока. М. 1948.

[64] А. Я. Грунт. Прогрессивный блок. М. 1944 (кандидатская диссертация) и его же статья на эту тему. «Вопросы истории». 1945, № 3—4; И. М. Климов. Программа и тактика прогрессивного блока. М. 1947.

[65] Е. Д. Черменский. Борьба классов и партий в IV Государственной думе (1912—1917). М. 1947 (докторская диссертация); А. Я. Аврех. Блок помещичьих и буржуазных партий в III Думе (К вопросу о крахе столыпинского бонапартизма). М. 1954.

[66] А. Я. Аврех. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе. «Вопросы истории». 1956, № 11; его же. Третьеиюньская монархия и образование помещичье-буржуазного блока. «Вестник» Московского университета. 1956, № 1.

[67] Х. М. Левятова. Борьба большевиков против меньшевиков по вопросу о военно-промышленных комитетах в период первой мировой войны. М. 1945; С. Е. Макаев. Борьба за рабочие массы и отношение большевиков к военно-промышленным комитетам. М. 1947; Н. И. Разумовская. Центральный военно-промышленный комитет. М. 1947; А. И. Сагацкая. «Рабочие группы» в военно-промышленных комитетах. Л. 1945; Б. Сейстранен. Рабочий класс в Центральном военно-промышленном комитете (июнь 1915 — февраль 1917). М. 1947; В. Т. Цыпляков. Политическая деятельность Московского областного военно-промышленного комитета (июнь 1916 — февраль 1917). М. 1949; С. Л. Гисин. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (Политическая эволюция с июля 1914 по февраль 1916 г.). М. 1946; А. П. Погребинский. Военно-промышленные комитеты. «Исторические записки». Т. II. 1941.

[68] В. В. Кузин. Совет государственной обороны в России (1905—1909 гг.). М. 1950.

Изучение общих проблем внешней политики России периода империализма идет по линии следующих узловых вопросов:

1) Внешняя политика царской России периода складывания империализма и образования империалистических союзов (конец XIX—начало XX века). Экономические и политические предпосылки франко-русского союза и англо-франко-русской Антанты.

2) Экспансия царизма на Востоке и империалистический узел противоречий на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX века. Русско-японская война 1904—1905 годов.

3) Политика царизма в период внешнеполитических кризисов кануна мировой войны (1907—1914 годы). Роль царской России в подготовке и развязывании первой мировой войны.

4) Первая мировая война. Роль русского фронта в войне. Дипломатическая борьба в годы мировой войны. Военно-политические и экономические отношения России с союзниками. Внешняя политика Временного правительства. Внешнеполитическая обстановка в период победы Октябрьской революции.

Документальная база по указанным проблемам весьма обширна. Происхождению первой мировой войны и самой войне—центральным проблемам международных отношений рассматриваемого периода—посвящено значительное количество опубликованных документальных материалов. Изданы многие секретные документы бывшего министерства иностранных дел и других ведомств царской России. Ряд сборников документов вышел в 20-х годах [69]. В 30-х годах началось издание многотомной серии документов «Международные отношения в эпоху империализма» [70], хронологически охватывающей период кануна и хода первой мировой войны. Научное и политическое значение данной серии огромно: пока это единственная строго научная публикация, наиболее полно раскрывающая тайны подготовки и развязывания империалистической войны и дипломатической борьбы за передел мира. Предпринятые после первой мировой войны главнейшими державами Антанты и Четверного союза публикации дипломатических документов охватывают лишь период до начала войны [71] и не дают объективного представления о ее происхождении, ставя совершенно определенные политические задачи: снять ответственность за возникновение мировой войны со своего правительства и переложить ее на противника.

В сборниках документов военно-оперативного характера, извлеченных из фондов Ставки верховного командования, Главного управления генерального штаба и других военных учреждений дореволюционной России, частично нашли отражение операции русской армии на Восточном фронте в период первой мировой войны [72]. Однако работа по изданию военных документов только началась. Необходимо продолжить публикацию с тем, чтобы дать объективную картину хода военных операций на Восточном фронте, тем более, что почти все крупнейшие европейские державы — участники первой мировой войны — опубликовали подробные многотомные труды об участии своих армий в войне, в которых фальсифицируется роль русского фронта и русских армий в период мировой войны [73].

Ценный документальный материал по политическим, экономическим и военным во-

---

[69] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.» Сборник секретных дипломатических документов бывш. имп. Российского министерства иностранных дел. М. 1922; «Константинополь и Проливы». По секретным документам бывш. министерства иностранных дел. Т. I—II, М. 1925—1926; «Раздел Азиатской Турции». По секретным документам бывш. министерства иностранных дел. М. 1924; «Царская Россия в мировой войне». Сборник материалов и документов. Т. I. Л. 1925.

[70] «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг. Серии 2-я и 3-я. М.-Л. 1938—1940. Публикация документов продолжается до сего времени. В 1956 г. вышел 14-й том II серии документов.

[71] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914». Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1—40. Berlin. 1922—1927; «British documents of the origins of the war, 1898—1914». Vol. I—II. London. 1926—1938; «Documents diplomatiques français relatifs aux origines de la guerre de 1914» (1871—1914). Series I, II, III. Paris. 1929—1956.

[72] «Восточно-Прусская операция». Сборник документов. М. 1939; «Варшавско-Ивангородская операция». М. 1938; «Лодзинская операция». М. 1938; «Горлицкая операция». М. 1941; «Наступление Юго-западного фронта в мае — июне 1916 г.». М. 1940.

[73] См. «Der Weltkreig 1914 bis 1918. Die militärischen Operazionen zu Lande». Bd. 1—12. Berlin, 1925—1939; «Les Armées françaises dans la grande guerre». T. I—II. Paris. 1922—1937; «History of the Great War Based of officiel documents by Direction of

просам публиковался в журнале «Красный архив», в «Военно-исторических сборниках» и других изданиях. Издание документов по истории международных отношений было прервано во время Великой Отечественной войны и до сих пор не возобновилось.

Монографий по внешнеполитической истории России периода империализма в советской исторической литературе еще очень мало. Кроме работ М. Н. Покровского, изданных особым сборником статей «Империалистическая война», и монографии Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма», написанной в 20-х годах, имеется лишь одна работа, посвященная общим проблемам международных отношений периода империализма — «История дипломатии» (часть 2-го тома).

Из узловых внешнеполитических проблем в советской исторической литературе наиболее полно разработаны вопросы международных отношений конца XIX в., связанные с образованием Тройственного и Франко-русского союзов и выдвижением на первый план англо-германского антагонизма. Этим проблемам посвящены работы А. С. Ерусалимского, А. З. Манфреда, В. М. Хвостова, С. Д. Сказкина и др. [74]. Однако все они, хотя и отводят значительное место освещению внешней политики царизма, в основном исследуют внешнюю политику западноевропейских государств.

Внешняя политика царской России периода складывания империализма не получила еще всестороннего отражения в нашей исторической литературе. Наиболее глубоко и многогранно исследованы вопросы, связанные с экспансией царизма и империалистическими противоречиями на Дальнем Востоке в конце XIX в., а также накануне и в период русско-японской войны 1904—1905 годов. Этим проблемам посвящены фундаментальные труды Б. А. Романова и А. Л. Нарочницкого [75], а также работы А. Л. Попова, А. Л. Гальперина, В. Я. Аварина, А. Ф. Доброва [76].

Вопросы подготовки первой мировой войны, внешнеполитические кризисы кануна войны (1908—1914) и роль в них царской России разработаны слабее. На эту тему опубликованы работа А. А. Могилевича и М. Э. Айрапетяна о Балканских войнах (1912—1913 годы) и обострении империалистических противоречий в Европе и на Ближнем Востоке, исследование Н. П. Полетики о происхождении мировой войны, а также ряд статей [77].

Недостаточно изучен период первой мировой войны. При наличии значительного количества научно-популярных работ монографическая разработка проблем мировой войны только начинается и проводится очень узким кругом исследователей. Дипломатической борьбе в первый период мировой войны (до конца 1915 г.) посвятил свою работу Ф. И. Нотович, отношения царской России с союзниками по военно-экономическим вопросам исследовал А. Л. Сидоров [78].

Изучение империалистических войн рассматриваемого периода — русско-японской войны и первой мировой войны, в частно-

---

the Historical Section of the Commitee of Imperial Defence». Vol. 1—12. London. 1922—1949.

[74] А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. Изд. 2-е. М. 1951; А. З. Манфред. Внешняя политика Франции 1871—1891. М. 1952; В. М. Хвостов. Франко-русский союз и его историческое значение. М. 1955; С. Д. Сказкин. Конец австро-русско-германского союза. Т. I. М. 1928.

[75] Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, 1928; его же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907 годы; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895). М. 1956.

[76] А. Л. Попов. Дальневосточная политика царизма в 1894—1901 гг. «Историк-марксист». 1935, № 51; его же. Кризис дальневосточной политики царизма накануне революции 1905 г. «Историк-марксист», 1935, № 52; А. Л. Гальперин. Англо-японский союз 1902—1921 гг. М. 1947; В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М. 1952; А. Ф. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М. 1952.

[77] А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян. На путях к мировой войне. 1914—1918. М. 1940; Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны. М.-Л. 1935; Ф. И. Нотович. Империалистические противоречия накануне первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 23. 1947; В. И. Бовыкин. Из истории франко-русских отношений накануне первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 50. 1955.

[78] Ф. И. Нотович. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. 1. М.-Л. 1947; А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. «Исторические записки». Т. 15, 1945, и др.

сти, их военного аспекта — в настоящее время почти полностью прекратилось. Вышедшие за последнее время работы носят научно-популярный характер[79]. В то же время написанные дореволюционными военными специалистами в 20-х годах «Стратегический очерк мировой войны 1914—1918 гг.», а также изданные в 30-х годах работы Н. А. Левицкого о русско-японской войне и А. М. Зайончковского о первой мировой войне[80], устарели как в теоретическом отношении, так и с точки зрения источниковедческой базы и содержат много ошибок.

Буржуазная историография по перечисленным выше внешнеполитическим вопросам довольно обширна. Особенно большое внимание уделяется вопросам международных отношений рассматриваемого периода и вопросам происхождения мировой войны[81]. Наряду с этим появились работы, освещающие внешнюю политику России на отдельных этапах[82]. Однако подавляющее большинство их лишено научного значения и тенденциозно, что особенно характерно для работ, вышедших за последнее время[83]. Важнейшей задачей советских ученых является разоблачение порочных концепций буржуазных историков, фальсифицирующих в определенных пропагандистских целях историю внешней политики России и стремящихся установить преемственную связь между дореволюционной и советской внешней политикой. Вместе с тем необходимо критически использовать большой фактический материал, накопленный буржуазной историографией.

Диссертационная разработка проблем международных отношений периода империализма, в особенности внешней политики царской России, усилившаяся в последнее время, тем не менее еще далеко не достаточна. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что имеется всего лишь одна докторская диссертация, посвященная внешней политике царизма (Б. А. Романов. Русско-японская война 1904—1905 гг. М.-Л. 1955). Кандидатские диссертационные работы, как правило, исследуют вопросы внешней политики на очень коротком хронологическом отрезке, не ставя целью разработку целых проблем и узловых вопросов. За последнее время появилось значительное количество подобных диссертаций, посвященных исследованию отдельных периодов из истории франко-русского союза, русско-германских отношений, из истории взаимоотношений царизма и русской буржуазии с союзниками по Антанте в годы мировой войны и т. д.[84].

Общим недостатком диссертаций и некоторых опубликованных работ по вопросам внешней политики России является отсутствие в них глубокого анализа взаимосвязи внешней политики с экономическими и политическими процессами, происходившими внутри страны, слабое освещение внутриполитической борьбы классов и партий в области внешней политики, недостаточное исследование экономических связей русского и западноевропейского капитализма и часто упрощенное представление о взаимосвязи и влиянии экономики на внешнюю политику. Следует также отметить, что в стороне от исследователей остался ряд важных проблем внешней политики России, в частности, вопросы колониальной политики царизма, отношения

---

[79] Н. Таленский. Мировая война 1914—1918 гг. М. 1944; Д. В. Вержеховский. Первая мировая война 1914—1918 гг. М. 1954; А. И. Сорокин. Русско-японская война. Воениздат. 1956.

[80] «Стратегический очерк мировой войны 1914—1918 гг.». Ч. I—VII. М. 1920—1926; Н. А. Левицкий. Русско-японская война 1904—1905 гг. Л. 1938; А. М. Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг. М. 1938; А. К. Коленковский. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М. 1940.

[81] E. Bourgeois. Manuel historique de politique étrangére, t. IV. La politique mondiale 1878—1919. Empires et nations. 2-me éd. Paris. 1927; W. L. Langer. The Diplomacy of Imperialism 1890—1902. Vol. 1—2. New York — London. 1935; P. Renouvin. La paix armée et la grande guerre (1871—1919). Paris. 1939; H. Hauser. Histoire diplomatique de l'Europe (1871—1914). Vol. 1—2, Paris. 1929.

[82] G. Michon. L'alliance franco-russe. Paris. 1929.

[83] C. J. Smith. The Russian Struggle for Power 1914—1917; a Study of Russian Foreign Policy During the First World War. New-York. Philosophical Library. 1956.

[84] А. А. Адамович. Отношения между Россией и Францией в начале первой мировой войны (июль — декабрь 1914 г.). М. 1953; А. Д. Никонов. Вопрос о Константинополе и Проливах во время первой мировой империалистической войны 1914—1915 гг. М. 1948 (кандидатская диссертация); Д. С. Бабичев. Экономические отношения России и Англии в первой империалистической войне 1914—1917 гг. М. 1952; Ф. В. Зуев. Англо-русские отношения накануне русско-японской войны (1900—1904 гг.). Л. 1950; А. В. Игнатьев. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1912—1914). М. 1955.

России со странами Востока: Китаем, Монголией, Индией, Турцией, Ираном и другими. Слабо освещена политика России на Балканах накануне мировой войны, не разработаны вопросы внешней политики Временного правительства и т. д.

Из сказанного вытекает и та проблематика, которая должна стать предметом исследования ближайших лет. В первую очередь необходимо создать монографии о внешней политике царизма и буржуазии за время с 90-х годов XIX в. до Октябрьской революции, а также продолжить публикацию документов бывшего министерства иностранных дел России.

★

Институт истории АН СССР наметил и сейчас проводит работу по следующим темам:

I. Социально-экономическая история России:

а) Государственный банк и экономическая политика царизма (1861—1917 годы).

б) Финансовый капитал в тяжелой промышленности России в годы первой мировой войны.

в) Донбасс в период промышленного подъема 90-х годов XIX века.

г) История строительства Сибирской железной дороги.

д) Аграрная политика царизма в начале XX века.

е) Столыпинская аграрная политика.

Готовятся сборники документов по экономике России в 1917 г., а также по монополиям в металлургической, каменноугольной и нефтяной промышленности.

II. История классовой борьбы и революционного движения:

а) Рабочее движение России 90-х годов XIX века.

б) Рабочее движение в России в годы первой мировой войны.

в) Рабочий класс России во второй период революции 1905—1907 годов.

III. Внешняя политика России и империалистическая война:

а) Борьба классов и партий по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны.

б) Русская армия накануне первой мировой войны.

в) Россия и союзники в период первой мировой войны (1914—февраль 1917).

Хроникальные заметки

Коллектив сотрудников музея истории Академии наук Туркменской ССР подготовил к 40-летию Октября большую передвижную выставку «Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Туркменистане». На выставке экспонируются фотографии декретов, документы, рассказывающие о том, как вслед за победой вооруженного восстания в Петрограде Советская власть установилась в Москве, Ташкенте, Баку и других городах России.

Особого внимания заслуживают документы о помощи ташкентцам кушкинских солдат, организовавших и отправивших в Ташкент хорошо вооруженный отряд.

На выставке широко представлены материалы о зверствах интервентов и внутренней контрреволюции в 1918—1920 годах, экспонируемые в третьем разделе. Они свидетельствуют о безуспешных попытках внутренней контрреволюции и мирового империализма вооруженной силой подавить Советскую власть.

Документальные материалы раскрывают контрреволюционные выступления летом 1918 г. в Ашхабаде и Кизыл-Арвате, воспроизводят историю героической борьбы трудящихся. На выставке представлены материалы, рассказывающие о расстреле 26 бакинских комиссаров.

Музей М. В. Фрунзе (г. Шуя, Ивановской области) подготовил новую экспозицию, посвященную 40-й годовщине Великого Октября. В разделах «Великая Октябрьская революция», «Октябрьские дни в Москве, Шуе», «Всеобщая забастовка текстильщиков Иваново-Кинешемского района в октябре 1917 года» и других представлено много новых документов.

Горьковский мемориальный музей Я. М. Свердлова тесно связан со многими архивными и музейными учреждениями страны. Это позволило значительно пополнить фонды музея. Большую ценность имеет фотография, зафиксировавшая В. И. Ленина и Я. М. Свердлова с делегатами VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. На одной из фотографий Яков Михайлович запечатлен среди делегатов V съезда Советов в июле 1918 года.

За последнее время Горьковским мемо-

риальным музеем получено 74 новых экспоната. Часть из них будет включена в экспозицию, организуемую музеем к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

◆ Кафедра истории КПСС Ужгородского государственного университета и секция истории КПСС Закарпатского областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний провели очередную научную сессию в поселке Перечин, посвященную революционному прошлому Закарпатья.

Были заслушаны доклады кандидата исторических наук Б. Спивака «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционную деятельность трудящихся Закарпатья» и старшего преподавателя университета В. Хайнаса «Борьба Коммунистической партии Закарпатья за воссоединение в 1924—1944 годах».

Интересными были выступления бывшего секретаря подпольного райкома партии И. И. Кедюлича, старого коммуниста Золтана Коваши. Преподаватель истории Г. Мельник рассказал о том, как под влиянием первой русской революции состоялись две забастовки на Перечинском лесохимзаводе. С воспоминаниями на сессии выступил участник Венгерской Красной гвардии Михаил Бучок.

◆ На III Всесоюзном совещании по древнерусской литературе, проходившем недавно в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде, присутствовало около 200 представителей научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ярославля и других городов Советского Союза.

В работе совещания приняли также участие ученые-слависты из Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии. На совещании были прочитаны и обсуждены доклады виднейших советских ученых — В. В. Виноградова, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, М. В. Алпатова и других. Были также обсуждены сообщения о находящихся в разных книгохранилищах рукописных фондах и степени их научной обработки. В частности, В. Лукьянов (Ярославль) сообщил, что общее количество рукописей, собранных в ярославских хранилищах за годы Советской власти, достигает 2 400 книг, относящихся к XII—XX векам. Часть рукописей XII—XIV веков написана на пергаменте.

Из числа наиболее древних рукописей особое внимание привлекает так называемое Федоровское евангелие начала XIV в., написанное по заказу ярославского князя Федора Ростиславича Черного и украшенное превосходными цветными миниатюрами.

◆ На борту легендарного крейсера «Аврора» открылся филиал Центрального военно-морского музея. Экспозиция с исчерпывающей полнотой освещает историю крейсера «Аврора» и его славный революционный путь.

◇ В этом году Новоград-Волынскому исполняется 700 лет. Основанный во времена Галицко-Волынского княжества, он был важным стратегическим и торговым городом на пути из Киева в страны Западной Европы. Создан оргкомитет по проведению юбилея. Готовится брошюра по истории Новоград-Волынского, читаются лекции о его многовековой истории.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ (1917—1944)

Наименее разработана в польской историографии история межвоенного двадцатилетия и второй мировой войны. Причины этого коренятся в прошлом. Общеизвестно, что буржуазная историография отрицала научный характер исследований по новейшей истории, пренебрежительно называя их «публицистикой», недостойной якобы профессионального историка. Вредное влияние на развитие исторической науки в народной Польше оказали догматизм, упрощенчество, имевший иногда место отход от исторической правды. Известно также, что развитие исторической науки тормозила монополия отдельных ученых и групп ученых, затрудненный доступ к архивным документам и статистическим данным. Теперь эти помехи в значительной мере устранены. Однако для преодоления недостатков в развитии исторической науки необходимы значительные усилия и время.

Для периода 1918—1939 годов наиболее запущенную область исследования представляет история экономики. Доказательством этого являются как количество, так и общий характер, содержание и методика работ. На страницах собственно исторических журналов работы по экономическим вопросам публиковались очень редко, что свидетельствует не только о слабом изучении истории экономики, но и о недооценке ее редакциями исторических журналов, в частности журнала «Kwartalnik historyczny». Большинство такого рода исследований напечатано в экономической прессе и экономических изданиях[1].

До сих пор нет даже общего очерка истории экономики этого периода. Однако отдельные проблемы изучены более обстоятельно. К их числу относится проблема зависимости польской экономики от иностранных монополий, а также вопрос о привилегиях иностранному капиталу в буржуазно-помещичьей Польше (впрочем, монографий, посвященных этому вопросу, еще нет). Проникновение иностранного капитала в общих чертах рассматривают Ю. Зеленевский и Р. Градовский, а также Я. Чалбинский — автор серии статей в «Gospodarce Planowej» (1949, № 10)[2]. Интересны посвященные этому вопросу работы Ф. Рышки[3], а также материалы Силезской конференции историков[4]. Проблему иностранного кредита в общих чертах осветил Л. Гросфельд на страницах «Nowych Dróg». Видное место занимают статьи молодых историков хозяйства З. Ландау и Е. Томашевского, изучающих вопросы табачного займа и проникновения итальянского капитала в Польшу. К ним примыкает работа Е. Кельского, посвященная экспансии энергетических концернов[5].

Большую научную ценность представляет опубликованная недавно статья проф. Г. Яблонского «Из тайной дипломатии В. Грабского в 1924 г.»[6], в которой показано стремление тогдашнего премьер-ми-

[1] «Ekonomista», «Finanse», «Zucie gospodarcze», «Zeszyty naukove SGPIS», «Materiały i Studia INS». Seria Ekonomiczna.

[2] J. Zieleniewski. Zależność gospodarcza Polski międzywojennej od państw imperialistycznych. «Finanse», 1953, № 2; R. Gradowski. Rola i miejsce Polski burzuazyjno-obszarniczej w systemie kapitalizmu światowego. «Ekonomista», 1953, № 3; J. Czałbiński. Kapitały zagraniczne w Polsce przedwojennej. «Gospodarka Planowa». 1949, № 10.

[3] F. Ryszka. Kapitał monopolistyczny na Górnym Śląsku i formy jego polityki. «Przegląd Zachodni» (Studia Śląskie), 1952; его же. Przywileje kapitału zagranicznego w Polsce burzuazyjno-obszarniczej. «Czasopismo Prawno-Historyczne», 1954, t. VI, I.

[4] «Konferencja Śląska Instytutu Historii PAN». T. II. Warszawa. 1954.

[5] Z. Landau. Pożyczka tytoniowa. «Zeszyty Naukowe SGPIS». 1956. № 3; J. Tomaszewski. Przyczynek do zagadnienia penetracji kapitału włoskiego w Polsce. «Zeszyty Naukowe SGPIS», 1956, № 3; J. Kielski. Ekspansja zagranicznych koncernów w elekroenergetyce Polski burzuazyjno-obszarniczej. «Materiały i studia INS».

[6] H. Jabłonski. Z tajnej dyplomacji Wł. Grabskiego w roku 1924. «Kwartalnik historyczny», 1956, № 4/5.

нистра ценой дальнейшего ограничения суверенитета Польши получить кредиты у английских капиталистов.

Общую оценку кризиса 1929—1933 гг. дает работа Л. Гросфельда «Польша в годы экономического кризиса 1929—1933 годов»[7]. Он же рассматривает в ряде статей экономические функции государства в межвоенные годы, а также вопрос о безработице. Истории финансов посвящено лишь несколько статей разных авторов на страницах журнала «Finanse», мелкой промышленности и ремеслу — одна работа в «Zeszytach Naukowych SGPIS».

Попытку сделать некоторые обобщения по аграрному вопросу предпринял С. Игнар[8]. Однако его работа имеет скорее научно-популярный характер и основывается исключительно на печатных материалах. Ч. Мадайчик, опираясь на более широкий круг источников, разработал вопрос об аграрной реформе[9]. Интересны материалы, помещенные в «Ekonomiście»: М. Дзевицкой о деградации сельского хозяйства, М. Станьчика об аграрном перенаселении, К. Рея о феодальных пережитках и К. Гохфельдовой о кредитных отношениях в польской деревне[10]. Вопрос о «ножницах цен» был частично рассмотрен в статьях Кальтенберга, Блитека и Шиммля («Zycie gospodarcze», «Gospodarka Planowa»). Заслуживают внимания статьи З. Козловского о проблеме избыточного населения и М. Мешчанковского об эксплуатации помещиками и кулаками крестьянства как наемной рабочей силы[11].

Однако следует отметить случайность тематики многих работ. Выбор темы обусловливался часто доступностью того или иного материала, а не глубокими научными соображениями.

Общий анализ состояния польской литературы по истории экономики межвоенного периода приводит к следующим выводам: 1) необходимо упорядочить архивы, организовать архивную информацию, удовлетворяющую интересы историка народного хозяйства; 2) нужно создать центр для обмена мнениями между историками экономики (исходным моментом для этого может послужить работа над IV томом «Истории Польши»); 3) следует усилить научное сотрудничество с экономистами и статистиками, активно привлекая их к дискуссиям по теоретическим проблемам империализма; 4) расширить публикацию в исторических журналах работ по истории экономики.

Слабо изучалась в течение минувшего десятилетия внутриполитическая история буржуазно-помещичьего польского государства. Здесь преобладают публицистическо-пропагандистские статьи, например, С. Арского, А. Корты и З. Сафиана об авантюре Пилсудского в 1920 г., К. Янковского о майском перевороте, Е. Равича о выборах в период 1919—1939 гг. и т. д.[12]. Совершенно отсутствуют монографии, в частности, посвященные соотношению классовых сил в период между двумя мировыми войнами. Исследования же о расстановке политических сил внутри буржуазного лагеря носят поверхностный характер.

Некоторые достижения имеются у историков права. Особенно следует отметить работы А. Гвиждка и М. Соболевского[13], в которых поднимаются узловые вопросы истории довоенной Польши, раскрывается сущность буржуазно-помещичьего государства и классовая роль суда. К этой же тематике следует отнести научно-популярную

---

[7] L. Grosfeld. Polska w latach kryzysu gospodarczego 1929—1933. Warszawa. 1952.

[8] St. Ignar. Kwestia rolna w Polsce kapitalistycznej. Warszawa. 1952.

[9] Cz. Madajczyk. Burzuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1918—1939). Warszawa. 1956.

[10] M. Dziewicka. Zagadnienia degradacji rolnictwa w Polsce kapitalistycznej. «Ekonomista», 1953, № 1; M. Stańczyk. Przeludnienie agrarne w Polsce kapitalistycznej. «Ekonomista», 1955, № 1; K. Rey. Uwagi w sprawie przezytków feudalnych w rolnictwie Polski międzywojennej. «Ekonomista», 1956, № 2; K. Hochfeldowa. Stosunki kredytowe na wsi w Polsce burzuazyjno-obszarniczej i w Polsce Ludowej. «Ekonomista». 1954, № 4.

[11] Z. Kozłowski. Problem ludzi «zbędnych» w Polsce kapitalistycznej i jego likwidacja w Polsce Ludowej. «Nowe Rolnictwo». 1952, № 6; M. Mieszczankowski. Wyzysk pracującego chłopstwa jako najemnej siły roboczej przez obszarników i kułaków. «Materiały i studia INS», t. II. Warszawa. 1955.

[12] K. Jankowski. Droga zdrady narodowej. «Nowe Drogi». 1951, № 2; J. Rawicz. Wybory przed wrześniem. «Państwo i Prawo», 1952. № 10; S. Arski, A. Korta, Z. Safian. Zmowa grabiezców. Awantura Piłsudskiego w 1920 r. Warszawa. 1950.

[13] A. Gwizdz. Burzuazyjno-obszarnicza Konstytucja z 1921 r. w praktyce. Warszawa. 1956; M. Sobolewski. Prawa i wolności obywatelskie i praktyka sądów przedwrześniowych. «Kwartalnik historyczny». 1954, № 2.

в целом работу А. Литвина о самоуправлении в довоенной Польше [14].

Неудовлетворительным нужно считать положение с публикацией источников. Среди немногочисленных действительно ценных изданий заслуживает внимания подготовленный бывшим отделом истории партии при ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) сборник постановлений и резолюций Коммунистической партии Польши [15], хотя и в нем отсутствует ряд важных документов. Большое значение имеет издание публицистических работ деятелей Компартии Польши (Ю. Бруна, В. Кольского, Ю. Яшуньского, А. Лампе).

Научная разработка истории политических отношений в стране в 1918—1939 гг. представляет неотложную задачу исследователей.

По истории международных отношений и внешней политики досентябрьских правительств Польши издано несколько монографических работ и статей. Такое положение в значительной мере объясняется неупорядоченностью архивов. Иностранные архивы долгое время были вообще недоступны, а доступ к отечественным хранилищам ограничен. Сравнительно мало внимания уделили проблемам международных отношений научные съезды историков. Вскользь они были затронуты только Вроцлавским съездом польских историков в 1948 году. На Отвоцкой конференции проблемы внешней политики межвоенного периода были подняты в докладе Л. Гросфельда «Planowość i specyfika polskiego imperializmu». Однако дискуссия на эту тему не внесла ничего принципиально нового. На дальнейшем развитии исследований в этой области, несомненно, скажутся результаты плодотворных дискуссий, развернувшихся на двух совещаниях историков: в мае и июне 1956 года. На первом из них, в Институте истории Польской Академии наук, предметом дискуссии был проспект третьего тома «Истории Польши». На другом совещании, организованном отделом истории партии ЦК ПОРП, был обсужден вместе с авторами третий том «Истории Польши», написанный сотрудниками Института славяноведения Академии наук СССР. Предметом оживленной дискуссии и острой критики были разделы обеих работ, посвященные внешней политике довоенной Польши.

Следует отметить, что внимание исследователей истории международных отношений межвоенного периода сосредоточилось главным образом на первых и последних годах этого времени. Г. Яблонский в работе «Geneza drugiej Rzeczypospolitej», изданной на правах рукописи, рассмотрел позиции великих держав по отношению к Польше в период становления независимого польского государства. Ю. Ковальский исследовал в своих работах значение Октябрьской революции в деле восстановления независимости Польши [16]. О политике США по отношению к Польше в 1918—1921 гг. писал К. Лаптер [17]. На Поморской научной сессии (1954 г.) К. Пиварский прочитал доклад на тему об отношениях империалистических государств и польской буржуазии к правам Польши на море и в Поморье. Р. Бежанек опубликовал пространную статью о гданьском вопросе в политике западных держав в период Версаля [18]. Ту же тему разработал К. Лаптер [19]. Положение Гданьска в 1919—1939 гг. с точки зрения международного права рассмотрел К. Скубишевский [20]. Ф. Рышка опубликовал интересную, опирающуюся на неизвестные до сих пор источники работу о закулисных сторонах решения силезского вопроса в 1921 году [21]. Оживленную дискуссию на страницах «Kwartalnika historycznego» вызвал реферат Г. Зелинского об отношении международной реакции и польской буржуазии к силезскому вопросу в 1917—1945 гг., прочитанный на Силезской конференции 1953 года. В дискуссии при-

---

[14] A. Litwin. Samorząd w Polsce burzuazyjno-obszarniczej w latach 1918—1939. Warszawa. 1954.

[15] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I. Warszawa. 1953, 2 wyd. 1954; t. 2. Warszawa. 1955; t. 3. Warszawa. 1956.

[16] J. Kowalski. Rewolucja Październikowa a wyzwolenie Polski. Warszawa. 1952.

[17] K. Lapter. Polityka amerykańska wobec Polski w okresie zawieszenia broni pod koniec 1918 r. «Materiały i studia INS». Seria Historyczna. Warszawa 1954.

[18] R. Bierzanek. Sprawa Gdańska w polityce wielkich mocarstw zachodnich w okresie konferencji pokojowej 1919 r. «Przegląd Zachodni» 1954, № 9—10.

[19] K. Lapter. Sprawa Gdańska i dostępu Polski do morzę na konferencji paryskiej 1919 r. «Przegląd historyczny». 1954, № 2—3.

[20] K. Skubiszewski. Gdańsk w prawie międzynarodowym w okresie 1919—1939. «Czasopismo Prawno-Historyczne». 1956. Tom VIII, I.

[21] F. Ryszka. Kulisy decyzji w sprawie Śląska w r. 1921. «Kwartalnik historyczny», 1953, № 1.

няли участие Г. Зелинский, К. Лаптер, К. Попелек и Т. Ендрущак [22].

Обширная работа К. Пиварского «Мюнхен 1938» [23] рассматривает в основном политику Англии и Франции по отношению к Германии; в ней нашла оценку, разумеется, и позиция польских правящих кругов в мюнхенском кризисе. Работа В. Станевича «Сентябрьское поражение на фоне международных отношений» [24], в которой автор старался показать международные предпосылки сентябрьского поражения 1939 г., носит научно-популярный характер. Следует еще упомянуть о работе С. Литвинского «Из истории антинациональной политики польской реакции» [25]. Автор опирается в ней на официальные британские документы периода Парижской конференции 1919 года.

Международные экономические отношения Польши в межвоенный период освещены в упомянутых выше трудах (Л. Гросфельда и др.), а также в последней работе Г. Яблонского о тайной дипломатии В. Грабского в 1924 году. Статью о польско-немецкой таможенной борьбе в 1925—1934 гг. опубликовал Г. Сокульский [26]. А. Вольский в общих чертах разработал проблему польско-немецкого пакта 1934 года [27]. Польско-советскому пакту о ненападении посвящена статья Б. Явожницкого [28]. К. Лаптер опубликовал обширную статью о международной обстановке в период майского переворота 1926 года [29].

Я. Юркевич удачно показал реакционную роль Ватикана в международной и внутренней политике тогдашней Польши. Тот же автор опубликовал статью о политике Ватикана в гданьском вопросе, а также о конкордате 1925 года [30].

Одной из самых неотложных задач следует считать разработку вопроса об отношениях досентябрьской Польши с соседними государствами, прежде всего с Советским Союзом и Германией. Важно также глубоко проанализировать причины, приведшие к сентябрьской катастрофе.

Нельзя считать благополучным положение с публикацией источников и по вопросам международных отношений и внешней политики досентябрьской Польши. Следует, однако, подчеркнуть, что указанные выше издания отдела истории партии дают возможность ознакомиться с позицией Коммунистической партии Польши по всем важнейшим международным проблемам. Кроме того, Польский институт международных отношений издал на правах рукописи два сборника архивных документов. Первый из них, подготовленный Я. Юркевичем, включает документы о польско-ватиканских отношениях, хранящиеся в архиве министерства иностранных дел. Во второй, подготовленный Е. Худком, вошла политическая корреспонденция директора гданьской верфи Ное. Большое значение для исследователей имеет изданная Польским институтом международных отношений «Хронология международных отношений Польши (1918—1921)», составленная Я. Юркевичем. Однако на исследовательской работе отрицательно сказывается недоступность дневников и записей польских и иностранных политических и военных деятелей. Предпринятую в свое время издательством «Czytelnik» попытку переиздания некоторых книг, появившихся за границей (дневников Шембека и Бека) следует признать неудачной.

Скромны результаты исследовательских работ по истории рабочего движения в 1918—1939 годах. Невелико и количество публикаций по этому вопросу. Создание глубоких творческих исследований было затруднено ограниченным количеством источников, многие из которых до сих пор еще не разысканы.

---

[22] K. Lapter, H. Zieliński. Powstania śląskie. «Kwartalnik historyczny». 1954, № 1; K. Popiołek. Na marginesie artikułu K. Laptera i H. Zielińskiego pt. «Powstania śląskie». «Kwartalnik historyczny». 1955, № 1; T. Jędruszczak. W sprawie drugiego powstania śląskiego. «Kwartalnik historyczny». 1955. № 4—5.

[23] K. Piwarski. Monachium 1938. Polityka rządów Anglii i Francii wobec faszystowskich Niemiec. Warszawa. 1952.

[24] W. Staniewicz. Kląska wrześniowa na tle stosunków międzynarodowych. Warszawa. 1952.

[25] S. Litwiński. Z dziejów antynarodowej polityki reakcji polskiej. (Na tle oficjalnych dokumentów brytyjskich z okresu konferencji paryskiej w 1919 r.). «Sprawy Międzynarodowe». 1951, № 1—2.

[26] H. Sokulski. Wojna celna Rzeszy przeciw Polsce w latach 1925—1934. «Sprawy Międzynarodowe». 1955, № 9.

[27] A. Wolski. Pakt polsko-niemiecki z 1934 r. «Sprawy Międzynarodowe», 1953, № 6.

[28] B. Jaworznicki. Polsko-radziecki pakt o nieagresji z r. 1932. «Sprawy Międzynarodowe», 1953, № 6.

[29] K. Lapter. Międzynarodowe tło przewrotu majowego. «Sprawy Międzynarodowe», 1956, № 5 i 6.

[30] J. Jurkiewicz. Nuncjatura Achillesa Ratti w Polsce. Warszawa. 1-е изд.—1953, 2-е изд.— 1955; его же. Z dziejów antypolskiej polityki Watykanu w sprawie Gdańska. «Sprawy Międzynarodowe». 1949, № 3—4

Следует положительно оценить работу отдела истории партии по сбору большого числа документов и материалов по истории Коммунистической партии Польши, а также предпринятые в последние годы первые шаги по их публикации. Однако научная обработка публикуемых документов вызвала серьезные замечания. В то же время надо всячески приветствовать проделанную отделом популяризаторскую работу. Нам представляется необходимым и своевременным решение о полном издании постановлений и резолюций Коммунистической партии Польши и других партийных документов. Важное значение имеет публикация документов в журнале «Z pola walki», а также издание произведений руководящих деятелей партии — Ю. Ленского, Е. Рынга и других. Назрела потребность в популярном очерке по истории рабочего движения. Первый том его уже появился на книжных полках [31], идет работа над вторым томом, охватывающим период 1918—1939 годов. Нужно, однако, отдать себе отчет в трудности этой работы, обусловленной отсутствием минимально необходимого количества монографий хотя бы по узловым проблемам этого периода.

Очень важно покончить в исследовательской работе с имевшим часто место отрывом истории рабочего движения от истории всего польского народа. Объективная трудность другого порядка возникает еще в связи с тем, что недостаточно изучена всеобщая история этого периода, особенно история международного рабочего движения, с которым польское рабочее движение было тесно связано. Многое необходимо пересмотреть в свете решений и материалов XX съезда КПСС.

В работах по национальному вопросу в межвоенный период главное внимание уделялось борьбе польского народа за независимость и ее укрепление. Важность таких исследований очевидна. Однако часто не раскрывалась роль угнетенных национальностей и национальных меньшинств, представлявших важный политический фактор в истории Польши. Слабо пока изучается история рабочего движения национальных меньшинств.

К изучению истории массовой борьбы рабочего класса польские историки только приступили. Этой проблеме посвящено несколько статей [32]. К сожалению, польские историки недостаточно еще исследовали экономические условия жизни рабочего класса; этому вопросу посвящена только работа Л. Гросфельда. Больше в этом отношении сделали историки права: в Институте права Польской Академии наук подготовлены две кандидатские работы, посвященные положению женщин, трудящейся молодежи и сельскохозяйственных рабочих в Польше в межвоенный период. Недостаточно изучена и история отдельных промышленных районов и заводов. Исключение составляет история Силезии, особенно 1918—1923 годов. По истории заводов можно отметить лишь работу Ф. Рышки и Ст. Зембы о сталелитейном заводе имени Костюшко [33] и популярную работу А. Лоха и Г. Шендзеложа [34].

Следует отметить полное отсутствие плановости и координации в научно-исследовательской работе по изучению истории польской деревни. В этой области до сих пор не начата разработка ряда проблем первостепенной важности. Как это ни парадоксально, но о крестьянской стачке 1937 г. — единственном крупном выступлении крестьянских масс в Европе того периода — мы знаем не больше, чем, например, о движении Костки Наперского в середине XVII в., и несравненно меньше, чем о восстании 1846 г. в Галиции.

Исследования, по нашему мнению, следовало бы вести в основном в следующих трех направлениях: 1) аграрные отношения, 2) развитие классовой борьбы в деревне, 3) проблема рабоче-крестьянского союза и деятельности крестьянских политических группировок.

Для исследования аграрных отношений большое значение имеет изучение экономической структуры польской деревни рассматриваемого периода, а также происходивших в ней изменений на фоне общих экономических процессов в годы кризиса и господства фашизма.

Ряд работ, в том числе и довоенного вре-

---

[31] T. Daniszewski. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. Część pierwsza. Warszawa. 1956.

[32] F. Kalicka. Powstanie Krakowskie 1923 roku. Szkic historyczny. Warszawa. 1953; D. Steyer. Położenie i walka robotników portowych i marynarzy w sanacyjnej Gdyni. «Kwartalnik historyczny». 1955, № 4/5; Z. Rybicki. O organizacji i działności Rad Delegatów Robotniczych i Chłopskich w Polsce 1918—1919 r. «Czasopismo Prawno-Historyczne». 1954. T. VI, 2.

[33] F. Ryszka, St. Ziemba. Dwa dziesięciolecia huty Kościuszko. Warszawa. 1955.

[34] A. Loch, G. Szendzielorz. Kartki z dziejów huty Batory. Katowice. 1956.

мени [35], проливает некоторый свет на структуру сельского хозяйства в Польше. Однако соотношение классовых сил в деревне показано в этих работах односторонне. Недостаточно освещены классовая дифференциация крестьянства и ее динамика, помещичий и податной гнет, значение экономического регресса в годы кризиса и фашизации страны. Известное представление об этом вопросе дает работа Ч. Мадайчика [36], но в ней приведены данные только о Галиции и Лодзинском воеводстве. Несмотря на это, в работе Ч. Мадайчика освещено положение крестьянства в межвоенные годы шире и глубже, чем в общих довоенных исследованиях Е. Михаловского и Ст. Броды [37]. В брошюре В. Ковальского [38] показаны источники эксплуатации и классовых конфликтов в деревне, но она не дает представления об удельном весе кулацких хозяйств. Единственным источником, из которого можно почерпнуть конкретный материал о положении крестьянских масс, являются возобновленные после войны «Pamiętniki chłopów» [39].

Еще более скромны достижения последнего десятилетия в области исследований истории крестьянского движения. Здесь преобладают небольшие популярные работы. Можно, однако, отметить исследования Ю. Гуйского, которые опираются на самостоятельно собранный автором, хотя и очень неполный, местами отрывочный материал. Ряд его работ [40] носит фактологический характер. В них в очень общих чертах без глубокого анализа автор характеризует причины крестьянских выступлений 1932—1937 гг. и расстановку политических сил.

Вл. Рогаля избегает сложных проблем, связанных, например, с формированием политических отношений в польской деревне в период, предшествовавший майскому перевороту. В статьях М. Града [41] дается беглый обзор забастовочной борьбы в деревне от Ядова и Лапанова до забастовки 1937 года. Более интересна работа того же автора по истории крестьянской борьбы в малопольской деревне в тридцатых годах [42]. Удачной является популярная брошюра Ч. Мадайчика [43], в которой показаны революционный характер крестьянской борьбы и ее политическое значение. С точки зрения использования документов определенную ценность представляет работа А. Бандоса [44].

Совершенно не разработана история крестьянского движения на территориях за пределами Малой Польши. Между тем под руководством Польской коммунистической партии, особенно на Люблинщине, крестьянское движение достигло высокого развития, в частности в 1936 году. Недостатком работ по истории борьбы крестьянства в польской деревне является и то, что события в Польше не связываются с событиями в западноукраинской и западнобелорусской деревне, где фашистский террор был особенно жесток и революционное движение крестьян носило наиболее массовый характер.

В области научной разработки событий периода второй мировой войны польская историческая наука отстала как от исторической науки в других странах социалистического лагеря, так и от передовых историков Западной Европы.

Хотя в послевоенное время, до 1950 г. включительно, в Польше были опубликованы некоторые дневники современников и участников событий, сборники документов и ряд работ, однако все еще не освещена основная проблематика истории второй мировой войны. С научной точки зрения наиболее серьезными изданиями, посвященными этому периоду, являются «Documenta occupationis teutonicae», «Biuletyny Głownej komisji badania zbrodni hitlerowskich», ряд ценных статей, опубликованных в 1947 г. в журнале «Dzieje najnowsze».

Из монографических исследований следует упомянуть работы Ю. Дересевича,

---

[35] «Struktura społeczna wsi polskiej». Warszawa. 1937; «Польская деревня во время кризиса». М. 1935.

[36] Cz. Madajczyk. Burzuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918—1939.

[37] J. Michałowski. Wieś nie ma pracy. Warszawa. 1935; S. Broda. Zadłużenie drobnych gospodarstw rolnych na dzień 1 lipca 1938 r. Warszawa. 1939.

[38] W. Kowalski. Z dziejów fortun kułackich i form kułackiego wyzysku na wsi. Warszawa. 1954.

[39] Pamiętniki chłopów. Wybór. Warszawa. 1954.

[40] J. Gójski. Strajki i bunty chłopskie w Polsce. Warszawa. 1949; его же. Z rewolucyjnych walk chłopskich-powstanie chłopów małopolskich w r. 1933. Warszawa. 1951; его же. Fornale — z zycia i walk robotników rolnych. Warszawa. 1955.

[41] M. Grad. Z dziejów walk przeciw sanacyjnemu faszyzmowi. «Zielony Sztandar». 1952, № 20—21.

[42] M. Grad. Dzieje walki chłopskiej. Warszawa. 1955.

[43] Cz. Madajczyk. Walki chłopów polskich w latach trzydziestych. Warszawa. 1956.

[44] A. Bandos. Strajk chłopski w roku 1937. Warszawa. 1955.

К. Русинского, В. Ястжембовского, А. Тарга и С. Смолинского, а также Б. Марка и А. Эйзенбаха [45].

Почти не исследована история борьбы польского народа с гитлеровскими захватчиками. Многие издания, посвященные этой тематике, страдают методологическими ошибками.

Перед историками периода второй мировой войны стоит задача написать серьезные работы по истории сентябрьских событий 1939 г., обороны Варшавы, по истории прогрессивных эмигрантских организаций как в СССР, так и на Западе, деятельности Армии Людовой, Армии Крайовой и Батальонов Хлопских. Нужны работы по экономической истории периода оккупации, истории рабочего и крестьянского движения, формирования союза рабочего класса и крестьянства и национального фронта. Очень важно изучение вклада в общее дело победы над фашистскими захватчиками польских вооруженных формирований на всех фронтах второй мировой войны. Объем исследований в этой области определила недавно созванная в Институте истории Польской Академии наук Координационная комиссия. Монографические работы, а затем и общие исследования истории польской нации в 1939—1944 гг. могут быть созданы только на основе публикации документов и материалов по истории второй мировой войны.

Выводы из всего сказанного можно сформулировать так: достижения польских историков в области новейшей истории Польши пока еще невелики. Необходимо приложить все усилия для развития и ускорения исследований в этой области, неизменно повышая уровень исследовательских работ, опираясь на серьезный документальный материал.

Г. Альтман

[45] J. Deresewicz. Okupacja niemiecka na ziemiach polskich włączonych do Rzeszy. Poznań. 1950; W. Rusiński. Położenie robotników polskich w czasie wojny na terenie Rzeszy i «Obszarów wcielonych». Poznań. Cz. 1. 1949; cz. 2. 1955; W. Jastrzębowski. Gospodarka niemiecka w Polsce 1939—1944. Warszawa. 1946; K. M. Pospieszalski. Polska pod niemieckiem prawem. Poznań. 1946; A. Targ. Śląsk w okresie okupacji niemieckiej. Poznań. 1946. J. Kacperska. Germanizacja dzieci polskich w okresie okupacji. Warszawa. 1948; S. Smolinski. Przyczynek do zagadnienia wyzywienia miejskej ludności polskiej w b. Generalnym Gubernatorstwie na tle ówczesnych warunków pracy i płacy. Poznań. 1950; B. Mark. Ruch oporu w getcie białostockim. Samoobrona—zagłada powstanie. Warszawa. 1952; его же. Powstanie w getcie Warszawskim na tle ruchu oporu w Polsce. Geneza i przebieg. Wyd. 2. rozszerzone i uzupełniono. Warszawa. 1954, A. Eisenbach. O roli hitlerowskiego ministerstwa spraw zagranicznych w eksterminacji ludności zydowskiej. «Biuletyn ZIN». 1952, № 2(4).

ИСТОРИКИ ВЕНГРИИ К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К подготовке празднования сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции венгерские историки приступили еще в начале прошлого года. Планы подготовляемых исторических работ координировались комитетом, составленным из представителей Института венгерского рабочего движения, Института истории АН Венгрии и Института военной истории.

Все эти работы освещают на основе многих важных, до сих пор не опубликованных документов влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Венгрию, глубокие и тесные связи венгерского и советского народов, венгерского и русского рабочего движения.

К годовщине подготовляются две крупные монографии. Одна из них рассказывает о роли венгерских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и содержит важные письменные документы того времени, а также воспоминания борцов, участвовавших в революционном движении. Другая монография является плодом многолетнего исследования Тибора Хайду, сотрудника Института венгерского рабочего движения. Она озаглавлена «Советы в Венгрии, 1918—1919». Эта работа показывает, что развертывание венгерского советского движения с начала 1918 г.— результат влияния Великой Октябрьской социалистической революции. Монография подробно освещает роль Советов в международном движении в защи-

ту молодой Советской России, деятельность венгерских Советов в подготовке буржуазно-демократической революции 1918 г. и пролетарской революции в Венгрии в 1919 году. Вторая часть монографии излагает историю Советов во время первой венгерской диктатуры пролетариата.

Важное значение будет иметь сборник документов, в который войдут не опубликованные до сих пор материалы «Цензурного комитета» при военном министерстве Австро-Венгерской монархии. Это издание осветит многие новые стороны влияния Великой Октябрьской социалистической революции на австро-венгерскую армию и на венгерских трудящихся.

В связи с 40-летием Октября Академия наук Венгрии организует торжественную сессию. С основным докладом на сессии, об историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, выступит академик Эрик Молнар, директор Института истории АН Венгрии.

Институт венгерского рабочего движения, Институт истории АН Венгрии, Институт военной истории, Государственный архив и исторический факультет Университета имени Этвэш Лоранд проведут совместную торжественную научную сессию. Вступительный доклад «О влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в Венгрии» сделает Ласло Рети. Будут зачитаны содоклады: Ференца Мучи — о влиянии Февральской буржуазной демократической революции 1917 г. на Венгрию; Вилмоша Шандора — о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на разложение Австро-Венгерской монархии; Дьердь Миллей — о движении венгерских военнопленных в России; Ласло Шведа — о движении венгерских молодых рабочих, развернувшемся после того, как трудящиеся массы в Трансданубии узнали о Великой Октябрьской социалистической революции, и Золтана Бакшаи — «Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочие металлургического комбината Чепеля».

Все эти доклады и содоклады будут опубликованы отдельным изданием.

Венгерские историки-марксисты прилагают все усилия к тому, чтобы достойное празднование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции стало значительным научным вкладом в дальнейшее развитие братского содружества народно-демократической Венгрии и СССР.

Э. Молнар,
действительный член АН Венгрии.

Хроникальные заметки

В Болгарии издана книга «Ленин в воспоминаниях болгар».

В венгерских архивах имеются многочисленные документы по истории Польши. Часть материалов касается польско-венгерских отношений в 1918—1919 гг., в период Венгерской Советской Республики. Большая группа документов относится к периоду второй мировой войны. Основные материалы составляют рапорты и письма командиров венгерских воинских частей, находившихся в Польше, в частности в окрестностях Варшавы во время Варшавского восстания 1944 года. Ряд документов рассказывает о пребывании польских беженцев в Венгрии в период 1939—1944 годов. Эти материалы изучаются в настоящее время венгерскими учеными.

В томе VII (за 1957 г.) журнала «Oxford Slavonic Papers», посвященного вопросам русской истории, литературы и искусства, впервые опубликовано на русском языке по хранящимся в английских архивах оригиналам семь писем русского царя Михаила Романова и патриарха Филарета к английскому королю Якову I. Письма датируются 1613—1623 гг. и интересны как с точки зрения содержания, так языка и формы, характерной для тогдашних дипломатических документов. Напечатанные материалы извлечены из Public Record Office и Bodleian Library. Аналогичные документы уже публиковались в том же журнале в 1951 и 1953 годах.

Летом 1957 г. в Опаве (Чехословакия) состоялась организованная Силезским институтом научная конференция, посвященная проблемам истории Силезии. В работе конференции активное участие приняли польские ученые из Вроцлава. Материалы конференции будут опубликованы. Польские и чехословацкие историки совместно готовят к изданию сборник «Труды по истории Польши и Чехии».

В 1956 г. в Палермо (Сицилия) состоялся конгресс, посвященный междуна-

родной регламентации режима археологических раскопок. Конгресс, организованный ЮНЕСКО, собрал представителей более 20 наций. Попытка придать единообразие нормам, регламентирующим археологические раскопки, предпринята в первый раз. Итогом работ конгресса явилась выработка генеральной регламентации.

◆ В ФНРЮ в скором времени выйдет из печати второй том «Истории народов Югославии» (первый том вышел в свет в 1954 г.), в котором излагаются события, охватывающие период от XVI до XIX века. Готовится к печати третий том, доводящий изложение событий до 1918 года.

◆ В Китайской Народной Республике, в г. Хух-Хото, создан Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы автономного района Внутренней Монголии. Институт состоит из семи отделов. Отделы истории и литературы уже отправили научных работников на места собирать материалы по истории и литературе Внутренней Монголии. Институт решил с будущего года начать археологические раскопки во Внутренней Монголии.

◆ В 1958 г. в Нью-Йорке состоится международный конгресс нумизматики. В том же году в Германии намечено провести международный конгресс первобытной истории.

◆ Фонд Форда ассигновал Американской ассоциации историков 69 тыс. долларов для финансирования начавшейся работы по подготовке к печати и съемке микрофильмов с немецких документов. В частности, готовятся микрофильмы документов министерства иностранных дел Германии, направлявшихся в Англию с 1867 по 1919 г., и важнейших документов, хранящихся в военном департаменте США, которые содержат материалы о внутреннем положении и военных операциях фашистской Германии во второй мировой войне.

◆ На историческом факультете Варшавского университета в 1956 г. были защищены докторские диссертации Ст. Кеневичем на тему «Крестьянский вопрос в январском восстании» и М. Маловистом на тему «Исследования по истории ремесла периода кризиса феодализма в Западной Европе в XIV—XV вв.». Здесь же были защищены кандидатские диссертации: Т. Лепковским — на тему «Начальный период истории рабочего класса Варшавы», М. Богуцкой — на тему «Гданское текстильное ремесло с XVI до середины XVII в.», Е. Довятом — на тему «Борьба за единовластие в Западном Поморье в XII в.», В. Длугоборским — на тему «Начальный период формирования рабочего класса в Верхней Силезии». При Институте истории ПАН в 1956 г. защищена кандидатская диссертация К. Дуниным-Вонсовичем на тему «История стронництва людового в Галиции». В 1956 г. на историко-философском факультете Лодзинского университета защищена кандидатская диссертация К. Среневской на тему «Станислав Закжевский. Исследование в области польской историографии периода империализма».

◆ Голландско-индонезийское издательство «Джамбатан-лимитейд» выпускает в нынешнем году первый в своем роде «Исторический атлас мусульманских народов» (на английском языке); атлас, состоящий из 56 карт, посвящен главным образом истории исламских государств и династий.

內 容

論 文

在12路軍中十月革命前的革命活動（1916—1917年）……德·伊·格拉茨金
爲在巴什基里亞蘇維埃政權建立而斗爭……吉·阿·阿米涅夫（烏發）
近東和古代文化在古希臘与羅馬時代……阿·伊·秋麥涅夫院士（列宁格勒）
農奴制度廢除時期的在俄國革命党的問題……雅·伊·林科夫
在1919年國內与外國反革命勢力的反匈牙利人民斗爭……馬·費·列伯維奇（里沃夫）

情 報

摘自蘇聯社會主義建設初期的國家資本主義歷史……伏·吉·德洛比熱夫、帕·瓦·沃羅布也夫
法北農民在12到14世紀爲自治權及公社而斗爭……阿·沃·科諾科丁（伊万諾沃）

討論与商榷

關于十一月革命性質的討論……羅·蕾伯布蘭德（德意志民主共和國）
論1918—1919年德國十一月革命的一些問題……阿·什萊涅尔（德意志民主共和國）

歷史編纂學、批評、書報述評

作爲歷史材料所謂『米里尔(Miller) 日記』……阿·叶·庫宁娜
論『中學歷史教學法』雜誌……吉·尼·馬斯羅娃、格·阿·涅尔謝所夫·阿·米·薩哈羅夫

書 評

蘇聯歷史科學

偉大十月社會主義革命先决的歷史条件（帝國主義時代的俄國）

國外歷史科學

關于波蘭近代（1917—1944年）的研究情况問題……格·阿尔特曼（波蘭）
匈牙利歷史家在偉大十月社會主義革命40週年紀念前夕……叶·莫尔那尔（匈牙利科學院院士）

CONTENTS

Articles: **D. I. Grazkin.** Revolutionary Activity of the 12th Army on the Eve of the October Revolution (1916-17); **Z. A. Aminev** (Ufa). The Struggle for Soviet Power in Bashkiria; **Academician A. I. Tyumenev** (Leningrad). The Near East and Antiquity in the Hellenisic and Roman Epochs; **Y. I. Linkov.** The Problem of the Revolutionary Party in Russia in the Period of the Decline of Feudalism; **M. F. Lebovich.** (Lvov) The Struggle of the Domestic and Foreign Counter-Revolution Against the Hungarian People in 1919. Reports: **V. Z. Drobizhev and P. V. Volobuyev.** State Capitalism in the Initial Phase of Socialist Construction in the U.S.S.R.; **A. V. Konokotin** (Ivanovo). The Peasant Struggle for Self-Government and Commune in Northern France in the 12th-14th Centuries. Forum: **R. Leibbrand** (G.D.R.). Discussion on the Character of the November Revolution; **A. Schreiner** (G.D.R.). Certain Aspects of the 1918-19 November Revolution in Germany. Historiography. Criticism. Bibliography: **A. Y. Kunina.** The So-Called "Miller's Diary" as an Historical Source: **Z. N. Maslova, G. A. Nersesov and A. M. Sakharov.** The "History in School". Reviews. Historical Science in the U. S. S. R.: Historical Premises of the Great October Socialist Revolution (Russia in the Imperialist Era). Historical Science Abroad: **H. Altman** (Poland). The Study of Polish Contemporary History (1917-44); **E. Moinar, Member of the Hungarian Academy of Sciences.** Hungarian Historians and the 40th Anniversary of the Great October Socialist Revolution.

SOMMAIRE

Articles: **D. I. Grazkine**. L'activité révolutionnaire à XIIe armée avant la Révolution d'Octobre (1916-1917) ; **Z. A. Aminev** (Oufa). La lutte pour établir le Pouvoir soviétique en Bachkirie; **A. I. Tiouménov de l'Académie.** Le Proche Orient et l'antiquité à l'époque de l'hellénisme et à l'époque romaine ; **I. I. Linkov.** Le problème du parti révolutionnaire russe à l'époque de la chute du système esclavagiste ; **M. F. Lébovitch** (Lvov). La lutte de la contre-révolution interieure et étrangère contre le peuple hongrois en 1919. Communications: **V. Z. Drobijev et P. V. Volobouïev.** Sur l'histoire du capitalisme d'Etat pendant la période initiale de la construction du socialisme en U.R.S.S. ; **A. V. Konokotine** (Ivanovo). La lutte paysanne pour l'autonomie et la commune au Nord de la France aux XII-XIVe siècles. Discussions et délibérations: **R. Leibbrand** (RDA). A propos de la discussion sur le caractère de la révolution de Novembre ; **A. Schreiner** (RDA). Sur quelques problèmes de la révolution de Novembre (1918-1919) en Allemagne. Historiographie, critique, bibliographie: **A. E. Kounina.** Le soi-disant «Miller diary» en source historique ; **Z. N. Maslova, G. A. Nersessov, A. M. Sakharov.** A travers les pages de la révue «Prépodavanie istorii v chkole» («L'instruction de l'histoire à l'école»). Comptes-rendus. Science historique en U.R.S.S.: Les prémisses historiques de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre (la Russie à l'époque de l'impérialisme). Science historique à l'étranger: **G. Altmann** (Pologne). Sur les études de l'histoire contemporaine de la Pologne (1917-1944); **E. Molnar de l'Académie Hongroise.** Les historiens de la Hongrie à la veille du 40e anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre.

INHALT

Beiträge: **D. I. Graskin.** Die revolutionäre Tätigkeit in der 12. Armee am Vorabend der Oktoberrevolution (1916—1917); **Z. A. Aminew** (Ufa). Der Kampf für die Errichtung der Sowjetmacht in Baschkirien; **Mitglied der Akademie A. I. Tjumenew** (Leningrad). Vorderasien und die Antike in der hellenischen und römischen Epoche; **J. I. Linkow.** Das Problem der revolutionären Partei in Rußland zur Zeit des Sturzes der Leibeigenschaft; **M. F. Lebowitsch** (Lwow). Der Kampf der in- und ausländischen Konterrevolution gegen das ungarische Volk im Jahre 1919. Mitteilungen: **W. Z. Drobishew und P. W. Wolobujew.** Aus der Geschichte des Staatskapitalismus am Anfang des sozialistischen Aufbaus in der UdSSR; **A. W. Konokotin** (Iwanowo). Der Kampf der Bauern für die Selbstverwaltung und für die Kommune in Nordfrankreich (12.—14. Jahrhundert). Diskussionen und Erörterungen: **R. Leibbrand** (DDR). Zur Diskussion über den Charakter der Novemberrevolution; **A. Schreiner** (DDR). Zu einigen Fragen der Novemberrevolution 1918—1919 in Deutschland. Historiographie. Kritik. Bibliographie. **A. E. Kunina.** Das sogenannte „Tagebuch Millers" als historische Quelle; **Z. N. Maslowa, G. A. Nersessow, A. M. Sacharow.** Einiges über die Zeitschrift „Geschichtsunterricht in der Schule". Besprechungen. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: Die geschichtlichen Voraussetzungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution (Rußland zur Zeit des Imperialismus). Die Geschichtswissenschaft im Auslande: **H. Altmann** (Polen). Einiges über den Stand der Erforschung der neuesten Geschichte Polens (1917—1944); **Ordentliches Mitglied der Ungarischen Akademie der Wissenschaften E. Molnar.** Die Historiker Ungarns zum 40. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Стр. 7, 8 строка сверху, следует читать: «...21 воинская часть.»

Редакционная коллегия:

Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М ИВАНОВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, телеф. Д 3-55-08.

А 07520. Подписано к печати 23/IX 1957 г. Тираж 50 000 экз.

Изд. № 1155. Заказ № 2345. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

ВАН Я-НАНЬ. **Чжунго бань фэнцзянь бань чжиминьди цзинцзи синтай яньцзю** (Изучение экономического положения полуфеодально-полуколониального Китая). Бэйцзин. Жэньминь чубаньшэ. 1957. 7 + 16 + 389 стр.

ДЭН ЧЖИ-ЧАН. **Чжунхуа эрцяньнянь ши** (История Китая за две тысячи лет). Т. 5. Шанхай. Чжунхуа шуцзюй. 1956. 4 + 415 стр.

ЛИ Я-НУН. **Си Чжоу юй Дун Чжоу** (Западное и Восточное Чжоу). Шанхай. Жэньминь чубаньшэ. 1956. 200 стр:

ЦЗЯН ДИ. **Няньцзюнь ши чутань** (История восстания «факельщиков»). Бэйцзин. Саньлянь шудянь. 1956. 148 стр.

Чжун-жи чжаньчжэн (Китайско-японская война). Сборник материалов. Серия «Материалы по новой и новейшей истории Китая. Вып. 5. Т. 1—7. Шанхай. Синь чжиши чубаньшэ. 1956. 4149 стр.

ЧАН ВАН-ЗЬАУ. **Тьонг сам ланг (лить сы Вьетнам ту 1858 ден 1898)** Борьба против захватчиков (История Вьетнама с 1858 по 1898 г.). Ч. 2. Антифранцузская борьба на севере Вьетнама. Ханой: 1957: 285 стр.

Nálezy mincí v Čechách, na Moravě a ve Slezsku. Red. Nohejlová-Prátová. 3. díl. 1. č. České moravské a slezske nálezy neurčitelných mincí. Sost L. Nemeskal. Praha. NČSAV. 1957. 275 s. + 5 mp.

KUDRNA J. **Úvod do problematiky pramenů raného feudalismu v západni Evropě.** Praha. SPN. 1957. 222 s.

ŠINDELAŘ B **Ohlas mad'arské revoluce 1848—1849 na Moravě a ve Slezsku** (O sympatiích našeho lidu k mad'arske revoluci a ke Kossuthovi). Praha. NČSAV. 1957. 97 s.

STANISLAV J. **Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a L'udovíta Štura.** Bratislava. Vyd-vo SAV. 1956. 130 s. + 15 obr. pr.

Za novou a lepši Prahu. Dokumenty o činnosti komunistického klubu na pražské radnici 1923—1938. Zpracoval V. Hlavsa. Praha. Archivni Správa Ministerstva Unitra. 1957. 246 s. + 12 tabl.

MAJEWSKI J. **Gospodarstwo folwarczne we wsiach miasta Poznania w latach 1582—1644.** Poznań. 1957. PWN. VII + 383 s.

Inwentarze dóbr stołowych biskupstwa wrocławskiego z XVII w. Wydał L. Żytkowicz. Toruń-Warszawa. 1957. PWN. XXVIII + 334 str.

Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. T. I. Red. J. Leskiewiczowa. Wrocław. 1957. Ossolineum. 517 s. + 7 tabl.

Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa. T. I. Pod. red. J. Pazdura. Wrocław. Ossolineum. 1957. 530 + 4 tabl.

CONSTANTINESCU N. N. **Aspecte ale dezvoltării capitalismului premonopolist în România.** București, ESPL, 1957. 190 p.

PRIJATLJ J. **Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina 1848—1895.** 2 Kn. Ljubljana. 1956. 626 str + 17 tab. sa sl.

MIKUŽ M. **Pregled razvoja NOB u Slovenija.** I. Beograd. «Vojno delo». 1956. 392 str. + 1 prilog.

Зборник документата и података о Народно-ослободилачком рату југословенских народа. Том. I. Књига 13. Борбе у Србији 1944 год. Београд. Војноисториски институт Југословенске армије. 1956. 557 с.

WINTER E. **Der böhmische Vormärz in Briefen B. Bolzanos an F. Prihonský (1824—1848).** Beiträge zur deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin. Akademie-Verlag 1956. IX, 306 S.

Zur Geschichte der Arbeiterjugendbewegung in Deutschland. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1904—1946. Berlin. Verlag Neues Leben. 1956. 381 S.

CHLEPNER B. S. **Cent ans d'histoire sociale en Belgique.** Bruxelles. (Université libre de Bruxelles. Institut de sociologie Solvay). 1956. 435 p.

SAYERS R. S. **Financial policy 1939—45.** London. H. M. S. O. 1956. XV, 608 p. (History of the Second world war).

DAHL O. **Om årsaksproblemer i historisk forskining.** Forsök på vitenskapsteoretisk analyse. Oslo. 1956. 206 s.

DOMINGUEZ F. A. **The mission of New Mexico 1776.** Transl. and annot. Alburquerque. Univ. of Mexico press. 1956. XXI, 387 p.

GÖRANSSON S. **Den europeiska konfessions-politikens upplösning 1654—1660.** Religion och utrikespolitik under Karl X Gustav. Uppsala-Wiesbaden. Harraasowitz. 1956. 365 p. (Uppsala universitetsårsskrift 1956: 3).

MOSCATI S. **I predecessori d'Israele.** Studi sulle piu antiche genti semitiche in Siria e Palestina. Roma. Bardi. 1956. 140 p. (Univ. di Roma. Studi Orientali, vol. 4).

BERENGO M. **La società veneta alla fine des Settecento.** Ricerche storiche. Firenze. Sansoni. 1956. 360 p.

BARNET R. D. **A catalogue of the Nimrud ivories with other examples of Ancient Near Eastern ivories in the British museum.** London. 1957, 252 p. 132 pl. ill.

Нихон сякай ундо си нэмпё (Хронологические таблицы по истории общественного движения в Японии). Токио. 1956. 11 + 229 стр.

КАТАЯМА СЭН. **Нихон-но родо ундо** (Рабочее движение в Японии). Токио. Иванами. 1956. 426 стр.

ОКОТИ КАДЗУО. **Сенго нихон-но родо ундо** (Рабочее движение в послевоенной Японии). Токио. Иванами. 1956. 2 + 226 стр.

1/12

Цена 7 руб.

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР
(в десяти томах)

Госполитиздат приступил к изданию документов внешней политики Советского Союза, публикуемых Комиссией по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР.

В эту публикацию будут включены дипломатические документы начиная с 7 ноября 1917 года. В издание войдут как ранее публиковавшиеся, так и большое количество впервые публикуемых документов из Архива МИД (НКИД) СССР. В состав томов войдут: декларации Советского правительства по вопросам внешней политики, договорные акты, нотная переписка, сообщения МИД (НКИД) СССР, сообщения ТАСС (Роста), коммюнике, интервью государственных деятелей, переписка советских представителей за границей с МИД (НКИД) СССР и др.

Документы в томах будут расположены в хронологической последовательности. Каждый том будет снабжен справочным аппаратом.

Первый том документов внешней политики СССР будет издан Госполитиздатом к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Издание рассчитано на самые широкие круги читателей: партийных, советских и научных работников, преподавателей и студентов вузов, а также преподавателей средней школы, лекторов, пропагандистов, агитаторов, журналистов и др. Издание необходимо также библиотекам.

Стоимость одного тома — 15 рублей. При подписке вносится задаток в размере стоимости одного тома.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА.

ГЛАВКНИГОТОРГ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР